VISIT…

LANZAROTE

Caliente.COM

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЕРИЯ «НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Основана в 1959 году

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
И ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ
им. С.И. ВАВИЛОВА РАН ПО РАЗРАБОТКЕ
НАУЧНЫХ БИОГРАФИЙ ДЕЯТЕЛЕЙ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ:

академик *Н.П. Лаверов* (председатель),
академик *Б.Ф. Мясоедов* (зам. председателя),
докт. экон. наук *В.М. Орёл* (зам. председателя),
докт. ист. наук *З.К. Соколовская* (ученый секретарь),
канд. техн. наук *В.П. Борисов*, докт. физ.-мат. наук *В.П. Визгин*,
канд. техн. наук *В.Л. Гвоздецкий*, докт. физ.-мат. наук *С.С. Демидов*,
член-корреспондент РАН *А.А. Дынкин*, академик *Б.П. Захарченя*,
академик *Ю.А. Золотов*, докт. физ.-мат. наук *Г.М. Идлис*,
академик *Ю.А. Израэль*, докт. ист. наук *С.С. Илизаров*,
докт. филос. наук *Э.И. Колчинский*, академик *С.К. Коровин*,
канд. воен.-мор. наук *В.Н. Краснов*, докт. хим. наук *В.И. Кузнецов*,
докт. ист. наук *Б.В. Лёвшин*, член-корреспондент РАН *М.Я. Маров*,
докт. биол. наук *Э.Н. Мирзоян*, докт. техн. наук *А.В. Постников*,
академик *Ю.В. Прохоров*, член-корреспондент РАН *Л.П. Рысин*,
докт. хим. наук *Ю.И. Соловьёв*, докт. геол.-минерал. наук *Ю.Я. Соловьёв*,
академик *И.А. Шевелёв*

Н.Г. Сухова
Э. Таммиксаар

Александр Федорович МИДДЕНДОРФ

1815 – 1894

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
В.Г. СМИРНОВ

МОСКВА
НАУКА
2005

УДК 551.2/3(092)
ББК 26.36
С91

Рецензенты:
кандидат исторических наук *Е.Ю. Басаргина*
кандидат исторических наук *Д.Н. Копелев*

Сухова Н.Г., Таммиксаар Э.
Александр Федорович Миддендорф, 1815–1894 / Н.Г. Сухова, Э. Таммиксаар ; отв. ред. В.Г. Смирнов. – М. : Наука, 2005. – 329 с. – (Науч.-биограф. лит.). – ISBN 5-02-033261-5 (в пер.).

Книга о жизни и деятельности зоолога и путешественника, действительного члена Петербургской Академии наук А.Ф. Миддендорфа. Его сибирская экспедиция положила начало изучению Таймырского полуострова и Приамурского края. Миддендорф стоял у истоков науки о вечной мерзлоте.

Для широкого круга читателей, интересующихся историей науки XIX столетия.

По сети АК

ISBN 5-02-033261-5

© Сухова Н.Г., Таммиксаар Э. 2005
© Российская академия наук и издательство “Наука”, серия “Научно-биографическая литература” (разработка, оформление), 1959 (год основания), 2005

Предисловие

Академик Александр Федорович Миддендорф (Alexander Theodor von Middendorff) – зоолог и путешественник – внес заметный вклад в разные области российской науки. Итогом его экспедиции в Восточную Сибирь стал обширный труд, включавший важные сведения по зоологии, ботанике, географии и этнографии. Во время этой экспедиции впервые были описаны и положены на карту местности в пределах Таймырского полуострова и к югу от Станового хребта, началось исследование мерзлых почв Сибири.

Миддендорф положил начало изучению российской малакозоологии (науки о моллюсках), первым в общих чертах описал ветви течения Гольфстрим в Ледовитом океане к северу от Европейской России и создал весьма обстоятельное описание экономических особенностей Ферганской долины. Результаты его исследований высоко ценили как современники, так и ученые XX в. Авторы английского библиографического лексикона, изданного в 2003 г., назвали Миддендорфа в числе 100 самых знаменитых путешественников в истории человечества[1].

Миддендорф был не только ученым. Он широко использовал научные знания для практики и немало содействовал развитию сельского хозяйства (особенно молочного скотоводства и коневодства) как в Лифляндии, так и в Европейской России.

Имя Миддендорфа встречается во многих биографических и энциклопедических словарях, а также в огромном количестве самых разнообразных сочинений, созданных в XIX и XX вв. Первые очерки, в которых перечислены практически все основные события биографии Миддендорфа, были опубликованы еще при его жизни, вероятно, на основании сведений, полученных от самого Миддендорфа[2].

---

[1] Alexander Theodor von Middendorff // Das grosse National Geographic Lexikon. Die 100 bedeutendsten Entdecker. Hamburg, 2003. S. 185–187.

[2] Биографический словарь профессоров и преподавателей университета Св. Владимира в Киеве. Сост. и изд. В.С. Иконников. Киев, 1884. С. 423–427; Zum fünfzigjährigen Doctorjubiläum des Geheimraths Alexander Theodor von Middendorff // Rigasche Zeitung. 1887. № 121. 1. Juni 1887.

В 1894 г. (год смерти Миддендорфа) в отчетах Петербургской Академии наук и Русского географического общества появились некрологи, авторы которых кратко, но достаточно верно, излагали основные факты его биографии. Среди прочих некрологов наиболее содержательный принадлежал Р. Блазиусу – орнитологу (который был другом старшего сына Миддендорфа). По существу Блазиус написал особую статью, включавшую и воспоминания автора, часто бывавшего в доме Миддендорфа, и достаточно полную библиографию его трудов[3]. Л. Штида, который тоже был знаком с Миддендорфом, в очерке для энциклопедии "Allgemeine Deutsche Biographie" (1906. Bd. 52) лишь немного дополнил сведения о его биографии.

В 1956 г. немецкий автор Г. Альшнер опубликовал части четвертого тома монографии Миддендорфа "Путешествие на север и восток Сибири"[4]. Эта книга привлекла внимание эстонских ученых к творчеству Миддендорфа. Итогом их исследований стала конференция, посвященная 150-летию со дня рождения Миддендорфа, которая состоялась в Тарту в 1965 г. На основе докладов этой конференции, в работе которой приняли участие и русские ученые, была опубликована целая серия статей об отдельных сторонах жизни и творчества Миддендорфа. Еще до того, как состоялась юбилейная конференция, увидели свет весьма содержательные статьи о Миддендорфе П.Б. Юргенсона[5] и В.Б. Сочавы[6].

Библиография работ о Миддендорфе, опубликованная в 1993 г., включает более 500 названий на русском, немецком и эстонском языках[7]. Список этот можно расширить. В то же время среди перечисленных работ много таких, в которых имя Миддендорфа лишь упоминается. Еще больше статей, авторы которых повторяют (к тому же не всегда верно) сведения из биографиче-

---

[3] *Blasius R.* Alexander Theodor von Middendorff. Nachruf // Ornithologisches Jahrbuch. 1894. Bd. 5. № 6. S. 221–233.

[4] *Alschner G.* (hrsg.). Middendorff, A. Th. v. Auf Schlitten, Boot und Rentierrücken. Leipzig, 1956. 2. Auflage.

[5] *Юргенсон П.Б.* Значение академика А.Ф. Миддендорфа в русской зоогеографии // Бюллетень Московского общества испытателей природы. 1961. Т. 66. Вып. 1. С 138–149.

[6] *Сочава В.Б.* Страницы из прошлого русской географии // Сибирский географический сборник. 1963. Вып. 2. С. 215–235.

[7] *Päid Kalev.* Akadeemik Alexander Theodor von Middendorff meile ja meie temast. (Gesamtbibliographie über Akademiker Al. Th. von Middendorff). Kaseküla-Elva, 1993. Несмотря на то что в этой библиографии тщательно собрана литература о жизни, деятельности и трудах Миддендорфа (подобной библиографии до сих пор не было), в ней, к сожалению, имеется огромное количество ошибок. Авторы смогли исправить лишь часть обнаруженных неточностей.

ских справочников. Только немногие исследователи углублялись в биографию Миддендорфа, но до сих пор никто систематически не изучал его фонд, хранящийся в Эстонском историческом архиве в Тарту.

Первую небольшую книгу о Миддендорфе – "Неведомыми тропами Сибири" (М., 1964) – написал зоолог П.Б. Юргенсон. Эта книга включает не только сведения о путешествии Миддендорфа, но и относительно подробную его биографию. Юргенсон, вероятно, в какой-то степени был знаком с материалами, хранящимися в архиве Тарту. Но так как книга опубликована в популярной серии, в ней отсутствуют ссылки, поэтому трудно судить об источниках, которыми пользовался автор.

Н.И. Леонов – автор наиболее полной к настоящему времени книги о Миддендорфе – использовал все лучшие статьи о нем, а также материалы из архивов Петербурга и Узбекистана. Книга интересна, хорошо написана и содержит некоторые до тех пор неизвестные данные. Но Леонов не был знаком с архивом Миддендорфа в Тарту и многими материалами, сохранившимися в архивах Петербурга. К тому же автор не всегда критически относился к существующим источникам и поэтому не все его суждения верны. А поскольку книга "Александр Федорович Миддендорф" (М., 1967) в течение нескольких десятилетий служила основным источником сведений об этом ученом, неверные суждения Леонова повторяются в работах других авторов.

Еще при жизни Миддендорфа о нем писали как в научных, так и в популярных изданиях. Современники называли его знаменитым и маститым ученым, а труд Миддендорфа о Сибирской экспедиции – замечательным и даже классическим. В советское время авторы работ по истории ботаники, зоологии, этнографии, географии в самых общих чертах упоминали о вкладе Миддендорфа в эти науки. Однако обычно его взгляды глубоко не анализировались и вопросы о том, почему труд Миддендорфа о Сибирской экспедиции можно считать классическим или каково влияние взглядов Миддендорфа на ученых XIX столетия, не ставились.

Экспедиция Миддендорфа в Восточную Сибирь для первой половины XIX в. была не менее значительным событием, чем для второй половины – экспедиции Н.М. Пржевальского в Центральную Азию. Однако имя Пржевальского знает любой школьник, а имя Миддендорфа не слышали и многие выпускники географических и биологических факультетов. Оно известно главным образом тем, кто занимается историей изучения Восточной Сибири или полярных стран, но и эти ученые недостаточно хорошо знакомы с результатами его исследований.

Такая ситуация и позволила авторам вновь обратиться к литературе и архивным материалам о Миддендорфе, чтобы написать о нем еще одну книгу. Несмотря на изобилие данных, задача оказалась весьма сложной. Миддендорф почти одновременно занимался большим количеством разнообразных дел и был связан (по службе или родственными узами) с огромным числом как известных, так и забытых теперь людей. Сам Миддендорф мемуаров не оставил. Лишь немногие воспоминания о нем сохранилось в сочинениях его коллег и знакомых. Обширная переписка Миддендорфа тоже не позволяет ответить на все возникающие вопросы.

Авторы благодарны Аннелизель и Андреасу Миддендорфам, братьям Вольфу, Класу и Одерту Лакшевицам (правнукам Александра Федоровича), а также Аннемарие Лакшевиц (жене внука А.Ф. Миддендорфа – Теодора Лакшевица), которые любезно разрешили использовать сохранившиеся у них письма и документы.

Авторы благодарят Е.Ю. Басаргину, В.Г. Смирнова, А.К. Сытина и А.В. Куприянова за обсуждение рукописи и критические замечания; В.И. Гохнаделя и А.В. Смирнова, собравших сведения о животных, названных в честь Миддендорфа; Х. Шиллинг, Э. Преем, Э. Эрница и У. Саарма, обративших внимание авторов на неизвестные литературные и архивные источники, М. Роос, А. Мелех, И. Вольта, помогавших переводить тексты с английского, французского и латинского языков. Наша особая благодарность А.А. Федотовой за редактирование, полезные советы и активную помощь при подготовке рукописи к печати.

За финансовую помощь, которая помогла собирать материалы о Миддендорфе в разных странах, Э. Таммиксаар благодарен Эстонскому научному фонду (грант № 4997), Министерству образования Эстонии (научная тема № 0362484s03), фонду Бэра (Германия), Институту немецкой культуры (Тарту), Эстонскому полярному фонду (Таллинн), Brian Roberts Fund и Wellcome Trust (Великобритания).

Юность

Первые годы

Александр Федорович Миддендорф родился 6 августа 1815 г. в Петербурге[1]. Его отец Теодор Иоганн (Федор Иванович) Миддендорф (немец по происхождению) был родом из Лифляндии[2]. Предки Федора Ивановича, поселившиеся в Риге еще в начале XVI в., были купцами, а дед и отец – пасторами[3].

Федор Иванович родился в 1776 г. в деревне Карузен (Карузе), учился в гимназии в Ревеле (Domschule zu Reval), затем – в Иенском университете (1795–1798 гг.), где слушал лекции по богословию, философии, литературе, истории. После окончания университета Федор Иванович служил домашним учителем. В 1803 г. он приехал в Петербург, а через год был принят преподавателем немецкого языка в губернскую гимназию (тогда единственную гимназию в Санкт-Петербурге)[4].

В 1812 г., когда из-за приближения наполеоновских войск, гимназию решено было эвакуировать в Петрозаводск, гимназистов отправили туда под присмотром Федора Ивановича. Сначала на четырех яхтах плыли по Неве и Ладожскому озеру до устья р. Волхов (вместе со студентами Педагогического институт и директором этого института Е.А. Энгельгардтом). От устья Волхова на подводах отправились в селение Усланка, где и жили до середины января 1813 г., после чего вернулись в Петербург[5].

Можно предположить, что именно во время эвакуации Е.А. Энгельгардт пригласил Федора Ивановича преподавать немецкий язык и латинскую словесность в Педагогическом институте. В этом институте он служил с 1813 г.

---

[1] Все даты в тексте книги приводятся по старому стилю.

[2] В XIX столетии Лифляндская губерния включала и южную часть современной Эстонии. Поэтому города Пернов и Дерпт относились к Лифляндии. Административным центром Лифляндской губернии была Рига, а Эстляндской – Ревель.

[3] *Lackschéwitz Th.* Alexander Theodor von Middendorff. Herkunft und Vorfahren. Deutsches Familienarchiv. Neustadt an der Aisch, 1970. Bd. 43. S. 119.

[4] Ф.И. Миддендорф. Некролог // Современник. 1846. Т. 43. С. 320–322.

[5] Историческая записка 75-летия Санкт-Петербургской второй гимназии. СПб., 1880. Ч. 1. С. 98–100.

В 1816 г. после того как было принято решение создать Главный педагогический институт, нескольких студентов отправили в Европу для изучения новых методов преподавания. Попечитель Санкт-Петербургского учебного округа С.С. Уваров назначил Федора Ивановича инспектором института, а будущим преподавателям "предписывалось быть в постоянных сношениях с профессором Миддендорфом"[6]. В 1819 г. (после утверждения устава Санкт-Петербургского университета) Главный педагогический институт было решено упразднить, а его второй разряд сохранить под названием Учительского института. Но уже в 1822 г. появилось распоряжение о преобразовании Учительского института в гимназию. Ее назвали Санкт-Петербургской гимназией, а инспектором назначили Федора Ивановича, который и стал ее "непосредственным и единственным начальником". Гимназия была открыта 26 января 1823 г. На долю Федора Ивановича выпали все сложности организационного периода (ремонт и обустройство нового помещения, приглашение учителей, прием учеников). К тому же в 1824 г. питомцев гимназии пришлось спасать от наводнения[7].

Бывшие ученики и губернской, и Санкт-Петербургской гимназий[8] вспоминали о строгости, доброте и заботливости Федора Ивановича. Но уже в 1827 г. он оставил Санкт-Петербургскую гимназию, а в 1829 г. возглавил вновь созданный Главный педагогический институт и был его директором до 1846 г.[9].

---

[6] *Аничков Н.* Историческая записка пятидесятилетия третьей Петербургской гимназии. СПб., 1873. С. 9.

[7] В донесении о наводнении 7 ноября 1824 г. о событиях этого дня в гимназии сообщалось: "В четверть 12-го прекращены были уроки и вольноприходящие и полупансионеры были распущены, чтобы дать им время возвратиться домой. Между тем вода поднималась все выше и выше, так что в начале 1-го часа детям невозможно было оставаться в столовой и окончить обед. К исходу 1-го часа вода потопила весь первый этаж, распространяясь так стремительно, что большая часть живущих подвергалась очевидной опасности, так как приливающие волны не допускали открыть двери, и надо было разбить окна, чтобы вытащить жителей, спасавшихся на печках. Из живших [там] никто не погиб" (Там же. С. 193).

[8] В 1831–1832 гг. гимназии Санкт-Петербурга получили номера. Благородный пансион при университете стал первой гимназией, Санкт-Петербургская губернская гимназия – второй, а Санкт-Петербургская – третьей.

[9] Хотя имеется множество работ, посвященных истории этого института, стоит здесь еще раз напомнить основные вехи его предыстории. Педагогический институт был создан в 1804 г. на основе Учительской гимназии. В декабре 1816 г. под названием Главного педагогического института он стал рассматриваться как временное отделение будущего университета. В 1819 г. (после создания Санкт-Петербургского университета) Главный педагогический институт прекратил свое существование. В 1829 г. Главный педагогический институт был создан вновь.

Ф.И. Миддендорф – отец А.Ф. Миддендорфа

Современники с большим уважением отзывались о деятельности Федора Ивановича Миддендорфа на этом посту. “Во время управления Институтом он был душою всей его деятельности; все приращения к оному произошли не без его желания и участия и возбуждали в нем самое живейшее сочувствие. Воспитанники его времени, обязанные своим наставникам приобретенными теоретическими познаниями в науках и развитием своих способностей, одолжены преимущественно ему своим практическим умением передавать ученикам в классах познания в меру возраста и постижением способов развивать умственные способности детей. Польза его деятельности оправдывается полезною и похвальною службою его питомцев”[10].

---

[10] Акт двадцатипятилетнего юбилея Главного педагогического института. СПб., 1853. С. 26.

Студенты Главного педагогического института по инициативе Федора Ивановича должны были не только усваивать разные науки, но и научиться их преподавать, поэтому старшие воспитанники вели занятия в младшем отделении. Педагогическая практика была новинкой в процессе подготовки учителей, которую тогда еще не все одобряли. Сам Федор Иванович на подготовительном курсе Института преподавал латинскую словесность, а на первом курсе – немецкую[11].

В начале 40-х гг. при Институте было создано особое отделение, готовившее учителей русского языка для уездных училищ Дерптского учебного округа. В Петербург стали на два года присылать воспитанников учительской семинарии Дерпта "для усовершенствования в теоретическом и практическом знании русского языка и ознакомления с лучшими методами преподавания". Воспитанники слушали лекции по русской словесности и истории, писали сочинения, делали переводы, преподавали в младшем отделении. Руководил их занятиями директор.

В 1842 г. Федор Иванович открыл при подготовительном отделении Института класс полупансионеров (сначала на 10, а затем на 20 учеников), которые не вносили денег за обучение[12]. При нем в Институте была впервые организована кафедра педагогики.

О педагогических взглядах Федора Ивановича можно судить, познакомившись с опубликованной им "Повестью для образования сердца и разума" (СПб., 1821). Эта небольшая книжка включала нравоучительные истории, которые внушали юному читателю, что человек должен быть добродетельным, дружелюбным, честным и трудолюбивым. Автор осуждал заносчивость, злую насмешливость, лень, своенравие и другие непривлекательные черты личности.

Вскоре после приезда в Петербург Федор Иванович в доме своего знакомого познакомился с приемной дочерью брата хозяина Софьей, и они полюбили друг друга[13]. Но так как Софья бы-

---

[11] Там же. С. 41. "По немецкой словесности: профессор Ф.И. Миддендорф занимал студентов сначала переводами с русского на немецкий, объяснял Шиллеровы трагедии, и, наконец, излагал по собственным запискам обозрение немецкой литературы, особенно в конце XVIII века".

[12] Там же. С. 24–25.

[13] По семейным преданиям, Софья была незаконным ребенком помещика А.-Г. Клугена (владельца имения Лодензе в Эстляндской губернии). В Петербурге Софья жила у брата Клугена (Lackschéwitz Th. Alexander Theodor von Middendorff. Ergänzungen und Berichtigungen // Deutsches Familienarchiv. Neustadt an der Aisch, 1978. Bd. 70. S. 66). Официально она считалась дочерью крестьянина Иоганна, который служил поваром в имени Лодензе. У крепостных крестьян фамилии не было. В Петербурге ее стали называть по русской традиции Софья Ивановна. (*Tiik L.* Kes oli akadeemik A.T. Middendorffi ema // Edasi, 13. jaanuar 1971.)

ла родом из крепостных крестьян, а Федор Иванович дворянином, проблема брака чрезвычайно осложнялась: сословные предрассудки могли повредить служебной карьере Федора Ивановича. Поэтому в 1809 г., когда у них родилась дочь (Анна – Аннетте), ее отдали на воспитание в чужую семью в Ревеле.

6 августа 1815 г. Софья родила сына. Невенчанные супруги оказались в очень трудном положении. Отец хотел, чтобы мальчик был крещен, но его крестили не в немецкой лютеранской церкви, где Федора Ивановича все знали, а в эстонской. Обряд крещения состоялся лишь 4 января 1816 г., о чем свидетельствует выписка из церковной книги эстонского прихода[14]. В этой книге сказано, что мальчика назвали Александром, его отец – "господин Теодор фон Миддендорф", а мать – "его супруга Софья Миддендорф, рожденная Иогансон"[15]. Таким образом, Федор Иванович назвал Софью женой, хотя, согласно единственному источнику, упомянувшему об этом, Федор Иванович и Софья смогли пожениться только 17 сентября 1824 г.[16]

Обстоятельства, позволившие именно в этом году свершиться долгожданному событию, нам не известны. Зато известно, что супруги прожили вместе долгую и необыкновенно счастливую жизнь[17]. Федор Иванович очень любил жену и ценил те жертвы, которые ей пришлось принести ради карьеры мужа (она должна была многие годы жить в качестве незаконной жены). В своем завещании Федор Иванович писал: "Благодаря особой скромности и трудолюбию моей горячо любимой супруги, Софьи фон Миддендорф, рожденной Иогансон, имею я большую часть моего имущества"[18]. Более того – на одном официальном документе Федор Иванович называет себя "тайный советник Теодор Иоганн Иогансон фон Миддендорф", чтобы показать свою тесную связь с женой[19].

Все члены семьи знали, что Софья родом из крепостных крестьян, но об этом в доме никогда не упоминали. К матери и ба-

---

[14] Эта нотариально засвидетельствованная выписка из церковной книги (Sassenfeld, Kreis Dietfurt, 8. Juni 1942) находится в архиве Б. Миддендорф (PABvM).

[15] Как уже упоминалось, крепостные фамилий не имели. Когда понадобилось назвать фамилию матери Александра, Софью назвали Иогансон.

[16] Genealogisches Handbuch der Baltischen Ritterschaften. Teil: Liefland. Görlitz, [1931]. Bd. 2. Lieferung 12. S. 908.

[17] *Lackschéwitz H.* (geb. v. Middendorff). Theodor Johann von Middendorff. Nach Erinnerungen aufgeschrieben von seiner Grosstochter in Odenpäh/Livland, Oktober 1921. S. 10 // PAOL.

[18] *Lackschéwitz Th.* Alexander Theodor von Middendorff. Herkunft... S. 121.

[19] ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 2. Л. 4.

бушке относились с уважением, хотя по своим привычкам она несколько отличалась от окружающих. Например, с членами семьи говорила только по-русски и никогда не выходила к гостям сына. По воспоминаниям одной из дочерей Александра Федоровича, бабушка была маленького роста и в старости очень толстой, отличалась простотой, откровенностью и большой практичностью. Последние годы своей жизни Софья Ивановна провела в имении сына Гелленорм. Она любила читать библию, кормить кур, играть в карты и вязать[20], к сыну обращалась только по имени и отчеству и говорила ему "Вы"[21].

Первые девять лет своей жизни маленький Александр жил с матерью то в имении отца в Пэрафере[22], то в Ревеле. В Ревеле у домашних учителей он получил и начальное образование[23]. Не сохранились сведения об отношениях Александра с матерью, хотя, вероятно, именно от нее он унаследовал необыкновенную практичность. Зато известно, что сын очень любил отца (хотя тот часто бывал весьма строг) и считал его отличным педагогом[24]. Даже став взрослым, Александр Федорович в письмах обращался к отцу только на "Вы", начиная их словами "Высокоуважаемый, щедрый отец"[25]. Вероятно, Федор Иванович немало содействовал воспитанию многих положительных качеств сына. Унаследовал сын и его педагогические наклонности. Доброта, веселость, приветливость, трудолюбие, стремление прийти на помощь и многие другие черты характера Александра Федоровича притягивали к нему самых разных людей.

Когда сыну минуло десять лет, Федор Иванович подарил ему ружье. Благодаря этому мальчик рано научился стрелять и полюбил путешествовать по лесам и болотам Лифляндии. По словам самого Миддендорфа, "необыкновенное сочувствие к далеким странствиям" возникло у него под влиянием изречений древних писателей, с которыми он познакомился в "начальных латинских классах"[26]. Возможно, сентенции древних и укрепили любовь

---

20 *Lackschéwitz H.* Theodor Johann von Middendorff... S. 9–10 // PAOL.

21 *Lackschéwitz Th.* Alexander Theodor von Middendorff. Herkunft... S. 121.

22 Имение Пэрафер отец приобрел в залог в 1817 г., а в 1820 г. – купил. Можно допустить, что это имение было куплено специально для того, чтобы Софья могла спокойно жить с детьми вдалеке от чужих глаз, а Федор Иванович без лишних проблем мог делать карьеру. После свадьбы родителей (1824) Александр был привезен в Петербург как законный сын Федор Ивановича.

23 ЕАА. Ф. 402. Оп. 2. № 16807. Л. 10.

24 *Миддендорф А.Ф.* Путешествие на север и восток Сибири. СПб., 1860. Ч. 1. Отд. 1. С. 12.

25 *Lackschéwitz H.* Theodor Johann von Middendorff... S. 10 // PAOL.

26 *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... С. 12–13.

С.И. Миддендорф – мать А.Ф. Миддендорфа

Миддендорфа к путешествиям. Но возникло такое влечение прежде всего благодаря природе его родного края. Во время охотничьих прогулок Миддендорф хорошо закалился, так как в Лифляндии, по его словам, бывали "сибирские скачки температуры" (от +35° днем, до нуля и ниже – после полуночи).

Согласно биографическим очеркам, Александр учился в 3-й Санкт-Петербургской гимназии. Его имя действительно имеется в списке приходящих и своекоштных ее пансионеров, но не упомянуто в списке учеников, гимназию окончивших[27]. Но следует отметить, что Миддендорф учился там, когда гимназия номера

---

[27] *Аничков Н.М.* Историческая записка... Гимназия, созданная в 1823 г. на основе Учительского института, помещалась на Гагаринской улице в здании бывшего Пантелеймоновского училища, поэтому иногда называлась Пантелеймоновской. Третьей гимназией она стала в 1832 г.

еще не имела – с 1824 по 1828 г. Из воспоминаний его друга детства К.М. Лингена, можно узнать, что в 1828 г. Миддендорф недолго учился в частной школе, основанной его отцом (после того как тот перестал служить в Санкт-Петербургской гимназии). Линген, который именно в этой школе познакомился с Миддендорфом, позже вспоминал: "Александр М. всех нас значительно превосходил способностями и знаниями, что особенно ясно проявлялось во время уроков; он имел открытый, весьма доброжелательный характер..."[28].

Затем Миддендорф некоторое время учился на подготовительном отделении Главного педагогического института. Кроме того, в 1828–1831 гг. Миддендорф служил канцеляристом в департаменте мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов. Вероятно, отец считал, что сын уже в юности должен уметь зарабатывать деньги.

Университет в Дерпте

Можно предположить, что Федор Иванович хотел видеть сына учителем, но Александр учителем быть не хотел. Он решил стать врачом и в январе 1832 г. поступил на медицинский факультет Дерптского университета. По составу профессоров и уровню преподавания университет в Дерпте в первой половине XIX в. был лучшим в России. Именно поэтому в конце 20-х гг. в этом университете начал работать так называемый "Профессорский институт", который должен был готовить преподавателей для всех университетов России. По мнению Н.И. Пирогова (который был выпускником "Профессорского инситута" и закончил университет как раз тогда, когда там учился А.Ф. Миддендорф), "Дерптский университет в это время ... достиг небывалой научной высоты ..."[29].

Миддендорф слушал лекции известных в то время профессоров: по терапии (Г. Замена), зоологии и физиологии (М.-Г. Ратке), химии (Ф.И. Ге́беля), анатомии (А.-Ф. Гука), а также лекции

---

[28] ПФА РАН. Ф. 33. Оп. 1. № 33. Л. 3 об.

[29] *Пирогов Н.И.* Из дневника старого врача // Севастопольские письма и воспоминания. М., 1950. С. 306. Согласно Пирогову, и мундир студентов Дерптского университета "был не то, что паскудный мундир того времени в других университетах; у дерптского студента воротник на мундире горел золотом – это был воротник черный бархатный (на синем мундире) с вышитыми золотом дубовыми ветвями, занимавшими большую половину воротника" (Там же. С. 323).

по хирургии тогда еще только начинавшего свою деятельность в области медицины Н.И. Пирогова. Его внимание привлекали также лекции по ботанике (К.-Ф. Ледебура), минералогии (М.Ф. Энгельгардта и Э.К. Гофмана), физике (И.-Ф. Паррота)[30].

По воспоминаниям К.М. Лингена (который одновременно с Миддендорфом учился и в Дерптском университете), Миддендорф не стал членом никаких студенческих корпораций, как тогда было принято, и не принимал участия и в буйных студенческих кутежах. Он жил в кругу немногих друзей, которые все были "честными и благородными людьми и к тому же страстными охотниками"[31]. Дом, в котором Миддендорф жил со своим другом Н. Вилькеном, друзья называли охотничьим домиком.

Друзьями Миддендорфа стали В. Бётлингк, А.И. Шренк и Ю.И. Штубендорф, которые, как и он, весьма интересовались разными естественными науками, но прежде всего геологией и палеонтологией. Молодые люди нередко бывали в гостях у профессоров университета, но особенно часто – у профессора анатомии А.-Ф. Гука (который немало сделал для развития палеонтологии в Эстонии).

"Экзаменационные протоколы свидетельствуют о том, что Миддендорф был незаурядным студентом и получал в основном отличные оценки, в особенности по естественнонаучным дисциплинам", – писал В. Калнин, тщательно изучивший студенческий период жизни Миддендорфа[32]. По его же мнению, работы, написанные Миддендорфом в связи с подготовкой к экзаменам перед защитой докторской диссертации, были достаточно профессиональны с точки зрения медицины XIX столетия, так как он использовал новые методы исследования больных[33].

Докторская диссертация Миддендорфа "О полипах в бронхах", написанная на латинском языке[34], – первое в Дерптском университете исследование, в котором диагностика и клиническая патология органов дыхания рассматривалась на основе новых методов. Вместе с тем эта работа стала первым опубликованным сочинением Миддендорфа. В качестве эпиграфа к диссертации он взял слова из описания путешествия натуралиста А. Шамиссо: "Тому, кто хочет видеть свет, чуждый цивилизации,

---

[30] ЕАА. Ф. 402. Оп. 2. № 16807. Л. 5, 7–7 об.

[31] ПФА РАН. Ф. 33. Оп. 1. № 33. Л. 15.

[32] *Калнин В.* Годы учения А.Ф. Миддендорфа в Тартуском университете // Известия АН Эстонской ССР. 1966. Т. 15. Сер. биологич. № 2. С. 242.

[33] Там же. С 243.

[34] *Middendorff A.Th.* v. *Quaedam de bronchorum polypis, morbi casu observato illustrata.* Dorpat, 1837.

я советовал бы запастись докторскою шляпою как самым покойным колпаком для путешествия", чем очень удивил университетских профессоров[35]. Сам Миддендорф впоследствии имел возможность убедиться в верности своего способа подготовки к странствиям.

2 июня 1837 г. Миддендорф получил диплом доктора[36], а затем, как тогда было принято, отправился в Европу для расширения своего образования. Он слушал лекции в университетах Праги, Берлина, Вены и Кёнигсберга и побывал в других европейских городах. В Бреслау он учился у физиолога и анатома Я.-Э. Пуркине, в Галле посетил знаменитую анатомическую коллекцию И.-Ф.-К. Мекеля, в Эрлангене встречался с зоологом Р. Вагнером, в Праге – с директором Зоологического музея И. Гюртлем (с которым затем обменивался зоологическими коллекциями и трудами). В Берлине Миддендорф познакомился с самым известным физиологом того времени И. Мюллером и его юными сотрудниками (создателями теории клетки) Т. Шванном и М.-Я. Шлейденом, а также с анатомом К. Рейхертом (ставшим впоследствии профессором анатомии Дерптского университета). В Нейштадт-Эбэрсвальде (небольшом городке вблизи Берлина) Миддендорф некоторое время жил у профессора Лесной академии Ю. Ратцебурга. Отношения с некоторыми из упомянутых ученых не прекратились и после его возвращения в Россию[37].

Вернувшись в 1839 г. из Европы в Петербург, Миддендорф оказался на перепутье[38]. Сначала никаких определенных планов у него не было. Он мечтал о путешествиях, но необходимо было найти и какое-нибудь постоянное место работы. Профессор анатомии Дерптского университета А.-Ф. Гук (с которым он сблизился во время своей учебы) по просьбе Миддендорфа отправил в Харьковский университет копии его экзаменационных листов, сопроводив их рекомендацией декана медицинского факультета.

---

[35] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... С. 13.

[36] ЕАА. Ф. 402. Оп. 2. № 16807. Л. 79, 80.

[37] В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки сохранились письма к Миддендорфу: Пуркине (Ф. 965. Оп. 1. № 2163); Вагнера (Ф. 965. Оп. 1, № 2843) и Гюртлья (Ф. 965. Оп. 1. № 1317 и № 1938). Письма Ратцебурга хранятся в архиве Миддендорфа в Тарту (ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 8). О знакомстве с Мюллером, Шванном и Шлейденом Миддендорф вспоминал в письме к сыну Максу (Pörrafer, 17. Februar 1882 // PAWL).

[38] Точная дата возвращения Миддендорфа в Петербург неизвестна. Но в апреле 1839 г. (в докладе Академии наук о плане экспедиции в Лапландию) академик К.М. Бэр упомянул о том, что Миддендорф, желавший принять участие в этой экспедиции, тяжело заболел (ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1839. № 15. Л. 24 об.). Следовательно, в апреле Миддендорф был уже в Петербурге.

Однако вскоре Гук получил от Миддендорфа письмо, из которого следовало, что Харьков ему не подходит[39].

Еще в Европе Миддендорф узнал о намерении академика К.М. Бэра организовать экспедицию в Лапландию. Решив принять участие в этой экспедиции, Миддендорф в письме к Бэру просил взять его собой[40]. К сожалению, мы не знаем, когда и каким образом Миддендорф познакомился с Бэром. Однако сохранилось письмо Бэра к вице-президенту Петербургской академии наук М.А. Дондукову-Корсакову от 2 мая 1839 г., в котором он сообщал: "... я уже прежде пытался найти молодого естествоиспытателя, который мог бы сопровождать меня в этом путешествии [в Лапландию]. Господин доктор Миддендорф, который в это время находился еще в чужих краях, но намеревался возвращаться, вызвался принять в этом участие. Но по возвращении сюда он внезапно занемог и потому не может меня сопровождать"[41].

Знакомство с Бэром имело огромное значение для дальнейшей деятельности Миддендорфа. Бэр постоянно находил молодых талантливых ученых и помогал им реализовать свои творческие возможности. Ему, вероятно, нравилось активное стремление Миддендорфа побывать в неизведанных краях. Но в Академии наук вопрос об экспедиции в Лапландию летом 1839 г. решен еще не был. Поэтому в одном из писем Бэр сообщил Миддендорфу об очередной Пекинской миссии (о возможности отправиться в путешествие в Китай), а также поинтересовался, не хочет ли Миддендорф стать профессором Киевского университета[42].

Летом 1839 г. министр народного просвещения С.С. Уваров обратился к Бэру с просьбой рекомендовать кого-нибудь на кафедру зоологии в недавно созданный университет Св. Владимира в Киеве. Бэр предложил две кандидатуры: приват-доцента Дерптского университета палеонтолога Г.-М. Асмуса и А.Ф. Миддендорфа – "... сына действительного тайного советника Миддендорфа, директора Главного педагогического института". Бэр писал также, что слышал о последнем как "об очень добросовестном студенте по зоологии и зоотомии, полном рвения к этой науке. Но так как он молод, талант его как преподавателя

---

[39] Письмо А.-Ф. Гука к Миддендорфу (РНБ. Ф. 124. Оп. 2. № 70. Л. 1–1 об.).
[40] РНБ. Ф. 965. Оп. 1. № 2163. Л. 1; ПФА РАН. Ф. 129. Оп. 1. № 424. Л. 4–4 об.
[41] *Конго Л.Я.* О взаимоотношениях академиков К. Бэра и А. Миддендорфа // *Folia Baeriana*. 1978. Т. 3. С. 219.
[42] K. v. Baer an A. v. Middendorff, 5. September 1839 // HSM. Bd. 702. № 320.

еще не мог проявиться"[43]. Бэр рекомендовал Уварову Миддендорфа еще до того, как узнал, что тот согласен стать преподавателем университета. Получив согласие, Бэр сообщил об этом Уварову и по его предложению Миддендорф подал прошение о зачислении в университет Св. Владимира.

Университет Св. Владимира

28 сентября 1839 г. Миддендорф получил место адъюнкта в Киевском университете. Новый преподаватель должен был читать лекции по зоологии студентам медицинского и философского факультетов, а на медицинском факультете, кроме того еще и этнографию, а также собирать материалы для будущего зоологического кабинета. Миддендорф охотился вблизи Киева, ездил в Харьков, чтобы получить там "зоологические предметы", просил директора Зоологического музея Петербургской академии наук Ф.Ф. Брандта присылать необходимые для его кабинета экземпляры животных (и сам отправлял из Киева Брандту нужные ему виды животных из окрестностей Киева). В 1841 г. Миддендорф писал одному из своих корреспондентов: "... в Киеве я имею прекрасный кабинет и библиотеку, и в придачу к этому мы получим от медицинской академии в Вильно коллекции и книги, которые из-за политических событий будут переданы сюда"[44].

Миддендорф вполне ответственно относился к своим обязанностям, среди молодых коллег в университете у него появились друзья (Э.К. Гофман и Р.Э. Траутфеттер). Несмотря на это Миддендорф чувствовал себя неуютно, так как не совсем вписывался в университетскую среду. Об этом знали его друзья и даже пробовали найти ему место зоолога в других университетах России. Больше всего Миддендорф хотел бы вернуться в Дерптский университет[45], но место зоолога там было занято. И неожиданно осуществилась мечта Миддендорфа о путешествиях.

---

43 K. v. Baer an S.S. Uvarov, [St. Pbg.], 5. September 1839 // UBG. Nachlass von Baer. Bd. 24.

44 ПФА РАН. Ф. 51. Оп. 2. № 33. Л. 1 об. После восстания в Польше (1830 г.) был закрыт университет в Вильно. Сохранился только медицинский факультет, который называли медицинской академией.

45 РНБ. Ф. 965. Оп. 1. № 1302. Л. 1–1 об.

Путешествие в Лапландию

В 1837 г. академик К. Бэр путешествовал на Новую Землю. Во время этой экспедиции он побывал и в Лапландии (на Кольском полуострове). Желая продолжить изучение Лапландии и вообще животных северных областей, 15 марта 1839 г. Бэр сообщил конференции (общему собранию) Академии наук, что не успел познакомиться с низшими животными в окрестностях р. Колы и намерен посетить Лапландию вторично. В конце апреля того же года Бэр представил физико-математическому отделению план и смету экспедиции, подчеркивая, что пространство полуострова было еще не изучено: "... сомнительно даже, бывал ли когда-либо образованный человек во внутренности Русской Лапландии"[46].

План Бэра был весьма обширен. Он собирался вести исследования и на берегах Белого моря, и на Новой Земле, и даже в Карском море. В Белом море его интересовала фауна заливов Кольского полуострова, особенно рыбы. Кроме того, он надеялся побывать на Соловецких островах, на архипелаге "Три острова" и в Кандалакше[47]. Бэр считал, что для расходов на его экспедицию можно было бы использовать деньги, уже выделенные для академической экспедиции к Аральскому морю[48]. Однако вопрос об Аральской экспедиции еще не был решен окончательно, поэтому министр народного просвещения С.С. Уваров (который вместе с тем был и президентом Академии наук) предложил перенести экспедицию Бэра на следующий год.

Бэр долго не был уверен, что экспедиция все же состоится, но 7 января 1840 г. писал Миддендорфу: "Я внезапно получил надежду, что этим летом смогу путешествовать по Ледовитому морю*. Хотите ли ехать со мною, тогда очень сердечное – добро пожаловать. Но так как у нас всегда либо все хорошо, либо нет ничего или внезапно, то если я не сделаю свое представление [об экспедиции] в течение 8 дней, то все хорошие намерения улетучатся,

---

[46] РГИА. Ф. 735. Оп. 2. № 94. Л. 1 об.

[47] ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1839. № 15. Л. 24–24 об.

[48] План экспедиции к Аральскому морю обсуждался в Академии наук по инициативе генерал-губернатора Оренбургского края В.А. Перовского, намечавшего поход в Хиву. Но планы губернатора изменились, он перенес время похода и сам нашел ученых для исследований, отказавшись от содействия Академии наук.

* В России до 60-х годов XIX в. Северный Ледовитый океан называли Ледовитым морем.

как дым. Поэтому я не могу Вам сделать предложение, пока я не уверен в Вашем согласии"[49].

В апреле 1840 г., благодаря всеподданнейшему докладу Уварова, последовало высочайшее одобрение плана экспедиции в Лапландию. Сообщая об этом 20 апреля непременному секретарю Академии наук П.Н. Фусу, Уваров рекомендовал пригласить в спутники Бэру одного или двух ученых. А уже 23 апреля Бэр писал Уварову, что "профессор Миддендорф в Киеве" обнаружил желание отправиться с ним в путешествие по Лапландии. По словам Бэра, "соединяя в себе отличные сведения с усердием, он без сомнения будет содействовать умножению результатов экспедиции". Зная, что Миддендорф собирает экспонаты (предметы) для зоологического кабинета, Бэр нашел нужным также отметить, что в северных морях тот найдет больше добычи для зоологии, чем в Черном море, и что расходы на экспедицию от приглашения Миддендорфа не увеличатся, так как он умеет рисовать и поэтому не потребуется специальный "рисовальщик"[50].

Соображения Бэра вполне убедили Уварова, и он распорядился, чтобы попечитель Киевского учебного округа командировал Миддендорфа в экспедицию. Миддендорф чрезвычайно обрадовался, узнав, что его мечта о путешествии осуществится. 20 мая 1840 г. он писал Ф.Ф. Брандту: "Представьте себе, что предложение об экспедиции к Ледовитому морю подписано царем 23 апреля[51], и я, благодаря дружеской поддержке Бэра, командирован министром в эту экспедицию. Это восторг, ликование, как Вы можете себе представить"[52].

Путешественники (Бэра и Миддендорфа сопровождали студент Петербургского университета Панкевич[53] и препаратор Зоологического музея Академии наук Е. Филиппов) выехали из Петербурга 28 мая 1840 г. В Архангельске они наняли "ладью" и на ней по Белому морю отправились к южному берегу Лапландии. Бэр и Миддендорф, а также сопровождавшие их студент и препаратор вели наблюдения и собирали морских животных и растения на берегу моря и на близлежащих островах.

---

[49] K. E. v. Baer an A. Th. v. Middendorff, [St. Pbg.], 7. Januar 1840 // HSM. Bd. 702. № 320.

[50] РГИА. Ф. 735. Оп. 2. № 94. Л. 22–22 об.

[51] Миддендорф ошибался. Николай I рассматривал всеподданнейшую докладную записку Уварова 19 апреля (РГИА. Ф. 735. Оп. 2. № 94. Л. 15).

[52] ПФА РАН. Ф. 51. Оп. 2. № 33. Л. 1–1 об.

[53] Студента Петербургского университета Панкевича в 1839 г. Бэру рекомендовал профессор зоологии С.С. Куторга.

В конце июля путешественники плыли по Ледовитому морю вдоль северного берега Кольского полуострова к западу, продолжая собирать коллекции в заливах полуострова. При этом они побывали на полуострове Рыбачьем и на маленьком Аникиевом острове к северо-востоку от него. На этом островке Миддендорф обнаружил каменную плиту с "автографами" разных иностранных и русских мореплавателей, сделанными в XVI–XVIII вв. и зарисовал некоторые из этих надписей[54].

Бэр надеялся, что сможет вновь побывать и на Новой Земле. Однако сильный восточный ветер не позволил осуществить его намерение. Путешественники продолжали исследования во время плавания к западу вдоль берегов Лапландии и достигли полуострова Нордкап и гавани Вардё в Варангер-фьёрде. На обратном пути после исследований на острове Кильдин (вблизи устья р. Колы) Бэр и Панкевич возвратились морем в Архангельск. Миддендорф же пересек Кольский полуостров от устья р. Колы до Кандалакшского залива и затем тоже приехал в Архангельск. Путешественники вернулись в Петербург 2 октября 1840 г.

Еще из экспедиции Бэр писал непременному секретарю Академии наук П.Н. Фусу: "Мои спутники превосходны. Профессор Миддендорф – усердный охотник, к тому же – осведомленный и знающий естествоиспытатель"[55]. Позже Бэр вспоминал: "Будучи с молоду страстным охотником, сильный телом и духом Миддендорф привык весело переносить неприятности погоды или, лучше сказать, эти неприятности вовсе не существуют для него, покуда они еще выносимы". А в примечании к этой фразе Бэр писал: "Пролежать целую ночь, зарывшись в сырой мох, чтобы дождаться, не подсядет ли какой-нибудь глупый селезень к утке своей породы, было для моего спутника истинным наслаждением. Он любитель путешествий и такой искусный стрелок, какого редко найдешь ..., он же искусный врач и хирург и при том так хорошо владеет русским языком, что может толковать с простым народом совершенно в его духе ..."[56].

---

[54] Миддендорф опубликовал статью об "автографах" на острове Аникиева лишь много лет спустя после окончания экспедиции (Anikiev, eine Insel im Eismeere in der Gegend von Kola // Bull. Acad. 1860. T. 2. Sp. 152–158). По его мнению, исследование таких надписей могло стать основой для изучения истории плаваний вблизи северных берегов России. В XX в. эти надписи подробно описал географ Б.И. Кошечкин в своей книге "Имена на скале" (Архангельск, 1991).

[55] ПФА РАН, Ф. 2. Оп. 1–1839. № 15. Л. 75 об.

[56] *Бэр К.* Новейшие известия об экспедиции г. фон Миддендорфа // СПб. ведом. 1844. № 21. 27 января. С. 94.

Путешествуя по Лапландии, Миддендорф собирал сведения о животных, особенно много внимания уделяя изучению птиц. Вернувшись в Петербург, он представил Академии сообщение об орнитологических результатах экспедиции, а также сравнил орнитологию русской Лапландии с данными о птицах Норвегии, Исландии, Гренландии и Северной Америки[57]. Результаты этих исследований Миддендорф изложил в статье, опубликованной в 1843 г. в сборнике, который издавали К.М. Бэр и Г.П. Гельмерсен[58].

Итогом путешествия Миддендорфа через Лапландию, помимо орнитологических наблюдений, были зоологические коллекции, которые он передал как Зоологическому музею Академии наук, так и зоологическому кабинету Киевского университета, а также гербарий. Миддендорф, кажется, первым видел массовые кочевки леммингов (сведения об этом произвели большое впечатление на современных зоологов). Наблюдения на побережье Лапландии привели его к выводу о том, что весь берег полуострова поднимается. Это было новым для тогдашней геологической науки, но Миддендорф сообщил об этом в своей статье только в 1860 г.[59]

Миддендорф обнаружил также, что на существующих картах ошибочно изображены очертания оз. Имандра, направление р. Колы и даже дорога между Колой и Кандалакшей, по которой возили почту и постоянно ездили губернские служащие. Миддендорф вел глазомерную съемку, используя только охотничий компас, и она не могла быть так точна, как съемки с помощью топографических инструментов. Однако наблюдательность и умение ориентироваться в пространстве позволяли путешественнику достаточно верно отмечать изгибы реки и дороги, очертания озер и соотношения между ними и вносить исправления в карту полуострова.

Оказалось, что р. Кола течет не с востока на запад, как изображали карты начала XIX в., а с юга на север, что озеро Иманд-

---

[57] Хронологический обзор важнейших путешествий, совершенных в России или российскими путешественниками в XVIII и XIX столетиях // Месяцеслов на 1843 г. СПб., 1843. С. 193. Автором этой статьи был переводчик Академии наук К.Ф. Свенске. Об этом в одной из своих записок, сохранившихся в академическом архиве, сообщил академик П.И. Кеппен (ПФА РАН. Оп. 1–1855. № 12. Л. 80).

[58] *Middendorff A.Th. v.* Bericht über die ornithologischen Ergebnisse der naturhistorischen Reise nach Lappland während des Sommers 1840 // Beiträge KRR. 1843. Bd. 8. S. 187–258.

[59] *Middendorff A. Th. v.* Anikiev, eine Insel... Sp. 153.

ра – не широкое с малоизрезанными берегами, а значительно вытянуто в длину с юга на север, а берега его весьма изрезаны. Миддендорф обратил внимание на огромное количество озер Лапландии, на их вытянутую форму, причем в одном и том же направлении (приблизительно с севера на юг), отметив, что эти озера очень мелки. Очертания и направление этих озер он связал с действием "дилювиальных вод".

В 40-х гг. XIX века идея ледникового периода уже была известна, но большая часть ученых относилась к ней критически. Следы древнего оледенения обычно связывали со следствием потопа – "дилювиальными водами". Но сама попытка объяснить образование озер Кольского полуострова общей причиной несомненно свидетельствовала о проницательности молодого ученого, к тому же не геогноста (как тогда в России называли геологов), а зоолога.

На основе своей съемки Миддендорф составил карту Лапландии, которая была даже гравирована в академической типографии, но, по его словам, "не пущена в свет". В 1843 г. К. Бэр в своем сборнике "Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angränzenden Länder Asiens" опубликовал уменьшенный вариант карты с пояснениями Миддендорфа и собственными примечаниями[60]. Но она не привлекла внимания картографов Военно-топографического депо (основных составителей карт России в первой половине XIX века). Продолжали выходить в свет карты Европейской России, на которых Лапландия изображалась с ошибками. И даже на почтовых картах неверно изображали направление почтовой дороги между Колой и Кандалакшей и расположенные на ней станции. Миддендорфа очень огорчало невнимание к его работе, он даже склонен был связывать это с общей тенденцией несправедливо критического отношения к Академии наук (ее трудам) в российском обществе: "Настоящий случай, конечно, один из самых незначительных в числе тех, где основательные труды нашей Академии не были оценены по достоинству и незаслуженно отстранены другими"[61]. Поэтому в 1853 г. Миддендорф счел нужным вновь (на русском и немецком языках) опубликовать статью о своих наблюдениях в Лапландии.

В статье "Несколько слов в пояснение начертания пути от Колы до Кандалакши" на основе анализа старинных карт Мид-

---

[60] Beiträge KRR. 1843. Bd. 8. Tafel V.

[61] *Миддендорф А.Ф.* Несколько слов в пояснение начертания пути от Колы до Кандалакши // Уч. зап. имп. Акад. наук по I и III отделениям. СПб., 1853. Т. II. Вып. 1. С. 112.

дендорф выявил причины неточностей карт современных, стремясь вновь обратить внимание на эти неточности. Причем подобное исследование картографического материала впервые было сделано в России. Однако статья вновь не привлекла к себе внимания, хотя о ней речь шла и в отчете Академии наук за 1853 г.

После экспедиции в Лапландию, Миддендорф окончательно убедился, что путешествия для него гораздо привлекательнее, чем служба в Киевском университете. Вероятно, поэтому уже 3 декабря 1840 г. (через месяц после возвращения из Петербурга в Киев) Миддендорф подал прошение об отставке[62]. Неизвестно, что послужило толчком к этому шагу и что он собирался делать. Но решение Миддендорфа огорчило его друзей. Бэр писал Миддендорфу: "Меня испугало Ваше известие, что Вы просили отставки, хотя я и воздерживаюсь от [выражения] своего мнения, так как хорошо всех условий не знаю и охотно верю, что в Киеве имеются свои недостатки. Но еще больше, чем первое, меня напугало Ваше второе письмо. Вы рассчитываете на место Асмуса. Но сейчас стало очень сомнительным, что Асмус будет сюда [в Академию наук] приглашен"[63]. Итак, выясняется, что Миддендорф надеялся получить место приват-доцента в Дерптском университете. (Это место могло освободиться, если бы Г.-М. Асмус был избран адъюнктом Петербургской академии наук.)

Но Миддендорф был нужен университету Св. Владимира, и отставку он не получил. Более того, чтобы удержать молодого ученого, попечитель Киевского учебного округа предложил избрать Миддендорфа экстраординарным профессором. И 19 апреля 1841 г. избрание состоялось. А в конце августа того же года К. Бэр предложил Академии наук план экспедиции в Восточную Сибирь, имея в виду, что исследования будет вести Миддендорф. В сентябре, когда идею экспедиции поддержало общее собрание Академии наук, Бэр назвал коллегам имя Миддендорфа как ее руководителя.

---

[62] A. v. Middendorff an K. v. Baer, Kiew, 4. Dezember 1840 // UBG. Nachlass von Baer. Bd. 16.

[63] K. v. Baer an A. v. Middendorff, St. Pbg., 24. Februar 1841 // HSM. B. 702. № 320.

Сибирская экспедиция

Предыстория

Экспедиция Миддендорфа в Восточную Сибирь была теснейшим образом связана с историей изучения вечной мерзлоты. О постоянно мерзлых грунтах Восточной Сибири было известно еще в XVIII в., благодаря трудам российских путешественников. Но в 20–30-х гг. XIX в. некоторые европейские ученые усомнились в возможности существования таких почв, так как новые наблюдения свидетельствовали о повышении температуры земли с увеличением глубины. Кроме того, было известно, что в Восточной Сибири повсюду встречается растительность, и казалось это противоречит сведениям о том, что почва там никогда не оттаивает.

В 1828 г. купец Ф. Шергин (комиссионер Российско-Американской компании) начал рыть вблизи Якутска колодец, надеясь обнаружить более вкусную воду, чем в реке Лене. Местные жители обычно пользовались речной водой, так как мерзлые грунты не позволяли иметь колодцы. Шергин не мог этого не знать, но, вероятно, полагал, что на большой глубине воду все же можно обнаружить. Надежды эти не оправдались, однако работы по углублению колодца он не прекратил.

Весной 1829 г. во время путешествия по Сибири в Якутске побывал немецкий физик А. Эрман. Узнав о колодце Шергина, он измерил там температуру[1] и понял, как важны наблюдения в этой шахте для изучения вечной мерзлоты и определения изменения температуры с глубиной. Может быть, он говорил об этом и Шергину.

В следующем году Ф.П. Врангель (назначенный главным правителем Русской Америки) на пути к месту новой службы останавливался в Якутске в доме Шергина и тоже заинтересовался его колодцем. Понимая, что работы в мерзлом грунте требуют больших средств, Врангель предложил Шергину продолжать углубление колодца за счет Российско-Американской компании. Врангель служил на Аляске до 1835 г. После его возвращения в

---

[1] *Erman A.* Reise um die Erde durch Nord-Asien und die beiden Oceane in den Jahren 1828, 1829 und 1830. Berlin, 1838. Bd. 2. S. 251–252.

Петербург, компания прекратила платить Шергину, вероятно потому, что не видела пользы от его деятельности.

Но Шергин углубление колодца не прекратил. Кроме того, почти полгода (с 15 октября 1836 г. по 4 мая 1837 г.) он измерял температуру на разных глубинах и описывал обнажавшиеся геологические слои. Так как наблюдения велись по инициативе Врангеля, в конце 1837 г. Шергин послал ему дневник своих наблюдений, включавший также описание хода работ и расходы на них. Врангель передал этот дневник геологу Г.П. Гельмерсену с просьбой дать заключение о научном значении наблюдений Шергина. Кроме того, Врангель просил К.М. Бэра сообщить в Академии наук и о дневнике, и о выводах Гельмерсена[2].

1 декабря 1837 г. Бэр выполнил просьбу Врангеля, изложив содержание статьи Гельмерсена общему собранию (конференции) Академии. Подчеркивая важность наблюдений в колодце Шергина, Бэр предложил создать особую комиссию, которая могла бы решить, "какой приличнее дать ход дальнейшим розысканиям" в Якутске. Кроме того, по мнению Бэра, Академия должна была найти средства для продолжения работ, так как Шергин больше не мог вести их за свой счет.

На этом же заседании была избрана Комиссия (А.Я. Купфер, Е.И. Паррот, Э.Х. Ленц), которая 12 января 1838 г. изложила свои соображения относительно колодца Шергина. Академики считали, что его углубление продолжать не следует, так как это может стать опасным для жизни рабочих, но наблюдения в колодце продолжить необходимо. Для этого Академия должна отправить Шергину 30 термометров и инструкции о способе их размещения и порядке наблюдений. Об этом Комиссия уведомила Шергина. К письму была приложена записка с вопросами, составленная Бэром, который хотел знать о природных условиях вблизи Якутска в области вечной мерзлоты. На письмо Академии Шергин ответил в конце сентября того же года, сообщив, что наблюдения продолжать не сможет, так как уволен из Российско-Американской компании и собирается уехать из Якутска[3].

---

[2] В дневнике Ф. Шергина, сохранившемся в Архиве Академии наук (ПФА РАН. Ф. 129. Оп. 1. № 289) лишь сведения о ходе работ и расходах. О наблюдениях Шергина можно судить по содержанию статьи Гельмерсена "Замечания о колодце, вырытом в Якутске" (Горн. журн. 1838. Ч. II. Кн. 4. Отд. V. С. 121–128).

[3] ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1837. № 13. Л. 16 об. Письмо Шергина, написанное 29 сентября 1838 г., было прочитано в общем собрании Академии 30 ноября (ЖМНП. 1838. С. 20. Отд. III. С. 561). Вопросы Бэра и ответы Шергина опубликованы в статье "Температура почвы в Якутске" (ЖМНП. 1839. Ч. 21. Отд. VII. С. 28–30).

Это известие особенно огорчило Бэра. Заинтересовавшись самим явлением вечномерзлых почв, он опубликовал несколько статей о колодце Шергина, стремясь привлечь к проблеме внимание европейских ученых, и очень надеялся получить новые данные из Якутска. Бэр писал секретарю Лондонского географического общества адмиралу Дж. Вашингтону: "Вы знаете, что Академия пригласила господина Шергина произвести очень точные измерения температуры на различных глубинах его колодца. По поручению Академии с этой целью было изготовлено значительное количество термометров. К сожалению, администрация Российско-Американской компании, узнав об этих наблюдениях, разгневалась на Шергина, ее комиссионера в Якутске, и уволила его. Шергин покинул Якутск, и ничего не было сделано. Академия еще не нашла физика, способного совершить путешествие в Якутск, который мог бы провести там некоторое время. Надеюсь, впрочем, что его найдут, и дело не будет брошено. Я и сам готов слегка его [это дело] подтолкнуть"[4]. (Бэр действительно обращался к некоторым молодым ученым, предлагая им отправиться в Сибирь.)

Между тем в начале 1838 г. (вскоре после того, как в Академии обсуждался вопрос о будущих наблюдениях в шахте Шергина) в Петербурге побывал генерал-губернатор Западной Сибири П.Д. Горчаков, который предложил Академии наук организовать экспедицию для изучения северных областей Западной Сибири. Академики "с готовностью" отнеслись к этому предложению. И члены той же комиссии, которая обсуждала проблему колодца Шергина, 18 мая 1838 г. представили общему собранию проекты исследований будущей экспедиции[5]. На этом заседании выступил и К.М. Бэр. Рассмотрев предложенные проекты, он пришел к выводу, что экспедиция не должна ограничиваться изучением лишь Западной Сибири, очень важны также исследования к востоку от Енисея – между реками Пясиной и Хатангой, в местности, в которой еще никогда не бывали ученые. Бэр полагал, что далеко выдвинутая к северу часть Азии может оказаться источником новых сведений об условиях существования организмов в полярных областях.

Прежде чем составлять программу такой экспедиции, полезно было узнать условия ее организации в этом безлюдном крае. Чтобы получить необходимые сведения, Бэр составил обширный перечень вопросов, которые уже 27 мая П.Д. Горчакову отпра-

---

[4] Из эпистолярного наследия К. М. Бэра (Сост. Т. А. Лукина). Л., 1978. С. 119.
[5] ЖМНП. 1838. Ч. 19. Отд. III. С. 158.

вил П.Н. Фус. В сопроводительном письме он отметил, что расширение пространства исследования позволит распространить план экспедиции на "несколько отраслей науки, именно же – на физику земного шара (физическую географию), естественные науки, этнографию, лингвистику и древности"[6]. Поэтому Фус просил Горчакова послать в Туруханск и на реку Хатангу в "наискорейшем времени" грамотного человека, который смог бы собрать сведения, необходимые для составления плана экспедиции или (если сам Горчаков не найдет такого человека) попросить о том же губернатора Енисейской губернии. У него же следовало получить для Академии копии карт этой губернии. Кроме того, Фус предложил Горчакову организовать покупку одежды у живущих на севере народов, предметов их быта, инструментов, орудий шаманов, черепов.

Так как пространство между реками Пясиной и Хатангой, о котором шла речь в вопросах Бэра, выходило за пределы Западной Сибири, Горчаков тотчас отправил вопросы Академии наук генерал-губернатору Восточной Сибири В.Я. Руперту с просьбой "принять в сем полезном и важном деле деятельное участие"[7]. По поручению Руперта, на вопросы Академии ответил председатель Енисейского губернского правления ("управляющий губернией") Н.С. Турчанинов[8]. Но он не смог быстро выполнить это поручение. Письмо Турчанинова с подробными ответами на все 36 вопросов, написанное лишь 24 января 1841 г., Академия получила в конце февраля[9]. Кроме того, Турчанинов прислал в Академию "тушки песцовых мышей", куски янтаря и каменного угля, отметив при этом, что одежду, предметы быта, орудия шаманов и черепа у местных жителей ему приобрести не удалось[10].

27 августа 1841 г. в общем собрании Академии наук Бэр сообщил, что на основе ответов Турчанинова[11] Академия отменила план обширной экспедиции в Сибирь, который обсуждался в 1838 г. Но эти ответы порождали другие важные вопросы, "кото-

---

[6] ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1838. № 6. Л. 30.

[7] Там же. Л. 35.

[8] Н.С. Турчанинов приехал на службу в Сибирь в 1828 г. после окончания Харьковского университета. По делам службы он бывал во многих частях Иркутской и Енисейской губерний, отдавая все свободное время изучению растительности. Турчанинов известен как автор первого систематического исследования флоры Забайкалья "Flora Baicalensi-daurica" (Moscou, 1842–1856. T. 1–2).

[9] ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1838. № 36. Л. 38–46.

[10] Там же. Л. 37–37 об.

[11] Ответы Турчанинова в 1841 г. были опубликованы в "Beiträge KRR" (1841. Bd. 4. S. 268–300), а также в "Отечественных записках" (1841. Т. 19. Отд. VII. С. 3–8).

рые могли бы быть разрешены с малыми издержками через отправление туда [в местность между Пясиной и Хатангой] одного или двух путешественников"[12]. Бэр определил общие черты такой экспедиции и намерен был представить более подробный план Комиссии, которую "Академии угодно будет составить по этому предмету".

Бэр предлагал объединить наблюдения вечной мерзлоты в Якутске с изучением природы в области Пясины и Хатанги. По его мнению, необходимо было воспользоваться шахтой Шергина, которая уже существует, а также расширить подобные наблюдения, чтобы выяснить условия образования мерзлоты и в других частях Сибири. Исследование пространства между Пясиной и Хатангой могло дать много новых материалов для анализа органического мира полярных стран. Вместе с тем Бэр считал необходимым получить в Гидрографическом департаменте Морского министерства донесения и съемки, которые вели морские офицеры – руководители северных отрядов Второй Камчатской экспедиции 1733–1743 гг. (Д.Л. Овцына, Ф.А. Минина, В.В. Прончищева и Х.П. Лаптева), описавших и положивших на карту побережье Ледовитого моря между Енисеем и Леной.

А через неделю (3 сентября 1841 г.) Бэр сообщил Миддендорфу о своих действиях в связи с будущей экспедицией. Он писал, что в начале года в Академии не было денег. Но после того, как оказалось, что отпущены огромные средства на экспедицию по Европейской России английского геолога Р.-И. Мурчисона, Бэр решил предпринять необходимые шаги, чтобы все же получить деньги и для изучения Сибири. Он сообщил Миддендорфу, что, предлагая план экспедиции Академии наук, не назвал имени исполнителя, хотя и упоминал имя Миддендорфа в разговорах с некоторыми коллегами. "Вы хотели оставить Киев и отправиться в большую экспедицию ..., – писал Бэр. – Я прошу Вас сообщить мне, хотите ли Вы все еще отправиться в такую экспедицию, даже если она будет длиться три года, так как за меньшее время невозможно осуществить обе задачи"[13].

Миддендорф, не колеблясь, сообщил Бэру, что готов ехать в Сибирь[14]. В ответ на это сообщение Бэр писал: "Тотчас как я получил Ваше письмо (это было очень поздно во вторник) составил

---

[12] ЖМНП. 1841. Ч. 32. Отд. III. С. 57.

[13] K. v. Baer an A. v. Middendorff, 3. September 1841 // HSM. Bd. 702. № 320.

[14] Миддендорф, который очень ждал вестей из Петербурга, в сентябре 1841 г. писал Ф.Ф. Брандту: "Если что-нибудь услышите, не забывайте обо мне, потому что я тотчас готов уехать из Киева" (ПФА РАН. Ф. 51. Оп. 3. № 12. Л. 248–248 об.).

я ночью от имени комиссии[15] предложение, на следующее утро оно было подписано [другими членами комиссии] и во время заседания в полдень представлено и одобрено"[16]. Речь шла о заседании Академии, состоявшемся 24 сентября, когда было названо имя Миддендорфа как руководителя будущей экспедиции[17].

П.Н. Фус сообщил министру народного просвещения С.С. Уварову о плане этой экспедиции 10 октября. В своей записке Фус повторял доводы Бэра о важности для науки наблюдений в колодце Шергина, о том, что вопрос о мерзлоте впервые возник в России, что английские ученые, узнав о наблюдениях Шергина, уже организовали наблюдения в Северной Америке, но Россия имеет в этом отношении преимущества, так как глубокий колодец уже вырыт. Чтобы выяснить "... в каком отношении состоит эта оледенелая земля к внешней температуре, как далеко она распространяется в Сибири и какого рода могут прозябать в ней растения", необходимо вести наблюдения в разных ее местах[18]. Особенно важны наблюдения в самой северной части Сибири между реками Пясиной и Хатангой: "Это одна только из арктических стран на всем неизмеримом протяжении Сибири, которая никогда еще не была посещаема испытателями. Сколь известно, по ту сторону Туруханска еще никогда не заходил образованный человек ..."[19]. Сообщив, что Академия рекомендовала для исследований доктора Миддендорфа, экстраординарного профессора при университете Св. Владимира в Киеве, Фус отметил, что академик Бэр, который с ним путешествовал по Лапландии, "удостоверяет как в готовности его принять сие поручение, так и в том, что он и по своим познаниям, и по навыку к телесным напряжениям не оставляет ничего более желать"[20].

Уваров вполне оценил доводы академиков. Однако прежде, чем составить всеподданнейший доклад, он нашел нужным обратиться к министру финансов Е.Ф. Канкрину, чтобы узнать, может ли его министерство выделить средства (10–13 тыс. рублей) для экспедиции[21]. Канкрин поручил определить важность такой

---

[15] В комиссию для организации экспедиции в Сибирь вошли академики К.М. Бэр, Ф.Ф. Брандт, Э.Х. Ленц, К.А. Мейер и А.М. Шёгрен.

[16] K. v. Baer an A. v. Middendorff, 4. Oktober 1841 // HSM. Bd. 702. № 320.

[17] ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1841. № 2. Л. 10.

[18] Там же. Л. 13.

[19] Там же. Л. 13 об.

[20] Там же. Л. 14.

[21] Эту сумму по предложению Бэра определила Комиссия. Зная о трудностях с финансированием академических экспедиций, Бэр нашел нужным подстраховаться. Судя по содержанию его писем к Миддендорфу, в 1841 г. о деньгах для экспедиции он сам вел "дипломатические переговоры" и с Уваровым, и с Канкриным.

экспедиции, которая должна была решать прежде всего геологические вопросы, начальнику штаба Корпуса горных инженеров К.В. Чевкину[22], который одобрил идею экспедиции. На основе его мнения Канкрин писал Уварову, что наблюдение "... над мерзлотою земли весьма желательно, тем более, что предмет сей обращал уже давно внимание горного начальства для Нерчинского края...". Он отметил при этом, что в 1841 г., когда академик Купфер был командирован в Сибирь для осмотра горных магнитных обсерваторий, ему поручено было "обратить особое внимание в Забайкальском крае на мерзлоту земли и влияние ее на прозябание и урожай хлебов". Интересно, что в связи с планом экспедиции речь шла и о теории Агассиса: "В заключении обязываюсь присовокупить, что предполагаемые Академиею наук геологические исследования в Якутской области могут еще представить удобный случай для ближайшей проверки в отдаленном северном крае новой теории г. Агассиса о горных ледниках, и в сем отношении весьма бы желательно было, чтобы тому геологу, который Академией послан будет, было поручено войти в ближайшее рассмотрение, в какой мере местные исследования и признаки исследоваемого им Сибирского края представляют довод в пользу или против новой теории г. Агассиса"[23]. В 1837 г. Л. Агассис предложил идею ледникового периода, т.е. гипотезу о распространении в древности ледников за пределы горных стран. Но ученое сообщество сразу эту идею не приняло. Вероятно, поэтому Чевкин, а вслед за ним Канкрин, упоминали не о теории древних ледников, а о теории горных ледников.

Так как в записке Уварова для министра финансов не был упомянут Миддендорф как руководитель экспедиции, Чевкин собрался отправить в Сибирь горного инженера из своего ведомства. Но Бэр (через Г.П. Гельмерсена) успел сообщить Чевкину, что в Сибирь поедет Миддендорф[24]. Канкрин разрешил выделить деньги, и 18 ноября 1841 г. всеподданнейший доклад Уварова об организации Сибирской экспедиции был одобрен императором[25].

Уваров сообщил о будущей экспедиции не только Канкрину, но и попечителю Киевского учебного округа. В университете Св. Владимира в Киеве известие о том, что Миддендорф намерен отправиться в длительное путешествие и, следовательно, все же

---

[22] K. v. Baer an A. v. Middendorff, [St. Pbg.], 22. Oktober [1841] // HSM. Bd. 702. № 320.

[23] РГИА. Ф. 735. Оп. 2. № 262. Л. 6–7; ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1841. № 2. Л.л. 16–17.

[24] K. v. Baer an A. v. Middendorff, [St. Pbg.], 4. Oktober 1841 // HSM. Bd. 702. № 320.

[25] РГИА. Ф. 735. Оп. 2. № 262. Л. 26.

покинет университет, восприняли с вполне понятным недовольством и даже возмущением. Попечитель писал министру народного просвещения, что Миддендорфа некем заменить. Следует либо найти другого профессора зоологии, либо перенести экспедицию на весну 1842 г. Миддендорф должен иметь время, чтобы закончить начатые им курсы, а университет – чтобы подыскать другого зоолога. Кроме того, Миддендорфу необходимо присутствовать при работах по переносу в новое здание "предметов" созданного им зоологического кабинета[26].

Попечитель также писал Уварову, что Миддендорф в Киеве "... вдруг приобрел выгоды, которые в противном случае должен был бы достигать в продолжении довольно значительного времени ... Справедливость требует, – подчеркивал попечитель, – чтобы он в вознаграждении за таковое преимущество послужил при университете Св. Владимира несколько долее того времени, в продолжении которого он состоял на службе"[27]. Дело не только в том, что Миддендорф стал профессором в двадцатипятилетнем возрасте. Звание профессора приравнивало его к чиновникам 8-го класса. Кроме того, поступив на службу в университет, он получил и чин коллежского асессора.

Уваров нашел соображения попечителя убедительными и просил Фуса узнать, не может ли Академия рекомендовать когонибудь другого для путешествия в Сибирь или можно ли перенести экспедицию на следующий год. Фус ответил, что Академия готова подождать до весны 1842 г., чтобы в экспедицию все же смог отправиться Миддендорф[28].

Итак, согласно высочайшему распоряжению, Миддендорф уже с ноября 1841 г. считался руководителем экспедиции. Однако он оставался профессором университета и, не зная, смогут ли найти ему замену на кафедре зоологии, чрезвычайно волновался. Бэр (по его словам, полагавший, что Миддендорф чувствует себя как "мышь в мышеловке") старался его утешить. "... я тоже сомневался, – писал Бэр, – до тех пор, пока в общем торжественном собрании Академии в конце года [29 декабря] наш секретарь, *praesenti Ministro*, не сказал о плане экспедиции и что Вы для этого намечены. Теперь нет пути назад"[29].

Несмотря на то что кандидатуру нового зоолога для университета в Киеве так и не нашли, в мае 1842 г. Миддендорф приехал

---

[26] ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1841. № 2. Л. 18 об.–19.
[27] РГИА. Ф. 735. Оп. 2. № 252. Л. 21–21 об.
[28] Там же. Л. 24–24 об.
[29] K. v. Baer an A. v. Middendorff, [St. Pbg.], 16. Januar 1842 // HSM. Bd. 702. № 320.

в Петербург, чтобы готовиться к предстоящим исследованиям[30]. Бэр познакомил его с литературой о Сибири, а также с дневниками морских офицеров, описавшими берега Ледовитого океана во время Второй Камчатской экспедиции В. Беринга. В начале сентября 1842 г. Миддендорф побывал с Бэром на островах Финского залива, где Бэр показал ему следы деятельности морских льдов и ледников[31].

Комиссия для организации экспедиции подготовила для Миддендорфа обширную инструкцию. Она имела общую часть (определявшую задачи экспедиции и включавшую наставления для геологических, метеорологических и этнографических наблюдений), а также инструкции по зоологии и ботанике. Первую составили А.Я. Купфер, Э.Х. Ленц и К.М. Бэр, вторую – Ф.Ф. Брандт, третью – К. А. Мейер.

С 1838 г. Бэр собирал сведения о мерзлых почвах в литературе, а также узнавал о них у путешественников, недавно побывавших в северных областях Европейской России. Полагая, что сводка существующих данных может стать лучшей инструкцией для изучения вечной мерзлоты, Бэр систематизировал собранные данные в работе "Materialien zur Kenntniss des unvergänglichen Boden-Eises in Sibirien"[32]. В этой работе он изложил и собственные представления о сущности вечной мерзлоты, причинах ее об-

---

[30] Из университета Св. Владимира Миддендорф был уволен 8 июля 1842 г. (РГИА. Ф. 733. Оп. 13. № 35. Л. 1).

[31] Поездке Бэра и Миддендорфа, которая длилась пять дней, содействовал Ф.Ф. Беллинсгаузен (тогда главный командир Кронштадтского порта). Бэр не только благодарил Беллинсгаузена за помощь, но и сообщил ему некоторые сведения об этом путешествии. Из его письма следует, что Бэр и Миддендорф побывали на острове Соммерс, на северной и южной частях острова Гогланд, а также в заливе Гельсингфорс. "... во всех этих местах мы останавливались достаточно долго, – писал Бэр, – чтобы исследовать там разные виды скал" (K. v. Baer an F. v. Bellingshausen, St. Petersburg, 8. September 1842 // UBG. Nachlass von Baer. Bd. 24 (Schachtel)).

[32] Рукопись Бэра не была опубликована и лишь недавно впервые увидела свет: Baer, K. E. v. Materialien zur Kenntniss des unvergänglichen Boden-Eises in Sibirien. Unveröffentliches Typoskript von 1843 und erste Dauerfrostbodenkunde. Eingeleitet von Erki Tammiksaar herausgegeben von Lorenz King. Giessen. 2001. (Berichte und Arbeiten aus der Universitätsbibliothek und dem Universitätsarchiv Giessen. Bd. 51). В этой книге напечатана обнаруженная Э. Таммиксааром карта области распространения вечной мерзлоты, составленная Бэром, а также библиография работ, использованных им для этого труда. Издан и русский перевод сочинения Бэра: "Материалы к познанию нетающего почвенного льда в Сибири" (Якутск, 2000). Но, к сожалению, издатели воспользовались переводом, сделанным в начале 40-х гг. XX в., который не был отредактирован.

разования, характере влияния на другие природные явления, а также о пределах ее распространения. Не успев завершить рукопись до отъезда Миддендорфа, Бэр затем посылал ему отдельные ее части в Сибирь[33].

Путешествие

Миддендорф выехал из Петербурга 14 ноября 1842 г., сопровождаемый датским лесничим Т.-Э. Брантом и препаратором М. Фурманом. О Бранте Миддендорф писал: "Крепкое и привычное ко всем переменам погоды сложение лесничего, искусство в ружейной стрельбе, прекрасный талант к живописи и постоянная готовность усваивать все технические приемы в метеорологических наблюдениях и в приготовлении к сбережению естественных предметов, обещали в нем дорогого спутника, и я с радостью подал руку на изъявленное им желание"[34].

М. Фурман (эстонский крестьянин, слуга Миддендорфа) был зачислен в экспедицию в качестве препаратора. Он должен был помогать Миддендорфу собирать естественноисторические коллекции, но во время путешествия научился вести и метеорологические наблюдения, а также измерять температуру в шахтах, вырытых в мерзлых грунтах.

В Москве, куда Миддендорф приехал 17 ноября, он, вероятно, останавливался в доме профессора физики Московского университета М.Ф. Спасского[35]. Свое пребывание в Москве Мидден-

---

[33] Об истории создания и содержании труда Бэра см.: *Таммиксаар Э., Сухова Н.Г.* Проблема вечной мерзлоты в трудах Карла Бэра // Изв. РГО. 1999. Т. 131. Вып. 6. С. 1–11.

[34] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие на север и восток Сибири. СПб., 1860. Ч. I. Отд. I. С. 14. В деле о Сибирской экспедиции сохранилась записка от 15 сентября 1841 г.: "Дано сие датскому подданому кандидату лесоведения Эмилию Бранту в том, что привратно определен в ученую экспедицию, снаряжаемую от имп. Академии наук с высочайшего соизволения для исследования северной полосы Сибири" (ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1841. № 2. Л. 28). В другой записке речь шла о том, что Миддендорф избрал себе в помощники кандидата лесоведения Эмилия Бранта (Там же. Л. 34).

[35] Миддендорф уехал из Петербурга без "открытого листа", который должен был иметь любой путешественник по России. Архивные дела экспедиции позволяют узнать, что "лист" был прислан из министерства внутренних дел в министерство народного просвещения 14 ноября, но в конференцию Академии наук его передали лишь 17-го ноября (РГИА. Ф. 735. Оп. 2. № 262. Л. 31). Сохранилась записка непременного секретаря П. Н. Фуса: "Открытый лист отправлен по просьбе г. Миддендорфа к г. проф. Спасскому в Москву 19 ноября" (ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1841. № 2. Л. 49).

дорф использовал для подготовки к будущим исследованиям. Спасский знакомил его с методами физических (метеорологических и магнитных) наблюдений[36]. В Московском университете Миддендорф посетил зоологический музей и библиотеку. Кроме того (как он писал академику Брандту) "день и ночь" работал в музее Общества естествоиспытателей с материалами путешественника Г.С. Карелина (который в 30-х гг. XIX в. путешествовал вблизи Каспийского моря). Миддендорф также заключил договор об обмене "зоологическими предметами" между Обществом естествоиспытателей и Академией наук[37].

Из Москвы по Сибирскому тракту (через Владимир, Нижний Новгород, Казань, Пермь, Екатеринбург, Ишим, Омск и Томск) путешественники доехали до Красноярска. Миддендорф торопился, поэтому делал лишь краткие остановки. В Казани он познакомился с естествоиспытателем (профессором Казанского университета) Э.А. Эверсманом и его музеем. Согласно одному из писем Миддендорфа, во время встречи они поспорили о содержании понятия "вид"[38]. В университете Миддендорф проверил свои термометры[39]. Кроме того, он попытался найти в Казани помощника для метеорологических наблюдений, понимая, что один не сможет справиться со всеми задачами, решения которых требовали инструкции экспедиции[40].

В Омске Миддендорф вместе со своими университетскими друзьями А.И. Шренком и Ю.И. Штубендорфом встречал Новый (1843) год[41]. Шренк возвращался из экспедиции по "киргизской степи" с обильными научными материалами, что очень вдохновило Миддендорфа. Он писал Бэру: "Оба поддержали мои

---

[36] A. v. Middendorff an K. v. Baer, Moskau, 25. November 1842 // UBG. Nachlass von Baer. Bd. 16.

[37] ПФА РАН. Ф. 51. Оп. 3. № 12. Л. 242–244.

[38] ПФА РАН, Ф. 51. Оп. 2. № 33. Л. 2 об.

[39] A. v. Middendorff an K. v. Baer, Kasan, 15. Dezember 1842 // UBG. Nachlass von Baer. Bd. 16.

[40] Миддендорф полагал, что обширные инструкции, которые были составлены Комиссией экспедиции, требуют, чтобы он был одновременно и физиком, и зоологом, и ботаником, и геологом, а также выполнял функции администратора и завхоза. И ему казалось, что при такой ситуации он не сможет справиться с научными задачами экспедиции, чем вызовет недовольство Академии. О своих тревогах Миддендорф писал в одном из писем к Бэру (A. Th. v. Middendorff an K. E. v. Baer, Turuchansk, 21. März 1843 // UBG. Nachlass von Baer. Bd. 16).

[41] А.И. Шренк с 1839 г. по 1842 г. путешествовал по так называемой киргизской степи. Ю.И. Штубендорф тогда служил военным врачом в Омске и совершал экскурсии, собирая зоологические и ботанические коллекции в его окрестностях.

силы советом и действием; можно считать особым подарком судьбы, что она мне везде посылает верных друзей"[42].

Именно А.И. Шренк посоветовал Миддендорфу пригласить в помощь офицера Сибирского корпуса топографов, который смог бы производить съемки местности и определять географические координаты. Миддендорф познакомился в Омске с унтер-офицером В.В. Вагановым, который пожелал отправиться в путешествие, так как был весьма недоволен своей службой в Корпусе[43]. Миддендорфу удалось получить разрешение и Академии наук, и военного министра, и Ваганов был командирован в его распоряжение. Расходы на переезд и содержание топографа Миддендорф обязался взять на счет экспедиции.

Миддендорф побывал также в Барнауле, где на местном заводе, по его просьбе, собрали "земляной бур", который был необходим для бурения шахт в вечной мерзлоте. Миддендорф еще в Казани получил чертежи, которые позволили усовершенствовать этот бур.

Последнюю неделю января 1843 г. путешественники провели в Красноярске. Оттуда они отправились на север – в Туруханск. Сначала ехали по дороге вдоль Енисея, затем, сменив тяжелые кибитки на более легкие сани, двигались в основном по льду реки. При этом из-за туманов, снежных вихрей и ослепляющего снега почти не видели ее берегов. Туруханска достигли 25 февраля 1843 г. Там их уже ждали. По распоряжению Енисейского гражданского губернатора, путешественникам должны были предоставить удобное (светлое и достаточно теплое) помещение и выделить в распоряжение Миддендорфа четырех местных казаков ("несмотря ни на какие их возражения или служебные занятия"). Полагалось также из хлебных магазинов "хлеб отпускать без малейшего промедления за наличные деньги по той цене, что обошелся он казне с доставкой на места". При этом особо отмечалось, что следует "сообразовываться" как с существующими запасами, так и с потребностями местных жителей. Кроме того, губернатор подчеркивал, что любые чиновники должны стараться удовлетворять "все законные требования и надобности экспедиции"[44].

---

42 A. v. Middendorff an K. v. Baer, Omsk, 3. Januar 1843 // UBG. Nachlass von Baer. Bd. 16.

43 Об этом можно узнать из писем Ваганова к Миддендорфу, сохранившихся в Эстонском историческом архиве в Тарту (ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 10).

44 ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1841. № 2. Л. 65–66. Распоряжения енисейского губернатора были следствием указания генерал-губернатора Восточной Сибири В.Я. Руперта, который в свою очередь активно откликнулся на просьбу Академии наук содействовать Миддендорфу и его спутникам во время их путешествия.

Путешественники провели в Туруханске почти месяц. Там они начали исследования – бурили шурфы и измеряли температуру почвы. 25 марта из Туруханска отправились по льду Енисея до селения Усть-Курейского, оттуда на оленях до селения Дудино (на р. Дудинке), затем к озеру Пясина и, наконец, достигли селения Введенского на реке Пясине.

Во Введенском Миддендорф познакомился с семидесятилетним местным жителем Титом Лапуковым, который знал "самоедский язык" и согласился быть толмачем (переводчиком). Тит имел весьма колоритный вид и своеобразный характер. По словам Миддендорфа, "это был человек вроде гнома, не согбенный, но как бы ссохшийся, и до того закаленный против всех непогод севера, что, смотря на него, думалось, может ли умереть эта мумия"[45]. Однако (как отметил Миддендорф в одном из своих писем к Бэру) ему было бы легче общаться с местными жителями самому, чем с помощью своего "толмача". Миддендорф и Ваганов после окончания экспедиции неоднократно по разным поводам вспоминали забавные привычки и высказывания Тита.

Из Введенского по безлесной тундре, через водораздел между Пясиной и Боганидой, отправились в селение Коренное Филиповское на Боганиде. (Река Боганида – приток Хеты, которая впадает в Хатангу). Здесь все члены экспедиции (кроме Миддендорфа и Бранта) заболели какой-то болезнью, похожей на корь, и Миддендорфу пришлось вспомнить о своей профессии врача.

В Коренном Филиповском по поручению Миддендорфа Брант занялся метеорологическими наблюдениями. Сам Миддендорф спустился на лодке вниз по Хете к Хатанге, чтобы выяснить, существуют ли возможности для путешествия по этой реке до Ледовитого моря, как того требовала инструкция. Достигнув погоста Казачьего (в котором обитали лишь немногие русские семейства), Миддендорф узнал, что по Хатанге он не сможет плыть к морю, так как рыбачьи лодки местных жителей не приспособлены к перевозу большого количества тяжелых грузов. Но зато в Казачьем сохранилась лодка Х.П. Лаптева с обшивкой и даже гвоздями. По словам Миддендорфа, "Сказанное когда-то слово «собственность Государыни» в течение столетия охраняло гвозди от завидливости и кочевых, и оседлых туземцев, а дерево – от употребления на топку"[46].

В Коренное Филиповское Миддендорф вернулся 23 апреля. А 27-го апреля туда приехал и Ваганов, который затем сопро-

---

[45] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... С. 18.
[46] Там же. С. 19.

вождал Миддендорфа во всех его маршрутах и стал не только надежным спутником, но и "неразлучным и любимым товарищем"[47]. Так как по Хатанге достигнуть Ледовитого моря было невозможно, Миддендорф решил спуститься к океану по реке Таймыре вслед за кочующими самоедами. Однако для плавания по реке необходимо было везти с собой каркас лодки. Леса кончались южнее Коренного Филиповского, а местные жители из-за отсутствия дерева большие лодки делать не умели. Созданием каркаса пришлось заняться самому Миддендорфу. "Посмотрел бы ты на меня там наверху (на севере), – писал Миддендорф одному из своих друзей. – Там-то я был в своей стихии. Лодку мы собственноручно построили вдвоем с одним из моих людей, который ничего не смыслил в этом деле, но у которого однако ж по-русски топор в руках был и стругом, и долотом, и пилой, словом [инструментом] универсальным, хотя и грубым"[48].

Путешествие на собаках к северу началось 7 мая. Бранта и Фурмана Миддендорф оставил в Филиповском. Они должны были вести метеорологические наблюдения и собирать естественноисторические коллекции. В путешествии Миддендорфа сопровождали Ваганов, "старик-толмач" и три "дюжих и бодрых казака". Необходимое снаряжение везли на 8 санях, запряженных оленями. Когда, наконец, встретили самоедов, оказалось, что все они больны. Так как женщины из-за болезни не смогли ко времени встречи сшить полог для палатки, путешественникам при температуре –18° (Реомюра) и жестоком урагане пришлось три дня жить в палатке без крыши.

Затем выяснилось, что ни одно местное племя самоедов никогда не кочует севернее Таймырского озера, так как о тамошней природе имелись весьма пугавшие их легенды. Миддендорф с трудом нашел проводника, который довел путешественников до реки Таймыры. Но богатый долган, сопровождавший путешественников, "рассудил за благо удалиться", едва они достигли бере-

---

[47] Миддендорф высоко оценивал деятельность Ваганова как своего помощника во время путешествия. На основе сведений Миддендорфа о Ваганове П.Н. Фус в одной из своих записок об экспедиции писал: "... искусство его, усердие, с которым он переносил безропотно все лишения и делил все опасности, сметливость и готовность его в оказании таких услуг экспедиции, которые выходили из круга его естественных обязанностей, достойны всякой похвалы". По словам Фуса, именно Ваганову "экспедиция преимущественно обязана богатством географических приобретений" (РГИА. Ф. 735. Оп. 2. № 262. Л. 76–76 об). Съемки Ваганова стали основой карт, опубликованных в труде Миддендорфа об экспедиции.

[48] *Бэр К.* Новейшие известия об экспедиции г. фон Миддендорфа // СПб. ведом. 1844. № 20. 26 янв. С. 88.

Компас, с которым Миддендорф путешествовал по Сибири

гов реки. Между тем оказалось, что существовавшие карты этой части Таймырского края неверны. “По этим картам озеро Таймыр имеет лишь незначительные притоки; самая же река этого имени есть только единственный незначительный исток озера; между тем как в действительности это есть река, величавая по объему своих вод даже гораздо выше того места, где она вливается в озеро”, – писал Миддендорф в одном из своих отчетов об экспедиции[49].

На Таймыре (позже Миддендорф назвал ее Верхней Таймырой) путешественники оказались в начале июня. Большая часть оленей к этому времени пала. Понадобилось много времени, чтобы подготовиться к плаванию до Ледовитого моря. Необходимо

---

[49] РГИА. Ф. 735. Оп. 2. № 262. Л. 137 об.–138.

было "обшить" каркас "байдары", для чего использовали "до-щечки", составлявшие дно саней, перевезти к озеру Таймыр инструменты, запасы еды и сделать там склад. Плавая вверх и вниз по реке, вели съемки и наблюдения, собирали коллекцию животных и гербарий.

4 июля отправились в плавание (от 74° с.ш.) на "байдаре", которую назвали "Тундра", и небольшой "ладье", взятой на буксир. Спустились по реке до озера и 27 июля медленно поплыли вдоль его западного берега. 5 августа достигли истока реки, которую Миддендорф затем назвал Нижней Таймырой[50]. Нижнюю Таймыру, благодаря ее быстрому течению, удалось преодолеть за одну неделю (между 5 и 12 августа). Скалистые берега предохраняли путников от сильных ветров, но очень быстро кончились запасы еды. Так как охота и рыбная ловля были неудачны, приходилось удовлетворяться небольшим количеством сухарей и скудными порциями сырой рыбы. К тому же 6 августа (день рождения Миддендорфа) выпал снег. Через три дня Миддендорф обнаружил на берегу следы пребывания людей: обрубок рукоятки топора, распиленный клык мамонта, челюсть лошади и пришел к выводу, что в этом месте останавливался Х.П. Лаптев.

12 августа путешественники достигли устья реки и в Таймырском заливе открыли остров, который Миддендорф назвал именем К.М. Бэра[51]. Однако от дальнейшего плавания к северу пришлось отказаться из-за сильных ветров и мелей. 14 августа вблизи 76° с.ш., путешественники вынуждены были повернуть назад, "томимые голодом и холодом, страдая от лишений разного рода, равно как и от позднего времени года"[52].

Плавание к югу осложняли тина, мешавшая грести, быстро убывавшая вода в реке, ненастная погода. Приходилось лезть в

---

[50] Так как путешественники находились в совершенно неизвестной области, Миддендорф давал названия всем полуостровам, островам, рекам, которые встречались на их пути.

[51] 9 марта 1844 г. Миддендорф писал Бэру, что в Таймырском заливе вблизи устья реки Таймыры они открыли остров, который "окрестили" именем Бэра. К своему письму Миддендорф приложил шутливое удостоверение, подписанное им, а также Брантом, Вагановым и Фурманом: "Herrn Acad. v. Polar-Baer. Der Taufhandlung unseres geliebten Findlinges Insel "Baer", als Tauf-Papa [...]. Scherz-Drucksache. Jakutsk, 08. März 1844" (Господину академику Бэру – полярному. Обряд крещения нашего дорогого найденыша острова "Бэр" как крестному отцу. Шутливый формуляр.) (Tammiksaar, E., Kaavere, V. Findbuch zum Nachlass Karl Ernst von Baer. 1792–1876 // Berichte und Arbeiten aus der Universitätsbibliothek und dem Universitätsarchiv Giessen. Giessen, 1999. Bd. 50. S. 133).

[52] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... С. 21.

ледяную воду, чтобы сталкивать лодку с мели или очищать весла от тины, у путешественников не хватало сил долго грести. К тому же ночи становились все длиннее и холоднее. Через десять дней путники достигли северного берега озера Таймыр, но сели на мель, дальнейшему плаванию мешала и сильная буря, которую пришлось пережидать в мокрой одежде 4 дня.

28 августа буря внезапно прекратилась. "Едва только стихло, льдины, наполнявшие озеро и плывшие с Верхней Таймыры, смыкаясь с новым, кругом пристававшим к ним льдом, с неимоверною быстротою стали смерзаться. С трудом мы избегли опасности вмерзнуть среди озера; еще с большим трудом достигли мы западного берега р. Таймыры против мыса Ленца, после того как челнок потонул, а лодка, попорченная льдинами, наполнилась водою"[53].

Люди спаслись, но в "челноке" находились собранные коллекции, а место, где путешественникам удалось пристать к берегу, оказалось далеко от склада продовольствия. Чтобы добраться до него, изготовили сани из досок, которыми была обшита лодка. Однако снега было мало, и сани вскоре развалились. Тогда Миддендорф решил отправить спутников на поиски самоедов. Он отдал им остатки сухого бульона и мясо верной собаки (она была специально дрессирована для "зоологических целей", но ее пришлось застрелить), а сам остался на берегу один "больной, без приюта, среди наступившей арктической зимы, под 75° широты, подверженный всей суровости непогоды"[54].

О том, что испытал Миддендорф, оставшись в одиночестве в "полярной пустыне", он писал родным в Петербург: "Прошло около 12 дней с тех пор, как товарищи по страданиям оставили меня. Не оставалось никакой надежды на помощь, я был убежден, что предоставлен собственным, никуда негодным силам, следовательно, все равно, что похоронен. Но я все еще был бодр, пока мог любоваться на величественные горы. Подобно нашим белкам, я поворачивался каждый день в ту сторону, куда дует ветер. Когда же наступала долгая бессонная ночь, тогда открывалось передо мной царство фантазии, и я забывал даже голод. Тут из ущелий Борей так зашумел, как будто хотел вскинуть меня на небо. Вместо воздуха около меня закружилась невдыхаемая стихия, и скоро я был завален снегом, погружен в темную ночь. Свечей у меня не было, и я так и сидел неподвижно. За днем последовала ночь, за нею еще такой день и такая ночь, и когда на тре-

---

[53] Там же.
[54] РГИА. Ф.735. Оп. 2. № 262. Л.143 об.–144.

тий день все было то же, мне стало страшно. Тягостное чувство возрастало больше и больше. Вечером – может была уже и ночь – мною овладело сильное беспокойство, – я вспомнил наказания посредством мрачных безмолвных темниц, которые потом были отменены, потому что за таким заключением следовало сумасшествие. Меня обуял невыразимый страх: я боялся сойти с ума; этот страх сдавил мне сердце и стал невыносимым. Напрасно придумывал я средства к спасению: мозговая коробка моя сделалась односторонней и не удерживала никакой другой мысли [кроме страха]. Вдруг одна сверкнула, словно молния с неба. Я поспешно пожертвовал небольшим остатком дерева, натопил стакана три воды из снегу, и благодетельный огонь опять потух. Я взял спирт из одного препарата, влил в воду и напился. С этим питьем явилась новая жизнь во мне. Мысли снова понеслись к родным, к тем безоблачным дням, которые я провел с друзьями юности. Скоро погрузился я в глубокий сон. Сколько он продолжался, не знаю. Проснувшись, я чувствовал себя снова оживленным. Чувство благодарности разогрело грудь мою. Я взял из хирургической готовальни заволочную иглу и сшил себе сапоги из своей шубы; на другой день окончил салазки и с одной белой куропаткой пустился отыскивать товарищей"[55].

Миддендорф решил сам искать склад продовольствия, полагая, что спутники его погибли, так как прошло уже 18 дней с тех пор, как они расстались. Однако к счастью Миддендорф не успел уйти далеко от места, где провел эти дни, и его смогли обнаружить самоеды. Оказалось, что спутники не погибли и довольно скоро нашли ожидавших их вблизи Верхней Таймыры самоедов, но не смогли сразу вернуться к Миддендорфу из-за непогоды. После благополучной встречи путешественники приехали в Коренное Филиповское. "С упоительной радостью, – вспоминал Миддендорф, – встретил я 8 октября опушку леса, а 9/21 – после пятимесячной жизни под палаткой – курную избу в Филиповском на Боганиде, наконец, моих товарищей и мягкий хлеб"[56].

Через неделю путешественники уехали из Коренного Филиповского. Больше месяца (с 18 ноября) провели они в Туруханске, где вели метеорологические наблюдения. В Петербург были отправлены ящики с ботаническими и зоологическими коллекциями, собранными на Таймыре[57]. Из Туруханска путешествен-

---

[55] *Бэр К.* Новейшие известия... С. 89, примеч.
[56] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... С. 22.
[57] A. v. Middendorff an K. v. Baer, Turuchansk, 17. Dezember 1843 // UBG. Nachlass von Baer. Bd. 16.

ники на санях отправились к югу и 14 января 1844 г. достигли Красноярска, где пробыли всего два дня. Некоторую часть пути от Красноярска до Иркутска Миддендорф и его спутники проделали вместе с сенатором, который из Петербурга был командирован в Восточную Сибирь для ревизии.

В Иркутске, где провели несколько дней, Миддендорф познакомился с губернатором Восточной Сибири В.Я. Рупертом, который встретил Миддендорфа "крайне предупредительно". Однако в Иркутске не задержались, так как Миддендорф решил, что путешествовать вместе с сенатором-ревизором выгоднее, чем без него[58]. Это позволяло двигаться быстрее, так как не было задержки с получением лошадей. Рассказывая об этом в письме к Бэру, Миддендорф назвал себя "псевдо-чиновником".

Из Иркутска путешественники уехали 27 января, а 18 февраля были уже в Якутске – главной цели экспедиции. Семь недель понадобилось, чтобы просверлить отверстия для установки термометров в колодце Шергина – задача оказалась очень сложной. Затем под руководством Миддендорфа начались геотермические наблюдения.

Одновременно шла подготовка к путешествию к Охотскому морю. Миддендорф искал жителя Якутска, который смог бы продолжить наблюдения в шахте Шергина, пока будут вестись исследования на юго-востоке Сибири. При этом, обратив внимание на то, что новый порядок взимания ясака совершенно разорял "инородцев", ставя их на грань выживания, Миддендорф счел своим долгом сообщить об этом министру внутренних дел[59].

В планах Сибирской экспедиции о путешествии к Охотскому морю упоминалось лишь между прочим – в связи с тем, что следовало выяснить, как далеко "оледенелая земля" распространяется в Сибири. В записке П.Н. Фуса для С.С. Уварова после очень подробного обоснования необходимости исследований в Якутске и на севере Сибири отмечалось: "Разрешение всех предполагаемых здесь задач потребует по крайней мере три года, считая одну зиму для путешествия в Якутск, одно лето на то, чтобы из Якутска отправиться к Ледовитому или Охотскому морю и опять возвратиться в Якутск, произвести вторичные наблюдения над впущенными прежде в землю термометрами, одну зиму на путешествие в Туруханск, одно лето на путешествие к Ледовитому морю к устью Хатанги и одну зиму на возвратный путь, но, впрочем, самому путешественнику должно быть предоставлено распорядиться

---

[58] Там же. Irkutsk, 26. Januar 1844.
[59] Там же. Jakutsk, 9. März 1844; 29. März 1844.

своим временем в частности, как он найдет то всего удобнее для самого себя и всего удобнее с обстоятельствами"[60].

И Миддендорф "распорядился своим временем". По инициативе Бэра он совершенно изменил план экспедиции, построив маршрут более рационально и так, чтобы обязательно осталось время для путешествия к Охотскому морю. Еще из зимовья Введенского Миддендорф отправил Фусу смету расходов, которые потребуются для такого путешествия, а Бэра просил содействовать тому, чтобы эти деньги были выделены как можно быстрее. Позже Миддендорф писал Бэру, "... Удское кажется мне все важнее и важнее, так что я твердо решил туда отправиться, даже если Академия никаких денег не пошлет"[61].

В Академии наук вопрос о путешествии Миддендорфа к Охотскому морю начали активно обсуждать в 1844 г. В январе этого года в заседании физико-математического отделения было прочитано письмо Миддендорфа – его отчет о путешествии летом 1843 г. В том же письме, написанном 31 октября, Миддендорф сообщил о своем намерении посетить Удский острог и просил, чтобы Академия выделила дополнительные деньги для этого путешествия[62].

В связи с его просьбой в конце января 1844 г. вице-президент Академии наук М.А. Дондуков-Корсаков от имени физико-математического отделения обратился к С.С. Уварову. В своей записке он писал: "Труднейшую и опаснейшую часть своего поручения Миддендорф выполнил с такою осмотрительностью и постоянством, которые превзошли все ожидания Академии, и с таким успехом в отношении к науке, который, конечно, не приминет снискать отечеству нашему в высокой степени благодарность и признание ученого света"[63]. Речь шла также о том, что, если работы по изучению вечной мерзлоты в якутском колодце будут успешны, Академия предоставит Миддендорфу средства для научных исследований и на берегах Охотского моря. "Окрестности Удского острога с Шантарскими островами граничат с совершенно неизвестной областью Амура и столько же неизведанным в естественном отношении Охотским морем. Уже некоторые сведения о климатологических отношениях того края были бы весьма важны потому, что доныне только вообще известно, что в древнем мире [старом свете], как и в новом, восточный берег гораздо хо-

---

60 ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1841. № 2. Л. 14–14 об.

61 A. v. Middendorff an K. v. Baer, Irkutsk, 26. Januar 1844 // UBG. Nachlass von Baer. Bd. 16.

62 ЖМНП. 1844. Ч. 43. Отд. III. С. 26.

63 ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1841. 2. Л. 88 об.

лоднее западного, но вовсе недостает масштаба для точнейшего определения этой разности; и таковой масштаб может быть получен только в России и всего лучше из окрестностей Удского острога, доколе область Амура остается недоступною для ученого света"[64]. Академия наук просила Уварова ходатайствовать о высочайшем разрешении на выделение дополнительных денег (5000 рублей серебром) для продолжения экспедиции. Разрешение было получено, не возражал и министр финансов.

Но Миддендорф не стал дожидаться официального разрешения. 7 апреля 1844 г. вместе с Фурманом и в сопровождении двух казаков и двух якутов, умевших делать "кожаные байдары", он отправился в Амгинск, чтобы оттуда добраться до Удского острога. Брант и Ваганов с инструментами и необходимыми припасами уехали из Якутска раньше (2 апреля). Для путешествия по Охотскому морю пришлось везти с собой канаты, якоря и кожу для обтяжки лодки, а также большое количество провизии (край был очень слабо заселен, неизвестно было, смогут ли путешественники достать еду). Все это отправили на санях, запряженных волами.

Миддендорф и его спутники ехали на ямских лошадях сначала очень быстро. "Дорога была отличная, наезженная, превосходные лошади живущих здесь якутов мчали нас со станции на станцию ... Зимою ледяной и снежной покров почвы избавляет путешественников от объездов болотистых мест, луж и озер, которыми богат этот путь, хотя в такой же степени беден свежею водою, годною для питья"[65]. Но после Амгинска дорога существенно изменилась – она шла по горной области, где высокие хребты перемежались с долинами рек, а долины имели то скалистые берега, то топкие болотистые низины с множеством озер и речек. Летом лошади могли переходить речки вброд, но весной эти речки разливались. Передвигаться можно было лишь на вьючных лошадях, а перевозка груза значительно осложнилась. Потребовалось очень много вьючных и запасных лошадей.

Преодолев все трудности на своем пути, 9 июня путешественники добрались до Удского. Здесь якуты обтянули кожами каркас лодки, и все участники экспедиции на этой "байдаре" спустились вниз по р. Уде к Охотскому морю. Путешественники несколько дней не могли выйти в море из-за сильных ветров, и в это время Миддендорф с огорчением обнаружил бедность органического мира как в устье Уды, так и вблизи ее. Наконец, благодаря усилиям "большой и дружной команды", все же уда-

---

[64] Там же. Л. 89 об.–90.
[65] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... С. 128.

лось отправиться к Шантарским островам. В письме к Бэру Миддендорф колоритно описывал свою команду, состоящую из "одного датчанина, одного российского немца, четырех русских из Омска, Нижне-Колымска, Ижиги и Якутска, одного эстонца, одного тунгуса и четырех якутов, среди которых один ссыльный, один ловкий парень, один носильщик ...". При наличии "шнапса" команда, по словам Миддендорфа, выглядела "очень разбойничьей", однако в благодарность за хорошую работу после окончания исследований на Шантарских островах, он выдал своим спутникам двойную порцию водки[66].

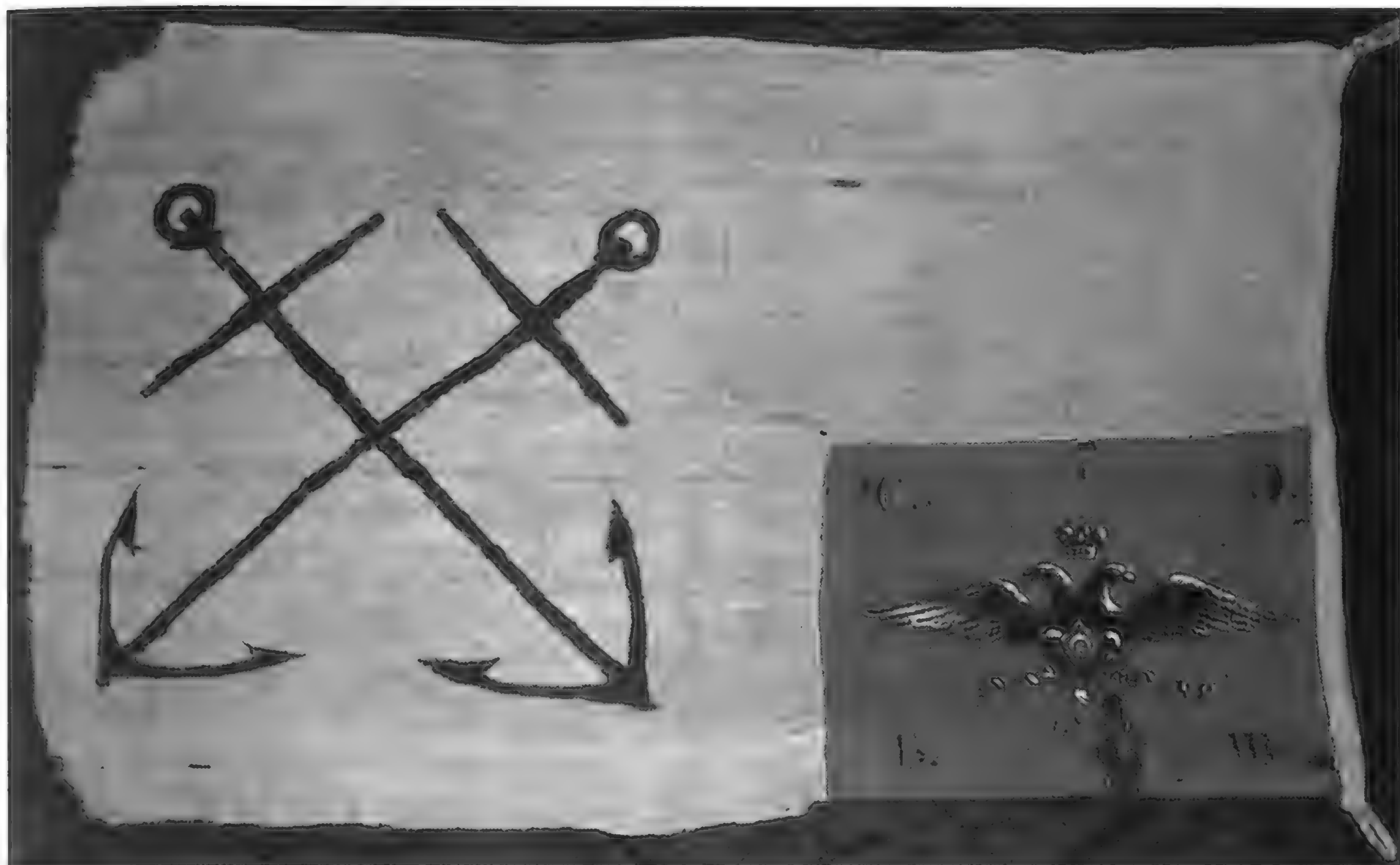
Возвратившись на берег, Миддендорф отправил Бранта и Фурмана в Удское. Брант с коллекциями должен был вернуться в Якутск и организовать там продолжение наблюдений в колодце Шергина, а Фурман – остаться в Удском остроге и вести там метеорологические наблюдения. Миддендорф же и Ваганов на двухвесельной лодке поплыли к устью р. Тугур. Отсюда на оленях они поехали к гилякам, а затем на легкой гиляцкой лодке плавали по Тугурскому заливу. Миддендорф надеялся, что они смогут достигнуть также устья Амура, до которого, по словам гиляков, были лишь три ночевки. Но путь туда оказался сложным, а времени до конца экспедиции оставалось немного, и для того, чтобы успеть пройти вдоль Станового хребта в срок, намеченный Миддендорфом, пришлось вернуться к устью Тугура.

20 сентября 1844 г. от устья этой реки Миддендорф и Ваганов в сопровождении якутских проводников отправились к западу вдоль южного склона Станового хребта – через горы и "дремучие девственные леса". Передвигаясь то на оленях, которых привели с собой якуты, то пешком, путешественники достигли р. Немилен (притока Амгуни), затем пересекли Буреинский хребет и побывали в местности, где истоки Буреи приближаются к истокам Селемджи[67]. 15 ноября переправились через Селемджу и направились к реке Зее. Вышли к ней ниже впадения в нее р. Гилюй, поднялись по Зее до устья Гилюя, затем шли вдоль реки по отлогим склонам гор. Из речной системы Зеи перешли в речную область Амура и 14 января 1845 г. добрались до караула Усть-Стрелочного, который находился вблизи слияния рек Шилки и Аргуни, дающих начало Амуру. Из Усть-Стрелочного почтовым трактом через Кяхту и Нерчинск Миддендорф и Ваганов

---

[66] A. v. Middendorff an K. v. Baer, Udskoy Ostrog, 13. Juni 1844; Cap Nichta Westufer der Tugurbucht, 15. August 1844 // UBG. Nachlass von Baer. Bd. 16.

[67] Миддендорф считал, что Бурея соединяется с Селемджей (Он называл ее Селимджа).

Флаг, под которым Миддендорф плавал по Охотскому морю

3 февраля приехали в Иркутск, где их уже ждал Брант. Ваганов остался в Иркутске, а Миддендорф и Брант 20 марта 1845 г. вернулись в Петербург[68].

Но исследования экспедиции еще не закончились. Фурман с 1 мая 1844 г. до 1 сентября 1845 г. вел метеорологические наблюдения в Удском, а затем по поручению Академии наук (до 1847 г.) – геотермические наблюдения в Якутске, Витимске и Олекминске. В Якутске геотермические наблюдения в колодце Шергина после отъезда Бранта продолжал штатный смотритель училищ Якутской области Д.П. Давыдов, который считался "состоящим при делах ученой северо-восточной экспедиции"[69].

[68] ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1841. № 2. Л. 150; РГИА. Ф. 735. Оп. 2. № 262. Л. 71. В труде об экспедиции Миддендорф сообщил, что возвратился в Петербург 5 марта. (Путешествие... Ч. I, отд. I. С. 26).

[69] ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1841. № 2. Л. 158. В 1846 г. Д.П. Давыдов должен был переехать на службу из Якутска в Верхне-Удинск. Из-за наблюдений он не мог в 1845 г. ехать в Иркутск, чтобы сдать дела (как того требовало начальство) и беспокоился, что лишится места в Верхне-Удинске. Но Академия наук с помощью министра народного просвещения уладила это дело, и Давыдов смог спокойно продолжить наблюдения (Л. 164–164 об.). Правительство ассигновало для Сибирской экспедиции 15000 серебряных рублей. Так как Миддендорф истратил только 13320 рублей, оставшиеся деньги были использованы для оплаты работ М. Фурмана и Д.П. Давыдова. Вопрос об отправлении им денег в Сибирь в Академии наук обсуждался еще и в августе 1847 г. (Там же. Л. 147–147 об., 167–170, 182–182 об.).

О ходе своих исследований в Сибири Миддендорф регулярно сообщал Бэру и в Академию наук. В январе 1844 г. физико-математическое отделение познакомилось с первым его отчетом о путешествии по Таймырскому краю и наблюдениях в Туруханске. В мае того же года Академия получила письмо Миддендорфа с описанием исследований в колодце Шергина.

В августе 1844 г. из Удского Миддендорф сообщил Академии, что намерен оставить там Фурмана для метеорологических наблюдений, а Бранта отправить в Якутск для продолжения наблюдений в колодце Шергина, в декабре – о своем путешествии из Якутска в Удский острог, а затем – на Шантарские острова. Последнее письмо Миддендорфа о его путешествии от Охотского моря к истокам Амура было прочитано в физико-математическом отделении на заседании, состоявшемся 21 марта, то есть на следующий день после того как он вернулся в Петербург.

Еще до возвращения Миддендорфа его письма с отчетами об экспедиции печатались в "Бюллетене" Академии наук, об их содержании сообщали протоколы заседаний физико-математического отделения, публиковавшиеся в "Журнале министерства народного просвещения", об истории и результатах путешествия рассказывал П.Н. Фус в отчете о деятельности Академии наук за 1844 г. Статьи о приключениях Миддендорфа публиковал К.М. Бэр. Одна из них, переведенная И.Ф. Крузенштерном, была напечатана в журнале Лондонского географического общества[70].

Уже 21 марта 1845 г. (после того, как в физико-математическом отделении было прочитано последнее письмо Миддендорфа), Бэру было поручено составить "обозрение путешествия" как для публикации, так и для поднесения царю[71]. 25 марта министр народного просвещения С.С. Уваров сообщил Николаю I об окончании экспедиции Миддендорфа. Уваров писал также: "... я буду иметь счастье всеподданнейше донести Вашему Императорскому Величеству о плодах экспедиции, которая уже обратила на себя внимание Европы, изумленной мужеством доктора Миддендорфа ... и станет наравне с самыми смелыми доселе покушениями путешественников на морях и на суше"[72].

---

[70] *Krusenstern, A. J. v.* Narrative of M. Middendorff's Journey in Northern Siberia // The Journal of the Royal Geographical Society of London. 1844. Vol. 14. P. 247–259. В январе 1844 г. И.Ф. Крузенштерн сообщил Г. Бергхаузу, что тот вскоре сможет прочитать "очень интересный отчет Академии наук о замечательном путешествии профессора Миддендорфа" (ЕАМ. Ф. 114. Оп. 1. № 3. Л. 55 об.).

[71] ЖМНП. 1845. Ч. 46. Отд. III. С. 60–61.

[72] РГИА. Ф. 735. Оп. 2. № 262. Л. 67 об.

На основе “обозрения путешествия”, составленного Бэром[73], П.Н. Фус подготовил обширную записку для Уварова, которую тот использовал для всеподданнейшего доклада императору 5 апреля 1845 г. В докладе шла речь и о необходимости наград для путешественников. Подчеркивая, что участники морских экспедиций обычно награждались орденами и деньгами, а путешествие по Сибири сложнее морских, Уваров предлагал наградить Миддендорфа орденом Св. Владимира 4 степени, Бранта – орденом Св. Анны 3 степени, а также ходатайствовать через начальника Главного штаба Ф.Ф. Берга о награде для Ваганова.

Император согласился наградить путешественников и вместе с тем пожелал прочесть краткий отчет об экспедиции, составленный самим Миддендорфом. По поручению Фуса, Миддендорф составил “Краткий обзор путешествия по Северной Сибири”, и 23 апреля этот обзор (отредактированный Бэром и Фусом) Уваров представил Николаю I. Познакомившись с подробностями экспедиции, император начертал на рукописи: “Весьма любопытно, и смелость, и решительность достойны всякого уважения”[74].

Еще до того, как Николай I получил “Краткий обзор путешествия”, капитул Российской империи и царских орденов получил указ императора (от 7 апреля) о наградах для Миддендорфа и Бранта. Миддендорф, кроме ордена Св. Владимира, должен был получать сверх жалования 400 руб. серебром в год с 5 апреля 1845 г. до тех пор, пока будет оставаться на службе в Академии наук[75]. Об этих наградах Уваров сообщил Фусу 11 апреля и, вероятно, тогда же о них узнал и Миддендорф.

За два года Миддендорф преодолел многие сотни верст, изучил обширные пространства, в которых еще никогда не бывали ученые, и успешно выполнил основные задачи, стоявшие перед экспедицией. Как отметил П.Н. Фус в записке, представленной С.С. Уварову после возвращения путешественника в Петербург, “Все эти три задачи так важны для познания физических отношений земного шара, что каждая из них уже сама по себе стоила бы особой экспедиции; но все три были поручены Миддендорфу...[76].

---

[73] ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1841. № 2. Л. 136–140. Русский перевод – Там же. (Л. 130–133 об.).
[74] РГИА. Ф. 735. Оп. 2. № 262. Л. 133.
[75] Там же. Л. 130–130 об.
[76] Там же. Л. 72.

Сам Миддендорф, упоминая о трудностях экспедиции, писал: “Подобно кочующим, надо уметь продовольствовать себя охотой или рыбной ловлей, и еще лучше всякого кочевника надо иметь гибкую готовность и сноровку то управлять парусами, то обращаться с собаками, оленями и лошадьми, то быть гребцом, то неутомимым пешеходом. ... пускаясь в путешествие для открытий, надобно иметь на все готовую сноровку, неистощимую изобретательность на всякие извороты, не только быть в одном лице всем: и знатоком всякой сухопутной езды и всякого рода плавания, и звероловом, и рыболовом, портным, сапожником, плотником, кузнецом и т.д., но во всех ремеслах должно уметь тотчас по первому требованию минуты взяться за выполнение дела самыми простыми орудиями полудикаря времен первобытных”[77].

Заслуги и мужество Миддендорфа высоко оценили не только в ученых, но и в правительственных кругах – орден он получил необычайно быстро. Кроме ордена и денежного вознаграждения, Миддендорф приобрел еще одну, по существу наиболее ценную награду – он был избран действительным членом Академии наук.

---

[77] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... С. 15.

В Академии наук

Сибирская экспедиция официально длилась с ноября 1842 г. по март 1845 г. Все это время Миддендорф имел временное "звание" путешественника Академии наук. "Звание" за ним сохранили и после возвращения в Петербург – на время подготовки к изданию собранных материалов[1].

Из экспедиции Миддендорф вернулся 20 марта 1845 г., а уже 2 мая К.М. Бэр, Ф.Ф. Брандт и П.Н. Фус предложили физико-математическому отделению Академии наук "избрать Александра Миддендорфа адъюнктом по части зоологии"[2]. Избрание в отделении состоялось 23 мая[3], а 2 августа этот выбор поддержало общее собрание Академии[4]. В представлении общему собранию, которое составил Бэр и подписали Ф.Ф. Брандт и П.Н. Фус, отмечалось, что Миддендорф "имел благоприятный случай не только показать на деле обширность и основательность своих познаний, но и собрать для будущих исследований богатый, почти неиссякаемый материал"[5]. Академики также отметили, что Миддендорф еще не мог представить в Академию сочинений, в которых излагались бы результаты его Сибирской экспедиции, но о его возможностях свидетельствует статья об орнитологии Лапландии[6], удостоившаяся одобрительных отзывов зоологов Академии Бэра и Брандта.

---

[1] РГИА. Ф. 733. Оп. 13. № 35. Л. 19–19 об. По высочайшему повелению "...бывшего экстра-ординарного профессора Миддендорфа следовало считать в действительной службе при Академии со времени отправления в экспедицию до окончания" (Там же. Л. 5–5 об).

[2] Там же. Л. 27; См. также. ЖМНП. 1845. Ч. 47. Отд. III. С. 48–49.

[3] ЖМНП. 1845. Ч. 47. Отд. III. С. 56.

[4] Во всех биографических очерках именно 2 августа указано как день избрания Миддендорфа адъюнктом. Но в формулярных списках имеется и другая дата – 9 декабря 1845 г. В этот день избрание было высочайше одобрено императором Николаем I. Иногда, например, в списке, составленном в 1855 г., указана только эта дата.

[5] РГИА. Ф. 733. Оп. 13. № 35. Л. 27 об.

[6] *Middendorff A.Th.* v. Bericht über die ornithologischen Ergebnisse der naturhistorischen Reise nach Lappland während des Sommers 1840 // Beiträge KRR. 1843. Bd. 8. S. 187–258.

А.Ф. Миддендорф. 50-е годы XIX в.

Став членом Петербургской Академии наук, Миддендорф активно занялся обработкой зоологических коллекций и других материалов экспедиции. Осенью 1845 г. он представил физико-математическому отделению план четырехтомного труда, который должен был включать результаты этих исследований: первый том – материалы по геогнозии (геологии), палеонтологии и ботанике, второй – по зоологии, третий – по этнографии и лингвистике, четвертый – по истории экспедиции. Кроме того Миддендорф собирался опубликовать атлас, включающий карты, составленные на основе съемок, этнографические портреты, рисунки одежды и обуви сибирских народов, а также изображения предметов естественной истории.

Коллеги высоко оценили этот план. В отчете министерства народного просвещения за 1845 г. отмечалось: "По удостоверению академической комиссии, рассмотревшей в рукописи обшир-

ный план г. Миддендорфа, предполагаемое издание по важности своей станет наряду со знаменитыми творениями сего рода времен императрицы Екатерины II"[7]. В отчете того же министерства за следующий год сообщалось, что уже готовится к изданию первый выпуск труда Миддендорфа о Сибирской экспедиции, а также о том, что императору "благоугодно было пожаловать" 10300 рублей серебром на издание атласа[8]. Инициатором "пожалования" была комиссия Сибирской экспедиции, тогда как расходы на издание самого труда взяла на себя Академия наук[9].

Поездка в Европу (1846 г.)

Миддендорф считал, что для обработки собранных в Сибири зоологических коллекций полезно сравнить их с материалами, хранящимися в музеях разных стран. Поэтому весной 1846 г. он обратился в физико-математическое отделение Академии наук с просьбой разрешить ему поездку в Европу. Миддендорф собирался побывать в Швеции, Дании, Германии и Великобритании, чтобы посетить естественноисторические музеи и познакомиться с учеными этих стран. Кроме того, он знал, что за границей дешевле обходилась гравировка карт, планов и рисунков, которые должны были иллюстрировать его будущий труд о результатах экспедиции. Миддендорф хотел также лечиться на водах в Германии, так как был не совсем здоров. Считая, что для поездки по Европе ему понадобится 5 или 6 месяцев, Миддендорф просил Академию сохранить за ним на это время оклад, а также ходатайствовала о том, чтобы его заграничный паспорт был освобожден от пошлины.

19 апреля П.Н. Фус от имени физико-математического отделения обратился к С.С. Уварову, поясняя что поездка в Европу необходима Миддендорфу как для его научных исследований, так и для "восстановления здоровья, расстроенного от лишений и трудностей, претерпенных во время арктической его экспедиции"[10]. На эту просьбу Уваров ответил, что в связи с высочайшим распоряжением об экономии средств он не может ходатайствовать о сохранении жалования на время отпуска. Фус вынужден был снова писать Уварову, поясняя, что речь идет не об отпуске, а о командировке, которая важна для обработки материалов Си-

---

[7] ЖМНП. 1846. Ч. 50. Отд. I. С. 84–85.
[8] Там же. 1847. Ч. 54. Отд. I. С. 104.
[9] РГИА. Ф. 735. Оп. 2. № 262. Л. 154.
[10] Там же. Л. 166–166 об.

бирской экспедиции. Фус считал, что Уваров все же должен "для успеха предприятия, в котором государь император неоднократно изволил изъявить высочайшее свое участие, повергнуть ходатайство отделения через кабинет министров на Высочайшее Его Императорского высочества воззрение"[11].

Это письмо Фуса, написанное 3 мая, тоже не имело успеха. Понимая, что получить разрешение на длительную поездку в Европу невозможно, Миддендорф просил физико-математическое отделение об исходатайствовании ему хотя бы "29-ти дневного сверх летних вакаций отпуска для пользования Гамбургскими водами, необходимого по совету врачей для поправления совершенно расстроенного во время экспедиции здоровья его"[12].

О новой просьбе Миддендорфа Фус сообщил Уварову 17 мая. Неизвестно, какова была бы реакция министра народного просвещения на этот раз, но тут в дело вмешались более влиятельные силы. 16 мая Уваров получил записку от гофмейстера двора вел. кн. Михаила Павловича, в которой сообщалось: "Великая княгиня Елена Павловна, отправляясь 21-го числа сего месяца за границу на пароходе «Богатырь», желает, чтобы академик Миддендорф поехал также на нем до чужих краев". Она просила гофмейстера исходатайствовать на то высочайшее повеление[13].

Желание великой княгини мгновенно изменило ситуацию. В тот же день, "во исполнение желания Ея Высочества", Уваров представил докладную записку государю наследнику (великому князю Александру Николаевичу), испрашивая разрешение "на отпуск Миддендорфу в чужие края на четыре месяца"[14]. На следующий день он обратился к министру внутренних дел с просьбой о заграничном паспорте, который тотчас и был выписан. Проблема была быстро решена, и уже 22 мая Миддендорф смог пароходом уехать в Европу.

Из писем палеонтолога А.А. Кейзерлинга[15], сопровождавшего вел. кн. Елену Павловну, можно узнать, что Миддендорф вместе со свитой великой княгини из Штеттина доехал до Берлина[16], откуда вся свита отправилась на курорт в Ишль, а Миддендорф

---

[11] Там же. Л. 170.
[12] РГИА. Ф. 735. Оп. 2. № 586. 1846. Л. 2.
[13] Там же. Л. 1.
[14] Там же. Л. 4.
[15] А.А. Кейзерлинг был спутником геолога Р.-И. Мурчисона во время его путешествия по России в начале 40-х гг. XIX в.
[16] *Taube von der Issen, H.* Graf Alexander Keyserling. Ein Lebensbild aus seinen Briefen und Tagebüchern. Berlin, 1902. Bd. 1. S. 280–281.

остался в Берлине, так как должен был найти заведение для литографирования карт Сибирской экспедиции.

В Берлине Миддендорф побывал в Обществе землеведения и познакомился с его президентом известным географом К. Риттером. Миддендорф рассказал Риттеру о результатах своей Сибирской экспедиции и об экспедиции в Среднюю Азию своего друга А.И. Шренка, о чем Риттер сообщил в одном из заседаний Общества[17]. Согласно послужным спискам Миддендорфа, 6 июня 1846 г. он был избран почетным членом Берлинского общества землеведения. Но Риттер еще до их встречи знал о путешествии Миддендорфа, так как академик Х.Д. Френ прислал ему отчеты Миддендорфа, опубликованные в 1844 г. в "Бюллетене Академии наук"[18].

В Берлине в российском посольстве Миддендорф получил письмо А.А. Кейзерлинга с известием о том, что по предложению английского геолога Р.-И. Мурчисона[19] 25 мая 1846 г. он награжден золотой медалью Лондонского географического общества[20]. Кейзерлинг писал: "Вы первый российский подданный, который заслужил такое отличие. Надеются, что Вы с радостью воспримите эту награду и уже с благодарностью поедете в Саутгемптон и будете участвовать в собрании естествоиспытателей"[21].

---

[17] *Ritter C.* Vierzehnte jährliche Übersicht der Thätigkeit der Gesellschaft für Erdkunde in Berlin vom 2. Mai 1846 bis zum 12. Mai 1847 // Monatsberichte über die Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin. 1848. Neue Folge. Bd. 5. S. 7.

[18] Изложение этих отчетов Риттер напечатал в журнале Берлинского общества землеведения в 1845 г. (*Ritter C.* Herrn Dr. A.Th. v. Middendorff's Bericht über die Ergebnisse seiner Expedition in das nordöstliche Sibirien während der Sommehälfte des Jahres 1843, datirt Turuchansk in Decembr 1843 und Jenisseisk am 10. Januar 1844 (Durch den Akademiker Hrn. Staatsrath Frähn gütigst mitgetheilt) // Monatsberichte über die Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin, 1845. Neue Folge, Bd. 2. S. 206–231). В следующем году Риттер поместил в этом журнале небольшую заметку А. Эрмана, в которой тот изложил содержание письма Г.П. Гельмерсена. В этом письме речь шла об итогах его изучения плато Усть-Урт, а также о некоторых результатах экспедиций А.Ф. Миддендорфа и А.И. Шренка (*Erman A.* Hrn. G. v. Helmersen's Nachrichten über die geognostischen Verhältnisse des Ust-Urt und über einige Ergebnisse der sibirischen Reise des Herrn Dr. v. Middendorff und Dr. Schrenk (Aus einer brieflichen Mittheilung) // Там же. 1846. Neue Folge. Bd. 3. S. 353–355).

[19] ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 11. Л. 8 об.

[20] Медаль, которой был награжден Миддендорф, получил Мурчисон (Presentation of the gold medals, awarded respectively to count P.E. de Streletcki and professor Middendorff // The Journal of the Royal Geographical Society of London. 1846. Vol. 16. P. XXXVII). С 1839 г. в Лондонском географическом обществе выдавали две медали – Founder's Medal и Patron's medal. Миддендорф получил Patron's medal (*Cameron I.* To the Furthest Ends of the Earth. The History of the Royal Geographical Society 1830–1980. London and Sydeny, 1980. P. 262–266).

[21] ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 11. Л. 8.

После Берлина Миддендорф побывал на курорте в Ишле, а также в Касселе, где изучал моллюсков из коллекции немецкого зоолога и путешественника Р.-А. Филиппи[22].

В начале сентября Миддендорф приехал в Англию, где пробыл три недели, посетил несколько музеев, знакомился с учеными, побывал на конференции в Саутчемптоне. 5 сентября вместе с Мурчисоном Миддендорф побывал в Лондонском географическом обществе и встретился с секретарем Общества Дж. Джексоном[23]. Мурчисон приглашал Миддендорфа на свои вечера и даже побывал с ним в гостях у министра иностранных дел Великобритании Г.-Дж. Пальмерстона. Интересно, что когда возникла идея рассказать Пальмерстону о приключениях Сибирской экспедиции, оказалось, что в доме министра иностранных дел нет современной карты мира. Для иллюстрации пришлось воспользоваться французской картой XVIII в.[24]

С 10-го по 16-е сентября Миддендорф принимал участие в заседаниях юбилейной конференции общества British Association of Advancement of Science, проходившей в Саутгемптоне. Членами этого общества (которое было основано по инициативе Мурчисона и в 1846 г. отмечало свое 15-летие) были Ч. Дарвин, Ч. Лайель, А. Се́джвик, Р. Оуэн и многие другие известные в то время геологи и биологи. В Саутгемптон были приглашены и ученые других стран, например, Л. Агассис и Ж. Шарпантье из Швейцарии и А.-А. Ретциус из Швеции.

Открывая конференцию, Мурчисон рассказал о Сибирской экспедиции Миддендорфа, сообщив, что путешественник находится в зале среди гостей. Затем Миддендорф выступил в одном из заседаний с докладом о народах Сибири[25].

Среди ученых, с которыми в Англии познакомился Миддендорф, был и геолог Ч. Лайель. В 8-м издании своего знаменитого труда “Principles of Geology” (1850) Лайель упомянул о том, что в сентябре 1846 г. Миддендорф сообщил ему о своих исследованиях в Сибири[26].

---

[22] Там же. № 8. Л. 162 об.

[23] Там же. № 16. Л. 2–3.

[24] *Geikie A.* Life of Sir Roderick I. Murchison based on his journals and letters. London, 1875. Vol. 2. P. 63.

[25] *Middendorff* [*A.*]*v.* On certain Races of Siberia // Report of the Sixteenth Meeting of the British Association for the Advancement of Science. 1846. London, 1847. Notices and Abstracts... P. 115–116.

[26] *Lyell Ch.* Principles of Geology. London, 1850. 8-th ed. P. 83; *Лайель Ч.* Основные начала геологии. М., 1866. С. 90, 93–94 (Русский перевод сделан с 9-го английского издания труда Лайеля, опубликованного в 1859 г.).

Действительный член

Возвратившись в Петербург, Миддендорф занялся обработкой своих коллекций и созданием рукописи. Судя по официальным академическим отчетам, дела обстояли вполне благополучно. Однако 28 ноября 1846 г. в письме к своему другу Н. Вилькену Миддендорф сетовал на трудности работы: "Что Ты хотел узнать о моих научных занятиях, ведет меня к теме жмущего ботинка [болезненной теме]. Приобретением новых знаний я занимаюсь с удовольствием и возможно слишком много работаю с книгами, но писать так трудно, что временами лучше хотелось бы повеситься. ...Что касается моего путешествия, то печатание начинается весною, первые тома – чистая, сухая наука; так как я имею 8 сотрудников, некоторые части получатся очень подробными. Последние оба тома (4 in toto) хотел я наполнить популярным изложением (Kakeleyen) о Сибири. Материал уже есть, но ни на йоту дальше не продвинулся, так как писание для меня Torture, и Ты станешь моим спасителем, если найдешь кого-нибудь, кто возьмет от меня весь этот хлам – шероховатый труд многих лет, и придаст моим мыслям форму"[27].

Вероятно, именно из-за того, что Миддендорфу сначала было сложно писать, в 1847 г. была опубликована не первая, а вторая часть первого тома труда "Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens während der Jahre 1843 und 1844", включавшая данные по ботанике, обработанные Р.Э. Траутфеттером и Ф.И. Рупрехтом. Первая часть этого тома, в которую вошли написанные Миддендорфом введение с изложением задач и истории экспедиции и статьи о результатах геотермических и метеорологических наблюдений, увидела свет в следующем году. Эта часть включала, кроме того, инструкции для экспедиции, а также статьи: К.М. Бэра – о климате Таймырского края (Taimyrland), Э.Х. Ленца – о результатах магнитных наблюдений экспедиции, В.А. Миддендорфа* – о метеорологических наблюдениях, Г.П. Гельмерсена – о геологических наблюдениях, а также А.А. Кейзерлинга и немецких ученых Г.-Р. Гёпперта и И. Мюллера – о разных видах окаменелостей, обнаруженных Миддендорфом.

В 1851 г. была опубликована первая часть второго тома, содержавшая составленные Миддендорфом описания коллекций моллюсков, ракообразных, насекомых, а также и первая часть

---

[27] A. v. Middendorff an N. v. Wilcken, St. Petersburg, 28. November 1846 // PABvM.

* Владимир Андреевич Миддендорф – вероятно, двоюродный брат Александра Федоровича.

третьего тома, в которую вошли материалы о якутском языке, собранные Миддендорфом и обработанные О.Н. Бётлингком.

В 1853 г. увидела свет вторая часть третьего тома труда Миддендорфа, включавшая результаты его зоологических исследований – описания млекопитающих, птиц и амфибий (земноводных).

В конце 40-х – начале 50-х гг., наряду с подготовкой к изданию первых частей труда "Reise...", Миддендорф публиковал в журналах Академии наук и других изданиях отдельные статьи о результатах своих зоологических исследований. Кроме того, он часто выступал с докладами об этих исследованиях в заседаниях физико-математического отделения. Миддендорф участвовал также в обсуждении планов академических экспедиций, писал отзывы о работах "посторонних ученых", представленные на соискание Демидовских премий или для публикации в академических журналах, был членом комиссий, решавших разные проблемы, возникавшие в жизни Академии наук.

Имя Миддендорфа часто встречалось в протоколах заседаний физико-математического отделения. В годичных отчетах Академии ее непременный секретарь П.Н. Фус не ограничивался сообщениями о выходе работ Миддендорфа, но обычно довольно подробно излагал их содержание.

Активное участие Миддендорфа в деятельности Академии наук было оценено коллегами. 2 марта 1850 г. общее собрание Академии наук на основе представления физико-математического отделения почти единодушно (33 голоса – за и один – против) избрало Миддендорфа экстраординарным академиком. В представлении, которое составил Ф.Ф. Брандт, а подписали К.М. Бэр и Г.И. Гесс, отмечались заслуги Миддендорфа по подготовке к изданию труда о Сибирской экспедиции. "Сверх того, – писали академики, – он, независимо от большею частью оригинальных работ для описания своего путешествия в качестве зоолога Академии, обширнейшими и важными, уже изданными отдельно большими или меньшими диссертациями по части малакозоологии России или же назначенными для описания путешествия трудами о мягкотелых животных нашего отечества, снискал себе не только отличное место между малакозоологами и зоотомами, но еще мастерски обработал – отчасти на основании своих собственных начал – дотоле вовсе пренебреженный отдел животных Российской фауны, не упуская при этом случаев как к точному определению малакозоологической коллекции Академии, так и к обогащению ее новыми покупками. Наконец, мы обязаны ему еще в самом недавнем времени обширными и весьма основатель-

ными исследованиями о медведе, которыми он несомненно доказал как родовое тождество всех поныне еще водящихся в Европе и в северной и восточной Азии пород сего животного, так и различие их от ископаемого медведя"[28]. Брандт обратил внимание на важнейшие к этому времени заслуги Миддендорфа в области зоологии, и коллеги с его оценкой согласились.

Через два года (12 марта 1852 г.) физико-математическое отделение предложило избрать Миддендорфа ординарным академиком. К этому времени была уже опубликована часть его труда, включавшая отдел о моллюсках. Но К.М. Бэр (автор представления общему собранию, которое было подписано также Ф.Ф. Брандтом и К.А. Мейером) вновь наибольшее внимание уделил заслугам Миддендорфа в области малакозоологии, подчеркивая, что своим трудом он создал основы русской малакофауны, и что особенно важен в этом труде критический анализ систематики моллюсков. Бэр отметил также значение исследований Миддендорфа об ископаемом медведе с точки зрения проблемы видообразования. Обширный отзыв Бэра, насыщенный рассуждениями о зоологических проблемах, которыми занимался Миддендорф, интересен и с точки зрения взглядов самого Бэра. В заключение Бэр подчеркнул, что основательность и истинно ученое направление этих работ "позволяют академикам считать, что нет более достойного кандидата на место второго академика по зоологии, тем более что своим путешествием он украсил летопись нашей Академии наук"[29].

1 мая 1852 г. общее собрание Академии наук избрало Миддендорфа ординарным академиком. Но если физико-математическое отделение избрало его единогласно, то, во время голосования в общем собрании, он получил 5 черных шаров[30].

В Зоологическом музее

Исследования Миддендорфа во второй половине 40-х и первой половине 50-х гг. были теснейшим образом связаны с деятельностью Зоологического музея. Миддендорф передал в музей большое количество коллекций млекопитающих, птиц, моллюсков, рыб, собранных во время Сибирской экспедиции. Материалы экспедиции пополнили также энтомологическую коллекцию (насекомых), коллекции кишечнополостных и кольчатых

---

[28] ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 17. № 16. Л. 4–4 об.
[29] Там же. Л. 15.
[30] Там же. Л. 20.

червей[31]. Многие из привезенных экземпляров Миддендорф сам и обработал. Приняв на себя заведование конхиологическим отделом (отд. раковин), за десять лет работы (1845–1855) он привел в порядок все существовавшие там коллекции. В 1847 г. Миддендорф представил в Конференции Академии каталог раковин, который затем затерялся. Но именно Миддендорф ввел в своем отделе (впервые в Зоологическом музее) стандартные этикетки. Они изготовлялись в типографии, имели одинаковые размеры и на них, кроме латинского названия вида, в левом углу обозначалось местонахождение экземпляра, а в правом – год доставки и имя "доставившего предмет". Такими этикетками затем стали пользоваться для всех зверей, птиц и прочих "предметов", сохранявшихся в музее в сухом виде, и они существовали по крайней мере до 60-х гг. XIX в.[32]

Созданный в 1832 г. музей имел в своей основе коллекции Кунсткамеры, которые очень плохо сохранились. Между тем для пополнения экспонатов музея Академия выделяла весьма скудные средства. Музей мог расширять свои коллекции в основном за счет подарков или обмена дублетами с разными музеями России и Европы. Экспедиции с естественноисторическими целями Академия отправляла редко, и только с 1841 г. по инициативе создателя и директора музея Ф.Ф. Брандта конференция Академии наук постановила, чтобы "все предметы, собранные академическими путешественниками, безусловно поступали в академические коллекции"[33].

В 1847 г. Брандт решил, что среди экспонатов Зоологического музея должна быть пара зубров – самец и самка. Зубры водились только в Беловежской пуще (месте царской охоты), и для охоты на них требовалось высочайшее разрешение. Такое разрешение должен был получить министр государственных имуществ, к которому от имени Академии обратился министр народного просвещения. Получив такую просьбу, министр государственных имуществ строго спросил, зачем Академии понадобилось

---

[31] А.А. Штраух (ставший директором Зоологического музея после Ф.Ф. Брандта) писал: "После паукообразных хуже всего в нашем музее представлены черви". Но и эту коллекцию обогатил Миддендорф, добавив к ней 14 видов, среди которых – 9 новых (*Штраух А.А.* Зоологический музей Академии наук. СПб., 1889. С. 254).

[32] *Штраух А.А.* Зоологический... С. 111. Штраух отметил, что коллекция раковин музея и в 80-х годах сохраняла этикетки, составленные Миддендорфом (Штраух А.А. Зоологический... С. 113).

[33] *Штраух А.А.* Зоологический... С. 65.

это животное, если в 1824 г. ей уже "был отпущен один зубр?"[34] Брандту пришлось объяснять, что старое чучело, хранившееся в Кунсткамере, пришло в негодность – "волосы съедены молью и червями". Объяснения удовлетворили министра, и высочайшее "соизволение" на охоту было получено.

Как ни странно, затем возникло некоторое препятствие для осуществления идеи. Зоологический музей имел особые правила препарирования и собирался отправить на охоту своего сотрудника. Но министр государственных имуществ считал, что отстрелом зубров в Беловежской пуще должен заниматься консерватор зоологического кабинета университета Св. Владимира в Киеве. В Академии понимали, что такое решение увеличит расходы. Физико-математическое отделение сообщило министру народного просвещения, что дело это полезнее "предоставить собственному распоряжению директора Зоологического музея ... тем более, что на этот случай адъюнкт Миддендорф сам вызвался вместе с препаратором отправиться на место охоты и принять это дело под свое наблюдение"[35]. Причем Миддендорф собирался отправиться в Беловежскую пущу за свой счет "отчасти для своего здоровья", а также поохотиться и помочь "препарированию некоторых мягких частей"[36].

В середине декабря 1847 г. Миддендорф в Беловежскую пущу приехал, однако препаратор из Киева к назначенному сроку туда не явился. Миддендорф не мог ждать, так как у него кончался отпуск. Он убил зубра, снял с него шкуру, исследовал анатомическое строение, очистил кости и вместе со шкурой отправил их в Петербург (куда сам вернулся в начале января 1848 г.). Препаратору Миддендорф оставил письмо с подробными наставлениями о том, как поступить с двумя зубрами, которых тот должен был убить. И останки двух зубров, препарированных должным образом, вскоре были присланы в Зоологический музей.

Миддендорфу (как любителю охоты) решили поручить добывать и других животных, которых Зоологический музей мог бы использовать для обмена. Поэтому в марте 1848 г. от имени Академии наук П.Н. Фус просил министра государственных имуществ выдать разрешение Миддендорфу охотиться в Петербургской губернии "в пользу Зоологического музея", так как "охота единственное средство для приобретения предметов мены"[37]. И Midден-

---

[34] ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1847. № 9. Л. 4.

[35] Там же. Л. 11.

[36] Там же. Л. 13.

[37] Там же. Оп. 1–1841. № 8. Л. 4 об; Ф. 129. Оп. 1. № 712. Л. 70–73.

дорф получил свидетельство Лесного департамента на право "беспрепятственной ловли в казенных лесах птиц и зверей"[38].

Неизвестно, как долго Миддендорф пользовался этим правом. Однако можно предположить, что некоторые зайцы и медведи, которых он исследовал в музее, добывались самим Миддендорфом. Во всяком случае в работе "Естественная история медведя бурого"[39] Миддендорф очень подробно описывал не только повадки медведей, но и охоту на них.

В апреле 1851 г. вблизи Ревеля рыбаки обнаружили у берега кита и убили его. Туша была привезена в Ревель, где ее выставили для всеобщего обозрения, так как кит был необычным животным для Балтийского моря[40]. Академия наук, узнав об этом, поручила Миддендорфу исследовать и препарировать кита[41]. Скелет его затем был привезен в Петербург и выставлен в одном из залов Зоологического музея, который тогда находился в музейном флигеле Академии.

В том же месяце заметку о ките, найденном вблизи Ревеля, содержавшую большое количество ошибок, поместила газета "Северная пчела". Поэтому Миддендорф счел нужным опубликовать в академической газете "St.-Petersburger Zeitung" статью об истории находки ревельского кита, сообщив при этом и сведения об этом виде. Исправив ошибки в статье "Северной пчелы", Миддендорф выражал надежду, что газеты в будущем будут публиковать только верную информацию, чтобы ученым не приходилось вмешиваться в это дело[42].

Непременный секретарь

В конце 1854 г. П.Н. Фус тяжело заболел. Понимая, что не успеет подготовить к годичному собранию отчет по первому и третьему отделениям Академии наук, Фус предложил, чтобы в этот день с докладами выступили академики Н.Г. Устрялов и

---

38 Там же. Л. 8.

39 Русская фауна или описание и изображение животных, водящихся в Российской империи (Издание Ю.Л. Симашко). СПб., 1851. Т. 2. С. 187–295.

40 Auszug aus einem Briefe des Akademikers Wirkl. Staatsrathes v. Baer an den beständigen Sekretair der Akademie, d.d. Reval, den 18. April 1851 // St. Petersburger Zeitung. 1851. № 89. S. 359.

41 Там же. № 87. S. 349.

42 *Middendorff A. v.* Der Walfisch in Reval // Там же. № 116. S. 467–468. В этой статье Миддендорф благодарил Ф.П. Литке (тогда начальника Ревельского порта) и И. Грюневальдта (губернатора Эстляндской губернии) за то, что они содействовали сохранению кита.

А.Ф. Миддендорф[43]. 29 декабря в общем собрании, состоявшемся в конференц-зале Петербургского университета, Миддендорф сделал на французском языке доклад "Очерки органической жизни в Сибири"[44], в котором кратко коснулся тех проблем, которые затем собирался развивать в четвертом томе своего труда о Сибирской экспедиции.

10 января 1855 г. П.Н. Фус, почти 30 лет успешно выполнявший обязанности непременного секретаря Академии наук, скончался[45]. Временно эти обязанности возложили на академика В.Я. Буняковского. Но устав требовал избрания непременного секретаря. Когда на общем собрании (20 января) стали решать, когда назначить выборы, выяснилось, что в уставе 1836 г., по которому жила Академия, процедура избрания прописана не очень подробно. К тому же в 1841 г. в состав Академии наук вошло отделение русского языка и словесности (II отделение), о правах и обязанностях членов которого и не могла идти речь в уставе. В связи с этим возникли три вопроса: 1) могут ли избирать непременного секретаря представители всех трех отделений или только первого (физико-математического) и третьего (историко-филологического), 2) все ли академики могут баллотироваться в непременные секретари или только ординарные, 3) имеет ли право кандидат отказаться от баллотировки?

Общее собрание достаточно единодушно ответило на первый вопрос, решив, что непременного секретаря следует избирать из представителей всех трех отделений. Однако при обсуждении двух других вопросов мнения разделились. Одни полагали, что непременного секретаря следует избирать только из ординарных академиков, так как экстраординарные были приравнены в правах к адъюнктам; другие, что можно избирать также экстраординарных академиков; некоторые считали, что кандидат может отказаться от баллотировки, другие возражали.

Об этих разногласиях вице-президент Академии С.И. Давыдов сообщил министру народного просвещения А.С. Норову, отметив, что по его мнению, следует избирать непременного секре-

---

43 ПФА РАН. Ф. 5. Оп. 1. № 491. Л. 7 об.

44 *Middendorff A. v.* Esquisse de la vie organique en Sibérie // Compte rendu de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg. 1854. P. 131–155. А.А. Кейзерлинг, которому Миддендорф послал свой доклад, в письме от 7 ноября 1856 г. отметил: «...очерк об органической жизни в Сибири может послужить поводом для различных взглядов и дискуссий. ... Вы как будто создаете новые основы, подобно тому, как это сделал Гумбольдт в своих "Картинах природы"» (ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 11. Л. 19).

45 П.Н. Фус стал непременным секретарем в 1826 г.

таря только из ординарных академиков, а отказаться кандидат может лишь после баллотировки, если выяснится, что два кандидата получили одинаковое количество голосов. С таким мнением Норов согласился.

Выборы были назначены на 3 февраля, но по инициативе министра народного просвещения неоднократно переносились. Причины переносов не всегда ясны. Отчасти это было связано с занятостью министра, отчасти – с событием чрезвычайным[46]. Хотя день выборов был определен самим Норовым, все же и в этот день он не смог приехать в Академию.

Избрание непременного секретаря состоялось 7 апреля 1855 г. и проходило в два тура. Сначала на закрытых билетах каждый академик писал имена предлагаемых кандидатов, а затем голосовали белыми и черными шарами за тех, кто получил наибольшее число голосов. Когда открыли билеты, оказалось, что в непременные секретари предлагали четырех академиков – В.Я. Буняковского, А.Ф. Миддендорфа, Э.Х. Ленца и Н.Г. Устрялова. При этом за первого подано 14 голосов, за второго – 18, а за двух последних – по 1 голосу. Ленц и Устрялов тотчас отказались от баллотировки. После голосования шарами ситуация несколько изменилась. За Миддендорфа были поданы 19 голосов, но Буняковский получил теперь 17. Против Миддендорфа голосовали 15 академиков, а против Буняковского – 17[47]. Таким образом кандидаты имели почти равные шансы. Можно представить, что обстановка в Академии наук в этот день была весьма напряженной.

Задача выбора непременного секретаря (третьего по значению лица в Академии наук) после П.Н. Фуса, которого все уважали и к которому привыкли, была, конечно, сложной. На личные симпатии и антипатии к кандидатам накладывались, так сказать, и политические мотивы. По воспоминаниям К.С. Веселовского, некоторые академики считали, что по традиции непремен-

---

[46] Выборы были перенесены на 17 февраля. Однако 16-го февраля оказалось, что А.С. Норов еще ясно не сообщил своего решения по этому поводу, и выборы отменили (ПФА РАН. Ф. 5. Оп. 1–1855. № 522. Л. 10). А 18-го февраля скончался Николай I, и некоторое время все были озабочены проблемой траурной церемонии. Интересна деталь этого события, имеющая отношение к Миддендорфу. В комиссию "Церемониала печальной процессии", определявшую порядок похорон, следовало доставить список академиков, которые должны участвовать в процессии. При этом академики обязаны были расписаться, что извещены о церемонии. Расписался и Миддендорф, но сообщил, что он болен (ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1855. № 12. Л. 9).

[47] ПФА РАН. Ф. 5. Оп. 1–1855, № 522. Л. 24; РГИА. Ф. 735. Оп. 13. № 176. Л. 34.

ный секретарь должен быть из математиков (Буняковский). Но другие академики, "отдавая полную справедливость благородству характера его, находили, что недостаток в нем самостоятельности и энергии при крайней скромности и уступчивости могло иметь неблагоприятное влияние на ход общего академического дела..."[48]. Эти "другие" и выставили кандидатуру Миддендорфа (видимо, находя в нем необходимую энергию и самостоятельность).

Но сохранилась и иная точка зрения. А.В. Никитенко (член II отделения, ставший академиком как раз в 1855 г.) писал тогда же в своем дневнике, что Буняковский и Миддендорф были в Академии представителями русской и немецкой "партий". Каждая из "партий" хотела видеть на посту непременного секретаря своего кандидата. Это вносило дополнительную остроту в проблему выбора и накаляло атмосферу.

Никитенко полагал, что "немецкая партия" победит, так как она имела больше голосов. Однако результаты голосования показали, что не все "немцы" отдали свои голоса Миддендорфу. Интересно, что Никитенко, по мнению которого именно Миддендорф должен был стать непременным секретарем (так как владел немецким и французским языками, что было важно для переписки с иностранными учеными) голосовал за Буняковского не потому, что тот русский, а просто как "за очень хорошего человека"[49].

Как бы то ни было, Миддендорф "победил" и приступил к исполнению новых обязанностей, весьма далеких от зоологических исследований. Он вел заседания общего собрания и отделений, знакомил президента с деятельностью отделений, а отделения с распоряжениями президента, отвечал на многочисленные письма, поступавшие на имя непременного секретаря и в Академию вообще. Непременный секретарь должен был составлять отчеты о деятельности Академии наук (Миддендорф составлял отчеты за 1854–1855 и 1856 гг.), а также – о Демидовских конкурсах (о результатах этого конкурса Миддендорф подготовил отчет за 1855 г.). В ведении непременного секретаря находились все издания Академии наук (и следовало позаботиться о том, чтобы их получали академики), а также архив академической канцелярии. Он должен был решать разные дела, связанные с библиотекой Академии и следить за получением приборов для астрономической обсерватории и лабораторий.

---

[48] *Веселовский К.С.* Время президентства графа Д. Н. Блудова. 1855–1864 // Русская старина. 1901. Т. 32. № 12. С. 497.

[49] *Никитенко А.В.* Записки и дневники. СПб. 1893. Т. II. С. 6.

В качестве непременного секретаря Академии Миддендорф принимал участие в работе двух ее комиссий. О них стоит сказать особо не только потому, что их деятельность была связана с важными проблемами в жизни Академии наук, но и потому, что Миддендорф принимал активное участие в обсуждении этих проблем.

Первая комиссия была создана в 1855 г. для решения вопроса об издании в Академии наук журнала на русском языке[50]. Вопрос возник отчасти из-за противоречий, существовавших между Академией и российским обществом. Некоторые сограждане относились к Академии критически потому, что плохо знали о ее деятельности и полагали, что она изолирована от практических нужд страны, других раздражало, что в ее составе было много ученых с иностранными фамилиями. (Их называли немцами, даже если они родились в России и хорошо говорили по-русски.) Негативное отношение в петербургском обществе к Академии наук было связано и с тем, что ее издания публиковались в основном на немецком или французском языках.

Второе отделение Академии наук в 1852 г. начало издавать свои "Известия" на русском языке. В том же году историк А.А. Куник издал первый том "Ученых записок по I и III отделениям императорской Академии наук". В этом издании опубликовано множество до тех пор неизвестных сведений по истории Академии наук XVIII в., включая первую летопись ее деятельности в этом столетии, а также отчеты Академии начала 50-х гг. XIX в. и протоколы заседаний физико-математического и исторического отделений.

Несмотря на интересные материалы о прошлом Академии наук и ее современной деятельности, "Ученые записки" не пользовались популярностью, и тираж их быстро сократился. В связи с этим академическая комиссия пыталась решить два вопроса: «1) какой цели должно вообще соответствовать печатание на русском языке особого от Академии издания; 2) удовлетворяют ли сей цели "Ученые записки" в том виде, как они ныне издавались»[51].

После пространных рассуждений о науке как явлении международном – она "не знает географического разграничения народов" и поэтому научные труды должны печататься на иностранных языках, члены комиссии пришли к выводу, что жалобы на

---

[50] В комиссию вошли В.Я. Буняковский, Г.П. Гельмерсен, О.Н. Бётлингк, К.С. Веселовский и А.Ф. Миддендорф.

[51] ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1852. № 10. Л. 16 об.

то, что труды Академии мало известны в России, "имеют некоторую степень основательности"[52]. И, следовательно, полезно иметь издание, которое позволяло бы российскому читателю лучше судить о деятельности Академии.

Так как "Ученые записки", издававшиеся Куником, не вполне достигали этой цели, их предлагалось прекратить и создать новый журнал. В этом журнале следовало публиковать протоколы заседаний, записки, которые представляли в Академию ее члены, посторонние ученые и иностранные корреспонденты, инструкции для экспедиций, извлечения из больших трудов, известия об изменениях в составе Академии, о книгах, приносимых ей в дар, о деятельности музеев и пополнении ученых коллекций. Представляя для нового журнала свои сочинения, академики должны были сообщать, что в этих сочинениях является "новым приобретением для науки". Отмечалось также, что публикация отчетов о заседаниях должна производиться "под непосредственным надзором непременного секретаря и при содействии всех членов Конференции". В связи с этим следовало назначить в помощь секретарю "постороннего ученого с приличным вознаграждением"[53].

Комиссия полагала, что если благодаря будущему журналу "...публика более ознакомится со всею обширною и разностороннею деятельностью Академии, доверие ее к сему учреждению возрастет, труды академиков лучше будут оценены, чаще станут и правительственные места, и частные лица, занимающиеся наукою, обращаться в Академию за ответом и разрешением разных вопросов, и таким образом установится столь желаемая теснейшая связь между первенствующим в Империи ученым сословием и просвещенною частью русской публики"[54]. На издание журнала было решено предусмотреть необходимые расходы в бюджете Академии уже в 1856 г., а начать публикацию в 1857 г.

К сожалению, Миддендорф, которому (как непременному секретарю) отводилась важная роль в осуществлении задачи, ничего не сделал для ее решения. "Записки имп. Академии наук" на русском языке начали публиковаться лишь в 1862 г.

В 1855 г. президентом Академии наук стал Д.Н. Блудов, сменивший на этом посту недавно скончавшегося С.С. Уварова. Познакомившись с делами Академии, Блудов обнаружил много недостатков. Он считал, что одной из причин этих недочетов было

---

[52] Там же. Л. 18 об.
[53] Там же. Л. 27.
[54] Там же. Л. 24 об.

несоответствие организационной структуры Академии уставу 1836 г. Поэтому по инициативе Блудова в марте 1856 г. в Академии наук была создана комиссия для разработки проекта нового устава, которая должна была, прежде всего, определить права и обязанности членов второго отделения – привести в соответствие с правами и обязанностями членов двух других отделений. В работе комиссии по распоряжению Блудова принимал участие и Миддендорф.

Деятельность комиссии длилась с 5 апреля 1856 г. по 23 февраля 1857 г. Заседания проходили достаточно регулярно (даже летом) – раз в неделю по четвергам в 7 часов вечера в "малой конференц-зале" Академии наук. Судя по собственноручным подписям, на всех заседаниях комиссии (кроме трех) присутствовал Миддендорф.

Сохранившиеся в академическом архиве протоколы позволяют судить о тех вопросах, которые обсуждались на заседаниях, но в них отсутствуют сведения о мнениях выступавших академиков по этим вопросам. С точки зрения Блудова, комиссия должна была решить, что в уставе следовало исправить, изменить или вовсе устранить, а также точно определить права и обязанности лиц, "заведующих учеными принадлежностями Академии, Отделений и Общего собрания, а также Комитета правления"[55]. Однако комиссия не ограничивалась обсуждением предложенного ей проекта устава. Речь шла о разных сторонах жизни Академии, например, об академических квартирах, окладах академиков и служащих Академии, состоянии музеев и проч.

Так, Миддендорф представил в комиссию большую записку о недостатках в распределении казенных квартир. По его мнению, тех, кто такие квартиры не получает, следует снабжать "квартирными деньгами". Миддендорф явно критически относился к тому, что казенные квартиры по собственному усмотрению назначали президент и вице-президент. В связи с этим он весьма выразительно закончил свою записку: "...даже более совестливые из членов Академии являлись к начальству с просьбами своими о квартирах, едва выждав последний вздох своего сотоварища, и, несмотря на то, неоднократно опаздывали, предупрежденные в своих видах просителями, основывавшимися на предсказаниях врачей, которые пользовали умирающих"[56].

Неизвестно, повлияла ли записка Миддендорфа на состояние дел с казенными квартирами. Но теперь из нее можно узнать, где

---

[55] Там же. Оп. 1–1856. № 13. Л. 1.
[56] Там же. Л. 19.

Современный вид "академического дома" на Васильевском острове в Петербурге

жили многие академики. Сам Миддендорф имел казенную квартиру в доме на 7-й линии Васильевского острова[57], который и теперь называют академическим.

Миддендорф, несомненно, принимал активное участие и в обсуждении параграфов проекта устава, относящихся к деятельности непременного секретаря. Параграфов стало больше, а обязанности секретаря описаны более подробно, чем в уставе 1836 г.

Комиссия закончила работу в конце февраля 1857 г., и проект устава был передан в общее собрание для обсуждения. Академики очень ответственно отнеслись к своей задаче. Миддендорф получал множество записок с предложениями об улучшении работы музеев и лабораторий, об основании ботанического сада при Академии, пополнении штата Академии представителями наук, которые в ней еще не были представлены. Эти записки, позволяющие дополнить сведения об истории отдельных учреждений Академии наук в середине XIX в., не были использованы в проекте, но сохранились в канцелярии непременного секретаря.

30 мая 1857 г. общее собрание Академии наук одобрило подготовленный комиссией проект устава. Однако затем не последо-

---

57 Там же. Л. 20.

вало никаких конкретных действий для его принятия. Проект даже не был передан министру народного просвещения. Во всяком случае, об этом нет сведений в архивном деле о деятельности комиссии.

Пребывание на посту непременного секретаря позволило Миддендорфу глубже познакомиться с разными проблемами Академии. Результаты размышлений о причинах недостатков в ее работе нашли наиболее отчетливое выражение в составленном Миддендорфом отчете о деятельности Академии наук за 1856 г.[58]

Этот отчет резко отличался по содержанию от всех предшествующих и последующих отчетов Академии. Миддендорф лишь упоминал о деятельности некоторых академиков, не касаясь (как это было принято) содержания важнейших исследований. В связи с нападками на Петербургскую Академию наук в русском обществе Миддендорф рассуждал об академии как научном учреждении. Он сравнивал финансовое положение академий в Европе и России, отмечал несовершенство системы (принципов) избрания новых членов в академии, которая мешала справедливому выбору, говорил о том, что не сразу можно обнаружить выгоду, которую приносит наука[59], размышлял о недостатках национальных академий и о пользе создания "универсальной" Академии наук.

Особое внимание Миддендорф уделял Петербургской Академии наук. По его мнению, финансовое положение Академии не соответствовало ее научному значению (многие задачи она не могла решать из-за скудности средств). Россия была плохо изучена, так как Академия редко отправляла экспедиции. Миддендорф отвергал мнение о ее нежелании вести географические исследования. Он напоминал историю Академии наук и ее заслуги в этом отношении в XVIII и начале XIX вв. и первым обратил внимание на роль академиков в истории основания Русского географического общества и его дальнейшей деятельности.

Академию нередко упрекали за то, что она мало занималась решением практических задач. Миддендорф не отрицал необхо-

---

[58] [*Middendorff A.*]. Discours du secrétaire perpétuel (29 décembre 1856) // Compte rendu de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg. St. Pbg., 1856. P. 15–87.

[59] "Если бы развитие наиболее высоких [значительных] наук было прибыльно в самом грубом и заурядном смысле этого слова, – писал Миддендорф, – капиталистические спекулянты и деловые общества не упустили бы случая завладеть выдающимися и учеными умами, чтобы извлечь из этого ростовщическую выгоду" (Там же. С. 23).

димости их решения, но обращал внимание на то, что Академия делает для практики гораздо больше, чем принято считать в российском обществе, и даже больше того, что может быть полезно для развития самой науки. "Не может не быть вредным, когда физиолог – основатель нового направления в науке о развитии животных – отвлекается от своих занятий с микроскопом для изучения влияния необдуманной вырубки лесов на судоходство наших рек, затем распутывает историю наших географических путешествий, затем предпринимает всеобъемлющее изучение рыбных промыслов на севере и юге России и, наконец, обращается к геологическим исследованиям..."[60]. По мнению Миддендорфа, такая деятельность не соответствовала научному духу Академии, хотя К. Бэр, которого он имел в виду, вовсе не считал подобную деятельность напрасной. К сожалению, мы не знаем о реакции коллег Миддендорфа на его взгляды. Можно только предположить (на основе сохранившихся записок академиков), что их одобряли некоторые члены физико-математического и историко-филологического отделений, тем более, что в отчете нашли отражение многие из тех проблем, которые в это время обсуждались в упомянутых выше комиссиях. Почетный член Академии наук А.А. Кейзерлинг, которому Миддендорф послал этот отчет, писал: "Я с большим интересом читал Вашу речь и радовался, что Вы выступили публично против одностороннего материализма нашего времени. ... Общую картину деятельности Академии невозможно оценить иначе чем успешную, потому что имена многих мужей, которые там вместе работают, в науке всегда вызывают только уважение"[61].

Готовя отчет о деятельности Академии наук за 1856 г., Миддендорф пользовался не только сведениями о финансовом положении Академии наук, подготовленными для него статистиком П.И. Кеппеном, но, вероятно, и составленной П.Н. Фусом "Запиской о мерах к извлечению из Академии наук непосредственной пользы для государства". Эта очень интересная записка сохранилась среди дел Миддендорфа в архиве Тарту, поэтому ее рассматривают как записку, написанную самим Миддендорфом в 1855 г. Между тем, судя по содержанию, она составлена раньше, и к тому же в ее конце имеется помета: "верно: непременный секретарь П. Фус"[62].

[60] Там же. С. 44; См. также: Материалы для истории экспедиций Академии наук. Сост. В.Ф. Гнучева // Труды Архива Академии наук СССР. М.-Л., 1940. Вып. 4. С. 18.

[61] ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 11. Л. 19–19 об.

[62] Там же. № 6. Л. 19.

В то время, когда Миддендорф был непременным секретарем, он устраивал вечера, на которые приглашал и представителей всех трех отделений Академией наук. В XIX веке многие академики в определенные дни собирали гостей. Но вечера Миддендорфа пользовались особой популярностью. Как вспоминал К.С. Веселовский, "Миддендорф в бытность свою непременным секретарем составлял как бы центр, около которого охотно группировались ученые и образованные люди, будучи привлекаемы к нему его значением в науке, его умом и остроумием, его любезностью и приветливостью. Устроенные им тогда у себя еженедельно по воскресеньям[63] журфиксы были весьма многолюдны и оживленны. Здесь всегда можно было встретиться с интересными личностями из мира ученого, медицинского, педагогического и просто с людьми просвещенными, интересующимися наукою. Кто-нибудь из гостей, а чаще всего сам хозяин, читал составленное специально для этой цели полуученое полушутливое изложение какой-нибудь интересной темы для оживления беседы в ожидании скромного, но всегда веселого ужина, которым кончался вечер"[64].

Хотя на эти "журфиксы" приглашались все академики, представители второго отделения вечера игнорировали. "... Имели ли они что-либо против Миддендорфа или же причиною их отсутствия было то, что фамилия хозяина кончалась на *дорф*, и что он был лютеранин, не знаю," – писал Веселовский[65]. Причиной, вероятно, было и то, и другое. Во всяком случае, попытка Миддендорфа рассеять неприязнь к немцам успеха не имела.

Итак, Миддендорф достаточно ответственно относился к своим обязанностям непременного секретаря, но пробыл на этом посту недолго. Согласившись занять должность секретаря (ему несомненно приятно было доверие коллег), Миддендорф вряд ли представлял себе, как многообразна эта деятельность, имевшая лишь косвенное отношение к науке. Миддендорфу приходилось получать ящики с минералами на таможне, содействовать оформлению подорожных для уезжавших в экспедиции или за границу, выяснять, можно ли печатать депеши из-за границы в немецких "Санкт-Петербургских ведомостях", которые издавала

---

[63] К.С. Веселовский ошибался, вечера Миддендорфа происходили по вторникам. Ботаник Э.Л. Регель в одном из своих писем к Миддендорфу выразил сожаление, что не сможет во вторник придти к нему на вечер (ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 8. Л. 221).

[64] *Веселовский К.С.* Время президентства графа Д.Н. Блудова // Русская старина. 1901. Т. 32. № 12. С. 503.

[65] Там же.

Академия наук. Он составлял списки книг, с которыми следовало бы познакомить государя императора, отвечал на множество писем, поступавших в Академию не только от ученых, но и от любителей науки...

Стремясь упорядочить деятельность канцелярии непременного секретаря, чтобы оставалось время для исследований, Миддендорф уже в августе 1855 г. просил согласия коллег и вице-президента "назначить для взаимного свидания, переговоров и занятий в канцелярии преимущественно дневные послеобеденные часы". Для освещения канцелярии он приобрел "надлежащие снаряды"[66], так как в Петербурге осенью и зимой рано темнеет, и освещение в помещениях нередко требуется и днем.

Миддендорф получил разрешение перенести работу непременного секретаря на вторую половину дня. Однако это было неудобно коллегам, да и самому Миддендорфу не облегчило жизни. Во всяком случае в январе 1857 г. (не прошло и двух лет со времени избрания) Миддендорф обратился к общему собранию Академии наук с просьбой освободить его от обязанностей непременного секретаря.

В записке, в которой излагалась эта просьба, Миддендорф отметил, что ему не удалось упростить дела в канцелярии, поэтому трудно было найти время для исследований: "... не находя уже времени трудиться в пользу науки, – писал Миддендорф, – даже заметно отстаю, следя за успехами моего специального предмета – зоологии"[67]. Он считал, что нужен помощник для ведения дел в канцелярии. Об этом уже шла речь при обсуждении проекта устава Академии, но так как вопрос о принятии нового устава будет решен не скоро, Миддендорф просил освободить его от обязанностей непременного секретаря, тем более, что для окончания подготовки к изданию 4-го тома "Путешествия на север и восток Сибири" и так потребуется несколько лет.

Конференция очень быстро отреагировала на просьбу Миддендорфа. Была даже создана особая комиссия, которая обсуждала вопрос, как организовать работу канцелярии, чтобы непременный секретарь "мог при отправлении своей должности не оставлять научных занятий"[68]. Уже в марте Д.Н. Блудов распорядился до утверждения нового устава принять в канцелярию "по вольному найму" чиновника и одного писца[69], что и было тогда же сделано.

---

[66] ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1855. № 12. Л. 34.
[67] ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1857. № 9. Л. 4 об.
[68] Там же. Л. 6.
[69] Там же. Л. 10–10 об.

Однако Миддендорф, видимо, твердо решил избавиться от обязанностей непременного секретаря. К тому же обострилась одна из его болезней, и он потерял голос. В начале мая 1857 г. Миддендорф писал Блудову, что у него продолжается "воспаление гортани", и врачи считают, что ему необходимо отправиться за границу на воды "для предотвращения опасности гортанной чахотки". Так как для лечения необходимо было уехать из России по крайней мере на четыре месяца, Миддендорф просил либо о длительном отпуске, либо об увольнении из Академии[70].

Блудов, который высоко ценил Миддендорфа как ученого, не захотел, чтобы тот ушел из Академии. Он выхлопотал у министра народного просвещения разрешение на длительный отпуск и даже позаботился о том, чтобы Миддендорф смог уехать в Европу ближайшим пароходом[71].

На курорте в Германии, где лечился Миддендорф, у него, помимо воспаления гортани, обнаружили "болезненное состояние печени и сердца", и врачи, опасаясь "почти верной гибели", запретили ему переутомляться[72]. Поэтому после возвращения в Петербург 2 октября 1857 г. Миддендорф вновь обратился к Блудову с просьбой об увольнении с должности непременного секретаря, но просил разрешения остаться членом Академии для завершения своего труда[73].

Блудов удовлетворил просьбу Миддендорфа, и через месяц (1 ноября) непременным секретарем был избран К.С. Веселовский, который вполне дружелюбно относился к Миддендорфу, но очень критически оценил его деятельность на этому посту. По словам Веселовского, Миддендорф был "наименее создан и подготовлен для такой деятельности"[74].

Миддендорф, конечно, не был "создан" для должности непременного секретаря (подобно П.Н. Фусу и самому К.С. Веселовскому, более 40 лет остававшемуся на этом посту). Но все же Миддендорф не так плохо выполнял свои обязанности, как мож-

---

[70] Там же. Л. 12 об.

[71] Там же. Л. 15.

[72] Там же. Л. 22–22 об.

[73] Там же. Л. 20–21.

[74] *Веселовский К.С.* Время президентства... С. 497, 502. Кажется, главным доказательством плохой работы Миддендорфа на посту непременного секретаря было то, что тот перенес канцелярские дела на вторую половину дня, а также, что помощник Миддендорфа не всегда оставлял копии писем, которые отправлялись от имени Академии наук. Когда Веселовский попенял Миддендорфу за эту оплошность, тот ответил: "И-и, батенька, все мы и все, нами написанное, потонет в лете забвения; не стоют они [эти бумаги] сохранения". (Там же. С. 502).

но заключить из слов Веселовского. Отмечая, что длительное время замещал Миддендорфа в 1856 и 1857 гг.[75], Веселовский знал, что Миддендорф не выполнял свои обязанности непременного секретаря по уважительным причинам. В 1856 г. его пригласили принять участие в работах по созданию нового кавалерийского устава. Но этим уставом Миддендорф занимался не по собственной инициативе и с разрешения президента Академии наук[76]. В 1857 г. Миддендорф долго отсутствовал, так как уезжал лечиться за границу. Причем, уже будучи больным, он до самого отъезда выполнял функции непременного секретаря.

Миддендорфу на непродолжительное время пришлось оставить свой пост и в начале февраля 1856 года. Он получил сообщение о том, что его отец при смерти и поспешил в Пэрафер. Об этом мы узнаем из письма Д.Н. Блудова, который 4 февраля 1856 г. просил Санкт-Петербургского губернатора срочно выдать Миддендорфу подорожную без официального полицейского свидетельства: "... Миддендорф получил известие, что его отец, находящийся на жительстве в Лифляндской губернии, тяжко болен. Ему необходимо ехать туда немедленно, ибо несколько часов промедления могут лишить его утешения застать отца в живых"[77]. Неизвестно, успел ли Миддендорф проститься с отцом, но его смерть несомненно была для него большим горем.

Освободившись в конце 1857 г. от обязанностей непременного секретаря, Миддендорф принялся за подготовку к изданию четвертого тома своего путешествия. Если раньше он основное внимание уделял зоологии, то теперь ему пришлось заняться изучением также проблем геологии и орографии, картографии и климатологии, ботаники и этнографии. Для того, чтобы систематизировать собранный во время экспедиции материал, необходимо было изучить огромное количество и литературных источников – как о предшествующих исследованиях, относящихся к Сибири, так и опубликованных после окончания его экспедиции.

Болезни и не очень благоприятная обстановка в Академии наук привели Миддендорфа к решению расстаться с Академией. В конце 1859 г. он обратился в физико-математическое отделение и к президенту с записками, в которых писал, что из-за расстроенного здоровья должен надолго уехать из Петербурга, и в связи с этим готов подать в отставку. Однако Блудов считал, что проблему можно решить иным путем. Он обратился к министру

---

[75] Там же. С. 503.
[76] ПФА РАН. Ф. 5. Оп. 1–1856. № 545. Л. 2–3.
[77] Там же. № 540. Л. 6.

народного просвещения (Е.П. Ковалевскому) с просьбой разрешить Миддендорфу жить вне Петербурга. "Ученые заслуги и польза, принесенная им Академии, при коей он состоит более 15 лет весьма деятельным членом, – писал Блудов, – соделывают такое к нему снисхождение весьма справедливым тем более, что началом болезненного расстройства, коим он страдает, он обязан своему сибирскому путешествию, во время которого он подвергся сильной простуде и едва не лишился жизни ..."[78]. Блудов обращал также внимание министра на то, что Миддендорф должен завершить описание Сибирской экспедиции, а академическая служба не требует "постоянного пребывания в месте службы".

По всеподданнейшему докладу Миддендорф получил разрешение Александра II жить вне Петербурга из-за расстроенного здоровья. 28 марта 1860 г. П.И. Кеппен писал Миддендорфу: "Сейчас городская почта принесла мне радостное известие, что Вам и мне разрешено жить вне Петербурга, оставаясь академиками. Высочайшее разрешение утверждено 24 марта"[79].

60-е годы

Миддендорф не сразу уехал из Петербурга, а затем неоднократно должен был приезжать в столицу для решения самых разных дел, а также для подготовки к изданию 4-го тома труда о Сибирской экспедиции. Немецкий вариант первого отдела этого тома был напечатан уже в 1859 г. В отчете Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за этот год К.С. Веселовский отметил: "Печатаемый ныне последний том содержит в себе общие выводы из специальных исследований по разным частям естествознания, изложенных во всей подробности в первых трех томах, и представляет сверх того не только историю путешествия, но и критический обзор всей литературы о Сибири. Цель автора состояла здесь в том, чтобы выводы собственных его местных изысканий пояснить исторически и связать с известиями других путешественников и писателей"[80]. Затем Веселовский регулярно сообщал о подготовке к изданию очередных отделов труда Миддендорфа и при этом подробно излагал их содержание.

В 1860 г. увидели свет отдел "География" русского издания "Путешествия на север и восток Сибири" и второй выпуск

[78] Там же. Ф. 2. Оп. 1–1857. № 9. Л. 28 об.–29.
[79] ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 8. Л. 30.
[80] ЖМНП. 1860. Ч. 105. Отд. III. С. 6.

4-го тома немецкого издания (на русском языке он был опубликован в следующем году). Второй отдел был посвящен орографии и геогнозии. Миддендорф представил общий характер рельефа Восточной Сибири, а также рассмотрел результаты геотермических наблюдений и явления, связанные с мерзлыми почвами. Особое внимание он уделял описанию процессов образования рек и озер в условиях вечной мерзлоты.

Выпуск 4-го тома на немецком языке, включавший описание климата, вышел в свет в 1861 г. Как отметил Веселовский, общий обзор климатических условий был необходим для дальнейших исследований о растительности и животном мире Сибири. По словам Веселовского, Миддендорф представил "общую картину всех нынешних познаний о климатологии Сибири", существенно дополнив фактические данные о различных явлениях, и вместе с тем указал на те "огромные пробелы, которые предстоит еще пополнить в этой части физического познания земного шара"[81].

В 1862 г. отдел о климате был опубликован и на русском языке, а в конце того же года Миддендорф представил в Академию для немецкого издания рукопись следующего отдела своего труда, посвященного растительности Сибири.

В феврале 1864 г. умер Д.Н. Блудов. Президентом Академии наук был назначен вице-председатель Русского географического общества Ф.П. Литке. 6 марта он впервые был представлен общему собранию Академии (с 1829 г. Литке – член-корреспондент Академии наук, с 1855 г. – ее почетный член), а вскоре получил письмо Миддендорфа, написанное 10 марта, в котором тот просил об отставке, полагая, что его место может быть отдано другому более молодому ученому.

Литке был знаком с Миддендорфом со времени его возвращения из экспедиции. О дружеских отношениях между ними свидетельствует уже то, что Миддендорф пригласил Литке на свою свадьбу (1850). Когда в 1857 г. Миддендорф вернулся из Европы, где лечился, Литке писал ему: "Добро пожаловать в П-бург, дорогой друг и сосед". Сохранилась также записка Литке, в которой он приглашает Миддендорфа "пожаловать откушать ... в бесцеремонном кружку приятелей"[82].

О дружеском отношении Литке к Миддендорфу свидетельствует и его ответ на упомянутое письмо Миддендорфа: "Почтеннейший Александр Федорович, Президент Академии имел удовольствие получить приятное письмо Ваше от 10-го марта.

---

[81] Зап. АН. 1862. Т. 1. Кн. 1. С. 6–7.
[82] ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 8. Л. 76, 84, 92.

Но будучи очень занят и зная старинные дружеские отношения наши, поручил мне отвечать вместо него и выразить, как приятно ему было найти в этом письме знак той же благосклонной приязни, которую Вы ему всегда и прежде оказывали. Удаление Ваше из Петербурга считает он потерею и для Академии, и для науки, а еще более предположение Ваше передать место Ваше другому ... (тут в письме Вашем встречается выражение einem Würdigeren [более достойному], с которым Президент не может согласиться). Но в уверенности, что каждый шаг Ваш основан на глубоко обдуманных мотивах, ему остается только сожалеть об этом, в полной, впрочем, надежде, что собратия Ваши по Академии не лишатся через то содействия и сотрудничества Вашего на общем поле науки"[83].

Содержание письма на первый взгляд весьма странно – Литке говорит от имени президента, хотя сам в это время и был президентом. Вероятно, Литке избрал такую форму письма потому, что, оказавшись в должности начальника Миддендорфа, не хотел, чтобы тот почувствовал дистанцию между ними. Письмо имеет две части, причем обе ("от имени президента" и "от себя") выразительно характеризуют не только адресата, но и автора письма: "Исполнив поручение Президента, скажу и от себя, почтеннейший Александр Федорович, что отсутствие Вас из П-бурга есть большое лишение для всех друзей Ваших и в особенности для меня, находившего так много наслаждения в поучительной вашей беседе. Интересные вторничные Ваши кружки оставили незаменимый пробел, по крайней мере, для меня. Собираются и у меня ...Но все это не то"[84].

Неизвестно, как отреагировал на это письмо Миддендорф, но только в самом конце года обсуждался вопрос об увольнении Миддендорфа на уровне министра народного просвещения. Министром тогда стал А.В. Головнин, который сообщил Литке, что Миддендорф просил зачесть ему в срок службы (для получения пенсии) его службу в университете Св. Владимира в Киеве, а также, чтобы сохранили в качестве прибавки к пенсии 400 руб., которые по высочайшему повелению в 1845 г. были прибавлены к его окладу.

Поддержав просьбы Миддендорфа, Литке нашел нужным особо подчеркнуть: "Что же касается до просьбы г. Миддендорфа об обращении ему в прибавок к пенсии пожизненно получаемого ныне оклада в 400 руб. в год за Сибирскую экспедицию, то

---

[83] Там же. Л. 102.
[84] Там же. Л. 102 об.–103.

в уважение оказанных г. Миддендорфом в этом путешествии важных услуг науке и познанию столь важной страны как присоединенный вскоре затем к Российской империи Амурский край, а также принимая во внимание трудности и даже опасности, с которыми было сопряжено это путешествие, я полагаю, что эта просьба могла бы быть повергнута на Всемилостивейшее воззрение Государя Императора"[85].

Переписка по этому поводу продолжалась и в 1865 г. И лишь 16 марта Литке сообщил Миддендорфу, что "Государь Император высочайше соизволил на увольнение" с полной академической пенсией в 1429 р. 60 коп., соответствовавшей окладу, и что пенсия будет выплачиваться с 8 марта (даты высочайшего соизволения). Но Александр II не счел нужным сохранить надбавку – вероятно, по формальным признакам – она была дана лишь на время службы в Академии наук. 5 ноября 1865 г. Миддендорф был избран почетным членом "с правом присутствия на всех заседаниях Конференции наравне с действительными членами Академии"[86].

Выйдя в отставку, Миддендорф не порвал своих отношений с Академией наук, хотя они и не были систематическими. Он сообщал о своих научных исследованиях, представлял физико-математическому отделению новые работы, изредка выступал с докладами на его заседаниях.

Миддендорф продолжал готовить к изданию очередные отделы четвертого тома труда о Сибирской экспедиции. Хотя немецкий вариант отдела о растительности для последнего тома "Путешествия на север и восток Сибири" был подготовлен к изданию еще в 1862 г., он увидел свет только в 1864 г. Русский вариант этого отдела Миддендорф опубликовал еще через три года. В 1867 и 1874 гг. был напечатан отдел о животных на немецком языке, русский вариант которого издан в 1869 и 1877 гг. Отдел "Этнография" на немецком языке Миддендорф опубликовал в 1875 г., а на русском – в 1878 г.

Многочисленные обязанности оставляли мало времени для этой работы. В своем труде о путешествии Миддендорф отметил: "Условия, при которых я живу уже несколько лет сряду, привели к большим замедлениям в издании выпусков прилежащего Путешествия. Они даже лишают меня возможности следить за зоологической литературой. Свободное время мое раздроблено, библиотеки у меня нет под рукою; наконец, наступило и бремя про-

---

[85] ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 17. № 399. Л. 4-4 об.

[86] Там же. Ф. 4. Оп. 5. № 78. Л. 21 об.

житых лет. Несколько исследований, написанных в это время по разным случаям, показывают, куда отвлекали меня обстоятельства. Я посетил тропики, изучал морские течения в Ледовитом океане между Новой Землей и Исландией, исследовал Барабинскую степь внутри Сибири, производил практические наблюдения и в особенности опыты скрещивания рогатого скота и т.п."[87].

Неоднократно в письмах к своим детям Миддендорф сообщал и о ходе работы, и о том, как ему трудно было отыскать для нее большой отрезок свободного времени. Например, 6 января 1872 г. Миддендорф писал дочери: "Из Ревеля ... поеду на два месяца в Петербург, чтобы работать над моим путешествием, так как здесь – из-за изобилия дел – работа [над рукописью] совершенно остановилось. Но долг чести требует, чтобы я закончил до тех пор, пока не стану слишком дряхлым. И уже теперь мне трудно писать. Поэтому должен торопиться"[88]. В письме Миддендорфа к сыну (24 марта 1873 г.) читаем: "Итак, через неделю вы будете у меня! Это радость. В ожидании этого я работаю над моим путешествием с раннего утра до позднего вечера, не показываясь во дворе"[89].

---

[87] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие на север и восток Сибири. СПб., 1877. Ч. II. Отд. V. С. 451.

[88] A. v. Middendorff an H. v. Middendorff, Hellenorm, 6. Januar 1872 // PAWL.

[89] [Middendorff A.v.]. Middendorff's Hellenormer Briefe. Livland (1847–1894). [Рукопись]. Giessen, 1996. S. 142.

Семья и друзья

Семья

12 апреля 1850 г. в Петербурге состоялась свадьба Миддендорфа. Его женой стала Гедвига Гиппиус – дочь К.-Ф. Гиппиуса, управляющего имениями графа А.Г. Кушелева-Безбородко[1]. (Позже Гиппиус служил в канцелярии императрицы Марии Феодоровны.) Семейство Гиппиус (в котором соединились немецкие и шведские корни) в 1822 г. переселилось из Эстляндии в Петербург, где в 1825 г. и родилась Гедвига. Она (как и ее сестры) получила домашнее образование, владела немецким, русским, английским, французским и эстонскими языками, рисовала, а также занималась музыкой. По сведениям современников, Гедвига была очень красивой, умной и приветливой женщиной, и к тому же – превосходной хозяйкой, которую высоко ценили в разных кругах Петербургского общества[2]. Сохранилось письмо К.М. Бэра, который в начале февраля 1848 г. писал Ф.П. Врангелю: "Гедвигу Гиппиус мы снова видели в расцвете ее красоты"[3].

Кстати, Бэр невольно содействовал знакомству Миддендорфа и Гедвиги. Именно он был инициатором обеда в честь счастливого возвращения Миддендорфа из Сибири и в качестве главного организатора пригласил друга своей юности К.-Ф. Гиппиуса[4]. Вскоре после этого (17 апреля 1845 г.) на ужине в доме К.-Ф. Гиппиуса Миддендорф познакомился с его дочерью Гедвигой. Один из гостей, приглашенных на ужин, в этот день писал жене: "Сегодня я буду есть у Гиппиуса вместе с Бэром, Гофманом и юным Миддендорфом, который возвратился из Сибири и предмет всеобщего внимания"[5]. Можно предположить, что и юную Гедвигу (ей было тогда 20 лет) заинтересовал "предмет всеобщего внимания". Миддерндорф тоже не остался равнодуш-

---

[1] *Lackschéwitz Th.* Vorfahren und Nachkommen der Hedwig Elisabeth von Hippius geb. Boustedt. 1797–1871. Köln, 1962. S. 15.

[2] *Lackschéwitz Th.* Vorfahren... S. 17; *Hurt J.* Kurzer Überblick die Amtzeit des Pastors Jakob Hurt zu Odenpäh von 1872–1880 // EKM EKLA. Koopiad. № 3 : 5. Л. 10.

[3] Переписка Карла Бэра по проблемам географии. Сост. Т.А. Лукина. Л., 1970. С. 240.

[4] ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 1. № 174. Л. 30; Переписка Карла Бэра... С. 215.

[5] ЕАМ. Ф. 66. Оп. 1. № 104.

Гедвига Миддендорф – жена А.Ф. Миддендорфа

ным к молодой особе “в расцвете ее красоты”. Так началась их любовь.

Александр и Гедвига счастливо прожили вместе 18 лет. У них было две дочери (Гедвига и Кристина) и три сына (Эрнст, Карл и Макс). Карл, родившийся в 1852 г., в девятнадцать лет скончался от туберкулеза в Карлсбаде[6].

В 1868 г. после длительной тяжелой болезни жена Миддендорфа умерла и ему пришлось одному воспитывать своих детей, которых он чрезвычайно любил. Миддендорф постоянно о них заботился, рассказывал сказки и разные интересные истории, интересовался их делами и брал с собой, путешествуя по России или по Европе (даже по делам службы).

---

[6] *Lackschéwitz Th.* Vorfahren... S. 17; [Middendorff A.v.]. Middendorff's Hellenormer Briefe. Livland (1847–1894). [Рукопись]. Giessen, 1996. S. 68.

Так как Миддендорф имел много разнообразных обязанностей, младшим детям нередко приходилось жить у бабушки и дедушки (родителей жены), у дяди (Н.Г. Шиллинга), у друга Миддендорфа – Н. Вилькена, у жены астронома Л.Э. Шварца[7], у дочери Бэра М. Линген. Миддендорф очень скучал без детей и писал им длинные письма. Из них видно, что он знал о мельчайших подробностях жизни детей и, в свою очередь, тщательно описывал события, которые могли их интересовать. Во второй половине жизни он часто подписывал свои письма не "Papa", а "Alter" (старик).

Старшим сыном Миддендорфа был Эрнст, который родился в 1851 г. в Петербурге. Уже в детстве, он (как отец и младшие братья) очень любил охотиться. Впоследствии домашний учитель семейства Миддендорфа вспоминал: "Сыновья [Миддендорфа], мои ученики, были настоящие немвроды [страстные охотники], которые все свободное от учебы время почти без исключения посвящали охоте"[8].

В 1869 г. Эрнст поступил на физико-математический факультет Дерптского университета. Сначала он большое внимание уделял химии, а затем – сельскому хозяйству. Так как Эрнст должен был стать наследником родового имения отца, ему полезно было получить знания, которые могли пригодиться для деятельности в этой области. Еще до университета отец старался приобщить Эрнста к хозяйственным заботам в Гелленорме.

Во время учебы в Дерптском университете Эрнст всей душой наслаждался радостями студенческой жизни, но мало интересовался учебой. К тому же он тратил очень много денег, что не нравилось отцу. Миддендорф считал, что прежде, чем дети не начнут зарабатывать деньги, они не должны их широко тратить – "выбрасывать". Он постоянно давал Эрнсту разные советы, упоминая о долге перед семьей и необходимости прислушиваться к советам отца. В 1872 г., когда Эрнста пригласили стать председателем студенческого землячества "Лифляндия", Миддендорф не разрешил ему принять эту должность, считая, что она помешает Эрнсту вовремя закончить университет. Между тем Миддендорф хотел, чтобы старший сын скорее освободил его от части хозяйственных дел в имении, и в связи с этим писал ему: "Пока моло-

---

[7] Художница Ю. Гаген-Шварц (жена Л.Э. Шварца), очень любила детей Миддендорфа. После смерти Карла Миддендорфа на основе фотографии она написала его портрет, за что А.Ф. Миддендорф сердечно ее благодарил (A. v. Middendorff an J. Hagen-Schwarz, Dorpat, 23. April 1872 // TKM. Mapp 15).

[8] *Hurt J.* Kurzer Überblick... // EKM EKLA. Koopiad. № 3 : 5. Л. 10.

Р.К. Залеман. "О, какое счастье быть отцом!" 1854 г.

дой мужчина не может существовать на собственную работу [собственные деньги], он должен каждый час помнить о своих обязанностях"[9].

В 1874 г. Эрнст окончил университет, а в январе 1876 г. состоялась его свадьба. Женой Эрнста стала Мэри – дочь самого близкого друга Миддендорфа Николая Вилькена. Молодые поселились в Гелленорме, у них было четверо детей. По мнению Миддендорфа, Эрнст, который отличался сердечностью и доброжелательностью, занимался хозяйственными делами Гелленорма не очень успешно, что тревожило отца. Родовое имение должно было обеспечивать доходами всех детей Миддендорфа, а также семью его сестры. Между тем Эрнст брал многочисленные кредиты и поэтому денег для других членов семейства не хватало. Миддендорфу постоянно приходилось вмешиваться в дела сына.

---

[9] Middendorff's Hellenormer Briefe... S. 126, 128–129. Хотя Эрнсту было уже 22 года, отец составил таблицу, из которой следовало, на что и сколько часов в день должен тратить время молодой человек, противопоставляя это тому, на что, по его мнению, тратил время сын.

Федор Иванович на смертном одре просил сына не продавать земли родового имения, и Миддендорф ему это обещал. Однако к началу 80-х гг. продажа земли оказалась единственным средством, чтобы поправить денежные дела в Гелленорме. В 1882 г. Миддендорф решил нарушить данное отцу обещание. Он разрешил Эрнсту продать часть земли и передал ему управление родовым имением, хотя и оставался его официальным владельцем до конца жизни[10].

Все сыновья Миддендорфа любили охотиться на птиц, а затем стали заниматься орнитологией. Наиболее значительных результатов в этой области зоологии достиг Эрнст. По мнению эстонского орнитолога Э. Кумари, Эрнст был пионером в деле изучения миграции птиц в Прибалтийских губерниях. И именно он впервые в этих губерниях организовал сеть станций для наблюдений за перелетами птиц, которые теперь называются орнитофенологическими. Эрнст опубликовал немного статей по орнитологии, но имел крупную коллекцию шкурок птиц, часть которой до сих пор сохраняется в Зоологическом музее Российской академии наук, а другая – в Зоологическом музее Берлинского университета.

Эрнст был избран членом нескольких орнитологических обществ Европы (в том числе Международного орнитологического комитета) и стал вице-президентом Международного съезда орнитологов в Будапеште в 1891 г. Современные орнитологи считают Эрнста одним из первых профессиональных орнитологов Эстонии[11]. Кроме того, Эрнст изучал рыб и даже был председателем Лифляндского отделения Русского общества рыболовства. Скончался Эрнст в Гелленорме в 1916 г.

Гедвига родилась в Петербурге в 1854 г. Миддендорф любил ее больше других детей, о чем свидетельствуют его чрезвычайно трогательные письма[12]. Она постоянно болела, часто простужалась, у нее было тяжелое заболевание глаз (долго не могли определить диагноз), поэтому много времени ей приходилось проводить на курортах Германии. Миддендорф нередко не только сам сопровождал Гедвигу на курорт, но и путешествовал с нею в дру-

---

[10] Там же. S. 262–283; ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 110. Л 1–2 об.

[11] *Kumari E.V.* Russowi ja E. Middendorffi ornitoloogilisest tegevusest ja nende tähtsusest Baltimaade linnustiku uurijana (Орнитологическая деятельность В.Ф. Руссова и Э.А. Миддендорфа и ее значение для исследования фауны птиц Прибалтики) // Eesti Looduseuurijate Seltsi Aastaraamat, 1955. Т. 48. С. 47–58.

[12] Эти письма хранятся в частном архиве В. Лакшевица (PAWL) в Швеции и охватывают период с 1864 г. до смерти Миддендорфа.

Эрнст Миддендорф – старший сын Миддендорфа

гие места и вообще старался доставлять дочери разные удовольствия.

Так, в 1866 г. он искал для Гедвиги и Кристины собаку. Из Штеттина Миддендорф писал: "Ваши Высочества, мои ласковые и терпеливые принцессы! Посылаю отчет Вашего покорнейшего слуги об экспедиции за собакой (пинчер). Мне доставляет большое удовольствие сообщить, что после того, как я оставил Силезию и Бреслау..., где невозможно была найти ни одной подходящей собачки, стал я находить маленьких собачек только выехав из Франкфурта на Одере в Штеттин. ... Здесь в Штеттине я уже вышел на след одного пинчера, очень смышлен, ему полгода, он коричневого цвета, не очень красив, но и не безобразен; однако, к сожалению, и не так безобразен, чтобы считать его красивым. В том, что Ваш преданный раб сделает все, что в его силах, Вы можете быть уверены. С высочайшим смирением любящий Вас

Карл Миддендорф – средний сын Миддендорфа

руководитель экспедиции за собаками, включая пинчеров, даже скверных"[13].

Гедвига долго не выходила замуж и посвятила свою жизнь отцу, которого очень любила. С 1876 г. Миддендорф с Гедвигой и Кристиной жил в Пэрафере, и Гедвига управляла хозяйством имения. В 1885 г., когда Миддендорф тяжело заболел, он вернулся в Гелленорм и стал жить в семье Эрнста.

Гедвига приезжала туда навещать отца и именно в Гелленорме встретилась со своим будущим мужем – врачом и энтомологом Паулем Лакшевицем, который лечил Миддендорфа летом 1889 г.[14]. Свадьба Пауля и Гедвиги состоялась незадолго до смер-

[13] A. v. Middendorff an H. v. Middendorff, Stettin, 7. Mai 1866 // PAWL.

[14] Письма П. Лакшевица 1889 года к Максу из Гелленорма находятся в частном архиве В. Лакшевица (PAWL).

Гедвига Миддендорф – старшая дочь Миддендорфа

ти Миддендорфа в июне 1893 г. в Царском Селе в доме Н.Г. Шиллинга (дяди Гедвиги). Затем семья переехала в Курляндскую губернию и поселилась в Либаве)[15]. В 1913 г. Гедвига разошлась с мужем и после этого жила то в Петербурге, то в Царском Селе[16]. Гедвига и Пауль имели троих детей. После революции 1917 г. она вернулась в Гелленорм, где и умерла в 1929 г.

Кристина (Китти) родилась в 1858 г. в Петербурге. Сведений о ней очень мало. Известно лишь, что в 1879 г. она вышла замуж за врача Фрица Вальтера – сына профессора акушерства, хирургии и глазных болезней Дерптского университета. Свадьба состо-

---

[15] *Lackschéwitz O.* Das Geschlecht Lackschéwitz aus Ladse in Kurland nebst weiteren Stämmen gleichen Namens // Baltische Ahnen- und Stammtafeln. Sonderheft 21. Hamburg, 2001. S. 24.

[16] *Lackschéwitz Th.* Vorfahren... S. 23.

Кристина Миддендорф – младшая дочь Миддендорфа

ялась в Гелленорме. Вальтеры поселились в Альт-Лайцене в Лифляндии, где муж Кристины приобрел имение. Некоторое время Вальтер работал врачом в городе Верро. Брак был бездетным. Китти умерла в 1928 г. в Тарту[17].

Макс родился в 1861 г. в Гелленорме и, вероятно, получил свое имя в память о брате, скончавшемся в 1856 г. через шесть недель после рождения. Когда сын подрос, Миддендорф иногда брал его с собой в поездки по России. Например, будучи гимназистом, Макс сопровождал отца во время его путешествия в Туркестан. Мы не знаем, сам ли Макс захотел отправиться в это путешествие или ему предложил отец. Однако сохранился любопытный "документ", придуманный Миддендорфом. В ноябре 1876 г., когда вопрос о самой экспедиции еще не был окончательно ре-

[17] Там же. S. 17–18.

Макс Миддендорф – младший сын Миддендорфа

шен, он заключил "контракт" с сыном. Согласно этому "контракту", тот должен был научиться тщательно умываться, рисовать и готовить пищу, а также хорошо учиться в гимназии. И если Макс выполнит все эти условия, то сможет отправиться в экспедицию[18]. Вероятно, Макс выполнил договор, так как в 1878 г. он побывал в Туркестане.

Макс учился медицине в Дерптском университете (1880–1888). Переписка Миддендорфа с Максом в эти годы свидетельствует о том, что Миддендорф неоднократно давал ему (как и старшему сыну) наставления, как аккуратно обращаться с деньгами. Став специалистом по глазным болезням, Макс некоторое время работал окулистом в Петербурге, а с 1890 г. – в Ревеле. В 1893 г. вместе с несколькими коллегами он основал в Ревеле глазную клини-

---

[18] A. v. Middendorff. Kontrakt. Pörrafer, 26. November 1876 // PAWL.

ку, где служил до конца жизни[19]. Женился Макс в 1890 г. в Дерпте на Эллен – дочери скульптора Франца Гуиллемо де Виллебуа. У них было четверо детей.

Сын и отец имели весьма сходные характеры. Макс тоже был целеустремленным человеком, "упрямым, когда речь шла о справедливости и верности убеждений"[20]. В последние годы жизни Миддендорфа, Макс часто ему писал, приезжал в гости и своим вниманием пытался облегчить его страдания. Умер Макс в Таллинне в 1926 г.

Друзья и родственники

Миддендорф был чрезвычайно общительным человеком. Многие из тех, с кем он общался, становились его друзьями. У Миддендорфа имел друзей в Дерптском университете и в университете Св. Владимира в Киеве, дружеские отношения установились также со спутниками по Сибирской экспедиции и с некоторыми коллегами по Академии наук, друзьями Миддендорфа становились и его родственники.

Другом детства Миддендорфа был К.М. Линген[21], который одновременно с Александром учился медицине в Дерптском университе. В Петербурге Миддендорф и Линген часто встречались. После возвращения из Сибири Миддендорф плохо себя чувствовал, и Линген давал ему разные советы для укрепления здоровья. Друзья принимали участие в работе кружка немецких врачей в Петербурге, членом которого был Н.И. Пирогов[22].

Линген многие годы был главным врачом больницы Марии-Магдалины, а также домашним врачом некоторых академиков[23]. В 1847 г. он стал ходить на вечера, которые по пятницам проис-

---

19 *Lackschéwitz Th.* Vorfahren... S. 27.
20 Там же. S. 28.
21 Middendorff's Hellenormer Briefe... S. 385.
22 Миддендорф был знаком с Н.И. Пироговым еще во время учебы в университете – сдавал ему один из экзаменов (Калнин В. Годы учения А. Миддендорфа в Тартуском университете // Известия Академии Наук Эстонской ССР. 1966. Т. 15. Серия биологич. № 2. С. 243). В. Калнин обнаружил в архиве Миддендорфа письма, из которых следует, что он поддерживал отношения с Пироговым и в Петербурге. (Там же. С. 241). Миддендорф бывал на заседаниях объединения врачей, которое называлось Пироговским (Pirogoffscher Verein). Сохранилась фотография членов этого объединения, на котором изображены молодые Пирогов и Миддендорф (Николай Иванович Пирогов и его наследие. Пироговские съезды. СПб., 1911). Под фотографией дата – 1848–1849 г.
23 ЕАМ. Ф. 108. Оп. 1. № 1. Л. 69.

Группа Pirogoff'scher Verein. 1848–1849 гг.
В первом ряду второй слева – Н.И. Пирогов, первый справа – А.Ф. Миддендорф

ходили у К.М. Бэра. На этих вечерах Линген познакомился с дочерью Бэра Марией и влюбился. Как позже вспоминал сам Линген, это стало темой пересудов в академических кругах, однако он долго не мог набраться смелости сделать предложение. Для решения "проблемы" Миддендорфу пришлось принять меры. Он сказал Лингену, что тот не сможет больше ходить на вечера Бэра, так как ставит в неловкое положение и Марию, и ее отца. Лингену пришлось побороть свою застенчивость и просить у Бэра руки его дочери, а Миддендорф создал условия для разговора друга с академиком.

После того как в 1849 г. состоялось обручение, Миддендорф однажды внезапно появился у дома Бэра в санях, запряженных оленями и в якутской одежде. По приглашению Миддендорфа Карл и Мария сели в сани, Миддендорф – на место кучера и в сопровождении нескольких друзей и настоящих якутов (которые в то время жили в Петербурге в своих юртах) кавалькада проехала через весь Петербург[24].

Свадьба Лингена и Марии состоялась в феврале 1850 г. (за два месяца до свадьбы Миддендорфа). Отмечая последний вечер холостяцкой жизни друга, Миддендорф сочинил для него длинное веселое стихотворение. Так как друзья называли Миддендорфа мишкой, то в заглавии он писал, что мишка своему другу "проревет стихотворение"[25]. Впоследствии в Петербурге чета Лингенов неоднократно помогала Миддендорфу заботиться о его детях.

Наиболее близким другом Миддендорфа был Н. Вилькен. Они познакомились, вероятно, во время учебы в Дерптском университете. Из интересной переписки Миддендорфа с Вилькеном следует, что Миддендорф не скрывал от него даже самые сокровенные стороны своей жизни. Например, мы узнаем, что одной из причин, по которой Миддендорф согласился стать руководителем Сибирской экспедиции, была его безответная любовь в Киеве. Миддендорф надеялся, что климат Сибири сможет охладить его сердце[26]. В своих письмах Вилькен называл друга мишкой или "Kohlspatz", т.е. капустным воробышком[27].

С Вилькеном, который успешно занимался сельским хозяйством в своем имении Чудлей в Эстляндской губернии, Миддендорф обсуждал как хозяйственные, так и политические пробле-

---

[24] ПФА РАН. Ф. 33. Оп. 1. № 33. Л 76–81.
[25] Там же. Л 1–9 об.
[26] A. v. Middendorff an N. v. Wilcken, St. Petersburg, 20. Oktober 1842 // PABvM.
[27] ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 15. Л. 114.

мы (особенно касающиеся Прибалтийских губерний). Он неоднократно бывал у Вилькена в его имении, которое находилось на пути из Гелленорма в Петербург. После того, как Миддендорф был избран президентом Лифляндского общеполезного экономического общества, Вилькен стал его членом. На страницах журнала Общества он публиковал статьи о проблемах сельского хозяйства, а также активно поддерживал идеи Миддендорфа в области аграрной политики[28].

После путешествий по Лапландии и Сибири Миддендорф подружился с К.М. Бэром. Сначала они так часто общались, что, по словам Бэра, некоторые в Петербурге полагали, что Миддендорф – член его семьи[29]. Для Миддендорфа Бэр стал наставником в науке, тогда как Бэр считал Миддендорфа ближайшим другом (несмотря на большую разницу лет – 23 года). В стихотворении, которое Бэр посвятил Миддендорфу в день его свадьбы, Бэр писал: "Ты стал другом моей жизни, которого я так долго и напрасно ждал ..."[30]. Это был единственый раз, когда Бэр сказал Миддендорфу "ты".

Бэр оказал большое влияние на научные представления Миддендорфа. Обширная переписка Бэра и Миддендорфа свидетельствует о том, что, несмотря на некоторые расхождения взглядов, дружеские отношения между ними сохранялись до конца жизни Бэра. В 1864 г., когда праздновалось пятидесятилетие его научной деятельности, от имени Академии наук Бэра поздравил Миддендорф[31].

В 1860 г. сестра жены Миддендорфа Паулина (Полли) вышла замуж за морского офицера Н.Г. Шиллинга. Не удалось выяснить, когда познакомились Миддендорф и Шиллинг. Однако известно, что они оба были преподавателями сыновей императора Александра II. Миддендорф до 1859 г. преподавал естественные науки цесаревичу Николаю Александровичу[32], а Шиллинг с

---

[28] Там же. Ф. 1185. Оп. 1. № 410. Л. 3.

[29] K.E. v. Baer an A. Th. v. Middendorff, [St. Pbg.], 28. Dezember 1849 // HSM. B. 702. № 320.

[30] ПФА РАН. Ф. 33. Оп. 1. № 33. Л. 71.

[31] ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 9. Л. 42–45. Рукопись речи Миддендорфа о заслугах Бэра сохранилась в Отделе рукописей РНБ (Ф. 124. № 2799). Изданный в 1864 г. немецкий вариант отдела "Растительность" своего труда Миддендорф посвятил К. Бэру: "Ставший старым ученик Мурманского берега Таймыра и Амура – никогда не стареющему учителю" (Reise... Bd. IV. Th. I. Asteil. 4).

[32] ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 13. Л. 20–26. В 1859 г. в связи с совершеннолетием наследника "за отличное усердие" Александр II пожаловал Миддендорфу золотую табакерку, украшенную бриллиантами (РГИА. Ф. 472. Оп. 35. № 41. Л. 340–340 об.).

1859 по 1872 г. был воспитателем великого князя Алексея Александровича[33] и обычно сопровождал его во время путешествий[34]. Однако в 1867 г. по Средиземному морю и Атлантическому океану, а в 1870 г. по Белому и Баренцевому морям с Алексеем Александровичем путешествовал Миддендорф.

После 1860-х г. во время поездок в Петербург Миддендорф нередко останавливался в гостеприимном доме Паулины и Николая Шиллингов. В этом семействе (в Зимнем дворце и в Царском Селе) после смерти жены Миддендорфа часто гостили и его дети. Шиллинги, в свою очередь, иногда отдыхали в Гелленорме у Миддендорфа. Так как Шиллинг интересовался морскими течениями и природой Северного Ледовитого океана, а в 1870–1871 гг. возглавил комиссию Русского Географического Общества для разработки программы экспедиции в северные моря[35], Миддендорфу было интересно обсуждать с ним научные вопросы.

Родственником Миддендорфа стал и зоолог Э.В. Толль, который дружил с Эрнстом. В 80-х гг. они часто бывали в гостях у друга Миддендорфа Н. Вилькена. Эрнст был мужем его старшей дочери. Толль познакомился с младшей дочерью Вилькена Эмми, и в 1889 г. она стала его женой. С тех пор Толль породнился с семейством Миддендорфа и познакомился с ним самим. Из писем Миддендорфа к сыновьям можно узнать, что Толль неоднократно бывал в Гелленорме. В известной мере под влиянием Миддендорфа, Толль стал полярным исследователем и был руководителем нескольких экспедиций в северные области Восточной Сибири. Из последней экспедиции, состоявшейся в 1900–1902 гг., он не вернулся. О гибели Толля сообщили его жене и Эрнсту Миддендорфу[36].

---

[33] *Schilling H. v., Tammiksaar E.* Nikolai Baron von Schilling (1828–1910) Seeoffizier und Wissenschaftler // Jahrbuch des baltischen Deutschtums, 1998. 1999. Bd. 46. S. 104.

[34] Общий морской список. СПб., 1900. Ч. XII. С. 325–329.

[35] *Schilling H. v., Tammiksaar E.* Nikolai Baron von Schilling... S. 115.

[36] 11 февраля 1905 г. комиссия для снаряжения Русской полярной экспедиции Академии наук пришла к выводу, что не осталось надежды на отыскание Толля и его спутника Ф.Г. Зееберга, которые еще в 1902 г. отправились с Новосибирских островов на поиски Земли Санникова. В связи с этим комиссия постановила "...уведомить о гибели барона Э.В. Толля и Ф.Г. Зееберга страховое общество "Россия" и выдать удостоверение в том же баронессе Э.Н. Толль, г-ну Э.А. Миддендорфу и семье г. Зееберга в виде выписки из протокола". Этот протокол, сохранившийся в академическом архиве, обнаружил и опубликовал В.В. Синюков в книге "Александр Васильевич Колчак" (М., 2000. С. 201).

В Петербурге Миддендорф постоянно поддерживал дружеские отношения со многими выходцами из Прибалтийских губерний. Особенно он подружился с филологом академиком О.Н. Бётлингком, библиотекарем В. Геном и журналистом Г. Беркгольцом (впоследствии редактором известного прибалтийского журнала "Baltische Monatsschrift"). Ген и Беркгольц были библиотекарями Императорской публичной библиотеки и библиотеки великой княгини Елены Павловны[37].

Этот "квартет" часто встречался в "Немецком клубе" на Исаакиевской площади, где по немецкой традиции они имели "Stammtisch" (стол для постоянных посетителей)[38]. Там они играли в шахматы, пили пиво, активно и с юмором обсуждали волновавшие их темы[39]. Бётлингк, Ген и Беркгольц были постоянными посетителями вечеров Миддендорфа. В 60-х гг. – после переезда Миддендорфа в Гелленорм – "квартет" распался, однако Беркгольц и Миддендорф довольно регулярно переписывались.

На вечера Миддендорфа, которые обычно происходили по вторникам[40], собирались его друзья, коллеги, немцы, приезжавшие в Петербург из Прибалтийских губерний, а также иностранные ученые. Эти вечера начались 8 ноября 1855 г. В тот день Миддендорф написал Ф.П. Врангелю: "...сегодня открывается ряд [моих] вечеров"[41].

Вечера Миддендорфа собирали прежде всего прибалтийских немцев – выпускников Дерптского университета, среди которых были ученые, священники, юристы, врачи, библиотекари, помещики, высокие чиновники и проч. Это было место дружеского общения и отдыха, там также можно было обсудить проблемы, волнующие именно выходцов из Остзейских провинций – положение науки в этих провинциях, вопросы языка, состояние лютеранской церкви в России, вопросы сельского хозяйства, отношение к лицам немецкого происхождения в российском обществе.

О вечерах Миддендорфа сохранились очень краткие сведения. Но священник Г. Дальтон в книге своих воспоминаний посвятил этим вечерам целую главу[42]. Дальтон подробно рассказы-

---

[37] В Публичной библиотеке Г. Беркгольц стал основателем собрания "Rossica".

[38] *Schiemann Th.* Viktor Hehn. Stuttgart, 1894. S. 166–167.

[39] *Schrader O.* Viktor Hehn. Ein Bild seines Lebens und seines Werkes. Berlin, 1891. S. 29.

[40] В одном из своих писем к Миддендорфу Ф.П. Литке сожалел, что не смог побывать во вторник на его очередном интересном собрании (ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 8. Л. 79).

[41] ЕАА. Ф. 2057. Оп. 1. № 467. Л. 36–36 об.

[42] *Dalton H.* Lebenserinnerungen. Berlin, 1907. Bd. 2. S. 255–294.

вал о гостях Миддендорфа, которые оставили у него самые яркие впечатления. "Свой гостеприимный дом, – вспоминал Дальтон, – Миддендорф сделал центральным пунктом для общения образованного мира Петербурга. В течение долгих зимних месяцев он приглашал большой круг своих друзей и коллег каждые четырнадцать дней на «вечера научной болтовни», причисление к которым ценилось как привлекательное отличие. За столом собирались в восемь часов. Хозяин заранее просил одного из гостей сделать доклад на тему его занятий, но который должен был привлечь всеобщее внимание. Доклад, сопровождавшийся чашкой чая и пуншем, побуждал к оживленной беседе, которая позже превращалась в уютную болтовню, кончавшуюся часто только к полуночи"[43]. Некоторые из этих докладов, по словам Дальтона, были очень тщательно подготовлены и иногда использовались для дальнейших исследований и публикаций. Именно на одном из вечеров Миддендорфа Бэр сделал доклад "Какая точка зрения о живой природе верна и как можно эту точку зрения использовать в энтомологии?", который послужил основой для выступления Бэра на первом заседании Русского энтомологического общества[44].

1 марта 1860 г. после того как стало известно, что Миддендорф уезжает из Петербурга, друзья собрались у него в последний раз. Миддендорф выступил с докладом о роли муравьев в природе[45]. Свое выступление он начал словами: "С чувством глубокого сожаления думаю я о том, что наступил последний, столь приятный для меня вечер". Чтобы отметить исключительность этой встречи, Миддендорф предложил гостям ужин, что раньше было не принято. Гости в свою очередь подарили на память Миддендорфу фотографии, которые делались на вечерах[46]. Некоторые из снимков Дальтон поместил в своей книге, среди них имеется и изображение Миддендорфа.

По желанию участников этих встреч Бэр продолжил традицию вечеров[47], но многих огорчало, что прекратились именно вечера Миддендорфа. Так, Ф.П. Литке в 1860 г. писал ему: "Почему судьба выдергивает Вас из кружка, который Вы сами у себя

---

[43] Там же. S. 257–258.
[44] Там же. S. 258.
[45] *Middendorff A. v.* Über Ameisen [St. Pbg.], Dienstag, am 1. März 1860 // PAOL.
[46] ЕАМ. Ф. 108. Оп. 1. № 1. Л. 72.
[47] *Dalton H.* Lebenserinnerungen... S. 292. Г. Беркгольц писал Бэру: "Воспоминание о торжественных великокняжеских обедах, о вечерах Миддендорфа и Ваших представляется мне теперь мечтою о погибшем волшебном мире" (G. Berkholz an K. v. Baer, Riga, ohne Datum // UBG. Nachlass von Baer. Bd. 2).

создали, и где мы себя духовно и сердечно хорошо чувствовали? Мы еще долго будем сожалеть об отсутствии Ваших интересных и уютных вечеров"[48].

На вечерах Миддендорфа бывал и палеонтолог А.А. Кейзерлинг. Они познакомились еще 24 марта 1845 г. в гостях у Бэра, где Миддендорф рассказывал о своей Сибирской экспедиции. Кейзерлинг присутствовал и на праздничном обеде (4 апреля), организованном Бэром для чествования Миддендорфа[49]. Позднее Кейзерлинг принимал участие в обработке палеонтологических коллекций для труда Миддендорфа о Сибирской экспедиции.

Сохранилось большое количество писем Кейзерлинга к Миддендорфу[50]. Из этих писем можно узнать, что Миддендорф посылал Кейзерлингу свои работы, а Кейзерлинг сообщал ему свое мнение о них. Они часто обсуждали проблемы, возникавшие и в Академии наук, и в Дерптском университете. (С 1862 г. по 1867 г. Кейзерлинг был куратором этого университета.) Когда Миддендорф переселился в Гелленорм, они нередко обсуждали как политические вопросы, так и проблемы, относящиеся к сельскому хозяйству Прибалтийских губерний. Особенно часто Миддендорф и Кейзерлинг общались, когда Миддендорф жил в Пэрафере, так как имение Кейзерлинга Райкюль находилось недалеко от имения Пэрафер.

Из писем Кейзерлинга можно узнать, как высоко он ценил Миддендорфа не только как ученого, но и как человека. Одному из своих друзей Кейзерлинг писал: "Кажется, что Миддендорф, чем старше он становится, тем приятнее пишет. Вы это заметите на страницах его «Ферганы», где Миддендорф выступает как один из сортов самых отличных зимних яблок, который только поздно [с возрастом] утрачивает свою терпкость"[51]. Кейзерлинг сравнивал Миддендорфа также с вином хорошего сорта[52]. Так как известно, Миддендорф много путешествовал. Кейзерлинг в 1883 г. очень образно определил его стремление к перемене мест: "Всеобъемлющее беспокойство несет его по миру как современного Агасфера"[53].

С задачами, стоявшими перед Сибирской экспедицией, Миддендорф успешно справился не только благодаря энергии, муже-

---

[48] ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 8. Л. 90.
[49] ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 1. № 174. Л. 29–30.
[50] ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 11.
[51] *Taube von der Issen H.* Graf Alexander Keyserling. Ein Lebensbild aus seinen Briefen und Tagebüchern. Berlin, 1902. Bd. 2. S. 225–226.
[52] Там же. S. 280.
[53] Там же. S. 356.

ству, настойчивости и умению найти выход из казалось бы безвыходной ситуации, но и потому, что имел надежных, трудолюбивых и преданных спутников. На отношения, сложившиеся между членами экспедиции, несомненно влиял характер руководителя – его доброжелательность, юмор, уважение к окружающим. Миддендорф не командовал, а предлагал способы решения проблемы и вместе со всеми брался за любую самую трудную работу. Из Сибири он писал отцу: "Кроме моего хорошего обращения с ними и кроме их убеждения в моей непогрешимости, которые утвердили в них особенно мои мореходные познания и распоряжения, больше всего поддерживало такой дух то обстоятельство, что с той же минуты, как стал командиром, я всюду принимался за дело наравне с подчиненными, ел с ними из одного котла и т.д., словом разделял с ними все, кроме водки, которую они пили одни"[54].

После окончания экспедиции Миддендорф позаботился о судьбе каждого из своих спутников. Т. Бранта он рекомендовал для участия в Уральской экспедиции, которую организовало Русское географическое общество. М. Фурман по инициативе Миддендорфа остался в Иркутске и стал помощником его друга Ю.И. Штубендорфа[55]. До начала 50-х годов Фурман сопровождал Штубендорфа во время его служебных поездок по Восточной Сибири.

В "Путешествии на север и восток Сибири" Миддендорф писал, что В.В. Ваганов стал его "неразлучным и любимым товарищем"[56]. Дружеские отношения между ними не прекратились и после окончания экспедиции. Ваганов не хотел возвращаться в Омск и остался в Иркутске (вероятно, по ходатайству Миддендорфа). В.Я. Руперт (тогда генерал-губернатор Восточной Сибири) определил Ваганова на службу в губернскую чертежную, где он копировал карты. О своей жизни в Иркутске Ваганов подробно сообщал в письмах к Миддендорфу[57]. Эти письма – выразительное свидетельство эпохи, позволяющее судить о характерах как автора, так и адресата.

---

[54] *Бэр К.* Новейшие известия об экспедиции г. фон Миддендорфа // СПб. вед. 1844. № 20. С. 89, примеч.

[55] Друг Миддендорфа Ю.И. Штубендорф служил в Иркутске врачом. В 1848 г., когда генерал-губернатором Восточной Сибири стал Н.Н. Муравьев, он назначил Штубендорфа сверхштатным чиновником особых поручений. Штубендорф должен был или сопровождать Муравьева или по его поручениям бывать в разных частях вверенного губернатору края.

[56] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... 1860. Ч. I. Отд. I. С. 14.

[57] ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 10. К сожалению, письма Миддендорфа к Ваганову не сохранились.

Ваганов был лишь на пять лет младше Миддендорфа, но относился к нему как к весьма почтенному человеку и, несмотря на возражения Миддендорфа, называл его "Ваше высокоблагородие", "Бесценный благодетель", "Незабвенный начальник". Эти высокопарные обращения были не формальностью, а выражением искреннего уважения и приязни. Взрослый мужчина и к тому же военный постоянно трогательно напоминал Миддендорфу о своей сердечной привязанности. Например, он писал: "... ничто не помешает излить Вам мою душевную благодарность не только за мысли обо мне, но и за каждую черту – с намерением или без намерения – отдельно и вообще. Вы ангел мой и более не скажу Вам, а то, пожалуй, покажется болтовня моя уже приторною. Сердце желало бы более. Но нельзя же следовать его влечению... Не огорчайтесь – я уже старею, но душа моя – Ваша собственность"[58].

7 мая 1845 г. в качестве награды за участие в Сибирской экспедиции Ваганов был произведен в прапорщики Корпуса военных топографов[59], о чем ему сообщил Миддендорф. В ответ Ваганов писал: "Слава экспедиции была столь же для меня приятна, как приятен теперь мне чин прапорщика... Ура царю, ура Вам – Бесценному благодетелю... бегаю из конца в конец по городу и не знаю, где будет предел радости. Все заинтересованы Вами, а через вас и мною. Наперерыв читают письмо – радуются, а еще с большей радостью распито шампанское в квартире Николая Христофоровича Агте: первый бокал за Ваше здоровье, второй – за славу экспедиции, а третий – за славу орденов Св. Владимира и Св. Анны и новорожденного прапощика"[60].

По поручению Миддендорфа Ваганов отправлял ему в Петербург карты и разные сведения о Сибири. В свою очередь Миддендорф выполнял просьбы Ваганова, а также посылал ему подарки (и деньги, когда узнавал, что Ваганов в них нуждался). Послал Миддендорф в Иркутск и первые выпуски своего труда о Сибирской экспедиции.

Сначала Ваганов в Иркутске часто болел, хандрил и мечтал переехать в Петербург, полагая, что там ему будет жить легче (и к тому же – ближе к Миддендорфу). Но в 1848 г. в Иркутск приехал новый генерал-губернатор – Н.Н. Муравьев, который (несомненно по инициативе Миддендорфа) приблизил Ваганова к

---

[58] Там же. Л. 10, 14 марта 1846 г.
[59] РГИА. Ф. 735. Оп. 2. № 262. Л. 151.
[60] ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 10. Л. 14–14 об. Речь идет об орденах, полученных Миддендорфом и Брантом.

себе. Уже летом этого же года Ваганов сопровождал Муравьева в его поездке по Забайкальскому краю. При этом, узнав о намерении одного англичанина отправиться в путешествие с женой на плоту по Амуру, Муравьев (полагавший, что англичанин был шпионом) приказал Ваганову вернуть его "живого или мертвого" в Иркутск, и тот "чрезвычайно ловко исполнил данное поручение..."[61].

В 1849 г. Ваганов путешествовал вместе с Муравьевым на Камчатку, а в следующему году (может быть, тоже вместе с Муравьевым) собирался ехать в Петербур. Срок поездки Муравьева сначала не был точно определен, вероятно, поэтому Ваганов сообщил Миддендорфу о своей поездке уже в начале года[62]. А 14 мая 1850 г. он писал: "Вчера я получил билет, посланный Вами... не стану повторять Вам и мою радость, ибо Бог слышит да и услышит мои молитвы"[63].

Но мечтам Ваганова не суждено было осуществиться. Летом этого года Муравьев поручил Ваганову произвести секретную рекогносцировку местности вблизи верховьев Амура в северной Монголии. Об этом в своих воспоминаниях упомянул один из ближайших помощников Муравьева Б. Струве: "...Ваганов в сопровождении двух казаков перешел в августе 1850 г. реку Аргунь около крепости Цурухайтуй. С того времени о нем не было получено никаких сведений"[64]. Струве по поручению Муравьева пытался узнать о судьбе Ваганова, но "ничего верного" узнать не удалось, лишь очевидно было, что он погиб. Как ни странно, китайские власти наказали убийц и переслали в Иркутск останки Ваганова, которые в 1853 г. "были преданы земле"[65]. Эта дата и считалась датой смерти Ваганова[66]. Миддендорф в своем труде упомянул о том, что Ваганов был убит, хотя и не назвал года, когда это произошло[67].

---

[61] *Струве Б.* Воспоминания о Сибири // Русский Вестник. 1888. Т. 195, апрель. С. 178.

[62] Как отметил Б. Струве в своих воспоминаниях, почта в Иркутск и "в хорошее время года ходила четыре недели, следовательно ближайший ответ мог получиться через два месяца" (Там же. Т. 196, май. С. 90).

[63] ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 10. Л. 49.

[64] *Струве Б.* Воспоминания о Сибири. Т. 196, июнь. С. 105–106.

[65] Там же. С. 106.

[66] Исторический очерк деятельности корпуса Военных типографов. СПб., 1872. Прилож. 1. С. 37.

[67] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие на север и восток Сибири. СПб., 1860. Ч. I. Отд. I. С. 151; 1877. Ч. II. Отд. IV. С. 738.

Коллеги

Миддендорф не имел учеников в прямом смысле этого слова, так как никогда не преподавал. Но представители разных областей естествознания в той или иной степени испытывали его влияние, а некоторые даже считали себя последователями Миддендорфа. Особенно заметно это влияние в работах исследователей Сибири.

Л.И. Шренк. В начале 1853 г. великий князь Константин Николаевич (председатель Русского географического общества, назначенный в этом году и главой морского министерства) обратился в Академию наук с просьбой рекомендовать ученых для участия в морской экспедиции. Экспедиция должна была летом отправиться в Охотское море. Академия с готовностью откликнулась на это предложение. Тотчас была создана комиссия (в нее вошел и Миддендорф), которая занялась подготовкой программы исследований. Из-за скудости средств Академия решила отправить в морскую экспедицию не трех ученых, как предлагал Константин Николаевич, а только одного. По инициативе Миддендорфа для исследований в области физической и зоологической географии, а также этнографии комиссия пригласила Л.И. Шренка[1].

Шренк незадолго до этого окончил университет в Дерпте, слушал в Берлинском университете лекции по географии знаменитого географа К. Риттера, защитил диссертацию по естествознанию в Кёнигсбергском университете и должен был занять кафедру географии в Дерптском университете[2]. Получив предложение Академии отправиться в морскую экспедицию, Шренк от кафедры отказался.

В архивных бумагах академической комиссии, готовившей инструкцию для путешественника, не упоминается о том, что

---

[1] ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1853. № 2. Л. 15 об. Л.И. Шренк – брат А.И. Шренка (друга Миддендорфа).

[2] Сообщив в 1857 г. об окончании экспедиции, Д.Н. Блудов упомянул, что Шренк был приглашен для участия в ней как раз в то время, когда Дерптский университет избрал его на кафедру географии (ПФА РАН. Ф. 733. Оп. 1–1853. № 2. Л. 95; см. также: РГИА. Ф. 733. Оп. 13. № 279. 1853. Л. 113).

инициатором приглашения Шренка был Миддендорф. Об этом позволяет судить письмо Шренка к Миддендорфу от 26 мая 1853 г. "После Вашего известия о более детальных целях естествоиспытателя будущей экспедиции вокруг света, – писал Шренк, – я, который уже раньше выражал желание стать членом этой экспедиции, теперь могу повторить это с большей определенностью"[3].

Согласившись принять участие в экспедиции, Шренк не приехал в Петербург тогда, когда его ждали в Академии, хотя прежде сообщил, что может явиться по первому ее требованию. Это беспокоило непременного секретаря П.Н. Фуса. В связи с этим 3 июля 1853 г. Миддендорф писал ему из Гелленорма: "С уверенностью, что после личного появления у Вас г. Шренка отпадут опасения, которые я читал в Вашем взгляде..., я посылаю Вам свою часть инструкций для его экспедиции"[4]. Объясняя причину своей задержки в Дерпте, Шренк сообщил, что искал препаратора, и при этом упомянул: "...через г. статского советника фон Миддендорфа я узнал о том, что получил от императорской Академии наук почетное поручение участвовать в экспедиции на Сахалин..."[5].

Фрегату "Аврора" (который должен был доставить Шренка в Охотское море к устью Амура) из-за большого количества больных на борту пришлось направиться в Петропавловский порт (на Камчатке). Шренк добирался до устья Амура на других судах. В 1854 г. он начал исследования в Николаевском порту, где организовал метеорологические наблюдения. Затем Шренк путешествовал по Сахалину и Амуру, собирая зоологические, ботанические и этнографические коллекции. "Два раза я ездил на остров Сахалин, – писал Шренк в одном из своих трудов, – на южной оконечности которого мне, кроме того, пришлось побывать еще летом 1854 г.; затем я посещал разные местности побережья морей Охотского и Северо-Японского, заходил в долину Горина, поднимался по Уссури и, наконец, на возвратном пути – по всему Амуру и части Аргуни"[6].

О своих наблюдениях Шренк сообщал Миддендорфу не только как инициатору путешествия, но и как непременному секретарю Академии наук. Письма Шренка, содержавшие сведения о Сахалине (он оказался первым исследователем природы и жителей

---

[3] ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1853. № 2. Л. 8.
[4] Там же. Л. 67.
[5] Там же. Л. 24.
[6] *Шренк Л.И.* Об инородцах Амурского края. СПб., 1883. Т. I. С. 5.

острова), показались Миддендорфу очень интересными. Он отправил их в Русское географическое общество, и они были опубликованы[7].

Шренк вернулся в Петербург в начале 1857 г. и в качестве путешественника[8] был прикомандирован к Зоологическому музею для обработки своих коллекций. Вскоре он представил физико-математическому отделению Академии наук план своего будущего труда "Reisen und Forschungen im Amur-Lande in den Jahren 1854–1856" (St. Petersburg, 1858–1895. 4 Bde.). План сочинения Шренка повторял план труда Миддендорфа – он тоже должен был иметь четыре тома, включающие сведения по географии, зоологии, ботанике и этнографии.

После окончания экспедиции Шренка Миддендорф, который уже перестал быть непременным секретарем, продолжал его опекать. Можно лишь предположить, что по инициативе Миддендорфа Шренк был оставлен при Зоологическом музее для обработки своих коллекций. Но совершенно точно известно, что Миддендорф вместе с К.М. Бэром, Ф.Ф. Брандтом и Ф.И. Рупрехтом представлял Шренка для избрания в 1862 г. в адъюнкты[9], а в 1863 г. – в экстраординарные академики[10].

В марте 1864 г. Миддендорф сообщил президенту Академии наук, что намерен оставить место академика. При этом Миддендорф отметил, что это место следует освободить для более молодого коллеги[11]. Миддендорф имел в виду Шренка, который в 1865 г. (после отставки Миддендорфа) и был избран ординарным академиком по зоологии.

Значительные коллекции Шренка существенно обогатили собрание Зоологического музея, многие "предметы" он сам и обрабатывал. В своих зоологических исследованиях Шренк, как и Миддендорф, много внимания уделял моллюскам, пополнив отдел Зоологического музея видами, собранными на Амуре и в Охотском море. Шренк вслед за Миддендорфом заинтересовался

[7] Письмо Леопольда Шренка к непременному секретарю Академии наук... // Вестн. РГО. 1857. Ч. 19. Кн. 3. Геогр. Изв. С. 6–13. Извлечение из письма Леопольда Шренка к непременному секретарю Академии наук... (Там же. С. 13–20).

[8] Во всеподданнейшем докладе речь шла о "дозволении Шренку в продолжение экспедиции считаться в действительной государственной службе при Академии наук в качестве путешественника с правами и преимуществами адъюнкта оной представленными" (ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 2–1853. № 176. Л. 3).

[9] Зап. АН. 1862. Т. 1. Кн. 1. С. 93.

[10] Там же. 1863. Т. 3. С. 275.

[11] ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 8. Л. 95.

проблемой мамонтов и был одним из инициаторов нескольких академических экспедиций 80–90-х гг. XIX столетия, одной из задач которых был поиск этих животных.

Шренк готовил к изданию описание материалов своей экспедиции в течение многих лет. Издание этого сочинения, начавшееся в 1859 г., завершилось лишь после смерти автора – в начале XX столетия. Этнографические наблюдения, которые Шренк вел на Амуре и Сахалине, вошли в его трехтомный труд "Об инородцах Амурского края" (СПб., 1883–1903), опубликованный сначала на немецком, а затем и на русском языках. Труд этот до настоящего времени высоко оценивают этнографы. В первом томе сочинения Шренк особо отметил, что воспользовался заметками о гиляках, которые ему передал Миддендорф[12]. Шренк широко использовал и другие данные Миддендорфа, неоднократно ссылаясь на его труд "Путешествие на север и восток Сибири".

В 1887 г., когда отмечалось пятидесятилетие со времени начала научной деятельности Миддендорфа, Шренк, поздравляя своего коллегу, подчеркнул: "Я... обязан Тебе всем моим положением в науке, и вся работа моей жизни продвигается на фундаменте, который Ты заложил"[13]. В связи с юбилеем Миддендорф был награжден золотой медалью Бэра. Сообщая Миддендорфу об этой награде, Шренк писал (30 декабря 1888 г.), что Академия наук поручила ему составить рецензию и доложить ее на годичном заседании. Шренк отмечал, что выступал с удовольствием, так как ему приятно было говорить о таком человеке, к научным заслугам которого он испытывал самую большую признательность, а к самому – чувства сердечной благодарности[14].

В течение многих лет научная жизнь этих ученых в той или иной мере переплеталась. И скончались они почти одновременно (Шренк – 8 января, а Миддендорф – 16 января 1894 г.). На это "удивительное совпадение" тотчас после смерти Миддендорфа обратил внимание один из его коллег[15].

Н.А. Се́верцов. В 1856 г. молодой зоолог Н.А. Се́верцов за свою первую небольшую книгу "Периодические явления в жизни зверей, птиц и гад Воронежской губернии" получил половинную Демидовскую премию. Рецензию на эту работу написал Миддендорф. Из письма Се́верцова, которое сохранилось в Эстонском историческом архиве, выясняется, что они познакомились еще до

[12] Заметки Миддендорфа сохранились (ПФА РАН. Ф. 93. Оп. 1. № 61).
[13] L. v. Schrenck an A. v. Middendorff, Mereküll, 31 Mai 1887 // PABvM.
[14] ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 9. Л. 40–40 об.
[15] C. Schmidt an A. v. Middendorff, Dorpat, 26. Januar 1894 // PABvM.

того, как состоялся конкурс. Можно предположить, что Миддендорф и был инициатором отправления книги на конкурс в Академию наук[16].

В своей рецензии Миддендорф высоко оценил сочинение Се́верцова, подчеркивая значение мето́ды, которую тот использовал для анализа своих наблюдений: "...надобно было вовсе покинуть избитую обыкновенную тропу и искать главнейших целей зоологической географии не в подробном, хотя и сравнительном исчислении животных пород исследуемой страны, а напротив того в разрешении несравненно труднейшей задачи, т.е. в определении той тесной связи, которая существует между отличительными свойствами данной фауны и особенностями как той почвы, на которой она живет, так и того климата, в котором она дышит и развивается"[17]. Таким образом Миддендорф изложил как мнение о важности труда Се́верцова, так и собственные представления о задачах зоогеографии. Он полагал также, что с работы Се́верцова "начинается новый отдел зоологической литературы в России"[18].

По мнению Миддендорфа, работа заслуживала докторской степени, и он сожалел, что Академия наук таких степеней присуждать не может. Вместе с тем Миддендорф рекомендовал Академии использовать дарования способного, трудолюбивого и талантливого ученого для отправления его в экспедицию к Аральскому морю с целью изучения влияния континентального климата на органический мир вблизи реки Сыр-Дарьи.

В середине XIX в. естественно-исторические экспедиции Академия наук снаряжала редко. Однако физико-математическое отделение тотчас откликнулось на предложение Миддендорфа. 17 апреля 1856 г. Се́верцов был удостоен Демидовской премии, а 23 апреля на основе отзыва Миддендорфа оно приняло решение отправить экспедицию к Аральскому морю[19].

---

[16] 28 сентября 1856 г., посылая свою работу в Академию, Се́верцов сообщал Миддендорфу, что не смог воспользоваться его советом и дополнить ее сведениями о влиянии климатических условий на организмы. Из этого же письма следует, что Се́верцов читал корректуру тома труда Миддендорфа с его исправлениями, которую передал ему сам Миддендорф. (ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 8. Л. 271–272 об.). Се́верцов, вероятно, получил корректуру в 1854 г. – уже после того, как была издана зоологическая часть труда "Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens während der Jahre 1843 und 1844" (1853).

[17] *Миддендорф А.Ф.* Разбор сочинения г. Северцова под заглавием Периодические явления в жизни зверей, птиц и гад Воронежской губернии // Двадцать пятое присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград. СПб., 1856. С. 194.

[18] Там же. С. 205.

[19] ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1856. № 8. Л. 6–6 об.

Высочайшее соизволение было получено 29 января 1857 г. Комиссия, созданная для разработки инструкций (в которую вошли К.М. Бэр, Ф.Ф. Брандт, А.Я. Купфер и А.Ф. Миддендорф), полагала, что экспедицию следовало отправить в марте. Однако летом 1856 г. Се́верцов уехал в Европу, чтобы готовиться к исследованиям, и еще не собирался возвращаться. С тех пор как Се́верцов уехал, Миддендорф более или менее регулярно сообщал ему о ходе событий, а Се́верцов в своих письмах рассказывал Миддендорфу о встречах с учеными, своих выступлениях, приобретении необходимых инструментов и планах расширения пространства исследований[20].

2 апреля 1857 г. Миддендорф отправил Се́верцову официальное приглашение в экспедицию от имени Академии наук. 1 мая в заседании физико-математического отделения было прочитано письмо Се́верцова с благодарностью за приглашение, а 17 июня Се́верцов и сопровождавший его чиновник министерства финансов И.Г. Борщов, который должен был вести ботанические исследования, и препаратор И. Гурьянов приехали в Оренбург[21].

Исследования велись с июля 1857 г. по декабрь 1858 г. Из-за собственной неосторожности весной 1858 г. Се́верцов попал в плен и был тяжело ранен[22], поэтому экспедиция закончилась раньше намеченного срока. В марте 1859 г. Миддендорф представил физико-математическому отделению предварительный отчет Се́верцова, а в начале 1860 г. Се́верцов был награжден орденом Св. Владимира IV степени, Борщов – орденом Св. Анны III степени, а Гурьянов получил звание личного почетного гражданина[23].

По возвращении Се́верцов передал в Зоологический музей обширную коллекцию животных, которую сам и обрабатывал. Он полагал, что принят в Академию на правах адъюнкта (подобно Л.И. Шренку, который недавно возвратился из Амурского края) и в течение двух лет будет получать жалование за свою работу. Се́верцов не уточнил, каков его статус на самом деле, между тем, статус его по существу вообще не был определен. По распоряжению президента Академии наук Комитет правления дол-

---

20 ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 8. Л. 260–272 об.

21 ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1856. № 8. Л. 9–9 об., 19–20, 62.

22 Военный губернатор Оренбургского края А.А. Катенин писал в Академию наук, что Се́верцов получил 12 легких ран пиками и саблями, а две раны "...саблею в висок и пикою в грудь довольно опасны и могут иметь дурные последствия" (Там же. Л. 96 об.).

23 Там же. Л. 158–158 об.

жен был производить Се́верцову “вознаграждение за его труд” только в течение одного года[24].

Обработка коллекций двигалась очень медленно. При этом Се́верцов не представлял физико-математическому отделению статьи с результатами своих исследований, а в 1860 г. надолго уехал за собственный счет “...в Киргизские степи для пополнения приобретенных им в первой поездке сведений и собранных коллекций”[25].

Се́верцов полагал, что после “командировки” получит от Академии деньги. Каково же было его удивление и огорчение, когда, возвратившись в Петербург в конце 1860 г., он узнал, что жалование ему уже не полагается, и что он не имеет такого статуса в Академии, как Шренк. Считая, что работает не хуже Шренка, Се́верцов не мог понять, почему в Академии отнеслись к нему так несправедливо. Тем более, что его отчет об Аральской экспедиции был принят, и он даже получил орден за исследования во время экспедиции. О своих недоумениях Се́верцов написал директору Зоологического музея Ф.Ф. Брандту. В своем обширном письме он сообщал о результатах своей деятельности и огорчениях по поводу упомянутых “несправедливостей”. При этом Се́верцов несколько раз ссылался на “словесное обещание”, якобы данное ему Миддендорфом[26].

Узнав о содержании письма Се́верцова, Миддендорф чрезвычайно возмутился и отправил в физико-математическое отделение “оправдательную записку”[27]. С одной стороны, он чувствовал себя ответственным за то, что рекомендовал Се́верцова в экспедицию, а тот пока еще не оправдал его надежды. С другой – Миддендорф рассматривал письмо как упрек за невыполнение обещаний, которых он Се́верцову вовсе не давал. К тому же, это был период особенно активных нападок в периодической печати на Академию наук, и Миддендорфа беспокоило, что письмо Се́верцова попадет в газеты и станет поводом для новой порции несправедливых обвинений.

Миддендорфу изменила обычная доброжелательность, и в своей записке он перечислял все истинные и мнимые прегрешения Се́верцова, даже не относящиеся к Аральской экспедиции, и к тому же делал это в очень резкой форме. Многие замечания Миддендорфа были верны, но совсем не обязательно было упо-

---

[24] Там же. Л. 153.
[25] Там же. Л. 172.
[26] Там же. Л. 174–180.
[27] Там же. Л. 182–186.

минать о странностях в характере Се́верцова или о том, что его не приняли доцентом в Московский университет. А в конце этого длинного, местами даже грубого послания, содержавшего и несправедливые упреки, Миддендорф очень мирно предложил выдать Се́верцову "второе годичное жалование", так как обработкой своих коллекций он все же занимался, а затем посмотреть, как пойдут дела дальше. Кроме того, Миддендорф предложил, чтобы два члена биологической секции объяснили Се́верцову, в чем он не прав, и затем перечислил его действительные ошибки.

Неизвестно, читал ли Се́верцов письмо Миддендорфа и какова была его реакция, но о его содержании он несомненно знал. Никаких сведений об отношениях между Миддендорфом и Се́верцовым после этой печальной истории найти не удалось. Между тем в труде о Сибирской экспедиции Миддендорф неоднократно ссылался на наблюдения Се́верцова. В свою очередь Се́верцов, один из первых зоогеографов России, много сделавший для изучения географии Средней Азии (он положил начало изучению горных систем Тянь-Шаня и Памира)[28], в своих сочинениях упоминал некоторые зоогеографические идеи Миддендорфа[29] и даже назвал в его честь один из видов птиц.

Можно сожалеть, что два талантливых зоолога XIX в., больше других сделавших для развития зоогеографии в России, не нашли общего языка. Но, вероятно, даже если бы не случилась эта неприятная история, дружеские отношения между Миддендорфом и Се́верцовым были невозможны из-за несомненной полярности характеров и несовпадения некоторых научных и политических взглядов.

Г.И. Радде. В середине XIX в. Русское географическое общество организовало Сибирскую экспедицию. Экспедиция должна была иметь два отряда. Первый – математический – отправился в юго-восточную Сибирь в 1855 г. Одним из членов

---

[28] Н.А. Се́верцов мечтал о путешествии на Тянь-Шань еще в 1857 г. В письме к Миддендорфу он отметил, что полезно вести наблюдения не только вблизи Аральского моря, но также в Киргизской степи и в местности около озера Иссык-Куль. "Schlagintweit уже на Кюен-Люне, – писал Се́верцов, – неужели я по недостатку денег не проникну до Болор-тага (в землю Черных киргизов на юго-западе от Иссык-Куля)?" (ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 8. Л. 270 об.). Во время Аральской экспедиции добраться до Тянь-Шаня Се́верцову не удалось. Впервые он попал туда в 1864 г.

[29] См. например: *Се́верцов Н.А.* О зоологических (преимущественно орнитологических) областях внетропических частей нашего материка // Изв. РГО. 1877. Т. 13. Вып. 3. С. 137.

этого отряда был немецкий натуралист Г.И. Радде. Он приехал в Россию из Пруссии и работал в Крыму у ботаника Х.Х. Стевена. Узнав о намечавшейся экспедиции, Стевен уже в 1853 г. рекомендовал Обществу Радде, который "...собственно аптекарь и очень хорошо знает химию и фармацевтические науки, но с тем вместе и по натуральной истории сведущий – наипаче в орнитологии и ботанике, превосходно снимает шкуры и набивает чучела, сверх того очень скоро и хорошо рисует"[30]. Рекомендацию Стевена поддержал и академик П.И. Кеппен, познакомившийся с Радде в Крыму[31].

Радде, который был приглашен в экспедицию в качестве препаратора и рисовальщика, собрал обширный фактический материал как о животных и растениях, так и об условиях их существования в Забайкалье и Приамурском крае. О своих наблюдениях он сообщал в Географическое общество, а также Кеппену, который публиковал наиболее интересные письма Радде.

Наблюдения Радде заинтересовали многих. Литке в 1857 г. писал Кеппену: "Какой молодец! Это совершенная находка для нас. Надеюсь, что его поддержат и ободрят..." И в следующем году: "...молодец, каких у нас мало ... в случае, если будете писать ему прежде меня, заверьте его, что я со своей стороны сделаю все, от меня зависящее, чтобы труды его были оценены и ему принесли пользу"[32].

В одном из писем к Литке (в мае 1859 г.) Бэр просил его поговорить с Миддендорфом и рекомендовать ему Радде: "Едва ли он сможет найти другого более ревностного к службе"[33]. Бэр, вероятно, не знал, что Миддендорф (который в конце 50-х гг. начал готовить материалы для очередного отдела своего труда) уже интересовался результами наблюдений Радде[34].

О том, что Миддендорф с интересом читал отчеты Радде, которые получало Географическое общество, можно узнать из сохранившихся записок Ф.П. Литке. В одной из них Литке сообщал Миддендорфу, что посылает ему донесение Радде "с просьбой возвратить к завтрашнему"[35]. В другой записке Литке читаем: "Достойнейший Александр Федорович, Вы намеревались написать Радде. В надежде, что Вы не отложите благого намерения

---

30 Арх. РГО. Ф. 1–1850. Оп. 1. № 38. Ч. I. Л. 304 об.
31 Там же. Л. 389.
32 ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 3. № 158. Л. 3, 4.
33 Переписка Карла Бэра... С. 120.
34 G. Radde an L. Schwarz, Kulusutajefsk, 24. August/6. September 1856 // TKM. Mapp 13.
35 ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 8. Л. 98.

порадовать и ободрить странника, прошу Вас не замедлить доставлением мне Вашего письма. NB! – если Вы посылаете его через меня – надо торопиться, чтобы наши письма застали еще в Иркутске почту, отправляемую на Амур"[36]. Вероятно, сохранившееся в архиве Миддендорфа письмо Радде от 8 октября 1858 г. с сообщением о некоторых зоологических наблюдениях – ответ на послание Миддендорфа[37].

Радде вернулся в Петербург позже, чем другие участники математического отряда – в начале 1860 г. "Радушно встретили меня старые академики, – вспоминал он в автобиографии. – Большую часть их я знал со времени моего первого пребывания в Петербурге в 1855 г. По моим письмам они были достаточно осведомлены о ходе и успехах моего путешествия"[38].

Среди "старых академиков" Радде упомянул и Миддендорфа (которому в 1860 г. было 45 лет). Миддендорф не только радушно встретил путешественника, но предложил ему бывать на своих вечерах. На одном из этих вечеров Радде выступил с докладом об Амуре. "Я был чрезвычайно польщен, когда фон Миддендорф предложил мне прочесть во вторник вечером у него на дому лекцию об Амуре. Задачей моей было провести параллель между картиной грандиозной девственной природы Амура, с одной стороны, и неудачными действиями насильственной колонизации края – с другой"[39].

По инициативе Литке Академия наук приобрела коллекции Радде[40]. Самого Радде приняли внештатным консерватором в Зоологический музей[41], где он должен был обработать свои коллекции для будущего труда, который Академия наук собиралась опубликовать. В 1860 г. Радде часто обсуждал с Миддендорфом ход работы и составил план этого труда, учитывая содержание "Путешествия на север и восток Сибири" Миддендорфа. В 1861 г. он представил в Академию рукопись первого тома "Reisen im

---

[36] Там же. Л. 102–102 об.
[37] Там же. Л. 168[a]–169[b] об.
[38] *Радде Г.* Автобиография // Коллекции Кавказского музея. Тифлис, 1912. Т. 6. Ч. 1. С. 59.
[39] Там же. С. 60.
[40] 5 февраля 1860 г. Ф.П. Литке писал в Академию наук: "Так как коллекции не могут получить лучшего назначения, как послужить дополнением превосходных собраний императорской Академии наук, то Общество имеет честь предложить Академии означенные коллекции... в твердой надежде, что имп. Академия не оставит со своей стороны снабдить г. Радде денежными средствами, необходимыми для разработки превосходного материала для науки" (Арх. РГО. Ф. 1–1850. Оп. 1. № 38. Ч. IV. Л. 12–12 об.).
[41] Там же. Л. 27.

Süden von Ost-Sibirien in den Jahren 1855–1859 incl.". Готовя свой труд к изданию, Радде писал Миддендорфу: "Шренк и Максимович[42] написали очень подробно [о Приамурском крае], тем легче будет мне на [основе] этих и Ваших работ строить дальше"[43]. По просьбе Радде Миддендорф редактировал рукописи первого и второго томов его сочинения[44]. В свою очередь наблюдения Радде позволили значительно обогатить труд Миддендорфа.

Радде просил Академию наук "принять на себя издание его труда". В надежде получить деньги он отдал рукопись в типографию. Но в Академии, как всегда, денег было мало, тем более, что в это же время она публиковала сочинения Миддендорфа и Л.И. Шренка. Президент Академии наук Д.Н. Блудов обратился к министру народного просвещения Е.В. Путятину с просьбой выделить дополнительные средства на издание труда Радде, содержавшего "новые и важные научные результаты". Так как Блудов упомянул также о причинах отсутствия денег в Академии, Путятин нашел своеобразный выход из сложившейся ситуации – он предложил прекратить публикацию труда Миддендорфа и на сэкономленные деньги напечатать сочинение Радде[45].

Физико-математическое отделение не согласилось с таким предложением. К.М. Бэр, Ф.Ф. Брандт и А.Ф. Миддендорф в феврале 1862 г. вновь обратились с запиской к Блудову, считая, что он все же должен получить средства для издания труда Радде. Но Блудов после отказа, естественно, не мог повторять свою просьбу.

За первый том деньги Радде так и не получил, однако в том же году по инициативе физико-математического отделения Академии наук он был награжден половинной Демидовской премией. Рецензию на труд Радде написали Миддендорф и Брандт (Мид-

---

42 В июле 1855 г. сотрудник Ботанического сада (Петербург) К.И. Максимович путешествовал вместе с Л.И. Шренком по Амуру, а в 1859 г. он опубликовал труд о флоре Амурского края.

43 ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 8. Л. 170 об.

44 Там же. Л. 171.

45 22 августа Е.В. Путятин писал Д.Н. Блудову: "Как между тем Академия и Ваше сиятельство полагают издание в России путешествия г. Радде полезным и как действительно материалы и сведения, им собранные, свежее и обнимают большее пространство, нежели описание г. Миддендорфа, и при этом относятся к стране, представляющей в настоящее время огромный интерес, то я считаю нужным обратиться к Вашему сиятельству с покорнейшей просьбой, не изволите ли более полезным, ограничась в пособии на издание путешествия г. Миддендорфа теми средствами, которые ему доныне были предоставлены, оказать содействие Академии в издании путешествия г. Радде, столько ею одобряемом" (ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1861. № 8. Л. 10 об.).

дендорф рассматривал значение сочинения для географии[46], а Брандт – для зоологии). Однако Радде считал, что Академия наук не хотела помочь изданию этого труда. По его мнению, если бы непременным секретарем Академии оставался Миддендорф, проблема была бы решена[47]. Интересно, что второй и третий тома труда Радде были опубликованы РГО, а деньги для этого Общество получило от Министерства народного просвещения, которое отказывалось выдать их Академии наук.

Из писем Радде можно узнать, что он встречался с Миддендорфом в начале 60-х гг. по самым разным поводам. Так, летом 1861 г. Радде с нетерпением ждал Миддендорфа в Петербурге, желая показать ему карту для своей статьи об экспедиции, которую собирался опубликовать в журнале А. Петермана[48]. В 1862 г. во время Азовской экспедиции РГО Бэр и сопровождавший его Радде специально заехали в Карловку (имение великой княгини Елены Павловны, хозяйство которой в это время инспектировал Миддендорф)[49]. В следующем году Радде вместе с Миддендорфом охотился в Гелленорме[50].

В начале 1864 г. Радде приехал в Тифлис, где получил работу в метеорологической обсерватории, а уже в начале ноября стал директором Кавказского музея. Оказывается, Радде получил место директора и благодаря рекомендации Миддендорфа. В одном из своих писем к Л.Э. Шварцу Радде отметил: "Хорошие рекомендации Никол[ая] Никол[аевича] и ф. Миддендорфа к Великому князю [Михайлу Николаевичу][51] содействовали здесь моей, может быть, слишком быстрой удаче"[52].

О своей жизни на Кавказе Радде время от времени писал Миддендорфу. Сообщая в одном из писем о том, что вышел в свет второй том его труда, Радде подчеркнул: "Это прекрасно, что мое Сибирское путешествие публикуется теперь так, как оно того заслуживает. Я еще раз благодарю за Вашу добрую поддержку в этом деле"[53]. Из письма Радде к Миддендорфу 1871 г.

---

46 *Миддендорф А.Ф.* Разбор сочинения г. Радде "Исследования над фауною млекопитающих животных Восточной Сибири" // Тридцать первое присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград. 25 мая 1862 года. СПб., 1862. С. 114–120.

47 G. Radde an L. Schwarz, St.Petersburg, 25. Juni 1861 // TKM. Mapp 13.

48 Там же. [St. Pbg.], 25. Juli/6. August 1861.

49 Там же. Taganrog. 11/23. Juli 1862.

50 Там же. [St. Pbg.], 24. März 1863; EAA. Ф. 1802. Оп. 1. № 8. Л. 179 об.

51 Брат Николая Николаевича – Михаил Николаевич – в 60-х гг. был наместником Кавказа.

52 G. Radde an L. Schwarz, Tiflis, 4/16. Februar 1864 // TKM. Mapp 13.

53 EAA. Ф. 1802. Оп. 1. № 8. Л. 173 об.

выясняется, что Александр Федорович хотел послать на Кавказ своего старшего сына. Радде надеялся, что в Тифлис приедет и сам Миддендорф, однако поездка не состоялась. В 1885 г. Радде получил от Миддендорфа письмо, в котором тот рекомендовал ему одного из своих родственников, который собирался отправиться на Кавказ. Из этого письма Радде с огорчением узнал, что Миддендорф тяжело болен. В последнем письме к Миддендорфу (1886 г.) Радде вспоминал, как обедал в академическом доме у него в квартире, которая, как ему казалось, находилась над физическим кабинетом[54].

Ф.Б. Шмидт. Жизненные пути Миддендорфа и геолога Ф.Б. Шмидта пересеклись еще в середине 50-х гг. К.-Ф. Гиппиус (отец жены Миддендорфа) был братом матери Ф.Б. Шмидта[55]. Из его "Автобиографии" известно, что семья жила в стесненных условиях, и чтобы юный Шмидт смог поступить в Дерптский университет, Эстляндское дворянство выдало ему стипендию. По окончании университета Шмидт обязан был стать учителем русского языка в Ревельской дворянской гимназии[56]. Однако Шмидт вовсе не стремился быть учителем русского языка, он хотел стать ботаником и даже защитил диссертацию по ботанике. С надеждой отыскать способ освобождения от обязательства перед Эстляндским дворянством в конце 1853 г. Шмидт отправился в Петербург.

В "Автобиографии" Шмидт не упоминает, благодаря кому он нашел этот способ. Но из писем Миддендорфа можно заключить, что именно он содействовал "освобождению" Шмидта от должности учителя. В начале 1854 г. Миддендорф спрашивал у А.А. Кейзерлинга (который пользовался значительным влиянием в Эстляндском дворянстве), на каких условиях Шмидт может избавиться от должности учителя и посвятить себя научной карьере. Кейзерлинг ответил, что для этого следует вернуть стипендию[57]. У Шмидта денег, естественно, не было, но в Петербурге нашелся "великодушный покровитель", который передал Эстляндскому дворянству необходимую сумму[58]. Так как с Кей-

---

54 Там же. Л. 179 об.

55 Lackschéwitz *Th*. Vorfahren... S. 27.

56 [*Шмидт Ф.Б.*] Академик Ф.Б. Шмидт как ботаник (Автобиография) // Труды Ботанического сада Императорского Юрьевского университета. 1902. Т. 3. № 1. С. 54.

57 ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 11. Л. 15 об.–16.

58 *Kupffer K.R.* Zur Erinnerung an den Akademiker Friedrich Schmidt und seine botanische Leistungen // Korrespondenzblatt des Naturforscher-Vereins zu Riga. 1909. Bd. 52. S. 7.

зерлингом вопрос об "освобождении" Шмидта обсуждал Миддендорф, возможно, именно он и нашел "великодушного покровителя".

После окончания Дерптского университета Шмидт работал в университетском ботаническом саду, а в 1858 г. в качестве приват-доцента читал лекции по общей ботанике. Между тем гораздо больше ботаники Шмидта интересовала геология. Свою магистерскую диссертацию в 1855 г. он защитил по геологии, а затем отправил ее нескольким ученым Петербурга. Миддендорф интересовался геологическими исследованиями Шмидта и посылал необходимые ему карты и книги из академической библиотеки[59].

В конце 50-х гг., когда обсуждался вопрос об отправлении физического отряда Сибирской экспедиции РГО в Забайкалье, председатель отделения физической географии Общества Г.П. Гельмерсен рекомендовал назначить руководителем этого отряда Ф.Б. Шмидта[60], и Миддендорф поддержал его кандидатуру. Так как Шмидт в это время служил в Дерпте, Миддендорф в своих письмах сообщал ему о событиях, связанных с подготовкой к экспедиции[61].

Физический отряд под руководством Шмидта вел исследования на Амуре и Сахалине в 1859–1862 гг. В одном из писем из экспедиции Шмидт писал Миддендорфу: "Я Вам *очень* благодарен за то, что Вы сделали мое путешествие возможным"[62]. В других письмах Шмидт подробно описывал Миддендорфу ход экспедиции, сообщал о геологических и ботанических открытиях, о возникавших трудностях, просил прислать ему карту Восточной Сибири, составленную руководителем математического отряда Л.Э. Шварцем[63].

В 1866 г. К.М. Бэр получил сведения о трупе мамонта, который видели в Сибири вблизи Тазовской губы. Академия наук отправила для исследования остатков мамонта Ф.Б. Шмидта. Миддендорф не имел отношения к организации этой экспедиции, но, судя по содержанию писем к нему Шмидта из Сибири, тот получал от Миддендорфа научные рекомендации[64].

---

[59] ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 11. Л. 79–79 об.
[60] *Семенов П.П.* История полувековой деятельности имп. Русского географического общества 1845–1895. СПб., 1896. Ч. 1. С. 194.
[61] ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 9.
[62] Там же. Л. 58 об.
[63] Там же.
[64] Там же. Л. 64 об.

Сведения, полученные Бэром о месте находки мамонта, были неверны. Остатки мамонта находились не у Тазовской губы, а в верховьях р. Гыды, впадавшей в эту губу. К тому же оказалось, что сохранился не целый труп, а лишь отдельные кости, лоскуты кожи и волосы. На основе этих остатков нельзя было судить ни об анатомии животного, ни о том, чем оно питалось, поэтому Шмидт занялся изучением природных условий вблизи низовьев Енисея. Помимо геологических исследований Шмидт собрал обширный гербарий. По словам непременного секретаря Академии наук К.С. Веселовского, коллекция растений, собранная Шмидтом "вместе с материалами, привезенными г. Миддендорфом, представят полную картину флоры Сибирских тундр"[65].

Во время экспедиции Шмидт имел с собой опубликованные части труда Миддендорфа[66], сравнивал свои наблюдения с его зоологическими, ботаническими и палеонтологическими данными и сообщал Миддендорфу собственные соображения. Например, он соглашался с мнением Миддендорфа о том, что *Larica sibirica* и *Larica daurica* – древесные породы одного вида[67]. Очень полезными Шмидт считал сведения Миддендорфа о моллюсках, которые помогали ему привести в порядок собственные находки[68]. Об "Этнографической карте Туруханского округа", составленной во время путешествия Миддендорфа, Шмидт писал: "... до сих пор это самое правильное и полное изображение нижнего течения Енисея"[69]. Шмидт сообщил также, что несмотря на то, что прошло уже более двадцати лет со времени экспедиции Миддендорфа, у местных жителей все еще сохранились о ней воспоминания[70].

Из переписки Миддендорфа и Шмидта выясняется, что после окончания этой экспедиции они довольно часто встречались в Петербурге или Гелленорме до 70-х гг., а затем такие встречи стали менее регулярными.

---

[65] Отчет Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1866 г. СПб., 1867. С. 6.

[66] ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 9. Л. 66 об.

[67] Там же. Л. 65.

[68] *Schmidt Fr.* Vorläufige Mittheilungen über die wissenschaftlichen Resultate der Expedition zur Aufsuchung eines angekündigten Mammuthcadavers // Bull. Acad. 1869. T. 13. Sp. 97–130; *Schmidt Fr.* Wissenschaftliche Resultate der zur Aufsuchung eines angekündigten Mammuthcadavers von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften an den unteren Jenissei ausgesandten Expedition // Mém. Acad. 1872. T. 18. № 1.

[69] *Schmidt Fr.* Vorläufige Mittheilungen... Sp. 97, Fussnote.

[70] ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 9. Л. 66.

Деятельность в области сельского хозяйства

Помещик

Трудности путешествия по Сибири не прошли даром для здоровья Миддендорфа. Он долго и тяжело болел и в 1847 г. даже размышлял, не оставить ли занятия наукой, купить имение и поселиться на лоне природы, чтобы заниматься сельским хозяйством[1]. К счастью для российской науки Миддендорф все же выздоровел и продолжал обрабатывать материалы Сибирской экспедиции. Однако сельским хозяйством он тоже занялся, и постепенно деятельность в этой области стала основной в жизни Миддендорфа.

В 1850 г. его отец Федор Иванович приобрел за 108000 серебряных рублей “в Дерптском уезде находящиеся мызы Гелленорм, а также Саллоал и Самгоф со всеми угодьями и инвентарем”[2]. Вместе с уже принадлежавшей ему мызой Пэрафер в 1853 г. Федор Иванович оформил их как единое целое – непродажное родовое имение. Он хотел позаботиться о будущем всех членов своего семейства – не только Александра Федоровича, который в 1850 г. женился, но и его замужней сестры*. Каждый из членов семьи должен был получать определенную сумму из совокупных доходов этих имений. Миддендорфу предназначался Гелленорм.

В Прибалтийских губерниях крестьянская реформа началась раньше, чем в остальной России. С 1804 г. в Лифляндии существовал крестьянский устав, благодаря которому крестьяне, хотя и были прикреплены к помещику, но имели право передавать свою усадьбу в наследство. В 1819 г. было принято положение, согласно которому крестьяне становились независимыми гражданами. Однако приобретать землю они не могли, и свобода передвижения по-прежнему ограничивалась. Разрешалась аренда земли, но крестьянин должен был платить за нее натурой (барщина).

---

[1] Middendorff’s Hellenormer Briefe... S. 2–3.
[2] ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 1. Л. 1.

* Муж Аннет (в замужестве – Богословской) умер в начале 50-х гг. XIX в. Судя по сохранившимся письмам, А.Ф. Миддендорф постоянно заботился о судьбе ее сына Григория Петровича Богословского (Отд. рукоп. РНБ. Ф. 124. № 2798, 2801).

Аннет Богословская – сестра А.Ф. Миддендорфа

В 1849 г. – после длительных дискуссий – Лифляндский ландтаг решил, что плата за аренду может производиться деньгами (оброком). Но право владеть землей крестьяне так и не получили[3].

В 1856 г. (после смерти отца) Миддендорф стал владельцем всего родового имения. Крестьянам Гелленорма повезло, так как он оказался талантливым хозяином и к тому же сторонником либеральной аграрной политики. Миддендорф стремился действовать в духе закона 1849 г.[4] (вступившего в законную силу в Лифляндии гораздо позже) и в той или иной форме облегчать положение крестьян. Он заключал с ними договоры[5], сдавал крестья-

---

[3] *Tobien A.* Die Agrargesetzgebung Livlands im 19. Jahrhundert. Riga, 1911. Bd. 1–2.

[4] Решение Лифляндского ландтага утвердил своим указом Николай I.

[5] *Johnson J.* Materialien zur Kenntniss der Knechtwirtschaft in Liv- und Esthland // Mittheilungen der KföG zu St. Pbg. 1860. S. 252–254.

нам землю в аренду и в то же время платил им деньги за работу в своем хозяйстве. После смерти отца Миддендорф передал каждому крестьянскому двору в Гелленорме столько зерна, сколько требовалось, чтобы семья могла прокормиться до нового урожая[6], и организовал "кассу старости"[7] для обеспечения своих работников средствами в конце жизни. До 70-х гг. XIX в. вступление в эту "кассу" было добровольным, но затем Миддендорф сделал это обязательным. Сама идея обеспечения крестьян пенсией некоторым помещикам Лифляндии показалась удачной, и они тоже стали организовывать такие кассы в своих имениях[8].

Хотя до 60-х гг. Миддендорф немного времени проводил в Гелленорме, он уже тогда начал энергично осуществлять обширные планы по преобразованию и усовершенствованию разных областей хозяйства. Миддендорф ввел новую для Европейской России трехпольную систему земледелия, выращивал картофель, который в 40-х гг. XIX в. еще не был популярен в России, а также клевер на корм скоту (что тоже было новинкой), приобретал плуги новейших конструкций. В имении осушались болота, а торф из них использовался для удобрения. При осушении болот и озер применялся дренаж – наиболее совершенный для середины XIX в. способ мелиорации, разработанный в Великобритании[9]. Миддендорф занимался также садоводством и даже пробовал, хотя и не всегда удачно, выращивать экзотические растения, например, виноград и амурский пробковый дуб. В Гелленорме было налажено производство водки, скипидара, черепицы для крыш, работала маленькая фабрика по выделке ниток и тканей[10].

Особенно интенсивно Миддендорф занимался животноводством. Сначала он только приобретал телят и продавал, когда они подрастали. После 1860 г. Миддендорф переключился на молочные животноводство и занялся разведением разных пород коров. Продавая племенные породы своего стада другим помещикам[11], он помогал повышать ценность молочного скота в Лифляндии[12].

Сведения о Миддендорфе как специалисте в области сельского хозяйства широко распространились в 1860–1870-х гг. Поэто-

---

[6] ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 2. Л. 25–25 об.

[7] Там же. Ф. 1185. Оп. 1. № 516. Л. 3–4.

[8] Там же. Л. 4.

[9] *Johnson J.* Ein kleiner Beitrag zur Kenntniss der wirtschaftlichen Verhältnisse in Esth- und Livland // Mittheilungen der KföG zu St. Pbg. 1859. S. 412–414.

[10] Там же. S. 414.

[11] BW. 1874. Sp. 132.

[12] *Stegmann P.* Geschichte der baltischen Rindviehzucht // Landwirtschaftliche Jahrbücher. 1923. Bd 57. № 3. S. 408.

Дом в имении Гелленорм. Фасад, начало XX в.

Дом в имении Гелленорм. Дворовый фасад, начало XX в.

Дом в имении Пэрафер, начало XX в.

му некоторые помещики Прибалтийских губерний (и даже Украины)[13], желая воспользоваться знаниями Миддендорфа, отправляли к нему учиться хозяйственной деятельности своих сыновей и управляющих имениями. Таких учеников Миддендорф в своих письмах называл “сельскохозяйственным студентами”[14]. В 1875 г. сто эстонских хозяев посетили имение Миддендорфа в Гелленорме, чтобы познакомиться с опытом ведения сельского хозяйства в этом имении[15].

В 1862 г. великая княгиня Елена Павловна пригласила Миддендорфа для ревизии своего имения Карловка в Полтавской губернии. В безымянной записке, адресованной управляющему имением К.В. Энгельгардту, сообщалось: “По известной Вам воле ее императорского высочества... отправляется в Карловское имение президент Лифляндского экономического общества академик, действительный статский советник Александр Федорович Миддендорф, на которого возложено обозрение всех местностей и угодий имения, всех находящихся в нем хозяйств и фабричных

[13] ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 14. Л. 70; 72.

[14] A. Th. v. Middendorff an H. v. Middendorff, Pörrafer, 8. August 1874 // PAWL.

[15] *Karelson M.* Lehekülgi Eesti põllumajanduse ja talurahva minevikust (kuni 1917. aastani). Tallinn, 1981. С. 95. (Страницы о прошлом эстонского земледелия и крестьянства).

заведений и всего вообще порядка управления по письменной и скотской частям"[16]. Судя по вопросам, которые задавал Миддендорф, готовясь к ревизии, он уже тогда был чрезвычайно опытным экономистом[17].

Миддендорф заботился также о повышении уровня знаний эстонских крестьян в пределах своего имения. На его средства в Самгофе была построена новая крестьянская школа, кроме того, Миддендорф оказывал помощь при организации учебы в других школах прихода Оденпа, куда входило имение Гелленорм[18].

В середине 70-х гг., в связи с предполагаемой женитьбой старшего сына, Миддендорф решил передать ему Гелленорм и переехать в Пэрафер. После смерти Федора Ивановича там никто не жил, поэтому в имении следовало произвести ремонт и наладить хозяйство: сделать новую крышу для главного здания, построить дом для управляющего, новый коровник и маслозавод, наладить производство водки и пива. С 1874 г. Миддендорф много времени проводил в Пэрафере, где, как когда-то в Гелленорме, лично руководил работами. Это требовало очень много сил, а Миддендорф был уже не молод.

Молочное животноводство

Миддендорф великолепно организовал молочное хозяйство в собственном имении. Вместе с тем он содействовал развитию молочного животноводства в Европейской России. Миддендорф принимал участие в сельскохозяйственных выставках, которые происходили в Петербурге, Москве и Прибалтийских губерниях, а также в Европе. Бывая в Германии, Голландии, Австро-Венгрии, Англии, он встречался с учеными, занимавшимися проблемами сельского хозяйства, изучал опыт местных скотоводов и по поручению Министерства государственных имуществ, приобретал породистых коров, которых можно было использовать для выведения новых продуктивных видов в России.

До 60-х гг. XIX в. российские скотоводы не обращали внимания на географические условия, в которых существовала та или

---

[16] РГИА. Ф. 548. Оп. 4. № 97. Л. 10.

[17] После смерти великой княгини Елены Павловны (1873) ее дочь Екатерина Михайловна поручила Миддендорфу провести ревизию хозяйства Карловки, а затем пригласила его стать управляющим этого огромного имения. Миддендорф был управляющим Карловки в 1876–1880 гг. (Middendorff's. Hellenormer Briefe... S. 162, 237).

[18] EKM EKLA. Koopiad. M3:5. Л. 22–23.

иная порода скота. Миддендорф одним из первых осознал, как важно учитывать такие условия при работах по акклиматизации. Путешествуя по Европе в 1862 г., Миддендорф обнаружил, что на севере Германии в провинции Шлезвиг-Гольштиния природа возвышенности Анге́льн очень сходна с природой Прибалтийского края, и решил, что порода анге́льнских коров (ее называли и "англер") может быть использована для улучшения пород коров в Лифляндской губернии. Он привез в Россию несколько животных и к концу XIX в. значительную часть молочного стада в Лифляндской губернии составлял красный скот, полученный в результате скрещивания местных пород с анге́льнской. Роль Миддендорфа в решении этой проблемы была отмечена в одной из работ начала XX в.[19]

Миддендорф давал советы не только о способах выведения новых пород и их содержании, но также об их сохранении. В России в XIX в. большое количество коров погибало от чумы. Миддендорф участвовал в дискуссии о мерах предохранения от распространения этой болезни, содействовал подготовке в Лифляндском общеполезном экономическом обществе закона, который обязывал бы хозяев страховать скот[20], и призывал помещиков делать коровам прививки против чумы[21].

Стремясь делиться своими знаниями с другими хозяевами, Миддендорф часто публиковал статьи в "Земледельческой газете", в журнале "Сельское хозяйство и лесоводство", в газете "Baltische Wochenschrift". Рассказывая о рациональных способах организации молочного стада, Миддендорф обращал внимание читателей как на практические приемы, позволяющие извлекать доходы даже при неблагоприятных условиях, так и на научные основы содержания коров. Советы Миддендорфа сопровождались пространными пояснениями, ссылками на литературу, собственный и чужой опыт, на практику скотоводства в разных странах Европы. Миддендорф анализировал условия содержания коров и выращивания телят в центральных и северо-западных частях Европейской России, опираясь на опыт наиболее совершенных в XIX в. хозяйств в Прибалтийских губерниях.

---

[19] *Штегман П.* Красный ангельнский скот в Прибалтийском крае. Юрьев, 1903. С. 18–19.

[20] *Middendorff* [*A. v.*]. Assecuranz gegen Rinderpest. (Gesetzvorschlag) // Beilage zur BW. 1871. № 21. Sp. 1–4.

[21] Berathung über die Frage von der Rinderpestimpfung unter dem Präsidium des Ehren-Akademikers v. Middendorff 13. October 1869 // Oesterreichische Vierteljahrschrift für wissenschaftliche Veterinärkunde. 1872. Bd. XXXVII. S. 40–73.

По мнению Миддендорфа, доходность молочного хозяйства не обязательно определяется численностью стада – при определенных условиях выгоднее иметь небольшое число голов. Особое внимание он уделял правилам рационального кормления коров. Считая, что хороший хозяин должен постоянно следить за качеством молока каждой коровы, Миддендорф изобрел прибор для измерения качества молока – "галактоскоп"[22]. Описания прибора ждали. Но Миддендорф счел нужным описать в "Земледельческой газете" не только свой, но и другие приборы, чтобы каждый хозяин, который захочет купить его прибор, мог сделать осознанный выбор.

Миддендорф считал, что для выведения новой породы очень важно знать качества каждого отдельного животного[23]. Полагая, что необходимо отбирать и сохранять лучших производителей для укрепления молочного стада в Прибалтийских губерниях, в 1884 г. на заседании Лифляндского общеполезного экономического общества Миддендорф предложил создать "племенную книгу", в которую будут занесены лучшие производители. В результате обсуждения этого предложения было основано Общество балтийских скотоводов, занявшееся созданием такой "книги"[24].

В течение всего XIX столетия состояние молочного скотоводства в России находилось в неудовлетворительном состоянии. Попытки Министерства государственных имуществ, в чьем ведении находилась эта отрасль хозяйства, наладить это дело "не имели надлежащего успеха"[25]. Богатый опыт Миддендорфа привлекал внимание как Министерства государственных имуществ, так и многих помещиков, в имениях которых занимались молочным скотоводством. В музее Министерства государственных имуществ, в начале марта 1872 г., Миддендорф прочел три лекции о практике и научных основах молочного хозяйства, к которым очень тщательно готовился, подбирая не только фактические данные, но и большие картины для их иллюстрации[26]. Такая под-

---

[22] *Миддендорф А.Ф.* О молокомерах // Земледельческая газета. 1869. № 8.

[23] *Middendorff, A. Th. v.* Zur Baltischen Zuchtviehproduction // BW. 1866. № 21. Sp. 317–323.

[24] Baltisches Stammbuch edlen Rindviehs, 1885. Dorpat, 1886. S. III.

[25] Исследование современного состояния животноводства в России. М., 1884. Вып. 1. С. I.

[26] "Я сам здесь [в Петербурге] плотно готовлюсь к моим испытаниям, но вряд ли смогу все подготовить. Я живу у Вилькенов уединенно, где изолирован как небеса. Ни один человек не приходит меня сюда искать". (Middendorff's. Hellenormer Briefe... S. 96).

готовка казалась ему тем более важной, что существовали разные взгляды о направлениях дальнейшего развития скотоводства в России. Эти проблемы должны были обсуждаться на Всероссийской выставке скотоводства, намечавшейся летом того же года в Москве[27].

Помимо сведений о правилах содержания коров, необходимых нормах кормов и способах выращивания телят, Миддендорф в своих лекциях предложил понятие "удойность" и даже "формулу удойности". По его мнению, каждый хозяин должен следить за "достоинствами коровы" – ее удойностью – "с помощью числа"[28]. В этих лекциях Миддендорф коснулся и взглядов Ч. Дарвина, отметив, что его теория уже начинает проникать в сельскохозяйственную науку.

Представления Миддендорфа о практике молочного скотоводства оставались актуальными и в конце XIX столетия, когда Министерство государственных имуществ решило предпринять шаги для совершенствования этой отрасли сельского хозяйства. Для того, чтобы определить рациональные мероприятия, необходимо было сначала познакомиться с состоянием дела на местах. Для этого по распоряжению министра государственных имуществ была организована специальная экспедиция для изучения скотоводства в Европейской России. Возглавить эту экспедицию пригласили Миддендорфа[29].

В течение лета 1883 и 1884 гг. участники экспедиции осмотрели коров в Пермской, Вятской, Костромской, Ярославской, Владимирской, Олонецкой и Архангельской губерниях. Во всех

---

[27] A. v. Middendorff an H. v. Middendorff, St. Petersburg, 26. Februar/9. März 1872 // PAWL. Отдел молочного скота в 1872 г. открыть не удалось из-за начавшейся эпидемии коровьей чумы. Миддендорф писал по этому поводу Гедвиге 29 августа 1872 г.: "Сегодня я всю ночь дежурил в здании выставки. К сожалению, еще до открытия выставки в зданиях, похожих на дворцы, которые были специально построены для выставки, обнаружилась чума коров. Мы должны были прекратить всякое принятие животных, и вообще оставить надежду открыть выставку, и сконцентрировать наши усилия для того, чтобы в общих чертах научить людей бороться против чумы. Неслыханное нерадение господствует здесь везде. Все ругаются, но почти никто не хочет серьезно вмешиваться. Что я с самого начала целиком впутался в дело, само собою разумеется. Чем энергичнее я действовал (вплоть до грубости), тем больше было результатов". (Там же. Moskau, 29. August 1872). Выставка коров состоялась весной 1873 г. (BW. 1872. Sp. 600–603).

[28] *Миддендорф А.Ф.* О способах улучшения скотоводства. СПб., 1872. С. 10–11. (Приложение к журналу "Сельское хозяйство и лесоводство". 1872. № 7).

[29] Обзор деятельности министерства государственных имуществ по сельскохозяйственной части в 1881–1891 гг. СПб., 1891. С. 19.

этих губерниях (кроме Архангельской) побывал и Миддендорф[30]. В своих письмах к старшему сыну он подробно описывал маршруты экспедиции и происходившие во время поездки события. В 1883 г. Миддендорф плавал по Волге и Каме[31], посещал разные города и селения, где знакомился с состоянием молочного скотоводства. В июле ему пришлось прервать свои наблюдения, чтобы отправиться в Германию на выставку скотоводства, которая происходила в Гамбурге[32].

Возвратившись из Германии, Миддендорф в том же году побывал в Ярославле и Костроме. Когда наблюдения закончились, он решил поехать в Финляндию, чтобы познакомиться с существовавшими там "молочными школами". Министерство государственных имуществ собиралось наладить сельскохозяйственное образование в тех губерниях, в которых побывала экспедиция, и Миддендорф хотел рассказать в министерстве об опыте Финляндии в этом отношении[33]. Свою поездку в Финляндию он считал очень удачной.

В 1884 г., несмотря на ухудшающееся самочувствие, Миддендорф вновь отправился в экспедицию. Он побывал в Смоленской губернии, на Волге между Тверью и Казанью, в Уфе[34]. Болезнь помешала ему принять участие в работах экспедиции следующих лет. Но для первого выпуска труда "Исследование современного скотоводства в России" ("Рогатый скот"), который увидел свет уже в 1884 г., Миддендорф написал главу "О породе рогатого скота в северной России и улучшении ее". В этой главе он поместил обширные таблицы своих данных об измерении черепов коров и комментарии к ним, а также отделы об ископаемых пред-

---

[30] Исследование современного состояния скотоводства в России. М., 1884. Вып. 1. Рогатый скот. С. II. Сохранились письма Миддендорфа, отправленные летом 1883 г. из Ярославля и Костромы к академику А.А. Штрауху. В них он сообщал о планах путешествия и черепах коров, которых приобрел и собирался отправить в Зоологический музей. (ПФА РАН. Ф. 50. Оп. 2. № 171. Л. 3–4).

[31] На пути в Пермь в устье Камы на пароходе вспыхнул пожар, который удалось потушить только через много часов, благодаря помощи местных крестян. Миддендорф упал от сильного толчка во время взрыва, несколько раз перевернулся и сильно ударился головой. Всех пассажиров посадили на другой пароход, тогда как члены экспедиции из-за большого количество багажа должны были вернуться в Казань, чтобы сделать новую попытку все-таки добраться до Перми. (Middendorff's Hellenormer Briefe... S. 329–331).

[32] Там же. S. 338–339.

[33] A. v. Middendorff an H. v. Middendorff, Buj, Kreisstadt an d. Kostroma, 17. Juli 1883 // PAWL.

[34] Middendorff's Hellenormer Briefe... S. 349–356.

ках коров, скифском комолом скоте, о масти, тасканках и горемычках[35]. (По словам Миддендорфа, корова превращается в "тасканку" из-за бескормицы, тогда как "горемычки" – это потомки "тасканок".)

Можно предположить, что автором предисловия к труду "Исследование современного скотоводства в России" тоже был Миддендорф, хотя подписано оно всеми участниками экспедиции. Предисловие начиналось с критических замечаний в адрес Министерства государственных имуществ. Эти слова затем дословно повторил безымянный автор книги "Обозрение деятельности Министерства государственных имуществ по сельскохозяйственной части в 1881–1891 гг." (СПб. 1891), которую, кстати, преподнесли Александру III.

Коневодство

Миддендорф интересовался лошадьми уже в молодости. Во время Сибирской экспедиции путешественники неоднократно должны были передвигаться на лошадях (верхом или в разного рода повозках) в очень сложных условиях, и Миддендорф достаточно хорошо изучил повадки и особенности строения тела якутских лошадей.

В декабре 1851 г. Миддендорф сообщил физико-математическому отделению, что служит в Schule Jarde – Unterfahrenrichte (школе гвардейских прапорщиков и юнкеров), где читает лекции по иппологии (учении об анатомии и физиологии лошади), поэтому ему необходимы книги из библиотеки управления коннозаводства. Библиотека находилась в ведении Министерства государственных имуществ, и по ходатайству Академии Миддендорф получил разрешение брать там книги[36].

Директор школы гвардейских подпрапорщиков и юнкеров А.Н. Сутгоф полагал, что будущим кавалеристам полезно знать анатомию и физиологию лошади. Узнав в Париже, что уже существуют специальные анатомические препараты, Сутгоф решил создать при своей школе гиппологический кабинет и организовать преподавание иппологии[37]. "Когда же опыты осуществления этой мысли оказались неудовлетворительными, генерал Сутгоф избрал для ее выполнения меня, – писал Миддендорф, – и пригла-

---

[35] Исследование современного... С. В–40.
[36] ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1851. № 4.
[37] Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища. СПб., 1898. С. 68.

шал так неотступно, что я после многократных отрицаний не мог не ответить готовностью на оказанное мне доверие; моя нерешимость выйти на это чисто практическое поприще должна была уступить уверению, что в это время не на кого было возложить подобное поручение. Вот причина, почему я дозволил себе изменить своему главному академическому назначению"[38]. Миддендорф преподавала в школе гвардейских прапорщиков и юнкеров в 1851–1854 гг.

Лекции по иппологии пробудили дремавший в Миддендорфе талант преподавателя. Его лекции привлекали большое количество слушателей – любителей лошадей. "На эти лекции собирались не только воспитанники школы, но и начальники ее и другие знатоки из военного сословия". В январе и феврале 1852 г. лекции Миддендорфа слушали великие князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич. Очень полезными и интересными лекции считали не только великие князья, но и их наставники[39]. В том же году великие князья наградили Миддендорфа бриллиантовым перстнем "за полезные сведения, почерпнутые ими из прекрасных уроков по иппологии". В 1854 г. за преподавание иппологии в школе гвардейских подпрапорщиков и юнкеров Миддендорф получил орден Св. Анны второй степени[40].

Миддендорф видел в иппологии предмет научного исследования и поэтому считал, что она важна не только будущим кавалеристам и их начальникам. Он выступал с докладами в заседаниях физико-математического отделения Академии наук и опубликовал на русском и немецком языках статью о задачах иппологии в академических журналах[41].

Миддендорфа огорчал разрыв, существовавший в коневодстве между практикой и наукой. Кавалеристы не стремились осваивать научные основы своего главного дела, а наука не умела "проложить себе путь к практической жизни и ее потребнос-

---

[38] *Миддендорф А.Ф.* О задачах иппологии в отношении к потребностям кавалерии // Ученые Записки имп. Академии Наук по I и III отделениям. 1852. Т. I. Вып. 3. С. 295–296.

[39] Когда великие князья не могли посещать лекцию, их наставник просил Миддендорфа перенести ее на другое время (ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 13. Л. 16–17; 18).

[40] Об этом сообщали все послужные списки Миддендорфа, составлявшиеся после 1855 г.

[41] *Миддендорф А.Ф.* О задачах иппологии... С. 295–327; Middendorff A. Th. v. Die Anforderungen des Kavallerie-Wesens an die Pferdekunde // Mélanges biologiques tirés de Bulletin physico-mathématique de l'Académie Impériale des Sciences de St.Pétersbourg. 1853. T. 1 (1849–53). S. 456–489.

тям"[42]. Согласно Миддендорфу все авторы, писавшие до тех пор о лошадях, обращали внимание только на их внешние признаки. Но по его мнению, необходимо было изучать также анатомию и физиологию лошади. Зная физиологию и анатомию разных пород, лучше можно судить о том, как каждую из них можно использовать[43].

В середине XIX века лошадь все еще оставалась главной "производительной силой" – средством для передвижения, перевозки грузов, сельскохозяйственной деятельности. Миддендорф подчеркивал значение коневодства как важнейшей отрасли промышленности и торговли России, и считал, что именно поэтому оно должно развиваться на научной основе. Отмечая, что следовало бы основать "высшее практическое иппологическое учреждение"[44], Миддендорф полагал, что иппологию полезно было бы преподавать не только в военных, но во всех учебных заведениях России, чтобы любой образованный человек мог познакомиться с этой "машиной", необходимой в хозяйстве.

Рассматривая лошадь как живую (самоходную) машину, Миддендорф считал, что следует изучать как строение и качества лошадей, так и способы их "употребления", "сбережения", "починки" и правила кормления. Он писал: "Общие физиологические основания иппологии показывают, что всякой лошади по природе свойственна своя особенная пропорция между тяжестью груза, скоростью бега и продолжением рабочего времени, и мы должны строго наблюдать эту относительную меру, если хотим, чтобы лошадь оказала нам наибольшие услуги"[45].

В поисках физиологических и анатомических признаков разных пород лошадей для создания их классификации, Миддендорф занимался измерением углов движения костей. Для этого он изобрел особый прибор – угломер, а также создал бронзовую модель лошади, с помощью которой можно было изучать механизм ее естественного движения.

На основе своих исследований и многочисленных измерений Миддендорф смог создать первую зоотехническую классификацию лошадей, отделив скаковые породы от тяжеловозов. Миддендорф разделил их по преобладающему аллюру, различая лошадей быстрых – "галопирующих", "рысистых" и медленных –

---

[42] *Миддендорф А.Ф.* О задачах иппологии... С. 297.
[43] Там же. С. 300.
[44] Там же. С. 320.
[45] Там же. С. 310.

“шаговых”[46]. Еще в 1853 г. непременный секретарь Академии наук П.Н. Фус в связи с выступлениями Миддендорфа об иппологии отметил: “... изыскания нашего зоолога привели его к рациональному делению пород лошади, более сообразному с существующими типами и способными положить конец путанице, мало-помалу произведенной слишком исключительным признанием географического элемента”[47]. Такая естественная и удобная классификация лошадей широко распространилась в Российской империи и используется до сих пор[48].

Авторитет Миддендорфа в области иппологии был велик. И уже в 1856 г., когда военное ведомство готовило новый кавалерийский устав, в комиссию, занимавшуюся его подготовкой, пригласили Миддендорфа для описания анатомии лошади[49]. В 1864 г. Главное управление коннозаводства назначило его в Остзейские провинции своим корреспондентом[50].

В 60-х гг. Миддендорф активно стремился содействовать усовершенствованию коневодства как в Прибалтийских губерниях, так и в России в целом. Именно поэтому он привозил из Европы породы таких лошадей, которые могли улучшить качество “туземных” пород. В 1862 г. во время путешествия по Бельгии он приобрел двух жеребцов и десять кобыл в Намуре (Арденны)[51]. В декабре этого года, выступая в физико-математическом отделении Академии наук, Миддендорф нашел нужным сообщить и о своей деятельности в области коневодства. В протоколе заседания записано: “Академик Миддендорф словесно сообщил о предпринимаемых в Лифляндии опытах улучшения конской породы посредством введения арденнской расы, через которую, как надеются, можно образовать породу, удовлетворяющую современным требованиям земледелия”[52].

---

[46] *Middendorff A.* v. Hippologische Beiträge // Bull. phys.-math. 1856. T. 14. № 6. Sp. 83–86.

[47] Отчет имп. Академии наук по I и III отделениям за 1853 г. // Ученые Записки имп. Академии Наук по I и III отделениям. 1853. Т. II. Вып. 4. С. 621.

[48] *Mauring H.* Hobusekasvatus ja ratsasport. Tallinn, 1988 (Teine täiendatud trükk). (Мауринг Х. Коневодство и конный спорт. 2-е издание дополненное). С. 208.

[49] ПФА РАН. Ф. 5. Оп. 1–1856. № 545. Л. 2–3.

[50] Там же. Ф. 4. Оп. 5. № 78. Л. 216.

[51] Об этой покупке весьма выразительно в письме к матери (2 августа 1862 г. из Намура) писал Эрнст: “Необходимое количество лошадей куплено. ... Как приятно, что наконец мы не должны больше торговаться, так как часто приходилось ссориться целый час для того, чтобы приобрести лошадь за умеренную цену. ... Без папы это было бы сделать еще труднее, так как люди здесь невероятно упрямы”. (Middendorff's Hellenormer Briefe... S. 12–13).

[52] Зап. АН. 1863. Т. 3. С. 91.

Арденнскую породу лошадей использовали для скрещивания в Торгельском конном заводе в 60–70-х гг. XIX в.[53], пока Миддендорф был членом комиссии по разведению лошадей этого завода, принадлежавшего лифляндскому дворянству. Но в 80-х гг. для скрещивания стали использовать другие породы[54].

Миддендорф опубликовал много статей в "Журнале коннозаводства": об основах коннозаводства, способах подготовки опытных практиков (которых в России было очень мало), об иппологолиометре и проч. Миддендорф подчеркивал важность научного подхода к практике разведения лошадей и полемизировал с теми, кто сомневался в необходимости такого подхода. По его мнению, "самый гениальный практически коневод без знаний, обобщаемых наукою, ... далеко не приносит той пользы ни себе, ни отечеству, которую мог бы принести"[55].

В 1872 г. в Москве на третьей Всероссийской конской выставке Миддендорф рассказывал съехавшимся со всей России коннозаводчикам о рациональных способах выращивания жеребят[56].

В сентябре следующего года во время Международной выставки в Вене проходила выставка лошадей. Миддендорф был ее вице-президентом. Позже он сожалел, что из-за множества обязанностей заметки о ней в его записной книжке недостаточно подробны. Однако в особой статье Миддендорф тщательно описал достоинства и недостатки организации выставки, помещения, условия содержания лошадей, представленные на ней породы, цены. Рассматривал он и разные проблемы коневодства в России и Европе, сравнивал организацию выставок в Вене и Гулле в Англии, где он перед этим побывал на выставке земледелия, анализировал удачные опыты подбора производителей в разных странах.

Миддендорф сожалел, что на выставках основное внимание уделялось призам, а не "началам производства лошадей". По его

---

[53] *Middendorff A.* v. Das Landesgestüt der livländischen Ritterschaft zu Torgel // Mitteilungen der Kaiserlichen Livländischen gemeinnützigen und ökonomischen Sozietät. 1872. № 3. S. 1–100.

[54] *Пунг А.* О работе А. Миддендорфа по разведению сельскохозяйственных животных // Известия Академии Наук ЭССР. 1966. Т. 15. Сер. биологич. № 2. С. 249.

[55] *Миддендорф А.Ф.* Ответ на вопрос г-на Л. Черняева: "Что же действительно опасным для коневодства считает г. Миддендорф в моих статьях" // Журн. коннозав. 1867. № 5. С. 3.

[56] *Коптев В.И.* Материалы для истории развития русского коннозаводства. М., 1887. С. 529. Автор книги имя Миддендорфа почти не упоминает. Однако сообщив, что в "Журнале коннозаводства" публиковались статьи "известных и уважаемых в европейской науке ученых", Коптев первым назвал "академика Миддендорфа".

мнению, не следовало с патриотических позиций утверждать, что в России все благополучно с точки зрения коннозаводства, даже если российская лошадь на Венской выставке заняла первое место. Мнение Миддендорфа весьма выразительно: "Найдутся у нас, конечно, горячие патриоты, которые укажут на отличную нашу кавалерию, на бесчисленных удивительных степных коней от Буга до Амура, на добрую финскую породу, разных клепперов и т.д. Не дай Бог нам закисать от закваски мнимого патриотизма.., я говорю как хозяин, у которого до сотни лошадей работает на полях, как хозяин неотсталый в крае, признанном у нас передовым по сельскому хозяйству, и спрашиваю себя: соответствует ли моя упряжка настоящим сельскохозяйственным требованиям? Спрашиваю, сколько бы лошадей из моих и окружающих меня помещиков и крестьян пригодились бы для потребности военных?"[57] Затем Миддендорф отметил: "Чем страдает весь строй нашего государства, тем и конское население его"[58]. Он считал также, что если бы "американские соперники в Вену приехали, Россия не получила бы за свою лошадь первую премию"[59].

Интересно, что на статью Миддендорфа нашло нужным отозваться Главное управление коннозаводства. Была опубликована статья, содержавшая по существу отчет о деятельности этого управления. В ней упоминалось о лошадях, которых приобрел Миддендорф на выставке, о том, куда были переданы эти лошади, о стоимости покупки и даже – о чрезвычайной бережливости Миддендорфа. Речь шла и о том (несомненно в ответ на реплику Миддендорфа), что "Россия с нынешними лошадьми всегда будет в состоянии ... снабдить армию нужным материалом"[60].

В 1872 г. в катакомбах вблизи Керчи были найдены фрески, которые описал известный критик В.В. Стасов. В отчете о результатах своих исследований он писал: "Желая получить точное и положительное сведение о том, не представляют ли животные, изображенные на фресках, черт сходства с известными породами старого и нового времени, я обращался о разъяснении этого вопроса к почетному члену нашей Академии наук фон А.Ф. Миддендорфу, и он с готовностью всякого истинного ученого помочь чужому труду, пожертвовал несколько времени на подробное рассмотрение зоологических образчиков, встречающихся на

---

[57] *Миддендорф А.Ф.* Венская международная выставка лошадей // Журн. коннозав. 1874. № 1. С. 82.
[58] Там же. С. 83.
[59] Там же. С. 91.
[60] Журн. коннозав. 1874. № 2. Ч. офиц. С. VII.

Керчинских фресках"[61]. Стасов использовал сведения Миддендорфа о разных животных, но особенно много внимания он уделил анализу встречающихся на фресках пород лошадей.

А.А. Кейзерлинг, которому Миддендорф подарил немецкий вариант своего труда о Ферганской долине (в котором целый отдел посвящен лошадям), писал своему другу в конце 1881 г.: «Вчера я читал в "Фергане" отдел о домашних животных. То, что Миддендорф говорит там о лошадях, особенно свидетельствует о таком мастере, какого возможно еще не было и какой вряд ли скоро появится. Почему у нас не используют такого специалиста лучше? Конечно, как самостоятельный администратор Миддендорф слишком любит парадоксы и удивительные решения»[62].

---

[61] *Стасов В.* Катакомбы с фресками, найденные в 1872 г. близ реки Керчи // Отчет имп. Археологической комиссии за 1872 г. СПб., 1875. С. 283.

[62] *Taube von der Issen H.* Graf Alexander Keyserling. Ein Lebensbild aus seinen Briefen und Tagebüchern. Berlin, 1902. Bd. 2. S. 277.

Общественная деятельность

В Вольном экономическом обществе

В 1852 г. Вольное экономическое общество (ВЭО) получило из Западной Сибири шкуру белой росомахи, которая была передана "для рассмотрения" Миддендорфу. И вскоре Миддендорф прислал в Общество письмо, в котором сообщил, что росомаха – редкость для Западной Сибири и вообще не встречается в Европе. Белые росомахи распространены на Камчатке и в меховой торговле считаются бесценными из-за чрезвычайной редкости. Так как в Зоологическом музее шкуры этого животного не было, ее подарили Зоологическому музею Академии наук, а письмо Миддендорфа совет ВЭО постановил напечатать в "Трудах" Общества. При этом редакция журнала сочла нужным отметить: "... нам лестно украсить страницы редактируемого нами периодического издания Общества именем одного из известнейших наших зоологов"[1].

Однако членом ВЭО Миддендорф стал не как известный ученый, а как специалист в области сельского хозяйства. Согласно формулярным спискам, Миддендорф был принят в члены Общества 26 июня 1857 г.

В середине XIX в. ВЭО оставалось самым крупным обществом Российской империи. Членами Общества были ученые и помещики, военные и государственные деятели (жители разных губерний страны), а также представители царской семьи. В работе Общества принимали участие академики К.М. Бэр и К.С. Веселовский, адмиралы Ф.П. Литке и Ф.П. Врангель, гражданский губернатор Якутской области Ю.И. Штубендорф, профессор химии Дерптского университета К. Шмидт и многие другие.

Из протоколов ВЭО можно узнать, что 3 января 1859 г. Миддендорф был избран временным вице-президентом ВЭО (61 – за и 15 – против). В это время Общество возглавлял герцог П.Г. Ольденбургский. Однако в том же году был принят новый

[1] О шкуре белой росомахи, присланной в имп. Вольное экономическое общество из Западной Сибири г-м Родюковым // Тр. ВЭО. 1852. Т. I. Отд. II. С. 111–114.

устав ВЭО, согласно которому члены императорской семьи могли быть только почетными членами, поэтому следовало выбрать нового президента. И 3 апреля 1859 г. президентом Общества стал Миддендорф (72 – за и 21 – против)[2]. Уже в следующем году он сообщил, что из-за болезни должен будет уехать из Петербурга и поэтому не сможет оставаться президентом ВЭО. Но так как летом 1860 г. должна была состояться сельскохозяйственная выставка, в организации которой деятельное участие принимал Миддендорф, до начала октября свои функции президента он выполнял.

Миддендорф возглавлял ВЭО меньше двух лет, однако сделал за это время немало. Прежде во время заседаний в основном читались письма корреспондентов ВЭО. По инициативе Миддендорфа, на этих заседаниях стали более активно обсуждать разнообразные вопросы сельского хозяйства[3]. Согласно первому историку Общества А.И. Ходневу, именно Миддендорф придал вес общему собранию: "С тех пор ни один сколько-нибудь важный для Общества вопрос не может быть решен без общего собрания, а равно и мнение, и предложение каждого отдельного члена получит всегда надлежащий ход"[4]. Кроме того, Миддендорф создал в Обществе комиссию для содействия изданию работ по сельскому хозяйству на русском языке[5], а также принял активное участие в организации второй всероссийской сельскохозяйственной выставки.

Первая всероссийская сельскохозяйственная выставка в Петербурге состоялась по инициативе ВЭО в 1850 г. Затем подобные мероприятия в течение многих лет не проводились. Миддендорф обратил внимание Общества на пользу устройства "выставки произведений и промышленности всей империи"[6]. Уже в феврале 1859 г. для организаций второй всероссийской сельскохозяйственной выставки была создана особая комиссия ВЭО, председателем которой стал Миддендорф[7]. Выставка должна была содействовать распространению современных сельскохозяйствен-

---

[2] Mittheilungen der KföG zu St. Pbg. 1859. S. 295, 300. Миддендорфа нельзя было сразу выбрать президентом ВЭО, потому что в начале 1859 г. новый устав Общества еще не был подписан императором. После принятия этого устава герцог П.Г. Ольденбургский (как член царской семьи) стал почетным президентом ВЭО.

[3] Там же. 1860. S. 57.

[4] *Ходнев А.И.* История императорского Вольного экономического общества с 1765 до 1865 года. СПб., 1865. С. 657.

[5] Mittheilungen der KföG zu St. Pbg. 1859. S. 297.

[6] *Ходнев А.И.* История... С. 293.

[7] Mittheilungen der KföG zu St. Pbg. 1859. S. 297; 449–450.

А.Ф. Миддендорф. 60-е годы XIX в.

ных знаний в империи, поэтому устроители решили пригласить для участия в ее работе представителей всех губерний. Миддендорф считал также важным, чтобы участниками выставки стали не только помещики, но и хозяева хуторов[8].

Вторая всероссийская сельскохозяйственная выставка открылась в Петербурге 28 сентября 1860 г. в Михайловском манеже. Это здание ВЭО получило в свое распоряжение благодаря тому, что почетным членом Общества стал великий князь Николай Николаевич-старший, в ведении которого находился манеж[9]. На вы-

---

[8] ЕАА. Ф. 1185. Оп. 1. № 342. Л. 21 об.–22.

[9] Mittheilungen der KföG zu St. Pbg. 1860. S. 51. Миддендорф был знаком с великим князем Николаем Николаевичем с начала 50-х гг., когда преподавал ему и его брату Михаилу иппологию. 5 ноября 1859 г. Николай Николаевич (теперь командир Отдельного гвардейского корпуса) стал членом ВЭО по инициативе Миддендорфа (ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 13. Л. 32–33).

ставке демонстрировались самые разные сельскохозяйственные машины, приборы, российские и европейские породы лошадей, коров, свиней, овец, зерновые культуры, ремесленные изделия, цветы и т.д. Для того времени размеры выставки грандиозны – на ней были представлены 10000 экспонатов от 3700 участников. Выставка оказалась настолько популярной (на ней побывали 85142 человека), что ее пришлось продлить до конца октября[10].

Миддендорф придавал большое значение механизации сельскохозяйственных работ и в своих выступлениях неоднократно говорил о важности механизации. Общество часто приобретало новые сельскохозяйственные машины, которые обычно демонстрировались всем желающим. Миддендорф предложил продать эти машины, полагая, что они принесут большую пользу практикующим помещикам в поле, чем на выставке. Так как новые сельскохозяйственные машины вообще были очень дороги, Миддендорф предложил продать их за половину цены. Общество с таким мнением согласилось, и машины были проданы[11].

Во время работы выставки Миддендорф стал гидом для посещавших ее членов императорской семьи. Несколько раз он сопровождал великую княгиню Елену Павловну[12]. Из писем Э.Ф. Раден (одной из фрейлин Елены Павловны) к Миддендорфу можно узнать, что еще в начале 1860 г. он привлек внимание великой княгини к делам Общества, обсуждая с ней вопросы, связанные с организацией выставки и наградами[13]. В феврале госпожа Раден писала Миддендорфу: "Великая княгиня сердечно приняла Ваши превосходные идеи о выставке и премии ... Она с удовольствием готова основать одну медаль, которая кажется Вам наиболее подходящей к делу. Более подробно Ее высочество хочет с Вами обсудить эти проблемы при подходящем случае"[14].

Вероятно, при личной встрече Миддендорф обсуждал с великой княгиней ее участие в делах Общества, отметив при этом, как важно содействовать повышению знаний крестьян об основах сельского хозяйства. Во всяком случае, 1 сентября 1860 г. ВЭО получило письмо великой княгини, в котором она сообщала, что с разрешения императора и по желанию Общества согласна стать его членом. В письме речь шла также о том, что в связи с грядущей аграрной реформой следует подумать о повы-

---

[10] Там же. № 18. Л. 23; *Ходнев А.И.* История... С. 296.
[11] Mittheilungen der KföG zu St. Pbg. 1859. S. 297, 305; 1860, S. 61–62.
[12] ЕАА. 1802. Ф. Оп. 1. № 13. Л. 31.
[13] Там же. № 8. Л. 212–212 об.
[14] Там же.

шении сельскохозяйственных знаний крестьян. Поэтому Елена Павловна решила выделить 300 серебряных рублей для основания золотой медали за лучшую книгу для чтения по сельскому хозяйству. Понимая, что бюрократический процесс не позволит быстро основать такую медаль, великая княгиня предложила сначала выдавать эти деньги в награду за технические достижения в области сельского хозяйства[15]. Затем золотая медаль "присуждалась раз в два года за сочинения для народного чтения по сельскому хозяйству". После смерти Елены Павловны (1873) медаль больше не присуждалась "за неассигнованием денег на эту медаль"[16]. Хотя в памяти историков ВЭО эта золотая медаль связана с именем великой княгине Елены Павловны, следует напомнить, что сама идея премии принадлежала Миддендорфу.

Вторая всероссийская сельскохозяйственная выставка прошла успешно, но участие в ее работе оказалось весьма утомительным для Миддендорфа, который был не совсем здоров. В связи с этим позже Р.Э. Траутфеттер писал Миддендорфу: "Во время сельскохозяйственной выставки в Петербурге я часто думал о Твоих страданиях и жертвах, о том, чего все это Тебе стоило. Я сердечно поздравляю Тебя с тем, что Ты теперь от этой нагрузки свободен и, наконец, приобретешь спокойствие, которое Тебе очень пригодится для собственного здоровья и научных работ"[17].

Члены ВЭО высоко оценили работу Миддендорфа в Обществе. Еще до того, как он прекратил свою деятельность в качестве президента, 17 октября 1860 г. в общем собрании 39 членов ВЭО предложили избрать Миддендорфа почетным членом. Было также решено заказать портрет Миддендорфа ("написанный маслом"), которым можно было бы украсить стену залы Общества[18]. Портрет был написан и висел до тех пор, пока Общество не прекратило свою деятельность.

В 1886 г. Вольное экономическое общество основало медаль в память Миддендорфа. Эта медаль присуждалась "за разведение типичных племенных стад крупного рогатого скота в области скотоводства"[19].

---

[15] Mittheilungen der KföG zu St. Pbg. 1861. S. 40.

[16] *Бекетов А.Н.* Исторический очерк двадцатипятилетней деятельности императорского Вольного экономического общества с 1865 до 1890 года. СПб., 1890. С. 179.

[17] ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 14. Л. 63 об.

[18] Mittheilungen der KföG zu St. Pbg. 1861. S. 51–52.

[19] *Иверсон Ю.Б.* Медали в честь русских государственных деятелей и частных лиц. СПб., 1896. Т. 3. С. V.

В Лифляндском общеполезном экономическом обществе

Лифляндское общеполезное экономическое общество, основанное в 1792 г. в Риге, было самым старым негосударственным обществом в Прибалтийских губерниях. С 1813 г. оно находилось в Дерпте. По уставу Общество имело 12 действительных членов, внесенных в матрикул (список) Лифляндского дворянства, и президент избирался только из этих членов. Число почетных членов Общества не ограничивалось. Среди них были как ученые Дерптского университета, так и наиболее активные лифляндские, эстляндские и курляндские помещики.

Заседания Общества проходили два раза в год. Его главной целью было распространение новых сельскохозяйственных знаний и техники не только в Лифляндии, но также в Курляндии и Эстляндии. Общество имело несколько опытных имений, где испытывались новые сорта зерновых и кормовых культур, наиболее подходящие для климата Прибалтийских губерний, а также производилось скрещивание разных пород скота. Оно занималось также научными вопросами, связанными с развитием сельского хозяйства. (Например, в 1816–1819 гг. Общество организовало триангуляционные съемки Лифляндии, на основе которых были составлены более точные, чем прежде, карты Прибалтийских губерний, а также карта их рельефа.)

Когда Миддендорф переселился в Лифляндию и был внесен (10 мая 1861 г.) в матрикул лифляндского дворянства[20], он получил и право быть членом Лифляндского общеполезного экономического общества. 15 января 1862 г. Миддендорфа избрали президентом этого Общества[21]. Выбор можно считать вполне закономерным, так как Общество нуждалось в обновлении в связи с аграрной реформой в России. Вместе с тем центральная власть все чаще пыталась вмешиваться в дела самоуправления

---

[20] *Stieda L.* Alexander Theodor von Middendorff // Allgemeine Deutsche Biographie. 1906. Bd. 52. S. 395.

[21] В 1853 г. в качестве отдела Лифляндского общеполезного экономического общества было создано Дерптское общество естествоиспытателей для изучения природы Прибалтийских губерний. Президент Лифляндского общества "автоматически" становился и президентом Общества естествоиспытателей, однако Миддендорф от этой чести категорически отказался. (ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 15. Л. 42–43). Миддендорф стал членом Общества естествоиспытателей в 1854 г. и в том же году даже собирал взносы с членов этого Общества, живущих в Петербурге (Sitzungsberichte der Dorpater Naturforschenden Gesellschaft, 1853–1860. Bd. 1. S. 85). Он неоднократно дарил библиотеке Общества естествоиспытателей свои работы и книги других авторов.

Прибалтийских губерний, поэтому особое значение приобретали личные контакты в Петербурге. Миддендорф, известный как талантливый помещик, ученый и активный президент Вольного экономического общества, к тому же был лично знаком со многими членами императорской семьи и государственными деятелями. Такое знакомство могло пригодиться при решении многих возникавших проблем.

Ежегодно в январе происходили заседания Лифляндского общеполезного экономического общества, на которых присутствовали только его члены. На этих заседаниях Миддендорф выступал с докладами об успехах и проблемах Общества. Летом собрания проходили в имениях помещиков в разных частях Лифляндии, где члены Общества знакомились с наиболее удачными способами хозяйственной деятельности.

Осенью 1862 г. Миддендорф предложил сделать ежегодные зимние заседания открытыми, которые длились бы три дня вместо одного[22]. Это сразу подняло престиж Общества как центра сельскохозяйственной мысли, и уже в 1863 г. на заседании присутствовали до 200 человек. В дальнейшем на эти собрания стали приезжать самые разные жители Прибалтийских губерний (врачи, пасторы, помещики и др.), занимавшиеся сельским хозяйством, т.е. собрания приобрели широкое общественное значение[23]. В сельскохозяйственном еженедельнике "Baltische Wochenschrift"[24] расширение состава участников собраний Общества сравнивали с реформой в его истории[25].

Привлечение к деятельности Общества большого числа людей из разных кругов общества Лифляндской губернии, включая и крестьян (эстонцев и латышей), стало одной из главных целей Миддендорфа-президента. По его мнению, это должно было, с одной стороны, содействовать распространению современных знаний о сельском хозяйстве, а с другой – сотрудничеству немцев, эстонцев и латышей. Налаживание нормальных отношений между помещиками (немцами) и крестьянами (эстонцами и латышами) могло бы помочь и улучшению благосостояния крестьян.

Не всем помещикам нравились изменения в характере деятельности Лифляндского общеполезного экономического обще-

---

[22] Livländische Jahrbücher der Landwirtschaft. 1862. Bd. 15. № 4. S. 279.

[23] *Engelhardt H.D. v., Neuschäffer H.* Die livländische gemeinnützige und ökonomische Sozietät (1792–1939) // Quellen und Studien zur baltischen Geschichte. Köln–Wien, 1983. Bd. 5. S. 57.

[24] Еженедельная газета "Baltische Wochenschrift" была основана в 1863 г. В этой газете публиковались протоколы Общества, а также статьи его президента.

[25] BW. 1863. Sp. 7.

ства. Некоторые даже выходили из Общества, считая действия президента "слишком радикальными"[26]. Но Миддендорфа это не смущало. Он писал жене, что его противники, непримиримые к его действиям в Экономическом обществе, "... должны извергать огонь. Но, как Ты знаешь, меня это совершенно не смущает"[27].

60-е годы XIX в. для сельского хозяйства Лифляндии были временем глубокого кризиса. Миддендорф полагал, что причиной тому стало изменение сельскохозяйственных отношений в Лифляндии после аграрной реформы в России. Кроме того, на сельское хозяйство губернии влияли неблагоприятные климатические условия в течение многих лет вблизи восточного побережья Балтийского моря, а также – биржевой кризис в России, который затруднял помещикам получение кредитов для финансирования сельского хозяйства и приводил к отъезду многих крестьян в Россию.

Следующее десятилетие стало временем быстрого развития сельского хозяйства в Лифляндии. В это время более интенсивной стала и деятельность Лифляндского общеполезного экономического общества, увеличилось количество его отделов. Появились отделы ветеринарии, мелиорации, зерновых культур, лесоводства, удобрений, сельскохозяйственной техники, молочного скотоводства, выращивания картофеля, добычи торфа, производства водки и проч.[28]

Миддендорф принимал активное участие в работе отделов скотоводства и коневодства, а также неоднократно выступал с предложениями об использовании новой техники, введении озимых и кормовых культур[29], организации работ по мелиорации, содействовал основанию новых опытных станций. Много внимания Миддендорф уделял и вопросу финансирования сельскохозяйственной деятельности. Он стал одним из основателей объединения "Ceres", которое кредитовало помещиков[30]. При участии Миддендорфа в Обществе были созданы комиссии, занимавшиеся как проблемой постройки железной дороги в Лифляндии[31], так и вопросом создания сельскохозяйственных школ для латышей и эстонцев[32].

Велика роль Миддендорфа и как организатора сельскохозяйственных выставок в Прибалтийских губерниях. Ему весьма при-

---

[26] EAM. Ф. 66. Оп. 1. № 104. Л. 76 об.
[27] Middendorff's Hellenormer Briefe ... S. 26.
[28] *Engelhardt H.D. v., Neuschäffer H.* Die livländische... S. 84.
[29] BW. 1865. Sp. 19.
[30] Там же. 1863. Sp. 11, 31.
[31] Там же. 1867. Sp. 101.
[32] Там же. 1881. Sp. 1066–1072.

годился собственный опыт, полученный при организации Второй всероссийской сельскохозяйственной выставки в Петербурге (1860). В 1863 г. по инициативе Миддендорфа была создана группа для подготовки первой Балтийской центральной сельскохозяйственной выставки в Риге. Основные принципы организации и программу выставки, которая состоялась в июне 1865 г., разработал Миддендорф.

По его мнению, выставка с участием как помещиков, так и крестьян будет содействовать объединению различных частей Прибалтийских губерний в единую сельскохозяйственную систему. Основой выставки должен был стать отдел скотоводства, где следовало представить, прежде всего, местные породы скота. По мнению Миддендорфа, очень важно было снабдить каждый экспонат подробными комментариями, которые позволяли бы сравнивать эти экспонаты[33]. Миддендорф и сам стал участником этой выставки. Его рабочая лошадь "Dreifach Klepper" в 1865 г. получила серебряную и бронзовую медали, а корова "Pepper II" – серебряную медаль[34].

Принципы создания первой сельскохозяйственной выставки стали основой для организации всех следующих выставок в Прибалтийских губерниях в XIX в.[35] Миддендорф участвовал в подготовке второй и третьей центральных сельскохозяйственных выставок, состоявшихся в Риге в 1871 и в 1880 гг.

Кроме практических проблем сельского хозяйства в 70–80-х гг. Общество занималось решением и некоторых вопросов науки. Миддендорф неоднократно привлекал к работе Общества преподавателей из Ветеринарного училища в Дерпте, геологов и химиков Дерптского университета, специалистов по сельскому хозяйству из Риги. Их деятельное участие в работах Общества повышало его репутацию в Прибалтийских губерниях.

В 1874–1882 гг. была организована генеральная нивелировка Лифляндской губернии. Идею нивелировки предложил врач К.К. Зейдлиц[36] в одном из заседаний Общества естествоиспытателей в Дерпте. Там была создана особая комиссия, которая со-

---

[33] *Rosenberg T.* Deutsche und estnische Ausstellungen in Dorpat (Tartu) 1857–1913 // Steinbrücke. Estnische Historische Zeitschrift. 1998. № 1. S. 178–179.

[34] BW. 1865. Sp. 149; 157.

[35] *Rosenberg T.* Deutsche... S. 179.

[36] Миддендорф поддерживал дружеские отношения с К.К. Зейдлицем после того, как оставил Петербург и поселился в Гелленорме. Их объединяло сходство характеров и близость имений. Зейдлиц по инициативе Миддендрфа стал членом Лифляндского общеполезного общества, и в течение двадцати лет они дружно содействовали его деятельности. (*Stryk G.* Dr. C. J. von Seidlitz. [Nekrolog] // BW, 1885. Sp. 53–56).

биралась составить необходимую инструкцию, если Лифляндское общеполезное экономическое общество сможет финансировать этот проект. Миддендорф поддержал идею нивелировки, полагая, что она станет важным подготовительным этапом для организации работ по осушению болот губернии[37]. Миддендорф и Зейдлиц (который был казначеем Лифляндского общеполезного общества) получили согласие общего собрания, и нивелировка состоялась. Зейдлиц стал координатором работ[38].

Лифляндское общеполезное общество поддержало также идею постройки железной дороги. Такая дорога должна была соединить северную часть Лифляндской губернии с Петербургом и Ригой. Первые проекты для определения наиболее подходящей трассы обсуждались в Обществе уже в 1866 г.[39] Миддендорф и Зейдлиц содействовали тому, чтобы Общество финансировало проект. Кроме того, Миддендорф "уговаривал" помещиков, владевших землей на пути проектируемой трассы, чтобы они ее не продавали, а дарили. 30 сентября 1866 г. Миддендорф писал Г. Беркгольцу из Гелленорма: "... строительство железной дороги самое важное предприятие [Лифляндского общеполезного экономического общества], которое мы начинаем. Только так мы сможем обеспечить наше [т.е. Прибалтийских губерний] будущее"[40].

В 1876 г. была построена железная дорога от Тапса (станции на железной дороге между Ревелем и Петербургом) до Дерпта, соединившая Дерпт с Петербургом. В 1877 г. на ежегодном заседании Общества Миддендорф говорил: "Прежде всего я искренне поздравляю Вас с событием, которое нашу работу и особенно сельское хозяйство ведет в новую эру – с открытием первой железной дороги, проходящей по внутренним частям Балтийских стран ... Общество [этим] уже десять лет занималось не безуспешно"[41].

В 1876 г. Миддендорф обратился к министру путей сообщения (адмиралу К.Н. Посьету) с просьбой, чтобы железная дорога от Дерпта до Риги тоже была построена, так как в этом были весьма заинтересованы лифляндские помещики[42]. Однако эту ли-

---

37 BW. 1874. Sp. 36.

38 Миддендорф был автором предисловия к изданному К. Зейдлицем труду "General-Nivellement von Livland der kaiserlichen, livländischen gemeinnützigen und ökonomischen Societät" (Dorpat, 1887).

39 ЕАА. Ф. 1185. Оп. 1. № 441.

40 LVVA. Ф. 4011. Оп. 2. № 56. Л. 103.

41 BW. 1877. Sp. 97.

42 *Gussarova V. jt.* Sada aastat Eesti raudteed. Tallinn, 1970. С. 41 (Сто лет железных дорог Эстонии).

Платформа Миддендорфа

нию построили лишь десять лет спустя (в 1886–1887 гг.). Одна из станций этой дороги даже называлась платформой или разъездом Миддендорфа[43], но до настоящего времени такое название не сохранилось[44].

31 августа 1882 г. Миддендорф сообщил, что больше не может оставаться президентом Общества. Присутствующие на собрании выразили по этому поводу сожаление и поблагодарили Миддендорфа за работу. В протоколе заседания отмечалось: "Несмотря на все мрачные испытания, которые наше время принесло нашему отечеству, оно было временем быстрого развития сельского хозяйства. Общество под руководством гос[подина] ф[он] Миддендорфа находилось в центре такого развития и своими скромными

---

[43] Разъезд Миддендорфа можно увидеть на картах Лифляндии конца XIX в. и даже на бланке, на котором Эрнст Миддендорф писал некоторые письма в начале XX в.

[44] Сегодня эта железнодорожная станция называется Палупера. Она расположена в 5 километрах от Гелленорма.

средствами принимало в этом значительное участие”[45]. Новый президент Общества в 1883 г. в ежегодном собрании нашел нужным напомнить присутствующим: “Двадцать лет императорское Лифляндское общеполезное экономическое общество радовалось, что находится под руководством президента тайного советника фон Миддендорфа, который не только своей замечательной научной карьерой и вдохновляющей духовной силой, но особенно благодаря доверию правительственных учреждений, успешно руководил Обществом и содействовал достижению его целей”[46].

В Ландтаге Лифляндии

Общественная деятельность Миддендорфа была следствием его интереса к политике. Миддендорф не только интересовался политическими вопросами (особенно относящимися к Остзейским провинциям), но постоянно в той или иной форме старался “вмешаться” в подобные дела. Таким “вмешательством” можно считать его путешествие к югу от Станового хребта, некоторые высказывания в научных трудах, деятельность в Лифляндском общеполезном экономическом обществе и работу в Лифляндском ландтаге.

В XIX столетии в Прибалтийских губерниях мало было образованных людей, которых не интересовала бы политика. Как уже отмечалось, крестьяне этих губерний в начале века были освобождены от крепостной зависимости, однако землю не получили. В 40-х гг. многие эстонские крестьяне начали переходить из лютеранской веры в православную, так как распространились слухи, что благодаря этому они смогут получить землю. К тому же начались крестьянские волнения. Все это чрезвычайно беспокоило помещиков (в основном немцев).

Упомянутые события привели к тому, что в Петербурге в 1845 г. был основан специальный “Остзейский комитет”, где началась подготовка нового аграрного законодательства для Лифляндской губернии. Предварительный вариант нового либерального закона был подписан Николаем I в 1849 г. На основе этого закона помещики могли не только сдавать крестьянам землю в аренду, но и продавать. Однако продавать землю никто не хотел, и лишь наиболее прогрессивные помещики ввели в своих имениях денежную ренту (оброк) вместо барщины[47].

---

[45] BW. 1882. Sp. 660.
[46] Там же. 1883. Sp. 58.
[47] *Tobien A.* Die Agrargesetzgebung Livlands im 19. Jahrhundert. Riga, 1911. Bd. 2.

Миддендорф уже вскоре после окончания Сибирской экспедиции познакомился с аграрными проблемами Остзейских провинций. Особенно часто он обсуждал их со своим другом Н. Вилькеном (эстляндским помещиком). Их волновали вопросы об отношениях между немецкими помещиками и местными крестьянами, попытки перехода крестьян в православную веру, крестьянские волнения, дискуссии в "Остзейском комитете" и проч.[48]

Как владелец Гелленорма, Миддендорф (в 1861 г.) был включен в список лифляндских дворян и благодаря этому стал членом лифляндского ландтага (с правом голоса). Во время собраний ландтага обсуждались самые разнообразные вопросы – управление Лифляндской губернией и ее провинциями, положение крестьян, судопроизводство, деятельность полиции, проблемы самоуправления, церковные дела и проч.

Члены ландтага разделялись на две большие группы – либералов-реформаторов и консерваторов. Миддендорф относил себя к либералам. Либерализм Миддендорфа выражался прежде всего в том, что он предлагал ввести в состав ландтага делегатов от крестьянства, полагая, что их интересы должны защищаться на высшем законодательном уровне[49]. В 1869 г. А.А. Кейзерлинг писал одному своему другу, что в Лифляндском ландтаге даже образовалась "радикальная партия Миддендорфа", хотя сам он к этому отношения не имел. По словам Кейзерлинга, представителей этой партии назвали "арденнами, по конной породе, которую Миддендорф импортировал"[50].

Миддендорф был патриотом Прибалтийских губерний и стремился сделать все возможное для их развития. По его мнению, сохранить автономию этих губерний и избежать вмешательства центральной власти Российской империи в их дела можно было только при значительных компромиссах. Миддендорф понимал, что немцы-помещики нередко самоуверенно и надменно преувеличивают свое значение в этих губерниях. В распределении власти между всеми сословиями и местными жителями разных национальностей Миддендорф видел единственную возможность спасения прибалтийских немцев "от злой смуты"[51].

---

[48] N. v. Wilken an A. v. Middendorff, Riga, 3. November 1845 // PABvM; K. v. Baer an A. v. Middendorff, 27. Januar 1848 // HSM. Bd. 702. № 320.

[49] *Taube von der Issen H.* Graf Alexander Keyserling. Ein Lebensbild aus seinen Briefen und Tagebüchern. Berlin, 1902. Bd. 1. S. 558.

[50] Там же.

[51] *Wittram R.* Meinungskämpfe im baltischen Deutschtum während der Reformepoche des 19. Jahrhunderts. Riga, 1934. S. 41, Fussnote.

Его поддерживали некоторые молодые помещики, считавшие, что крестьяне должны иметь больше прав и участвовать в самоуправлении. Но неоднократные выступления Миддендорфа в ландтаге по этому поводу успеха не имели.

В июле 1861 г. астроном Л.Э. Шварц (живший тогда в Лифляндии) писал своей жене по поводу взглядов Миддендорфа: "От чего он особенно страдает, так это от отношений со своими крестьянами". Шварц рассуждал в этом письме и о том, что в течение многих столетий человеческое достоинство местных жителей унижалось, и что немцы, которые некогда принесли в этот край чуждую ему религию, постоянно жестоко обращались с крестьянами. "... Нечему удивляться, – продолжал Шварц, – что сохраняется естественное недоверие к чужим у эстонцев, которые 600 лет ничего не знали, кроме своего закопченного жилища и барщины". По мнению Шварца, филантропические взгляды и действия Миддендорфа были напрасны, потому что падали на неблагоприятную почву. "Имеет ли его душа такую крепость и эластичность, – риторически спрашивал Шварц, – чтобы так долго бороться с недоверием и унынием и [все же] оставлять место для надежды на победу"[52]. Деятельность Миддендорфа в ландтаге свидетельствует о том, что свою надежду он действительно сохранял.

С помощью Лифляндского ландтага Миддендорф пытался решить и проблему повышения уровня сельскохозяйственного образования эстонцев и латышей. В 1869 г. в связи с пятидесятилетием со времени освобождения крестян Лифляндии от крепостной зависимости ландтаг решил выделить 10 000 рублей на улучшение дела образования местных крестьян. Миддендорфа избрали председателем комиссии, которая должна была решить, как лучше использовать эти средства[53]. Решить задачу оказалось сложно, так как денег для создания специальной сельскохозяйственный школы было недостаточно.

Тогда Миддендорф предложил использовать эти деньги для приглашения "странствующих учителей". Такая практика существовала в Германии, где странствующие учителя зимой ходили по деревням, собирали крестьян в харчевнях и за кружкой пива сообщали им полезные сведения о сельском хозяйстве. Так как в Лифляндии не было людей, которые могли бы стать странствующими учителями, комиссия отказалась от этой идеи[54]. Из-за

---

[52] L. Schwarz an J. Hagen-Schwarz, Dorpat. 22. Juli 1861 // TKM. Mapp 14.
[53] ЕАА. Ф. 1185. Оп. 1. № 479. Л. 2–2 об.
[54] Там же. Л. 6–9.

принципиальных разногласий членов комиссии деньги использованы не были.

Кстати, идею о странствующем скотоводе-учителе, который мог бы содействовать сельскохозяйственному образованию крестян, по инициатие Миддендорфа в 1874 г. обсуждали в Вольном экономическом обществе. И хотя после длительной дискуссии была создана даже специальная комиссия для составления программы деятельности такого учителя, никаких последствий это обсуждение не имело[55].

В 1881 г. вопрос об основании в России сельскохозяйственных школ пыталось решить Министерство государственных имуществ. По-видимому, в связи с новыми веяниями в экономике страны в министерстве осознали важность повышения образования крестьян, и была обещана поддержка этой идеи в виде бесплатной передачи государственных имений в ведение таких школ.

Узнав об этом, Миддендорф решил, что теперь можно, наконец, основать сельскохозяйственную школу и в Лифляндии. В том же году в своем выступлениии в Лифляндском общеполезном экономическом обществе он вновь обратил внимание на важность образования для местных крестьян[56]. Миддендорф считал, что недостаточно научить крестьян только читать, писать и считать, они должны приобрести также и практические навыки в области сельского хозяйства. Он полагал, что это не только поможет им научиться лучше работать на собственных хуторах, но и отвлечет от политической деятельности, называя такую дятельность "неизмеримо глубоким морем мрачных социалистически-коммунистических идей"[57]. Миддендорф надеялся, что имение Вольмарсгоф, выделенное Министерством государственных имуществ, а также средства, которые сохранились в ландтаге с 1869 г., и деньги, собранные в Лифляндии Обществом эстонских писателей для создания эстонской гимназии, помогут, наконец, создать сельскохозяйственную школу[58].

Надежды Миддендорфа и на этот раз не оправдались. Сельскохозяйственная школа для эстонских крестьян в Вольмарсгофе

---

[55] Стенографический отчет соединенного собрания I и II отделений Вольного экономического общества 28 февраля 1874 г. ... // Тр. ВЭО. 1874. Т. 3. Вып. 3 (ноябрь). С. 295–320.

[56] BW. 1881. Sp. 1066–1070.

[57] Там же. Sp. 1067.

[58] ЕАА. Ф. 1185. Оп. 1. № 610, 636; A. Th. v. Middendorff an J. Hurt, Hellenorm, 24. Februar 1886 // EKM EKLA. F 45, M 2:61; Kruus, H. Eesti Aleksandrikool (Эстонская Александровская школа). Tartu, 1939. С. 132.

была создана только в 1914 г., однако преподавание в ней велось не на эстонском, а на русском языке.

Постоянно размышляя о важности развития сельского хозяйства в Лифляндии, Миддендорф пришел к выводу, что было бы полезно переселить немецких крестьян в Прибалтийские губернии[59]. Он полагал, что немецкие крестьяне личным примером смогут показать эстонским и латышским, как следует работать. Однако оказалось, что и эта "педагогическая" идея была наивна, переселение немецких крестьян в Лифляндию пользы ее сельскому хозяйству не принесло[60].

Друзья Миддендорфа возлагали большие надежды на его деятельность в ландтаге. В. Ген в 1863 г. писал Г. Беркгольцу: "Он только и живет в лифляндских аграрных вопросах"[61]. В конце того же года Беркгольц в свою очередь писал Э.Ф. Раден: "Миддендорф, *homo novus* [человек нового мышления], будет однажды лифляндским ландмаршалом [губернским предводителем дворянства], я хочу это поддержать; но осуществится это не в марте [1864 г.], но спустя три года"[62]. В 1870 г. Миддендорфа предложили в качестве кандидата на пост ландмаршала от Феллино-Дерптского округа, но избран он не был (за – 69, против – 133 голоса)[63].

Один из историков охарактеризовал его влияние на работу Лифляндского ландтага следующим образом: "Миддендорф был явлением чрезвычайным. ... На лифляндские проблемы он смотрел с большим беспристрастием. Так как он находился вне системы, то он мог ее резко критиковать. Возможно, он был самым радикальным из всех лифляндских помещиков-реформаторов. Он редко принимал участие в работе ландтага, но его голос имел вес. Без всяких сомнений он соединял возвышенный немецко-лифляндский патриотизм с большим уважением к Петербургу. Его авторитетные знания по сельскому хозяйству – в 1862–1882 гг.

---

59 Livländische Jahrbücher der Landwirtschaft. 1863. S. 179; *Tobien A.* Die Agrargesetzgebung... Bd. 2. S. 361.

60 В 1882 г. Миддендорф писал: "Даже из многих батраков, переселившихся без всяких средств в Прибалтийский край из Германии лет 20 тому назад, половина состояла из лентяев и негодяев, и только третья четверть могла поставить годных рабочих, но и они были головорезы, которые нигде не уживались. Прошло около 10 лет – снялась и последняя четверть, которую охотно удержали бы" (Очерки Ферганской долины. СПб., 1882. С. 347).

61 *Diederichs H.* Aus dem Briefwechsel zwischen Viktor Hehn und Georg Berkholz // Baltische Monatsschrift. 1898. Bd. 46 № 11. S. 78–79.

62 *Diederichs H.* Aus dem Briefwechsel Edith von Rahden's mit Georg Berkholz // Там же. 1895. Bd. 42. № 12. S. 811.

63 *Wittram R.* Meinungskämpfe... S. 41.

он был президентом Лифляндского общеполезного экономического общества – тоже создавали ему весомое положение”[64].

Попытки Миддендорфа повлиять на политику в ландтаге были явно менее успешны, чем его деятельность, направленная на развитие сельского хозяйства в Лифляндии. Миддендорф пользовался в ландтаге уважением, но приобрел не только сторонников, но и противников. Его мнения казались важными главным образом его друзьям – немцам. Радикальное направление взглядов Миддендорфа вызывало активное неприятие как немецких, так и эстонских политиков. Более того – искреннее стремление содействовать поднятию культурного уровня коренных жителей губернии и вместе с тем смягчить трения, возникавшие между крестьянами и помещиками, вступало в противоречие с его активной позицией при защите привилегий помещиков-немцев.

---

64 *Wittram R.* Meinungskämpfe... S. 39–40.

Путешествия 60–70-х годов

Миддендорф вышел в отставку, когда ему исполнилось 50 лет. В XIX столетии человека в таком возрасте считали старым, даже если он был полон сил. Миддендорф не был вполне здоров, но сохранял завидную работоспособность и любовь к путешествиям.

Еще в начале 50-х гг. Миддендорф познакомился с некоторыми членами императорского семейства. Он преподавал иппологию (науку о лошадях) великим князьям Николаю Николаевичу и Михаилу Николаевичу, позже – естествознание сыну Александра II Николаю, а с двумя другими его сыновьями (Алексеем и Владимиром) путешествовал. В XIX веке было принято отправлять великих князей в путешествия, чтобы они могли познакомиться как с Российской империей, так и с другими странами.

В 1867 г. с великим князем Алексеем Александровичем Миддендорф плавал по Средиземному морю и Атлантическому океану до Азорских островов. Из скудных источников можно узнать, что путешественники побывали в Крыму, Константинополе, Греции (в Афинах), на острове Мальта, в Италии (вблизи вулканов Этна и Везувий), Испании (в Кадисе) и на Канарских островах[1]. Во время этого плавания Миддендорф собрал зоологическую коллекцию, которую передал в Зоологический музей Академии наук[2].

Путешествие в Западную Сибирь

В середине мая 1868 г. с великим князем Владимиром Александровичем Миддендорф отправился в путешествие по России, которое длилось всего три месяца, но за это время они смогли "спуститься по Волге, осмотреть Оренбургскую губернию,

---

[1] Middendorff A. Th. v. Tagebuchaufzeichnungen // PABvM; *Blasius R.* Alexander Theodor von Middendorff. Nachruf // Ornithologisches Jahrburch. 1894. Bd. 5. № 6. S. 225.

[2] Зап. АН. 1868. Т. 13. С. 318.

рудники и золотые россыпи Южного Урала, равно как и южного и северного Алтая до Бийска, а на обратном пути – Томск, Барабинскую степь, Иртыш на большей части его протяжения, Тобольск и громадные заводы Пермской губернии"[3].

Путешественники осмотрели некоторые деревни и военные поселения Оренбургской губернии[4], на Южном Урале посетили Верхнеуральск, Златоуст, Миасс и Троицк. Затем по Сибирскому тракту доехали до Омска, откуда отправились к югу в Семипалатинск. О том, что путешественники были на Алтае, можно узнать и из описания растительности Омской степи: "Не столь пышною растительностью, но прелестью своих лугов, при виде которых душа наполняется восторгом, меня поразили неделями двумя раньше виденные скаты Алтая вблизи Бухтарминска (на протяжении между этим городом и Усть-Каменогорском)..."[5].

На обратном пути от Барнаула ехали по высокому левому берегу Оби до деревни Крутихи, а затем отправились на запад к озеру Чаны (в центре Барабинской степи)[6]. Путешественники побывали также в верховьях реки Омь (правого притока Иртыша) и вблизи озера Убинского.

После путешествия с великим князем Миддендорф опубликовал статью "Бараба", в которой изложил свои представления о природе и сельскохозяйственной деятельности населения Барабинской степи. Миддендорф обнаружил, что существовавшие описания и карты Барабинской степи создавали неверные представления о ее природе.

Еще в 1843 г. на пути в Восточную Сибирь он видел березовые рощи в Ишимской, Омской и Барабинской степях и уже тогда пришел к выводу, что название "степь" для этих местностей противоречит традиционным представлениям о степях как безлесных пространствах. После поездки по Барабинской степи в 1868 г. Миддендорф убедился в верности своих наблюдений и предложил называть Барабу "березовой степью". Он полагал,

---

[3] *Миддендорф А.Ф.* Бараба // Зап. АН. 1871. Т. 19. Кн. 1. Приложение № 2. С. 49. По мнению Миддендорфа, объехать все эти места за столь короткий срок было "неслыханным делом", и его удалось осуществить только благодаря энергии попечителя великого князя.

[4] В Оренбурге в губернском статистическом комитете для высокого гостя был подготовлен "Историко-статистический очерк губернии" (ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 22).

[5] *Миддендорф А.Ф.* Бараба... С. 15.

[6] Миддендорф писал: "Мне удалось пробыть в Барабинской степи три недели". (Там же. С. 49).

что почвы и климат не мешают произрастанию там березы, которая не растет только на солонцах и в местах, большую часть года покрытых водою. Но во многих местах береза уничтожена местным населением. По мнению Миддендорфа, название "степь" появилось в связи с относительным безлесием этих пространств, но постепенно вид степей стал все больше соответствовать такому названию.

На картах Барабинскую степь изображали как обширное заболоченное пространство. Между тем, хотя болота там и встречаются, по всей территории Барабы можно проехать на телеге даже в местах, покрытых водой, так как равнина очень плоская, а ее поверхность сложена крепким песчаным суглинком.

Миддендорф первым определил естественные границы Барабинской степи и выделил виды местности в ее пределах на основе различия их растительности: тайга, урманы, моховые болота (рям), торфяные болота (аллат или чимган), гривы. Видел он в Барабинской степи и дюны, на которых росли сосновые боры.

Миддендорф считал Барабинскую степь необычайным геологическим явлением из-за ее удивительно ровной поверхности. Даже большие озера там неглубокие и имеют ровное дно. Миддендорф полагал, что характер поверхности Барабы подтверждает мнение А. Гумбольдта о том, что некогда она была дном древнего моря, соединявшего Арало-Каспийский бассейн с Ледовитым океаном. "Своим видом и настоящим характером Бараба обязана поверхностному, но совершившемуся в определенном однообразном направлении геологическому процессу новейшего времени, который одновременно распространяется как на все занимаемое ею пространство, так и на обширные окружающие ее местности"[7].

Своеобразие поверхности Барабы связано также с тем, что на озере Чаны полуострова и острова чрезвычайно вытянуты в восточно-северо-восточном направлении (ONO). В том же направлении вытянуты и небольшие озера. Миддендорф сравнивал их с "дилювиальными рубцами" и "щебнистыми формациями озар" вблизи Балтийского моря.

"Представьте себе, что те самые силы, которыми вызваны озары, действовали последовательнее и сильнее на большем пространстве, и мы вправе предположить, что они могли произвести такие же формы, какие мы видим на карте"[8], – писал Мидден-

---

[7] Там же. С. 30–31.
[8] Там же. С. 31.

дорф, но не уточнял, какие именно силы имеет в виду. Однако в труде о Сибирской экспедиции он утверждал, что в Сибири отсутствуют следы древних ледников, а “озары” (озы) относил к морским отложениям. Поэтому можно предположить, что упомянутые “рубцы” и “озары” подтверждали его мысль о Барабе как бывшем морском дне. Кстати, в конце главы о геологических особенностях Барабы Миддендорф отметил, что “внешняя форма поверхности Барабы показывает, что при этом процессе лед не оказывает никакого влияния”[9].

Между тем, статья была написана в то время, когда ученое сообщество Европы уже признало идею ледникового периода, и в России некоторые исследователи склонялись к поддержке этой мысли. Упоминание Миддендорфа о полуостровах, вытянутых к востоку-северо-востоку, о “дилювиальных рубцах” и “озарах” позволяло делать иные, чем в его работе выводы о происхождении поверхности Барабы. В 1871 г. рецензент журнала “Знание”, писавший о статье Миддендорфа, не только сообщил, что общей причиной внешнего вида Барабинской степи “следует считать действие древних ледников”, но и приписывал этот вывод автору статьи: “Миддендорф находит возможным сравнить эту правильность с правильностью ледниковых борозд”[10]. Кроме того, рецензент отметил, что вытянутые в одном и том же направлении острова и заливы озера Чаны и вытянутые в том же направлении острова и заливы Онежского озера позволяют “...для обоих явлений предположить одну и ту же причину – действие ледников”[11].

Много внимания в своей статье Миддендорф уделил анализу хозяйственной деятельности местных жителей. По его мнению, в Барабе очень плодородные земли, но причиной их плодородия следует считать не тонкий слой почвы (Миддендорф называл его черноземом), а подпочву – глинистый сланец. Миддендорф полагал, что местные глины – это древняя намывная почва, сходная с европейскими маршами.

Однако крестьяне Барабинской степи весьма нерационально вели хозяйство. Поля они не удобряли, а после истощения участков распахивали новые. К тому же развитию зернового

---

[9] Там же. С. 44.

[10] *A. Th. v. Middendorff.* Die Baraba. St.-Pbg. 1870 // Знание. 1871. № 5. Критика. С. 134.

[11] Там же. С. 135. В России к началу 70-х гг. XIX в. однозначно признавали гипотезу ледникового периода, кажется, только два ученых: П.А. Кропоткин и Г. Вейденбаум – рецензент журнала “Знание”, который, вероятно, и был автором рецензии.

хозяйства мешали ранние и поздние заморозки, засухи и набеги саранчи. Местный скот (особенно лошади) часто погибал летом из-за широкого распространения сибирской язвы, которую плохо умели лечить, а зимой – от голода (из-за отсутствия кормов). При наличии богатых лугов в степях Западной Сибири не было принято косить траву, чтобы запасать для скота на зиму корма.

Плодородие местных земель весьма привлекало переселенцев. Миддендорф выразительно описывал их стремление на восток из "благословенных полос Европейской России" под влиянием "баснословных рассказов" о чудесах и удивительном плодородии сибирских земель. "Зачем вы покинули родину? – спрашивал я. – Тесно, слишком тесно стало у нас, – был их постоянный ответ"[12]. Миддендорф весьма критически относился к этому почти беспричинному движению, тем более, что переселенцы не умели использовать благоприятные местные условия.

Размышления Миддендорфа о состоянии и причинах недостатков хозяйственной деятельности в Барабинской степи были связаны с изучением проблемы сибирской язвы. Описанию признаков этой болезни, причин возникновения, способов лечения, областей распространения и истории ее изучения в России он посвятил особую главу своей работы.

По мнению Миддендорфа, само название болезни появилось потому, что академик И.-Г. Гмелин подробно описал ее после своего путешествия по Сибири во время Второй Камчатской экспедиции. (Позже выяснилось, что болезнь свирепствовала еще во времена Римской империи и встречается во всех странах света.) В России ветеринары занялись поисками способов лечения сибирской язвы лишь в начале XIX века и сначала полагали, что она заносится из Европы.

До путешествия Миддендорфа существовало мнение, что сибирская язва широко распространена на Урале и на Алтае. Миддендорф обнаружил, что мнение это неверно. В горах сибирская язва практически не встречается (исчезает при приближении к горам). Ее распространению содействуют испарения стоячих болот, низменных местностей и обилие насекомых – главных переносчиков болезни.

Миддендорф считал, что выводы о причине и распространении язвы складывались под влиянием второстепенных условий, "которые затемняют вопрос о причине эндемических болезней. По моему же мнению, – писал Миддендорф, – нельзя пренебре-

---

[12] *Миддендорф А.Ф.* Бараба... С. 18.

гать медико-географическим исследованием этой язвы..."[13]. Он считал также важным рассмотреть "простые условия, при которых сибирская язва является в несомненно главной квартире своего зарождения, т.е. в Западной Сибири"[14]. "Второстепенными условиями" Миддендорф называл ситуации, при которых лошади гибнут от истощения и плохого обращения, а не собственно от эпизоотий.

Сведения Миддендорфа о природе Барабинской степи привлекли внимание современников. В конце XIX и начале XX вв. статья "Бараба" все еще служила одним из источников для тех, кто исследовал южные области Западной Сибири. Во всяком случае в 1882 г. В.В. Докучаев воспользовался данными Миддендорфа при описании природных условий Барабинской степи. Но Докучаев критически отнесся к мнению Миддендорфа о причинах ее плодородия. Докучаев считал, что почвы Барабы нельзя относить к черноземам: "...по своей толщине и по своему составу они видимо ближе подходят к нашим северным дерновым, а вероятно и к болотно-луговым почвам, чем к русскому степному чернозему"[15]. По мнению Докучаева, неверным было и мнение Миддендорфа о том, что плодородие земель Барабинской степи определяется его подпочвами. При этом ошибочность вывода Миддендорфа Докучаев доказывал, опираясь на данные о геологическом строении Барабы, имеющиеся в статье самого Миддендорфа.

Позднее материалы работы "Бараба" использовал Г.И. Танфильев. Хотя он знал о статье Докучаева, однако вслед за Миддендорфом называл почвы Барабинской степи черноземом. Формы поверхности этого пространства, по мнению Танфильева, можно объяснить действием не морских, а ледниковых вод – талых вод обширного ледника, находившегося на севере Западной Сибири[16]. Теперь Барабинскую степь называют лесостепью, а участки березового леса – колками. Но, вопреки мнению Докучаева, ее почвы считают черноземными.

---

[13] Там же. С. 52.
[14] Там же. С. 53.
[15] *Докучаев В.В.* По вопросу о сибирском черноземе // Тр. ВЭО. 1882. Т. 2. С. 300.
[16] *Танфильев Г.И.* Бараба и Кулундинская степь. СПб., 1902. С. 104.

Путешествие по Белому и Баренцеву морям[17]

В 1870 г. А.Ф. Миддендорф с великим князем Алексеем Александровичем плавал на корвете "Варяг" из Архангельска по Белому и Ледовитому (Баренцеву) морям (между Новой Землей и Кольским полуостровом) и Атлантическому океану до Исландии.

Миддендорф взял с собой Эрнста, который описывал приключения этого путешествия в своих письмах к Карлу. Из писем Эрнста можно узнать, что великий князь и его спутники выехали из Петербурга в начале июня и добирались до Архангельска на разных пароходах по Неве, Ладожскому и Онежскому озерам, по каналам, соединяющим реки и озера, и, наконец, по Северной Двине. В пути они побывали в Петрозаводске и на водопаде Кивач. В своем первом письме Эрнст писал Карлу: "Отец очень весел, спит, как мы все, очень много и этим очень доволен. Это путешествие несомненно будет для него благотворным"[18].

Несколько дней путешественники провели в Архангельске, осматривая город. Затем они посетили Соловецкие острова, где Миддендорф не только побывал в монастыре, но и знакомился с местными породами коров. На Новой Земле (вблизи бухты Костин Шар) Миддендорф и Эрнст охотились и собирали гербарий. После Новой Земли путешественники побывали на Мурманском берегу у устья Колы. Миддендорф и Эрнст и там охотились в ближайших горах. Великий князь и его спутники посетили также несколько городов Норвегии и из порта Тромсё морем отправились в Исландию.

Хотя путешествие было интересным, уже в Норвегии Миддендорф и его сын мечтали поскорее вернуться домой. Эрнст пи-

---

[17] Название "Баренцево море" Миддендорф в своих сочинениях не использовал. Это название впервые встречается на карте, составленной немецким географом А. Петерманом для книги Г. Веера о путешествиях В. Баренца. (*Veer G.* A true description of three Voyages by the North-East towards Cathay and China, undertaken by the Dutch in the years 1594, 1595 and 1596. London: Hakluyt Society. 1853). Однако затем на картах Северного Ледовитого океана самого Петермана названия "Баренцево море" не было. Оно появилось на картах Европы в весьма популярных атласах немецкого картографа А. Штилера (*Stieler A.* Hand-Atlas über alle Theile der Erde nach dem neuesten Zustande und über das Weltgebäude. Gotha, 1875) и шотландского географа А.-К. Джонстона (*Johnston A.K.* The Royal Atlas o modern geography. Edinburgh & London, 1878). В России название "Баренцево море" можно обнаружить в статье о В. Баренце, опубликованной в словаре Брокгауза в 1891 г. На русской карте Европы Баренцево море появилось только в 1905 г. в атласе мира А.Ф. Маркса.

[18] *Middendorff A.* v. Ernst von Middendorff mit dem Dampf-Segelschiff nach Nowaja Semlja und Island 1870 [Рукопись] Giessen. 1996. S. 8.

сал Карлу: "Папа и я совершенно здоровы и чувствуем себя очень хорошо. Несмотря на это, мы оба очень скучаем по дому и были бы, честно говоря, очень довольны, если бы не должны были идти в Исландию, так как это задержит наше возвращение на четыре недели"[19].

В Исландии они провели неделю. Побывали в Рейкьявике, ездили на лошадях в глубь острова, где видели вулкан Гекла, ледники, гейзеры и проч. И, наконец, морем – через Копенгаген, Ревель и Кронштадт – 10 сентября вернулись в Петербург.

Великий князь Алексей Александрович должен был в будущем стать руководителем морского ведомства. Поэтому учебное плавание, происходившее под руководством вице-адмирала К.Н. Посьета (попечителя великого князя), превратилось в своеобразную научную экспедицию. Кроме "Варяга" в плавание отправились еще два судна. На всех судах велись астрономические, магнитные и гидрологические наблюдения[20]. В свите великого князя, кроме Миддендорфа, находились и другие естествоиспытатели, собиравшие коллекции[21].

Во время путешествия с великим князем Миддендорф не только отдыхал и охотился. Он принимал также участие в наблюдениях, которые велись на борту "Варяга" по программе международной морской конференции, состоявшейся в Брюсселе в 1853 г. Офицеры "Варяга" регулярно измеряли температуры воздуха и воды на поверхности моря и в его глубинах. Миддендорф следил за этими наблюдениями и в некоторых случаях рекомендовал производить измерения чаще, чем предусматривалось инструкцией. Прибор для измерения температуры на глубине был не очень точен, а условия для самих измерений по курсу движения судна не всегда благоприятны. Однако Миддендорф считал, что результаты наблюдений на пространстве, где до тех пор подобные измерения не производились, весьма важны для изучения моря. Они позволяли уточнить представления о распространении теплых вод Гольфстрима в Ледовитом океане к северу от Европейской России.

Еще в начале XIX века английский мореплаватель В. Скорсби, обнаружив теплую воду к западу от Шпицбергена, высказал

---

[19] Там же. S. 29.

[20] Сведения об истории этой экспедиции в "Кронштадтском вестнике" и Военно-морском архиве обнаружил В.Г. Смирнов (Исследование Гольфстрима на корвете "Варяг" (1870 г.) // Изв. РГО. 2003. Т. 135. Вып. 1. С. 81–87).

[21] Во время путешествия наблюдения вели член Общества испытателей природы при Московском Университете В.Н. Ульянин, студент И.С. Раевский и натуралист Н.Я. Данилевский (Там же. С. 82).

предположение, что ее приносит из Атлантического океана течение Гольфстрим. О теплых водах к северу от Европы упоминали и другие мореплаватели, но специальные научные наблюдения там не велись. К.М. Бэр после своих наблюдений на Новой Земле и путешествия Миддендорфа предположил, что теплое течение вблизи западных берегов Новой Земли связано с теплыми водами Атлантического океана[22]. В 1852 г. немецкий физик Г.-В. Дове на основе скудных данных о характере распределения температур на пространстве Ледовитого океана на карте к своей работе протянул Гольфстрим до Новой Земли[23]. Мнение это с 60-х гг. XIX века широко распространилось благодаря работам немецкого географа А. Петермана. На основе наблюдений русских исследователей, обнаруживших полынью в Ледовитом океане вблизи Новосибирских островов и незамерзающее море к востоку от них, Петерман пришел к выводу, что воды Гольфстрима достигают мыса Якан[24]. Доказательством вывода о распространении Гольфстрима к востоку от Новой Земли для Петермана служило и сообщение Миддендорфа в "Путешествии на север и восток Сибири" о том, что Таймырский залив был свободен ото льда в августе 1843 г.

Описанию влияния Гольфстрима на природу северной части Антлантического океана и ближайших к нему стран Европы Петерман посвятил особую статью[25]. Вероятно поэтому вскоре после возвращения в Петербург (29 сентября 1870 г.) Миддендорф выступил на заседании физико-математического отделения Академии наук с сообщением о некоторых результатах наблюдений, которые велись на "Варяге"[26]. Затем (по предложению отделения) он опубликовал статью "Гольфстрим к востоку от Нордкапа" сначала на немецком языке в академическом "Бюллетене", а через год в "Записках Академии наук".

Вся работа Миддендорфа была реакцией на статью Петермана. Он назвал прекрасным замечание последнего о том, что "исследуя Гольфстрим, мы узнаем явление, которому Европа (а сле-

---

[22] *Baer K.* v. Ueber das Klima des Taimyr-Landes // Bull. phys.-math. 1845. T. 4. № 20–21. Sp. 315–336.

[23] *Dove H.W.* Die Verbreitung der Wärme auf der Oberfläche der Erde. Berlin, 1852.

[24] *Таммиксаар Э., Сухова Н.Г.* Концепция Северного Ледовитого океана Августа Петермана и взгляды ученых России // Изв. РГО. 1997. Т. 129. Вып. 6. С. 17.

[25] *Petermann A.* Der Golfstrom und Standpunkt der thermometrischen Kenntniss der Nord Atlantischen Oceans und Landgebiets im Jahre 1870 // Petermann's Mittheilungen. 1870. Bd. 17. S. 201–254.

[26] Зап. АН. 1871. Т. 18. Кн. 1. С. 94.

довательно, и весь свет) обязана передовым значением в отношении культуры"[27]. Вместе с тем некоторые выводы Петермана казались Миддендорфу "слишком смелыми" или "заходящими весьма далеко".

Миддендорф высказал свои соображения о причинах, позволивших Петерману считать, что воды Гольфстрима распространяются в Ледовитом океане далеко к востоку. Миддендорф отмечал как правомерность, так и недостаточную убедительность выводов Петермана, а затем, дополняя и уточняя его сведения на основе наблюдений "Варяга", описал северные ветви Гольфстрима.

Течение между Медвежьим островом и берегом Норвегии, обнаруженное Петерманом, Миддендорф назвал Нордкапским течением и считал его главным рукавом Гольфстрима к северу от Европы (уже известное Шпицбергенское – второстепенным). Миддендорф полагал, что масса нагретой воды в Нордкапском течении так велика, что можно допустить ее "нагревательное действие" и к востоку, хотя вода охлаждается, и нагревание едва заметно. Другую ветвь Гольфстрима Миддендорф назвал Канинским течением. Одна часть его тянется на север вдоль Новой Земли, а другая направляется в сторону Карского моря – к "Печорской стране" и "Вайгачскому заливу". Теплое течение западнее Новой Земли отделено от ее берегов холодным, которое проходит по "желобу" – рытвине в морском дне, протянувшейся вдоль этих берегов. Миддендорф также согласился с мнением Петермана, согласно которому воды Гольфстрима проникают и в Белое море.

Предлагая схему ветвей Гольфстрима к северу от Европы, Миддендорф понимал, что точно определить направление течений на основе данных только о температуре воды невозможно. По его словам, из-за сочетания одновременно действующих причин потребуется еще много времени, чтобы выяснить, как велико это воздействие и имеется ли какое-нибудь влияние теплой воды Гольфстрима на температуру вод Ледовитого океана[28].

В заключение своей работы Миддендорф выразил восхищение смелыми предположениями Петермана и важностью проделанных им исследований: "Немногие могут по справедливости оценить, какая тяжкая работа скрыта в подобном подготовительном труде". Вместе с тем Миддендорф надеялся, что Сибирское полярное море, содержащее огромные сокровища, привлечет к

---

[27] *Миддендорф А.Ф.* Гольфстрим на восток от Нордкапа // Зап. АН. 1871. Т. 19. Кн. 1. С. 74.
[28] Там же. С. 100.

себе внимание исследователей "...прежде, чем внутри наших собственных границ отнимут у нас первенство"[29]. Миддендорф предположил также, что встреча теплых вод Гольфстрима с холодными водами Ледовитого океана содействует появлению там большого количества низших животных, а это в свою очередь ведет к обилию рыбы и тюленей.

В 1872 г. Миддендорф вернулся к теме Гольфстрима, так как от одного из спутников плавания на "Варяге" получил новые данные о морских температурах вблизи Нордкапа. Эти сведения подтверждали выводы Миддендорфа о распространении вод Гольфстрима к востоку от Нордкапа[30].

Работу Миддендорфа, как и статью Петермана, можно рассматривать лишь как предпосылку для дальнейших исследований (хотя выяснилось, что не все его выводы верны). Сведения Миддендорфа использовал уже П.А. Кропоткин в "Докладе комиссии по снаряжению экспедиции в северные моря", которую собиралось организовать Русское географическое общество[31]. Безымянный автор позже опубликованного "Обзора плаваний к берегам Новой Земли" считал, что выводы Миддендорфа о направлении ветвей Гольфстрима подтверждали "теоретические положения о возможности судоходства по Ледовитому океану"[32].

Ф. Нансен, излагая результаты своих наблюдений во время экспедиции на "Фраме" по Северному Ледовитому океану в 1893–1896 гг., повторил предложенное Миддендорфом название "Нордкапское течение", тем самым закрепляя его в литературе. Нансен сообщил, что его наблюдения подтвердили сведения Миддендорфа как о температурах воды, так и о ее солености к востоку от Нордкапа. Согласно Нансену, мнение Миддендорфа о проникновении ветви Гольфстрима в Белое море не подтвердилось, но верен вывод о том, что воды Нордкапского течения попадают в Печорскую губу. И хотя в Карских воротах спутники Нансена следов теплого течения не обнаружили, сам он полагал, что теплую воду все же можно найти на глубине. Нансен поддержал также предположение Миддендорфа о богатстве органичес-

---

[29] Там же.

[30] *Middendorff A.Th.* v. Nachträge zur Kenntniss des Nordkapstromes // Bull. Acad. 1872. T. 18. Sp. 3–5.

[31] "Доклад комиссии по снаряжению экспедиции в северные моря", составленный Кропоткиным "при содействии" А.И. Воейкова, М.А. Рыкачева, Н.Г. Шиллинга, Ф.Б. Шмидта и Ф.Ф. Яржинского, в 1871 г. был опубликован в "Известиях РГО" (Т. 8. Отд. 1. С. 29–117), а также отдельным изданием.

[32] Морской сборник. 1873. Т. 124. № 1. Ч. неофиц. С. 60.

кой жизни в местах соприкосновения теплых и холодных вод Ледовитого океана[33].

В начале XX века в Ледовитом океане к северу от Европы велись интенсивные исследования, поэтому, по мнению Н.М. Книповича, статья Миддендорфа представляла уже только "исторический интерес". Сообщив, что работа Миддендорфа имела "...бесспорно, весьма важное значение, как первая попытка разобраться в гидрологии наших северных вод", Книпович отметил, что "...результатом работы не могла не явиться картина не только неточная, но и совершенно неверная во многих отношениях"[34].

Затем Книпович подробно изложил взгляды Миддендорфа о ветвях Гольфстрима. Однако если наблюдения "Варяга" и вся работа Миддендорфа представляли только исторический интерес, стоило ли много внимания уделять изложению его взглядов. Кстати, отмечая ошибочность ученых предвидений А. Петермана, Книпович подчеркивал: "...ошибки Миддендорфа существенно иного рода, чем ошибки Петермана. Миддендорф гораздо больше опирался на факты в своих попытках разобраться в тех крайне сложных явлениях, с которыми ему пришлось иметь дело"[35]. С таким выводом трудно не согласиться.

Путешествие в Ферганскую долину

В 1878 г. Миддендорф вновь отправился в путешествие, на этот раз в Среднюю (Центральную) Азию. Туркестанский край лишь недавно был присоединен к Российской империи. И хотя там долго не прекращались военные действия, генерал-губернатор Туркестана К.П. Кауфман активно содействовал научному изучению "новоприобретенных земель". Как отметил известный исследователь Средней Азии геолог И.В. Мушкетов, "...Константин Петрович фон Кауфман относился с редким необыкновенным сочувствием к научным изысканиям и не только всегда оказывал им нравственное или материальное содействие, но во многих случаях был сам инициатором их. Период его управления по всей справедливости можно назвать периодом расцвета научной деятельности в Туркестане... По его инициативе и

---

[33] *Nansen F.* The Oceanography of the North Polar Basin // The Norwegian North Polar Expedition 1893–1896. Scientific results. Ed. by F. Nansen. Christiania–London–Leipzig, 1902. Vol. 3. P. 258–271.

[34] *Книпович Н.М.* Основы гидрологии Европейского Ледовитого океана // Зап. РГО по общей географии. 1906. Т. 42. С. 19.

[35] Там же. С. 20.

большей частью на средства, предоставленные им, состоялись многие замечательные экспедиции, получившие европейскую известность, например, экспедиции Се́верцова, Федченко, Миддендорфа и др.”[36].

Считая необходимым изучить экономические условия Туркестана, К.П. Кауфман в 1875 г. обратился к вице-председателю РГО П.П. Семенову с просьбой рекомендовать ученого для таких исследований. Семенов, знавший не только о научных трудах Миддендорфа, но и о его занятиях сельским хозяйством, рекомендовал Кауфману Миддендорфа.

Кауфман не сразу пригласил его для исследований. Поэтому 6 мая 1876 г. Миддендорф писал Семенову: “Ждал, ждал и, наконец, в январе с.г. не мог более отказать Ея Высочеству Екатерине Михайловне и взял на себя главную администрацию имения Карловка Полтавской губернии... Итак, я на один год решительно связан”. В том же письме Миддендорф отметил, что “задача бросить сельскохозяйственный взгляд, основанный на естествознании” его интересует, но дело это требует особой подготовки. В 1876 г. на Миддендорфа рассчитывать не стоило, но он надеялся, что сможет договориться с великой княгиней, чтобы она отпускала его на полгода в Туркестан в 1877, 1878, 1879 гг.[37] Миддендорф считал, что для естественно-исторических исследований его должны сопровождать два молодых человека. Сам он собирался заниматься только экономическим устройством края. “Конечно, генерал Кауфман ожидает себе более удобного человека, и, не рассчитывая на продолжение этой корреспонденции, повторяю Вашему превосходительству мою благодарность за добрую память”, – так закончил Миддендорф свое письмо[38].

Однако Семенов подробно изложил Кауфману содержание письма Миддендорфа, добавив: “Со своей стороны я полагаю, что взгляд одного из первоначальных естествоиспытателей, соединяющих в себе обширные научные познания с опытностью практического агронома, глубоко изучившего сельскохозяйственные отношения северной и южной России, могли бы принести Туркестанскому краю существенную пользу, не говоря уж о пользе для науки географической и экономической”[39].

В ответ на это письмо Кауфман просил Семенова продолжать быть посредником между ним и Миддендорфом. После ин-

---

[36] *Мушкетов И.В.* Туркестан. СПб., 1915. 2-е изд. Т. 1. С. IX.

[37] Арх. РГО. Ф. 1–1876. Оп. 1. № 14. Л. 1. 9–9 об.

[38] Там же. Л. 10 об.

[39] Там же. Л. 11 об.–12.

тенсивной переписки Миддендорф был назначен начальником экспедиции, однако вопрос о ее начале был решен не сразу. В 1875 г. Кокандское ханство, в пределах которого находилась Ферганская долина, еще не принадлежало России. (Высочайшее повеление о присоединении этого ханства состоялось в феврале 1876 г.) В письмах Семенова, Кауфмана и Миддендорфа весной и летом 1876 г. речь шла в основном об исследованиях в Туркестане[40]. Решение об исследованиях в Ферганской долине Кауфман принял лишь после того, как обстановка в Туркестане стала более или менее спокойной. Окончательно определить сроки экспедиции удалось лишь в конце следующего года.

В письмах к Максу в апреле 1877 г. Миддендорф писал: "Состоится ли [экспедиция] в Туркестан сейчас, конечно, под вопросом, это зависит от того, как успешны были там последние бои"[41]. В октябре того же года он отметил: "Я с удовольствием сообщил бы Тебе желаемые известия, но совершенно непонятным образом я не нашел здесь никаких известий о Туркестане. Таким образом, кажется мне, что дело это шаткое..."[42]. Но 3 ноября Миддендорф написал сыну, что путешествие состоится в начале января следующего года.

7 ноября 1877 г. Миддендорф сообщил общему собранию Академии наук, что получил приглашение отправиться для исследований в Фергану и спрашивал, не дадут ли ему и от Академии какие-нибудь поручения. А на следующий день во время заседания физико-математического отделения Ф.Ф. Брандт, Л.И. Шренк и А.А. Штраух предложили послать с Миддендорфом зоолога В.Ф. Руссова для исследований "почти неизвестной фауны Туркестана"[43]. 7 декабря о намечающейся в 1878 г. экспедиции для исследования сельскохозяйственных и экономических условий Туркестана стало известно также в Русском Географическом обществе[44].

Миддендорф уехал из Петербурга 9 января 1878 г. Его сопровождали ученый хранитель Зоологического музея Академии наук В.Ф. Руссов (страстный охотник и превосходный орнитолог)[45]

---

[40] Дело Архива РГО об экспедиции называется "Переписка о поездке академика Миддендорфа для осмотра сельскохозяйственных отношений Туркестанского края".

[41] A.Th. v. Middendorff an M. v. Middendorff, Pörrafer, 17. April 1877 // PAWL.

[42] Там же. Pörrafer, 16. Oktober 1877.

[43] Зап. АН. 1878. Т. 31. С. 324, 376–377.

[44] Изв. РГО. 1878. Т. 14. Действ. общ. С. 33.

[45] Зап. АН. 1878. Т. 31. С. 377. До 1874 г. В. Руссов служил хранителем музея в Дерптском университете.

и сын Миддендорфа Макс[46]. 12 февраля они были в Ташкенте, где Миддендорф встретился с Кауфманом и обсуждал с ним план дальнейших действий. В Ташкенте Миддендорф знакомился также с материалами и картами, необходимыми для дальнейших исследований.

23 февраля Миддендорф приехал в Маргелан (Старый Маргелан) в Ферганской долине. Там к нему присоединились ботаник С.М. Смирнов (сотрудник музея Казанского университета). Для поездок по долине Миддендорф приобрел в Маргелане собственных лошадей. На пути в Туркестан лошадей на станциях не хватало, и приходилось их очень долго ждать, что весьма огорчало Миддендорфа[47].

Путешественники побывали в разных частях Ферганской долины: в ее восточной части (в Ходженте и Коканде), в южной части (у подошвы Алайского хребта), а также на северо-востоке (в Оше, Узгене, Андижане и в долине реки Нарын)[48]. Смирнов собирал гербарий и описывал культурные растения долины. Участником экспедиции Миддендорфа был также инженер В. Перру, который в течение месяца вел метеорологические наблюдения в Маргелане и копировал существующие там карты. Сопровождая Миддендорфа в экскурсиях по Фергане, он измерял высоты[49].

В середине мая Миддендорф отправился в Ташкент, чтобы обсудить с Кауфманом результаты своих наблюдений. Затем он некоторое время знакомился с состоянием сельского хозяйства на берегах Сыр-Дарьи[50], а 2 июня уже был в Казалинске (в устье реки). В Европейскую Россию Миддендорф возвращался вместе с Перру. Из его писем известно, что в Туле они расстались, Миддендорф отправился в Карловку, а Перру – в Ригу. 2 июля Миддендорф вернулся в Пэрафер[51].

---

[46] Макс путешествовал отчасти за деньги, выделенные генерал-губернатором, а отчасти на средства отца. (Middendorff's Hellenormer Briefe... S. 193).

[47] A.Th. v. Middendorff an M. v. Middendorff. Margelan, 17. April 1877 // PAWL.

[48] Там же. Маргелань, 4. Marz [18]78.

[49] В. Перру был родом из Лифляндии. В 1872 г. он окончил Рижский политехнический институт, а с 1877 г. вел геодезические съемки, участвуя в работах по нивелировке Лифляндской губернии. Миддендорф был очень доволен деятельностью Перру во время их путешествия по Ферганской долине, о чем писал Максу (Margelan, 13. März 1878).

[50] Middendorff's Hellenormer Briefe... S. 192; A.Th. v. Middendorff an M.v. Middendorff, Taschkent, 15. Mai 1878 // PAWL.

[51] Сохранилось письмо Макса к отцу – ответ на письмо Миддендорфа, написанное в Пэрафере 2 июля 1878 г. (Отд. рукоп. РНБ. Ф. 124. № 2806. Л. 1–2 об.). Уже 3 июля о возвращении Миддендорфа от К.С. Веселовского узнал Ф.П. Литке (Там же. № 2513. Л. 34 об.–35).

Руссов путешествовал с Максом. Они вели зоологические исследования в окрестностях Чиназа, в восточной части Голодной степи, в верховьях рек Саназар и Зеравшан, вблизи оз. Искандер-куль. Из Самарканда они должны были отправиться в горы с военным отрядом. Однако оказалось, что вести наблюдения при быстром движении отряда невозможно, и путешественникам пришлось вернуться в Самарканд, затем в Ташкент, откуда они уехали в Петербург[52]. О своих наблюдениях и приключениях во время этого путешествия Руссов сообщал в письмах академику А.А. Штрауху (директору Зоологического музея)[53], а Макс – отцу[54]. К сожалению, на обратном пути Руссов заразился черной оспой и в начале января в Петербурге скончался[55].

С.М. Смирнов остался в Ферганской долине до 1881 г. и продолжал там ботанические наблюдения. Кроме того, он изучал болезни винограда, местные фрукты и овощи как предмет торговли, выяснял проблемы укрепления песков и орошения. Результаты своих наблюдений, а также выписки из дел Ферганского правления и полученные там карты Смирнов посылал Миддендорфу для его работы о Фергане[56].

Коллекции экспедиции частями доставляли в Дерпт с августа по сентябрь 1878 г. Особенно важными Миддендорф считал образцы почв Ферганской долины, которые должен был обработать профессор химии Дерптского университета К. Шмидт[57]. Миддендорф полагал, что после анализов Шмидта почвы Ферганской долины будут лучше известны, чем почвы Лифляндии[58].

---

[52] *Ошанин В.Ф.* Ученые экспедиции, занимавшиеся исследованиями Туркестанского края в 1878 г. Ташкент, 1879. С. 11–12.

[53] ПФА РАН. Ф. 50. Оп. 2. № 224.

[54] Отрывки из писем Макса к отцу опубликованы в "Bulletin de la Société Impériale des naturalistes de Moscou" за 1878 г. Оттиск статьи "Middendorff M. v. Kurzgefasster Auszug aus den Reisebriefen, geschrieben während einer Rundreise aus Orenburg (über Taschkent und Tschinas durch Ferghana-Thal)" сохранился в Отделе рукописей РНБ (Ф. 124. № 2807).

[55] А.Ф. Миддендорф просил А.А. Штрауха содействовать, чтобы Академия позаботилась о семье Руссова, особенно о его детях. (ПФА РАН. Ф. 50. Оп. 2. № 171. Л. 1–2 об.).

[56] Арх. РГО. Ф. 1–1876. Оп. 1. № 14. Л. 3, 5.

[57] В юности К. Шмидт хотел быть путешественником, но не стал им после рассказов Миддендорфа о трудностях Сибирской экспедиции. После смерти Миддендорфа Шмидт писал Эрнсту, что благодарен его отцу за то, что тот "спас" его для химии. (C. Schmidt an A. v. Middendorff, Dorpat, 26. Januar 1894 // PABvM).

[58] A. v. Middendorff an M. v. Middendorff, Pörrafer, 4. August 1878; 9. September 1878 // PAWL.

Исследования Ферганской долины Миддендорф прекратил раньше, чем намечалось. Об этом мы узнаем из его письма к П.П. Семенову, которое было написано в Чимкенте 18 мая 1878 г.: "Вследствие необходимости некоторые разносторонние взгляды выяснить устными сообщениями, я вынужден был оставить Фергану раньше предположенного срока и выехать в Ташкент для свидания с Константином Петровичем. При общей тревоге не стоит вернуться на короткое время к востоку, так что я направил свое шествие сюда, намереваясь ближе осмотреть правый берег Сыр-Дарьи"[59].

Из содержания письма трудно понять, почему Миддендорф был "вынужден" оставить Фергану, какие "разносторонние взгляды" требовали срочного обсуждения с Кауфманом. Можно лишь предположить, что, согласившись отправиться в Туркестан, куда его влекло научное любопытство, Миддендорф переоценил свои силы. Он был уже не молод и не очень здоров, климат Ферганской долины существенно отличался от того, к которому привык житель Европейской России. Как писал сам Миддендорф – днем жарко, а ночью невыносимо душно, и в мае температура "уже отяготительна для европейца-северянина". К тому же условия жизни в Фергане (даже в Маргелане) были весьма далеки от цивилизации. Из писем Миддендорфа к Максу можно узнать о проблемах с едой (в первые дни в Маргелане ему пришлось несколько дней питаться только хлебом и яйцами, запивая их чаем), о трудностях с передвижением, о том, что местные жители, сопровождавшие Миддендорфа во время поездок по долине, не хотели выполнять необходимые ему работы и проч. Вероятно, неприятности разного рода в конце концов вывели Миддендорфа из душевного равновесия. К тому же, возможно, ухудшилось его самочувствие – об этом свидетельствует несвойственный Миддендорфу корявый русский язык в письме к Семенову.

В Ферганской долине Миддендорф пробыл немногим более двух с половиной месяцев (с конца февраля до начала мая), однако за этот короткий срок он многое успел увидеть и узнать. Материалы, собранные другими участниками экспедиции, дополнили его собственные наблюдения. Уже 10 апреля 1879 г. в заседании физико-математического отделения Академии наук Миддендорф сообщил о том, что подготовил "записку" о своих исследованиях в Ферганской области, которую хотел бы поместить в каком-нибудь академическом издании[60].

---

[59] Арх. РГО. Ф. 1–1876. Оп. 1. № 14. Л. 30.
[60] Зап. АН. 1879. Т. 34. С. 121.

Более полно результаты экспедиции Миддендорф изложил в обширном труде "Einblicke in das Ferghana-Thal", который был опубликован Академией наук в 1881 г.[61] Так как К.П. Кауфман хотел, чтобы труд был издан также на русском языке, уже в ноябре 1879 г. он послал Миддендорфу деньги на перевод[62]. Русский вариант труда под названием "Очерки Ферганской долины" увидел свет в 1882 г.[63]

В предисловии Миддендорф отметил, что "трудно писать о Фергане в недоступном уголке Лифляндии". Но имение Пэрафер, где он тогда жил, не было "недоступным уголком". Во всяком случае, в 1879 и 1880 гг. Миддендорф бывал в Петербурге и знакомился с необходимой литературой. Огромный труд был написан очень быстро, но это стоило автору большого напряжения сил. В письмах к Эрнсту, написанных в октябре 1880 г., Миддендорф сообщал, что работал днем и ночью так интенсивно, что у него начали болеть глаза[64].

"Очерки Ферганской долины" содержат сведения как о природных условиях, так и о разных сторонах хозяйственной деятельности жителей долины. Рассуждая о рельефе, почвах и климатических условиях Ферганы, Миддендорф не ограничивался изложением фактических данных. Он приводил различные точки зрения на отдельные проблемы, уже обсуждавшиеся в науке, а затем излагал собственные взгляды, полагая, что будущие исследователи должны либо уточнить, либо отвергнуть его выводы. Для решения поставленных вопросов Миддендорф использовал огромное количество сочинений прошлого и настоящего. Мы находим в его труде имена К. Риттера и Ф. Рихтгофена, Р. Мальтуса и И.-Г. Тюнена[65] и многих других ученых XIX века.

---

[61] *Middendorff A.Th.* v. Einblicke in das Ferghana-Thal. Nebst chemischer Untersuchung der Bodenbestandtheile von C. Schmidt // Mém. Acad. 1881. VII Série. T. 39. № 1.

[62] A.Th. v. Middendorff an M. v. Middendorff, Pörrafer, 10. November 1879 // PAWL.

[63] Труд Миддендорфа перевел на русский язык В.И. Ковалевский – сотрудник статистического отдела Министерства государственных имуществ, который занимался вопросами сельского хозяйства.

[64] Middendorff's Hellenormer Briefe... S. 229–230; 232; 235.

[65] Сегодня имя И.-Г. Тюнена, автора трехтомного труда "Изолированное государство" (Thünen J.H. Der isolierte Staat in Bezeichnung auf Landwirtschaft und Nationaloekonomie... Hamburg. 1826–1863. Bd. I–III), хорошо известно экономистам. Но в конце XIX в. его труд был почти забыт. В 1878 г. в "Вестнике Европы" (Т. 5. Кн. 9. Сентябрь. С. 1–27) появилась чрезвычайно интересная статья Л. Слонимского "Забытые экономисты Тюнен и Курно". Можно предположить, что именно эта статья привлекла внимание Миддендорфа к труду Тюнена. Миддендорф не только познакомился с его взглядами, но и сравнил

В труде Миддендорфа находим весьма интересные и до сих пор не потерявшие своего значения рассуждения об особенностях лёсса и причинах его образования, о различии происхождения дюн и барханов, разных видах "почв" – пустынных грунтов[66], влаге в песках, причинах опустынивания, свойствах чернозема. Миддендорф не только был знаком с трудами русских и немецких исследователей Центральной Азии, затрагивавших эти вопросы, но уточнял и дополнял их данные.

В главе "Земледелие" речь идет как о пахотном слое, так и о разных видах удобрений. Огромный отдел посвящен задачам и способам орошения, рассматриваются методы обработки почвы, перечисляются культурные растения и сообщаются обстоятельства, мешающие их существованию. В главе "Скотоводство" подробно рассматриваются все виды местного скота и условия его содержания. В главе "Древесная растительность" Миддендорф много внимания уделял вопросам о соотношении лесов и влаги и способах сохранения древесных пород, укрепляющих склоны. Особая глава, посвященная истории колонизации края, включает и этнографические сведения. Подробно рассматриваются аграрные проблемы Ферганской долины.

Согласно Миддендорфу, его книга должна была определить "руководящие рамки для местных чиновников". Но содержание ее выходило за "рамки", которые могли интересовать только администрацию Ферганской долины. Рассуждая о способах совершенствования ее хозяйственной деятельности, Миддендорф постоянно сравнивал состояние разных отраслей земледелия и скотоводства Ферганской долины с их положением в других губерниях России. Отдельные отрасли Миддендорф анализировал, учитывая исторические и культурные традиции местного населения. По его мнению, эти веками развивавшиеся традиции позволяли организовать некоторые отрасли хозяйства в Фергане так удачно, что Европейская Россия могла этому только позавидо-

---

схему идеального земледельческого государства Тюнена со своими наблюдениями в Ферганской долине. По мнению Миддендорфа, эта схема не приложима к Фергане, где нельзя выделить "кольцеобразные" области, но скорее "звездные", которые к тому же сложно переплетаются друг с другом (Очерки Ферганской долины. СПб., 1882. С. 268–269).

66 Согласно И.В. Мушкетову: "Все названные формы почвы Ферганы, хотя и были известны до Миддендорфа, но никто не описывал их с такою полнотою, и никто не постарался выяснить происхождения их – он сделал первый шаг в этом направлении. Насколько совершенна эта попытка, покажет будущее, но во всяком случае установленная им точка зрения на происхождение этих образований вполне научна и дает твердый метод для дальнейших исследований". (Туркестан. СПб., 1886. Т. 1. С. 282).

вать. Использование исторических традиций гораздо полезнее, чем грубое вмешательство российской администрации в деятельность коренных жителей.

Миддендорф критиковал систему местных налогов, которая не содействовала хозяйственной деятельности, считал, что крестьяне должны иметь кредиты для приобретения новых земель, что государство должно помогать строительству новых оросительных каналов, а забота об экономическом благополучии местных жителей может предохранить от распространения коммунистических идей, фанатизма ислама и восстаний.

Все проблемы, затронутые в "Очерках Ферганской долины" Миддендорфа, перечислить невозможно. Следует лишь обратить внимание на то, что многие выводы автора звучат удивительно современно, особенно когда он критикует способы налогообложения, описывает деятельность переселенцев, рассуждает о недостатках коммунистической идеи или особенностях ислама. Сегодняшний читатель несомненно найдет в этом труде немало интересных мыслей.

В 1879 г. по инициативе Кауфмана была создана комиссия, занимавшаяся проблемой происхождения и укрепления песков. Она работала до весны 1881 г., и в ее деятельности принимал участие С.М. Смирнов. Кауфман потом благодарил его "за постановку работы на научные основания"[67]. Вероятно, итогом работы этой комиссии стала статья "Ферганские пески и их укрепление", в которой содержалась программа научных исследований песков и сообщались меры, которые уже предпринимались для их укрепления. Статья включала также "Прокламацию" – обращение К.П. Кауфмана к жителям Ферганской долины, призывавшую беречь растительность, покрывающую пески, реже использовать ее в качестве топлива, выращивать новую, не рубить горные леса. Сама статья и "Прокламация" Кауфмана несомненно были реакцией на труд Миддендорфа. Но Кауфман не смог проследить, в какой степени реализовывались эти и другие предложения Миддендорфа, повлияли ли они на деятельность администрации Ферганской области, так как в 1882 г. скончался.

"Очерки Ферганской долины" Миддендорфа высоко оценил исследователь горных систем Туркестана в XIX в. И.В. Мушкетов, который к тому же вел исследования в Ферганской долине в 1878 г. (в том же году, когда там путешествовал Миддендорф). Согласно Мушкетову, по возвращении из путешествия Миддендорф издал "...превосходный труд под скромным названием

---

[67] Арх. РГО. Ф. 1–1876. Оп. 1. № 14.

«Очерков», в котором со свойственной ему талантливостью представил настолько полное и всестороннее описание Ферганы, что очерки его в настоящее время могут считатся лучшим источником для ознакомления с этой областью"[68].

В отделе "Геология" своего сочинения "Туркестан" Мушкетов широко использовал данные Миддендорфа, постоянно ссылаясь на его труд. Особое внимание Мушкетова привлекли идеи о Ферганской долине как продолжении "Туранского бассейна", о происхождении лёсса, особенностях барханов и дюн, подвижности песков. Новые и важные для российских исследователей конца XIX столетия взгляды Миддендорфа на эти проблемы не потеряли своего значения и в XX веке. В основу классификации пустынь по существу легли представления Миддендорфа о типах "почв" Ферганской долины[69], хотя авторы этих классификаций имени Миддендорфа не упоминали.

---

[68] *Мушкетов И.В.* Туркестан... С. 279.

[69] *Гвоздецкий Н.А.* Труд А.Ф. Миддендорфа о Ферганской долине и современные проблемы Средней Азии // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1969. Вып. 237. Труды по географии VI. С. 182–189.

Последние годы жизни Миддендорфа

После Сибирской экспедиции Миддендорф часто болел. Состоянием здоровья он объяснял и свое желание расстаться с Академией наук. Но, выйдя в отставку, Миддендорф вел весьма активный образ жизни. Лишь в 80-х гг. он стал жаловаться на плохое самочувствие. Так, в начале 1880 г. он писал Эрнсту, что болен и так ослабел, что полдня должен лежать в постели и из-за сильных головных болей ему трудно писать письма. В одном из писем следующего года Миддендорф отметил, что не имеет особых болезней, но быстро стареет. Затем у него начала дрожать рука и постепенно болезнь обострялась. “С моей рукою все хуже”, – писал он Эрнсту 1 апреля 1884 г.[1] А через месяц (9 мая): “С рукою, как прежде, очень изменчивая ситуация. Начинают дрожать губы”[2].

Разного рода недомогания не способствовали хорошему настроению Миддендорфа. В письме к секретарю Венского Географического общества Г. Гайеку от 3/15 ноября 1882 г. он сообщал, что плохо себя чувствует, что его крепкое тело, которое в прошлом хорошо переносило как невзгоды полярных стран, так и жару Ферганской долины, теперь устало – “нашло, что хватит для него трудностей. Семейным несчастием, – продолжал Миддендорф, – стало раздражающее дрожание моей пишущей руки. И ноги, которые некогда могли запросто путешествовать по кочкам болот 3–4 географических мили в день, теперь отказывают...”[3]. Эрнст купил отцу пишущую машинку[4], так как Миддендорфу очень трудно было писать.

У Миддендорфа начали также болеть и распухать суставы правой руки. В конце 1884 г. он писал Максу, что у него *Chorea* (один из видов ревматизма), и ему необходим хороший массаж, который он надеялся получить в Петербурге[5]. В августе 1885 г.

---

[1] Middendorff's Hellenormer Briefe... S. 349.
[2] Там же. S. 350.
[3] SBPK, Handschriftenabteilung. Asien. 1840(3). Bl. 2.
[4] Middendorff's Hellenormer Briefe... S. 327.
[5] A. Middendorff an M. Middendorff, Teplitz, 23. September 1884 // PAWL.

Миддендорф. 80-е годы

свое письмо из Гелленорма к А.А. Штрауху Миддендорф закончил такими словами: "Миддендорф – инвалид, который появится в Петербурге в сентябре, если до того не умрет"[6]. В 1885 г. в Петербург он не приехал. Из-за болезней Миддендорф вообще никуда уже не смог больше поехать.

2 июня 1887 г. в Гелленорме в кругу семьи Миддендорф отметил пятидесятилетие со времени защиты докторской диссертации. Основные газеты Прибалтийских губерний считали нужным отметить это событие – опубликовать поздравительные статьи[7]. Лучшая из них, напечатанная в газете "Rigasche Zeitung" (1887, № 121), не подписана, но очевидно, что автор ее был хорошо знаком с жизнью Миддендорфа.

---

[6] ПФА РАН. Ф. 50. Оп. 2. № 171. Л. 5.
[7] Neue Dörptsche Zeitung. 1887. № 124; Revalsche Zeitung. 1887. № 125.

В популярном русском журнале “Нива” появилась небольшая заметка, в которой излагались основные заслуги Миддендорфа как перед наукой, так и перед сельским хозяйством[8]. В другом издании – “Всемирная иллюстрация” – в связи с юбилеем был помещен портрет Миддендорфа (с фотографии г. Классена*, которую гравировал В. Матэ) и отмечалось: “... все русские и заграничные университеты примкнули к этому торжеству”[9]. Обо всех университетах мы судить не можем, но известно, что Дерптский избрал Миддендорфа своим почетным членом[10].

В адресе, присланном Миддендорфу Академией наук, отмечалось, что его многочисленные путешествия стали фундаментом новых знаний о Сибири: “Твой ясный, обширный труд является центральным пунктом и источником [сведений] о Сибири, на котором основывается обширная литература о Северной Азии”. Научная деятельность Миддендорфа сравнивалась с многосторонней деятельностью П.-С. Палласа[11].

В день юбилея Миддендорф узнал также, что по инициативе Академии наук награжден орденом Св. Владимира 2-й степени. В письме с благодарностью за поздравление и награду, адресованном министру народного просвещения, Миддендорф писал: “Усерднейше благодарю, и тем более сожалею, что вся моя деятельность пресечена параличом. Горькая судьба лишает меня возможности ссылаться на ревностное желание оправдать делами высокую Монаршью милость”[12].

В Гелленорм пришло множество и других поздравлений – от РГО, от родственников и друзей. Л.И. Шренк в своем письме благодарил Миддендорфа за то, что он своими исследованиями создал тот научный фундамент, на котором сам Шренк строил научную деятельность[13]. Миддендорфа сердечно поздравляли также А.А. Бунге и Э.В. Толль, называя его “большим мастером”, а себя его “благодарными учениками”[14].

Миддендорф получил поздравление и от Н.М. Пржевальского. Его письмо не сохранилось, но судя по ответу Миддендорфа,

---

[8] А.Ф. Миддендорф // Нива. 1887. № 24. С. 603.

[9] Всемирная иллюстрация. 1887. № 964. С. 29, 31.

[10] *Калнин В.* Годы учения А. Миддендорфа в Тартуском университете // Известия Академии Наук Эстонской ССР. Т. 15. Серия биологическая. № 2. С. 239.

[11] Ihrem ehemaligen wirklichen, gegenwärtigen Ehrenmitgliede Alexander Theodor von Middendorff die Kaiserliche Akademie der Wissenschaften // PABvM.

[12] РГИА. Ф. 733. Оп. 122. № 58. Л. 14.

[13] L. v. Schrenck an A. v. Middendorff, Merreküll, 31. Mai 1887 // PABvM.

[14] Middendorff's Hellenormer Briefe... S. 373.

* Эта фотография помещается во всех изданиях, в которых упоминается имя Миддендорфа.

написанному по-русски 10 июня 1887 г., они были достаточно хорошо знакомы. Ответ начинался так: "Знаменитого Марко Поло знаменитейшему потомку, вольному завоевателю Средней Азии Н.М. Пржевальскому. Поздний, но нисколько не запоздалый привет Ваш крайне обрадовал старца соседа Лифляндского-Таймырского. Даже очень рад тому, что послание Ваше прибыло после того горячего времени, когда меня заваливали пергаментами и почтовыми бумагами. Пожелание Ваше насчет продления моих дней принять, к сожалению, не могу, ибо нелегкая нагрянула: знать последняя. Трясуха, судороги в руках и боли схватили врасплох и усугубляются всяким душевным либо умственным напряжением". Если в начале письма Миддендорф пытался шутить, то заканчивалось оно грустно: "Увидимся ли еще? Итак, прощайте. Всякого счастья и благополучия побольше, больше искренне Вам желает Аф. Миддендорф"[15].

П. Лакшевиц (врач, который лечил Миддендорфа) 10 июля 1889 г. писал Максу, что здоровье отца значительно ухудшилось по сравнению с прошлым летом. Он мало гулял, медленно двигался и много спал. "День твоего отца проходит следующим образом, – писал Лакшевиц. – Утром он почти все время читает, ... после обеда он сразу ложится на полчаса на диван, а после этого делает небольшую прогулку. После кофе предлагаю ему что-нибудь почитать, и в это время к нам присоединяется и твоя сестра [Гедвига]. Вечером он играет с Юксом [слугой] или со мною в шахматы"[16]. Однако еще в конце 80-х гг. XIX в. Миддендорф писал небольшие статьи по сельскому хозяйству[17].

В начале 90-х гг. Миддендорф перестал ходить и передвигался в кресле на колесах, в котором и был последний раз сфотографирован. Письма теперь писали его слуга, П. Лакшевиц, Гедвига или Эрнст. В феврале 1891 г. Миддендорф жаловался Максу: "Я ежедневно час или два сижу на дворе, но дела таковы, что я без помощи не могу ни встать, ни ходить. К тому же я только шепчу"[18]. В конце 1892 г. он уже не мог ни ходить, ни сидеть, ни читать[19]. Свое последнее письмо Миддендорф продик-

---

[15] Письмо Пржевальского сохранилось в Архиве РГО (Ф. 13. Оп. 2. № 139. Л. 1–2). Впервые часть этого письма опубликовал Н.И. Леонов (Александр Федорович Миддендорф. М., 1967. С. 134–135).

[16] P. Lackschewitz an M. v. Middendorff, Hellenorm, 10. Juli 1889 // PAWL.

[17] *Middendorff A. Th.* v. Landwirtschaftliche Vogelkunde // BW. 1888. № 10; Über Rindviehrasse des nördlichen Russlands und ihre Veredlung // Landwirtschaftliche Jahrbücher. 1888. Bd. 17. S. 276–327.

[18] A. v. Middendorff an M. v. Middendorff, [Hellenorm], 17. Februar 1891 // PAWL.

[19] Там же. [Hellenorm], 24. November 1892.

Миддендорф. 90-е годы

товал 2 января 1894 г.: “Макс и Эллен. Поздравления от омертвевшего”[20].

Через две недели – 16 января 1894 г. Миддендорф скончался. Он был похоронен 22 января на семейном кладбище вблизи Гелленорма. На похороны, несмотря на плохую погоду, пришли многие крестьяне, которые хотели попрощаться с Миддендор-

[20] Там же. [Hellenorm], 2. Januar 1894.

Аннет и А.Ф. Миддендорф

Могилы Александра и Гедвиги Миддендорф
на семейном кладбище вблизи Гелленорма

фом[21]. По просьбе Эрнста из Академии наук приехал только Ф.Б. Шмидт, который привез с собой большие венки как от Академии, так и от Географического общества[22].

Близкие Миддендорфа получали соболезнования. Сын Бэра Александр писал Эрнсту: "Вместе с ним [Миддендорфом] закрывается последняя могила выдающегося современного деятеля науки, идеи которого все же останутся следующему поколению. Об этом Ваш отец много позаботился"[23]. А.А. Бунге в письме к Эрнсту отметил, что считает себя "счастливчиком", который имел возможность общаться с Миддендорфом, и работы которого "всегда останутся основным источником для каждого будущего исследования Сибири!"[24]

26 января 1894 г. непременный секретарь Академии наук К.С. Веселовский сообщил физико-математическому отделению о том, что 16 января в Гелленорме скончался А.Ф. Миддендорф. В протоколе этого заседания сказано: "Академик Ф.Б. Шмидт, командированный для присутствия на похоронах, возвратясь доложил, что болезнь Миддендорфа началась нервическими судорогами в руках, которые не дозволяли ему писать, потом руки и ноги совершенно перестали действовать; голос совсем потерялся, но сознание его сохранилось вполне и почти до самого последнего времени он любил, чтобы ему читали вслух и сообщали последние новые научные данные. Так постепенно угас некогда крепкий и живой А.Ф. Миддендорф, ученые заслуги которого известны всему свету"[25]. Сообщив биографию ученого, Веселовский отметил, что Миддендорф навсегда останется "блестящим примером молодому поколению как труженик науки и неутомимый исследователь"[26].

По желанию Миддендорфа на его могиле был поставлен необработанный камень с надписью "Dr. Alexander von Middendorff" с датами рождения и смерти. Кладбище и могила сохранились до сих пор, несмотря на войны и прочие катаклизмы. Уцелел и дом Миддендорфа в Гелленорме, на нем установлена мемориальная доска. Сейчас это дом престарелых. Желающим показывают окно, около которого по преданию работал Миддендорф, создавая свой труд "Путешествие на север и восток Сибири", а также – едва виднеющийся на потолке (!) одной из комнат – его портрет.

---

[21] Olevik (эстонская газета). 31. jaanuar 1894. С. 104.
[22] Middendorff's Hellenorm Briefe... S. 380.
[23] Там же. S. 382.
[24] Там же. S. 381.
[25] Зап. АН. 1894. Т. 75. Кн. 1. С. 55.
[26] Там же. С. 56–57.

Результаты Сибирской экспедиции

Экспедиция Миддендорфа была неординарным событием для первой половины XIX века. К.М. Бэр сравнивал ее с академическими экспедициями XVIII столетия. К.Ф. Свенске (автор первых на русском языке работ по истории географических путешествий и открытий) в 1851 году писал: "Это путешествие – одно из самых замечательных по своей обширности и по тому, что касается стран, отчасти еще не посещенных наблюдателями, – не менее важно и по ученым своим результатам. Оно обогатило естественные науки собранием множества предметов по всем царствам природы, точными климатологическими наблюдениями на северных и восточных берегах Сибири, наблюдениями над температурой почвы в Якутске, положительными данными касательно распределения растений и животных и касательно степени производительности природы на севере. Географию обогатило оно точными картами и описями самых северных и самых восточных стран Сибири, открытием удобной гавани на восточном океане и ближайшим определением границ между Россиею и Китаем; этнографию – замечаниями о народах, еще мало и даже вовсе неизвестных; лингвистику – сборниками слов и грамматическими замечаниями по разным отраслям якутского и тунгусского языков"[1].

Следует отметить, что помимо научных наблюдений Миддендорф собрал огромное количество сведений об экономике и истории Восточной Сибири. В сибирских городах Миддендорф знакомился с архивными документами и картами. В списке материалов, обнаруженных Миддендорфом во время экспедиции, содержится 89 документов из архивов Тюмени, Чердыни, Тобольска, Нарыма, Томска, Красноярска, Енисейска, Нерчинска, Якутска[2].

---

[1] *Свенске К.Ф.* Обозрение главнейших путешествий и географических открытий в десятилетие с 1838 по 1848 г. // Вестн. РГО. 1851. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 2. С. 100. Свенске был переводчиком Академии наук и поэтому был хорошо знаком и с отчетами Академии, и, возможно, с отчетами самого Миддендорфа и статьями Бэра о его экспедиции.

[2] ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 21. Л. 3–6 об.

А.Ф. Миддендорф. 60-е годы

Миддендорф путешествовал по Восточной Сибири всего два года, но около десяти лет понадобилось ему и его коллегам, чтобы обработать все наблюдения и коллекции, собранные во время экспедиции. Результаты исследований составили три тома труда “Reise in der äussersten Norden und Osten Sibiriens während der Jahre 1843 und 1844” (1847–1856 гг.) На этом работа не завершилась. В 1859 г. Миддендорф начал публиковать четвертый том (на немецком и русском языках), в котором обобщал свои наблюдения, стремясь выяснить закономерности отношений между органическим и неорганическим явлениями, а также между природой и человеком.

Выхода в свет этого тома ждали. “Уже не раз и по разным поводам доводилось мне выслушивать увещевания за мою медлительность, как со стороны любителей землеведения, так и со стороны членов правительства, которым вверены заботы об отда-

ленном востоке нашего отечества", – писал Миддендорф в первом отделе этого тома[3]. Но, вероятно, никто не ожидал, что том будет включать шесть вполне самостоятельных обширных монографий.

Конечно, можно сожалеть, что последний том "Путешествия на север и восток Сибири" увидел свет через много лет после окончания экспедиции, когда приключения путешественника были почти забыты, а о его открытиях и новизне взглядов трудно было судить из-за обилия новой литературы. Вместе с тем "задержка", несомненно, была полезна для содержания труда. Сведения, собранные после его экспедиции, служили новым источником для сравнений. Это, в свою очередь, делало выводы Миддендорфа более обоснованными и убедительными.

"Энциклопедией всевозможных сведений о Сибири" назвал первый отдел 4-го тома К.М. Бэр, предлагая Ф.П. Литке (вице-председателю РГО) наградить этот труд медалью[4]. Такое определение можно отнести и ко всему тому, так как в нем излагалось огромное количество сведений, имеющих отношение не только к Восточной Сибири.

Миддендорф критически относился к принятому в XVIII и начале XIX века способу изложения результатов экспедиций в виде дневников. По его мнению, "топографическая нить постепенного движения день за днем" не позволяла читателю обращать внимание на сходные наблюдения и следить за ходом мысли исследователя, тогда как "новые взгляды в науке возникают только из полновесной совокупности однородных наблюдений"[5].

О картах Сибири

Систематическое изложение материала Миддендорф сочетал с историческим анализом, стремясь обратить внимание на преемственность исследований. Заинтересовавшись историей карты Сибири, Миддендорф изучил ее изображения, начиная с весьма примитивных на картах Меркатора и Ортелия (XVI век). Он первым описал "Чертежную книгу Сибири" С.У. Ремезова, определив значение чертежей XVII века для развития представлений о географии Сибири. Миддендорф тщательно изучил также кар-

---

[3] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие на север и восток Сибири. СПб., 1860. Ч. 1. Отд. 1. С. 1.

[4] Переписка Карла Бэра по проблемам географии. Сост. Т.А. Лукина. Л., 1970. С. 21.

[5] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... Ч. 1. Отд. 1. С. 5.

ты Азиатской части России, составленные в XVIII веке в Географическом департаменте Академии наук, и познакомился с некоторыми картами, сохранившимися в архивах сибирских городов.

Изучение карт предшественников понадобилось Миддендорфу как для описания результатов собственных географических наблюдений, так и для составления карт на основе съемок, которые во время экспедиции вел топограф В.В. Ваганов. Так как Миддендорф в какой-то мере был знаком с основами глазомерной съемки, он и сам "...не упускал [случая] трудиться с Вагановым над вычерчиванием посещенных стран, занося на бумагу показания инородцев, в которых, конечно, трудно было разобрать путаницу"[6]. Миддендорф, вероятно, составлял карты и после возвращения из экспедиции, во всяком случае, он готовил материал для картографов. "Хотя большую часть моих топографических чертежей я не смел назначить для публики, – писал Миддендорф, – однако Академия, принимая в соображение, что посещенные мною места может быть не скоро дождутся другого путешественника, постановила издать их в том объеме, в каком они прилагаются к настоящему сочинению"[7].

Карты Сибирской экспедиции должны были составить особый атлас к труду Миддендорфа. Так как в Петербурге литографические работы были дороги, Миддендорф решил готовить карты к изданию за границей. Во время поездки по Европе в 1846 году он побывал в Берлине и избрал для этой работы картографическое заведение Г. Мальмана. Первые карты в этом заведении были литографированы уже в 1847 году. К 1857 году были готовы многие из намеченных к изданию карт – карты маршрутов по Таймырскому полуострову и маршрута от Амгинска до Удского острога; карты населенных пунктов, где велись наблюдения (Туруханска, Якутска, Амгинска, Удского острога); этнографическая карта Туруханского края, карта Таймырского полуострова, составленная Миддендорфом на основе дневников морских офицеров; карта озера Мюр и наледи на реке Аим. Две карты, на одной из которых было изображено побережье Охотского моря с Тугурским заливом и заливом Академии наук, а на другой – Становой хребет и начинающиеся на нем притоки Амура были затем литографированы в Петербурге, вероятно, потому, что Миддендорф в 50-х гг. вносил в них изменения.

---

[6] Там же. С. 59.
[7] Там же.

“Karten-Atlas zu Dr. A. v. Middendorff’s Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens” увидел свет в 1859 году. В предисловии перечисляются 18 карт, но “Генеральной карты Сибири”, которая числится под № 1, в атласе нет. На титульном листе атласа Миддендорф сообщил, что эта карта будет приложена к одному из следующих выпусков труда. На ней, помимо прочего, Миддендорф собирался изобразить границы распространения некоторых растений и животных. Он писал также, что в Генеральном Штабе составляется новая карта Азиатской России.

Такая карта действительно была составлена в Военно-топографическом депо и издана в 1860 г. Согласно составителям, они использовали “новейшие сведения”, и Миддендорф надеялся, что на этой карте будут и данные из его “Атласа”. Однако оказалось, что как раз его сведения картографам Генерального Штаба не были известны. Об огорчении Миддендорфа по этому поводу мы узнаем из письма астронома Л.Э. Шварца: “Карта [Генерального Штаба], должно быть, превосходна, но эту карту невозможно использовать, по крайней мере, Миддендорф не сможет, потому что на ней нет *никаких* [подчеркнуто Шварцем] следов разных путешествий Миддендорфа по Таймырскому полуострову и его географических исследований. В этих местах все эти огромные пространства нанесены на карту на основе старой карты Позднякова 1825 года”[8].

Так как Шварц в начале 60-х гг. составлял карту южной части Восточной Сибири на основе съемок Сибирской экспедиции РГО, интерес к картографическим материалам о Сибири у него и Миддендорфа был взаимным[9]. Обнаружив, что карта Генерального Штаба не может быть использована для его труда, Миддендорф в 1861 г. попросил Шварца составить общую карту Сибири. Шварц даже начал собирать для нее материал[10], однако Академия наук не поддержала эту идею. Позже Миддендорф вновь обращался к Мальману, надеясь, что карту Сибири составят в его картографическом заведении. От имени Миддендорфа переговоры с Мальманом вел Шварц, побывавший в Берлине в 1863 и 1864 гг., но переговоры успеха не имели.

Если бы Генеральная карта Сибири все же была составлена в 60-х гг., она, вероятно, не обогатила бы атлас Миддендорфа. Об этом свидетельствуют созданные в это время карты Азиат-

---

[8] L. Schwarz an J. Hagen-Schwarz, Dorpat, 16./28. Dezember 1861 // TKM. Mapp 18.

[9] Среди бумаг Л.Э. Шварца сохранился вариант карты юго-восточной Сибири, составленной Миддендорфом (Арх. РГО. Ф. 55. Оп. 1. № 63).

[10] ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 9. Л. 28–29.

ской части страны как в России, так и за ее пределами. Даже карта юго-восточной части Сибири, составленная Шварцем (несомненно, лучшая для того времени) имела недостатки, на которые указывали современники. А для большей части Восточной Сибири таких надежных съемок, какие были сделаны во время Сибирской экспедиции РГО, вообще не было. Карта Амурского края, составленная Миддендорфом в конце 40-х гг. XIX в., устарела уже к 1859 г. (времени выхода в свет его атласа).

Между тем карта внутренних частей Таймырского полуострова, основанная на съемках В.В. Ваганова, не утратила своего значения не только в 70-х гг. XIX века, когда начались морские плавания вокруг Таймырского полуострова, но еще и в 30-х гг. XX века.

Карта Таймырского полуострова

Изучая историю изображения северного побережья Азии, Миддендорф обнаружил на картах Меркатора и Ортелия огромный полуостров – Tabin promontorium. Сначала он предположил, что это изображение отражает сведения о Таймырском полуострове, проникшие в Европу уже в XVI веке. По мнению Миддендорфа, Табин помещали на тех же широтах, на которых Таймыр находится в действительности. Но после анализа разных карт и других старинных сведений об Азии Миддендорф пришел к выводу, что изображение полуострова было идеальным или фантастическим, хотя и вело к "удивительным совпадениям".

Изображение было действительно идеальным, однако "рукою тогдашних картографов" водила не только фантазия. Слухи о большом полуострове на севере Азии, который затруднял плавание по Ледовитому океану к востоку, доходили до европейских географов. Сведения о полуострове Табин они связывали с проблемой достижения Китая морем вдоль северных берегов Сибири[11].

---

[11] Об этом свидетельствует содержание письма 1581 г. к Г. Меркатору, которое обнаружил и перевел на русский язык Ф.П. Литке: "Помня, сколь охотно читывал ты древних землеописателей, радуюсь я, что встретился с подателем сего письма. Рекомендую его тебе как человека, который может быть тебе полезен в таком деле, о коем ты давно с великим трудом старался собирать известия, и в рассуждении которого новейшие наши географы между собою не соглашаются. Я говорю об открытии мыса Табин и славного и богатого царства Китайского [пути в Китайское царство]" (*Ф.П. Литке.* Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан. СПб., 1828. Ч. 1. С. 123).

В XVII веке о большом полуострове на севере Сибири в Европе знали. Согласно Миддендорфу, Н. Витсен сообщал о нескольких безуспешных попытках обогнуть этот полуостров. Но на сибирских чертежах его не изображали, поэтому не было его и на картах Российской империи, появившихся в начале XVIII в. (их составители опирались на чертежи С.У. Ремезова).

Миддендорф обнаружил, что полуостров между реками Пясиной и Хатангой впервые был изображен на "Генеральной карте Российской империи" в Атласе 1745 г., составленной в Географическом департаменте Академии наук. Изображение полуострова на карте имело мало общего с действительностью. По словам Миддендорфа, "...наша Академия пустила в ход карту, на которую занесена была река Таймыра с клочком восточного полуострова Таймыра"[12]. Таким образом, Миддендорф обратил внимание на то, что лишь небольшая часть карты полуострова была основана на достоверных данных[13]. (Впрочем, он не нашел нужным отметить, что полуостров названия не имел, а река, его пересекавшая, на этой карте называлась Тамура.)

В 1733–1743 гг. состоялась вторая Камчатская экспедиция под руководством В. Беринга. Морские офицеры (участники северных отрядов этой экспедиции) вели съемки берегов Сибири. Именно благодаря картам, составленным на основании этих съемок в XVIII в., очертания северного побережья Азиатской России впервые в самых общих чертах приобрели современный вид.

Миддендорф знал о том, что съемки существовали, но их не смогли найти в архиве Гидрографического департамента. Анализ рукописной карты, составленной в Морской Академии в 1741 г. на основе первых съемок северной экспедиции, позволил Миддендорфу сделать следующий вывод: "Нынешний, говоря вообще, правильный чертеж северных берегов Сибири, очевидно заимствованный из оригинальных карт наших морских героев прошлого века, механически переходил из одного издания в другое, ... а первоначальный источник между тем потерялся, да и

---

[12] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... 1860. Ч. 1. Отд. 1. С. 64.

[13] "Клочок восточного полуострова Таймыра" был изображен на основе карты С.И. Челюскина 1736 г. Эту карту Челюскин привез в Якутск, чтобы передать Берингу. Там была сделана её копия для находившегося в это время в Якутске историка Г.Ф. Миллера. Вероятно, благодаря Миллеру карта и попала в Петербург до окончания экспедиции и работы над академическим атласом. (*Беляева П.И.* Некоторые новые данные о картах, составленных экспедицией В. Прончищева и Х. Лаптева // Тр. ИИЕТ. 1959. Т. 27. С. 255). Копию карты Челюскина обнаружил и опубликовал В.А. Троицкий. (Неизвестная копия с карты штурмана С.И. Челюскина // Изв. ВГО. 1975. Т. 107. № 5. С. 464).

должен был потеряться, потому что никогда не был в печати"[14]. Изучив дневники морских офицеров и карты, на которых в XVIII в. изображалась Сибирь, Миддендорф пришел к выводу, что карты не совсем точно отражали сведения о Таймырском полуострове, которые имелись на подлинных съёмках[15].

Итак, Миддендорф первым познакомился с историей изображения Таймырского полуострова. Но до его экспедиции самого этого названия не было ни на картах, ни в географической литературе. Во время своего путешествия Миддендорф узнал, что местные жители называют озеро Таймырским (а не Таймурским, как оно называлось на картах Азиатской России), а реку – Таймыра (а не Таймура) и распространил такое название на пространство между реками Пясиной и Хатангой: "Этой массе земли, двумя полуостровами вдающейся в Ледовитое море, я дал название Таймырского края"[16].

Миддендорф первым стал писать и о "полуострове Таймыр", хотя на своих картах это название и не помещал. "Как на юге Азии сплошной материк ее и далее почти до экватора простирается в виде языка полуостровом Малаккой, так на север почти под тем же меридианом он наиболее выдается полуостровом Таймыром"[17].

Но гораздо более важным результатом экспедиции стали карты внутренних частей полуострова – маршрутные съемки Ваганова, которые он вёл от реки Боганиды до устья реки Таймыры. Благодаря этим съемкам впервые на карте были изображены Верхняя Таймыра и западная часть озера Таймыр между устьем Верхней Таймыры и истоком Нижней Таймыры. По существу, и подробное изображение Нижней Тунгуски с притоками, мысами и островами появилось впервые. Впрочем, слов "Верхняя" и "Нижняя" на карте не было, хотя эти названия Миддендорф и использовал в своем труде.

Островам, мысам и рекам, открытым во время путешествия по Таймырскому полуострову, Миддендорф давал имена в основном выпускников Дерптского университета[18]. В Таймырском

---

[14] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... 1860. Ч. 1. Отд. 1. С. 67.

[15] Например, Миддендорф обнаружил в дневнике Лаптева сведения о значительном изгибе реки Пясины. Этот изгиб имелся на карте Сибири, составленной в 1758 г. Г. Миллером, в 1770 г. его изобразил на одной из карт Сибири И. Трускотт, однако затем изгиб исчез с карт Азиатской России. Не поместил его на карте Туруханского края и сам Миддендорф. Изгиб Пясины отсутствовал на картах Сибири, по крайней мере, до 20-х гг. XX столетия.

[16] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... 1860. Ч. 1. Отд. 1. С. 12.

[17] Там же. С. 60.

[18] Там же.

Карта Нижней Таймыры и Таймырского озера
из "Атласа" А.Ф. Миддендорфа

озере появились острова Федорова, Струве, Гельмерсен, Купфер, Савич. Некоторые притоки реки Нижней Таймыры он назвал именами своих друзей [А.И.] Шренка и Траутфеттера. Остров в Таймырском заливе получил имя К. Бэра – инициатора экспедиции. Кроме того, в заливе появились острова Челюскин и Фомин[19] и мыс Ваганов. Вопреки русской традиции, Миддендорф за редким исключением использовал для названий именительный падеж.

Хотя Миддендорф не смог увидеть съёмки морских офицеров, впервые положивших на карту Таймырский полуостров, он прочитал дневники Х. Лаптева, С. Челюскина, Ф. Минина и В. Прончищева, побывавших на полуострове или вблизи него. Сравнив собственные наблюдения с содержанием этих дневников, он убедился в верности дневников Лаптева и Челюскина, и использовал их в своем описании полуострова.

Анализ этих дневников позволил Миддендорфу, кроме того, сделать несколько интересных предположений. Так, он считал, что вблизи берегов Таймыра можно обнаружить еще неизвестные острова и земли[20]. "Что находится за Таймырским краем и за северо-восточной оконечностью Новой Земли, – спрашивал Миддендорф, – еще полярная страна, или архипелаг, или огромное море?"[21] В другом месте он более определенно высказал мнение об островах вблизи Таймырских берегов: "Некоторое подтверждение моей догадки я нахожу не только в том, что к концу августа (по новому стилю) мы нашли на Ледовитом море позднее лето и Таймырский залив свободным ото льда, но и в том, что мои предшественники за сто лет [до этого] постоянно находили много островов, как скоро отдалялись от берега"[22].

Следовательно, предположение о существовании большой земли к северо-востоку от Новой Земли еще до Н.Г. Шиллинга и П.А. Кропоткина высказал Миддендорф. Его труд об экспедиции, несомненно, служил одним из источников для рассуждений в России о землях в Ледовитом океане. Например, П.А. Кропоткину было известно предположение Миддендорфа о большой земле, так как он весьма внимательно познакомился с "Путешестви-

---

[19] Якут Фомин был проводником Х.П. Лаптева и С.И. Челюскина.

[20] Миддендорф обнаружил, что Прончищев и Лаптев, достигнув губы Св. Фаддея, считали, что находятся в Таймырском заливе и удивлялись, что не видят там устья реки. С. Челюскин в 1736 г. тоже принимал эту губу за Таймырский залив, что и нашло отражение на изображении полуострова в Атласе 1745 г. – в эту губу течет р. Тамура.

[21] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... 1860. Ч. 1. Отд. 1. С. 80.

[22] Там же. 1862. Ч. 1. Отд. 3. С. 348–349.

ем на север и восток Сибири" в 1871 г., когда готовил доклад комиссии РГО о задачах исследований для участников намечавшейся экспедиции в северные моря. А.Э. Норденшельд и Ф. Нансен (первые путешественники, обогнувшие Таймырский полуостров морем) обнаружили вблизи полуострова множество небольших островов.

Во второй половине XVIII в. на карте Азиатской России между реками Пясиной и Хатангой стали изображать два весьма вытянутых к северу полуострова, получивших названия Северо-западный мыс и Северо-восточный. Миддендорф считал, что эти названия впервые появились на карте России 1787 г., а распространились после выхода в свет карты Азиатской России Ф.И. Познякова (1825). Между тем, С. Челюскин, достигнув самой северной точки Азии, писал в своём журнале: "Здесь именован мною оный Восточный Северный мыс"[23]. Названия "Северо-западный мыс" и "Северо-восточный мыс" имелись уже на карте Таймырского полуострова Х. Лаптева, которая до недавнего времени не была известна исследователям[24].

Миддендорф Северо-западный мыс называл и Таймыром (может быть потому, что Западным Таймурским мысом он назван в книге енисейского губернатора А.П. Степанова)[25]. Но, изучив дневник Х. Лаптева, Миддендорф предположил, что в действительности нет вытянутого мыса. В самом его узком месте находится пролив, который Лаптев не заметил, так как тогда пролив был покрыт льдом. "Таким образом, здесь у оконечности Азиатского материка стоит, должно быть, очень значительный остров"[26], – писал Миддендорф. Он не только высказал это предположение, но опубликовал в своем труде "Карту Таймырского

---

[23] *Пасецкий В.М.* Витус Беринг. М., 1982. С. 105.

[24] Мысы стали изображать на картах Сибири во второй половине XVIII в. Основой для изображения стала карта, составленная в Адмиралтейской коллегии, в свою очередь основанная на съёмках морских офицеров. Составителям этой карты несомненно была известна карта Таймырского полуострова Х. Лаптева. В 1743 г. Лаптев не только изобразил два мыса между Пясиной и Хатангой, но и назвал их Северо-западным и Северо-восточным. Карта Лаптева опубликована П.И. Беляевой в статье "Некоторые новые данные о картах, составленных экспедицией В. Прончищева и Х. Лаптева" (Тр. ИИЕТ. М., 1959. Т. 27. С. 259). Эти названия Лаптев использовал и в своих записках, опубликованных А.П. Соколовым. (Берег Ледовитого моря между рек Оби и Лены. По съемке 1733–1743 гг. Записки лейтенанта Х. Лаптева и замечания других описателей // Записки Гидрографического департамента. 1851. Ч. IX. С. 21).

[25] *Степанов А.П.* Енисейская губерния. СПб., 1835. С. 10.

[26] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... 1860. Ч. 1. Отд. 1. С. 71.

полуострова по журналам 1741-го и 1742 годов", на которой вместо мыса был изображен остров. Наблюдения вблизи полуострова во время экспедиции А.Э. Норденшельда на "Веге" в 1878 г. позволили подтвердить верность предположения Миддендорфа о существовании острова, но Норденшельд полагал, что остров на карту поместил Х. Лаптев.

Мыс Челюскин

Познакомившись с дневниками морских офицеров, Миддендорф узнал, что Северо-восточный мыс пытались морем обогнуть В. Прончищев (1735 г.) и Х. Лаптев (1739–1740 гг.)[27], но удалось это сделать только С. Челюскину. В 1742 г. он объехал мыс на санях и от устья реки Таймыры "...возвратился вверх по этой реке в обитаемые места на р. Пясине"[28].

Однако до начала XIX столетия о путешествиях участников "северной экспедиции"[29] знали немного, и даже возникали сомнения, обогнул ли Челюскин Северо-восточный мыс. Миддендорф писал в своем труде: "Надобно ли после этого удивляться Бэру и даже не поставить ему в заслугу, когда он, опираясь на суждения сведущих предшественников и, сличая несогласные между собою изображения на разных наших картах, отозвался, что конца мыса восточного полуострова Таймыра, как видно, никто не достигал даже сухопутьем по льду"[30]. К такому выводу Бэр пришел в 1841 г.[31] Однако в 1843 г., после того как он узнал из отчета Миддендорфа о точности наблюдений Лаптева и Челюскина, в очередной своей работе Бэр "выразил великую радость", что наблюдения Миддендорфа подтвердили наблюдения морских офицеров. Тем самым, по словам Бэра, Миддендорф "оправдал прежних посетителей Таймыра.., вполне восстановил честь этих достойных мореходов"[32].

В своем труде Миддендорф писал: "Целое столетие прошло с тех пор, как Лаптеву с Челюскиным с невыразимым трудом и

---

[27] Там же. С. 69.
[28] Там же. С. 70.
[29] А.П. Соколов назвал северные отряды второй Камчатской экспедиции "северной экспедицией". Так называл её и Миддендорф, в конце XIX в. ее стали называть "большой северной экспедицией", и лишь в XX в. она превратилась в "Великую Северную экспедицию".
[30] Там же. С. 67.
[31] *Baer K. v.* Neueste Nachrichten über die nördlichste Gegend von Sibirien zwischen den Flüssen Pjässida und *Chatanga* // Beiträge KRR. 1841. Bd. 4. S. 275–276.
[32] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... Ч. 1. Отд. 1. С. 67.

опасностями, хотя при обширных приготовлениях, удалось снять берега Таймырского края. Им мы обязаны приблизительно верным очерком этого полуострова и его оконечностей"[33]. Миддендорф не только "оправдал достойных мореходов", но и назвал именем Челюскина самый северный мыс Таймырского полуострова и Азии[34].

Название "Cap Tscheljuskin" Миддендорф поместил на карте Туруханского округа в "Атласе" к своему труду об экспедиции. Но еще прежде чем "Атлас" увидел свет, название "Cap Tscheljuskin" стало встречаться на картах Азии, публиковавшихся европейскими картографами. По мнению Миддендорфа, его неизданную карту Туруханского края, которая в конце 40-х гг. XIX в. была литографирована в Берлине в картографическом заведении Мальмана, мог видеть немецкий картограф Г. Киперт[35]. Именно Киперт, издававший тогда карты Азии, содействовал распространению названий "мыс Таймыр" и "мыс Челюскин". "Так как теперь эти названия, бесчисленными изданиями неутомимого Киперта и множества других карт в разных краях введено во всеобщее употребление, – писал Миддендорф, – то я принужден удержать их; ...если Северо-восточный мыс получит имя Челюскина, то он сохранит это имя с честью. Челюскин не только единственное лицо, которому сто лет тому назад удалось достигнуть этого мыса и обогнуть его, но ему удался этот подвиг, неудавшийся другим, именно потому, что личность его была выше других"[36].

На некоторых европейских картах Азии мыс Челюскина действительно появился уже в начале 50-х гг. XIX в.[37] Более того, на карте мира Киперта, составленной в 1856 г.[38], кроме мысов Таймыр и Челюскин, названы оз. Таймыр, горы Бырранга, притоки Таймыры – реки Шренка и Фомина. На этой карте упомянуты и

---

[33] Там же. С. 26.

[34] Там же. С. 78, примечание.

[35] Г. Киперт занимался составлением карт для труда К. Риттера "Землеведение Азии".

[36] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... Ч. 1. Отд. 1. С. 79, примечание.

[37] В 1853 г. в Лондоне был опубликован труд G. De Veer'a "A true description of three Voyages by the North-East towards Cathay and China, undertaken by the Dutch in the years 1594, 1595, and 1596" (Hakluyt Society). К труду приложена карта Новой Земли и окружающих морей, составленная немецким картографом А. Петерманом. На этой карте самая северная часть Таймыра названа C. Cheljuskin. Позже Петерман стал автором многих статей о полярных исследованиях и помещал это название на всех своих картах.

[38] Erdkarte in Mercators Projection bearbeitet von H. Kiepert, gestochen von C.L. Ohmann. Berlin, 1856.

народы Таймырского края. Все эти сведения Киперт мог получить, только познакомившись с картой Миддендорфа.

Если на европейских картах имя Челюскина встречалось еще до того, как увидел свет четвертый том труда Миддендорфа, то в России новое название самого северного мыса Азии не привлекло к себе внимания и в 60–70-х гг. (после издания этого тома "Путешествия на север и восток Сибири" и на русском языке)[39].

Название "мыс Челюскин" впервые появилось на "Карте Северного Ледовитого океана в границах Российской империи", изданной в 1874 г. Эта карта, судя по заглавию, были составлена в Гидрографическом департаменте в 1872 г. "на основании русских гидрографических исследований с 1734 по 1871 год". На ней разными цветами обозначены области, в которых вели исследования экспедиции, материалами которых пользовались составители карты. В её легенде названы годы экспедиций и имена их руководителей. Среди прочих путешественников упоминаются Миддендорф и Ваганов, а на самой карте пунктиром нанесен маршрут их путешествия по Таймырскому полуострову в 1843 г.

Для изображения полуострова составители широко использовали сведения, собранные во время этого путешествия. На карте 1874 г. впервые встречается название полуострова, точнее двух его частей – Западного Таймырского полуострова и Восточного[40]. Составители поместили на карте не только Нижнюю, но и Верхнюю Таймыру (впрочем, без названий), а также предложенные Миддендорфом названия островов и мысов на озере Таймыр и Нижней Таймыре, и названия притоков этой реки. Рядом с Северо-восточным мысом имеется название "мыс Челюскин", изображены (хотя и не названы) горы Бырранга. Вместо вытянутого западного мыса Таймырского полуострова на карте Гидрографического департамента можно увидеть остров, вблизи которого помещены три названия – Таймыр, Лаптев и Северо-западный. Создатели этой карты, вероятно, пришли к выводу, что Лаптев не меньше Челюскина заслуживает уважения.

Карта 1874 г. в свое время не была широко известна. Во всяком случае, с нею (как и с трудом Миддендорфа) не были знакомы картографы Военно-топографического депо Генерального

---

[39] В 1874 г. в "Известиях РГО" был опубликован перевод заметки об экспедиции Ю. Пайера и К. Вейпрехта, которая в 1873 г. открыла Землю Франца Иосифа. (Т. 10. Геогр. изв. С. 220–223). В этой заметке несколько раз упоминается "мыс Челышкина" – переводчик явно не знал имени Челюскина. Но, видимо, и редактору "Известий" не показалось странным это название.

[40] На карте 1874 г. использовано для озера название XVIII в. – Таймур, поэтому и Таймурский полуостров.

Штаба. На карте Азиатской России, изданной Генеральным штабом в 1874 г. с пометой, что она исправлена, характер изображения Таймырского полуострова не изменился по сравнению с картой 1860 г. Новое изображение полуострова появилось на карте, составленной в Военно-топографическом депо только в 1883 г.

С первого взгляда, кажется, что составители карты 1883 г., наконец, познакомились с картами из труда Миддендорфа. Однако при более внимательном анализе карты Генерального Штаба выясняется, что на ней имеются названия, которых у Миддендорфа быть не могло. Например, названы мысы "Челюскин" и "Вега" на побережье Карского моря, в Таймырском заливе появились острова Челюскина, но нет острова Бэра[41], вместо Северо-западного мыса изображен остров Таймыр. На этом острове самый северный мыс назван именем Лаптева, а самый южный – именем Миддендорфа. Судя по этим дополнениям, в основе карты Азиатской России 1883 г. лежала карта, приложенная к первому тому научного описания путешествия А.Э. Норденшельда[42].

В 1878–1879 гг. шведский полярный исследователь А.Э. Норденшельд на пароходе "Вега" первым в течение одной навигации прошел вдоль северных берегов Евразии и обогнул морем Таймырский полуостров. Во время этой экспедиции на мысе Челюскин впервые велись астрономические наблюдения. В описании плавания на "Веге" название "мыс Челюскина" встречалось неоднократно, но Норденшельд не касался вопроса о происхождении этого названия. Более того, он писал, что, по мнению русских географов [!], еще никто не огибал восточный мыс Таймырского полуострова[43]. Обращая внимание на заслуги С. Челюскина, Норденшельд отметил: "Возможно также, что Челюскин действительно посетил этот мыс, верное очертание мыса Челюскина [на картах] дает право к последнему предположению"[44].

Характер рассуждений Норденшельда о Челюскине позволял некоторым современникам считать, что именно он назвал мыс именем Челюскина. Такое мнение нашло отражение и в одной

---

[41] На карте Миддендорфа в Таймырском заливе, кроме острова Бэра, изображен и назван остров Челюскин.

[42] [Selander N.] Karta öfver gamla verldens Nordkust från Norge till Beringssund med Vega-expeditionens kurs // (*Nordenskiöld A.E.* Vega-expeditions Vetenskapling Jakttageleser. 1880–1881. Stockholm. 1882. Bd. I).

[43] Путешествие А.Э. Норденшельда вокруг Европы и Азии на пароходе "Вега" в 1878–1880 гг. СПб., 1881. Ч. 1. С. 334.

[44] Там же. С. 337.

официальной бумаге. В 1897 г. (после завершения дрейфа на "Фраме" по Северному Ледовитому океану) норвежский путешественник Ф. Нансен обратился к своему королю с просьбой разрешить назвать в его честь один из безымянных мысов на восточном берегу Таймырской губы (Таймырского залива). Такое название требовало также согласия русского правительства. Поэтому, по просьбе шведско-норвежского посланника, министр иностранных дел России представил всеподданнейший доклад Николаю II. В этом докладе речь шла о том, что береговое и водное пространство к востоку от Енисея с XVIII в. не посещалось русскими моряками, там все чаще делают открытия шведы и норвежцы, а после путешествия Норденшельда сибирский берег "испещрен шведскими названиями". Упоминалось также и о том, что Норденшельд "восстановил память и честь отважного русского штурмана Челюскина, впервые обогнувшего в 1742 г. крайнюю северную оконечность азиатского материка – подвиг, впоследствии подвергшийся сомнению. Мыс Северо-восточный отныне по примеру Норденшельда [!] и на русских картах назван мысом Челюскина"[45].

Как уже отмечалось, мыс назвал Миддендорф, а не Норденшельд. Но карта из его труда действительно повлияла на изображение Таймырского полуострова. После публикации карты, составленной в Военно-топографическим депо Генерального Штаба в 1883 г., название "мыс Челюскин" стало встречаться и на других русских картах Азиатской России.

Вопрос о происхождении названия мыса внимание русских ученых привлек только в XX столетии, когда началось изучение Таймырского полуострова. Исследования на полуострове вели в основном геологи, и один из них (в статье, опубликованной в 1936 г.), сообщил, что название "полуострова Челюскина" дал Р. Амундсен – после путешествия 1918–1919 гг.[46] В списке литературы к статье упомянуты труды и Миддендорфа, и Норденшельда, но, вероятно, автор читал эти работы не очень внимательно. В 1960 г. ошибку предшественника решил "исправить" другой геолог, отметивший, что название мысу дал не Амундсен, а Ф. Нансен в 1904 г.[47]

О том, что имя Челюскина самому северному мысу Азии дал А.Ф. Миддендорф, впервые сообщалось в статье, опубликован-

---

[45] Изв. РГО. 1897. Т. 33. Вып. 1. Действ. общ. С. 117–118.

[46] *Адлер Г.В.* Постплиоценовые отложения полуострова Челюскина // Изв. РГО. 1936. Т. 68. Вып. 3. С. 314.

[47] *Виттенбург П.В.* Жизнь и научная деятельность Э.В. Толля. М.; Л., 1960. С. 107, примечание.

ной в малоизвестном издании[48], поэтому тогда упоминание об этом не могло привлечь к себе внимания. Но с 1994 г. любой желающий может узнать об авторе названия мыса, заглянув в "Морской энциклопедический словарь".

Рельеф Восточной Сибири

"Всякому образованному ныне понятно, что строгое изучение неровностей материка и его высоты над морем должно лежать в основании всех климатологических и биологических рассуждений", – писал Миддендорф[49]. И хотя сам он видел лишь небольшие пространства вдоль своих маршрутов, редкие измерения высот, сведения местных жителей и других путешественников послужили Миддендорфу основой для изложения новых представлений о поверхности местностей, до тех пор совершенно неизвестных ученым.

Миддендорф не только описал рельеф вдоль своих маршрутов, но предложил своеобразные орографические схемы для пространств к востоку от Енисея, а также между Становым хребтом и Амуром. Схемы эти примитивны, так как основаны на весьма скудных фактических данных, однако до появления новых, более совершенных исследований использовались в орографических описаниях.

В труде Миддендорфа содержатся первые сведения об обширном хребте Бырранга на Таймырском полуострове и характере этой горной системы. Полагая, что горы распространяются до северных мысов полуострова, Миддендорф пришел к выводу, согласно которому, представления о тундре как однообразной низменной болотистой равнине ошибочны. Во многих местах вблизи берегов Ледовитого океана встречаются хребты или холмистые местности. Если прежде распространение низменных тундр принималось за правило, то теперь, по мнению Миддендорфа, это следовало считать только исключением[50]. Так как о горах вблизи Ледовитого моря Миддендорф упоминал еще в своих отчетах из экспедиции, его огорчало, что географы продолжали изображать на картах северное побережье Сибири как заболоченные низменности.

---

[48] *Сухова Н.Г.* Географические исследования А.Ф. Миддендорфа // Четвертая научная конференция аспирантов и младших научных сотрудников (секция истории биологии и географии). М., 1958. С. 11.

[49] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... 1861. Ч. 1. Отд. 3. С. 189.

[50] Там же. С. 193.

Путешественник собрал также скудные сведения о хребте Сыверма (теперь – горы или плато Путорана)[51]. Согласно Миддендорфу, "хребет Сыверма возносится далеко за пределы лесов не столько гребнем гор, сколько целою массою: крутые склоны, спускаясь от плоских, как стол, ровных высот, дают этому хребту грубоватые и массивные очертания"[52]. Можно предположить, что именно это описание позволило геологу А.Л. Чекановскому, который был знаком с трудом Миддендорфа, предложить термин "столовые горы". Чекановский первым в России выделил столовые горы как особый тип рельефа[53].

Все пространство к югу от хребта Сыверма Миддендорф считал нагорьем, т.е. совокупностью невысоких хребтов. Наиболее значительный из них находился между реками Подкаменной и Верхней Тунгусками. Миддендорф назвал его Питским хребтом (по названию протекающей вблизи р. Пит) и считал, что этот хребет пересекает Енисей.

Миддендорф ошибался. К востоку от Енисея находится не горная страна, а обширное Средне-Сибирское плоскогорье. Название появилось в начале XX в. благодаря Э.В. Толлю и Л.С. Бергу. Но если заглянуть в современный учебник географии, то можно узнать, что рельеф Средне-Сибирского плоскогорья из-за значительного колебания высот во многих местах приобретает горный характер. Такой характер придают местности и узкие долины рек с крутыми высокими берегами. И хотя широтного хребта между Подкаменной и Верхней Тунгусками в действительности не существует, в конце XIX в. был обнаружен длинный меридиональный Енисейский кряж, который начинается вблизи Саянских гор и тянется вдоль Енисея до Подкаменной Тунгуски. Так что догадки Миддендорфа о рельефе к востоку от Енисея были не совсем беспочвенны. Следует также отметить, что сведения Миддендорфа о рельефе этой части Восточной Сибири оставались основным источником географических описаний до начала XX столетия[54].

---

[51] Более подробно хребет Сыверма описал П. Третьяков, который сообщил и тунгусское название хребта "Путорама" (Туруханский край // Зап. РГО по общ. геогр. 1869. Т. 2. С. 191).

[52] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... 1861. Ч. 1. Отд. 2. С. 191.

[53] По мнению А.Л. Чекановского, деятельность вод "создала несколько типических особенностей, из числа которых более всего внимания заслуживают столовые горы..." (Краткий очерк о результатах исследований в лето 1871 г. // Изв. Сибирского отделения РГО. 1872. Т. 2. № 5. С. 26).

[54] *Гикиш К.* Орографический очерк северной Сибири // Зап. РГО по общей географии. 1897. Т. 31. Вып. 1; Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 2. С. 85–87.

В середине XIX века была хорошо известна орографическая схема Центральной Азии знаменитого немецкого географа К. Риттера. Она включала и юго-восточную часть Сибири. Согласно Риттеру, от Байкальского нагорья местность огромными ступенями-плоскогорьями спускалась к Великому (Тихому) океану. Этой схемой воспользовался П.П. Семенов, который в середине 50-х гг. XIX века попытался описать природу Амурского края.

Миддендорф обратил внимание на ошибочность взглядов Риттера и Семенова, сообщив, что к югу от Станового хребта нет обширных плоскогорий, напротив, все пространство покрыто хребтами альпийского типа. Название Становой хребет, по мнению Миддендорфа, следовало сохранить за всем водоразделом между Ледовитым и Тихим океанами, но в пределах хребта различать отдельные части. Яблоновый хребет он ограничивал истоками р. Витим, часть Станового хребта к востоку от этой реки Миддендорф предлагал называть Олекминским. Выделял он и Зеинский хребет к югу от Станового хребта. Хребет, идущий с юга перпендикулярно к Становому хребту, он назвал Буреинским. Продолжавшую его часть Станового хребта, параллельную Охотскому морю, в географической литературе называли Алданским, но Миддендорф узнал, что местные жители называют его Джугджур[55].

Материалы о рельефе между Становым хребтом и Амуром, собранные Миддендорфом, оставались главным источником сведений об этом пространстве до 50-х гг. XIX в. Поэтому ботаник К.И. Максимович (побывавший на Амуре в 1854–1856 гг.) при описании природы Амурского края воспользовался данными о рельефе из труда Миддендорфа[56]. С тех пор представления о положении и соотношении основных хребтов этой части Сибири, благодаря новым исследованиям, существенно изменились. Однако и сегодня на картах Азии можно увидеть названия Буреинский хребет и хребет Джугджур, первые сведения о которых и сами эти названия сообщил Миддендорф.

О рельефе (орографических особенностях) Восточной Сибири речь шла в отделе “Геология” труда Миддендорфа. О значении его геологических исследований мы узнаем из чрезвычайно

---

[55] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... Ч. 1. Отд. 2. С. 206, 209.

[56] *Максимович К.И.* Амурский край // Зап. АН. 1862. Т. 2. Кн. 1. С. 21–25. Согласно Максимовичу, при описании края от залива Ульбан он вступал “в область исследований Миддендорфа, записки которого отсюда надолго будут почти единственным путеводителем нашим через северный Амурский край” (С. 20).

выразительного выступления Л.А. Ячевского в заседании Минералогического общества, на котором его председатель сообщил о смерти Миддендорфа. Согласно Ячевскому "Миддендорф не был специалистом геологом, а между тем всякому геологу, занимающемуся в Сибири, всегда придется отметить его крупные заслуги. Он первый привез сведения о силурийских и юрских отложениях в Таймырском крае. Его якутская коллекция дала нам уверенность в существовании триаса и юры на Оленёке. Он открыл палезой на крайнем востоке Сибири, привез коллекцию третичных окаменелостей из Забайкалья, указал на угленосные отложения по Бурее и на распространение новейших изверженных пород в Восточной Сибири"[57].

Климат

Особый отдел своего труда Миддендорф посвятил климату Сибири. О суровости сибирского климата ученые знали со времен академических экспедиций XVIII в. Но метеорологические наблюдения путешественников были отрывочны, а обобщения опирались на весьма скудный фактический материал. Между тем и для анализа условий существования организмов, и для рассуждений о вечной мерзлоте были необходимы более надежные сведения о характере метеорологических явлений в Сибири.

«Хотя Гумбольдт в своей "Центральной Азии" положил уже главные основания метеорологического познания Сибири, хотя Дове в смелом обзоре поставил сибирский климат в связь с великим круговращением и ввел в этот обзор даже взаимные отношения, в каких оно находится с общим климатическим устройством земного шара, несмотря на то, метеорология этой своеобразной страны еще так скудна успехами, что даже незначительный материал и отрывочные наблюдения, привезенные мною лишь для примера из моего путешествия, принесли существенную пользу»[58].

Миддендорф не только сумел организовать продолжительные метеорологические наблюдения в селении Коренном-Филиповском на Таймыре и в Удском остроге, но и тщательно собрал и обобщил все литературные данные о климате Сибири. Он использовал и метеорологические наблюдения якутского купца

---

[57] Протоколы Общества, 8 февраля 1894 г. // Записки имп. СПб. Минералогического общества. 1894. Серия 2. Ч. 31. С. 357–358.

[58] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... 1862. Ч. 1. Отд. 3. С. 317.

Неверова, который более тридцати лет по собственной инициативе систематически записывал сведения о температуре и различных изменениях погоды. Миддендорф весьма выразительно описал, как А.Д. Неверов совершенно бескорыстно занимался делом, вызывавшим насмешки сограждан: "Простой якутский купец, судя по нынешним состояниям людей, торгаш, человек без всякого предварительного образования, воздвиг себе вечный памятник в истории науки. Климат Якутска оказался средоточием для метеорологии всего земного шара: там полюс наибольшей стужи, испытанной человеком, там самая холодная зима на всей Земле. Кто же дал нам основание для вывода всего этого? Тот самый простяк якутский купец Неверов, во всю жизнь с беспримерною верностью следовавший какому-то внутреннему влечению, не достигнув даже сознания его сущности и последней цели"[59].

"Памятник" Неверову, по существу, воздвиг сам Миддендорф, который надеялся, что сможет и других "простяков" вдохновить на подобный "подвиг". Опираясь на данные Неверова, Миддендорф уже в 1854 г. сделал вывод о необычайной суровости климата Якутска и назвал Якутск полюсом стужи (полюсом холода)[60]. Тем самым Миддендорф ввел в науку само это понятие.

Существенной особенностью материкового климата является значительная разница между зимними и летними температурами – "крайними градусами тепла и холода". Обнаружив "ядро материкового климата" или полюс холода в Якутске, Миддендорф задался вопросом: "нет ли напротив другого нам неизвестного и самого холодного места в Сибири"[61]. По его мнению, такое место могло оказаться в верховьях рек Вилюя или Алдана. Но уже в 1885 г. самое холодное место было обнаружено в Верхоянске (–68 °С), а в XX в. полюс холода отыскали на плоскогорье Оймякон в долине р. Индигирки.

Миддендорф пришел к выводу, что причина суровости климата в Восточной Сибири заключается не в значительных абсолютных высотах (как полагали прежде), но в ее географическом положении. На севере Восточная Сибирь открыта холодным ветрам, тогда как на юге высокие горы затрудняют доступ теплым и влажным воздушным течениям. На востоке Сибирь омывается Охотским морем, которое по природным условиям Миддендорф сравнил с заливом Ледовитого океана.

---

59 Там же. С. 318.

60 *Middendorff A.Th. v.* Esquisse de la vie organique en Sibérie // Compte rendu de l'Academie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg. 1854. P. 131–155.

61 *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... 1862. Ч. 1. Отд. 3. С. 327.

Во время Сибирской экспедиции обнаружилось, что зимой в Восточной Сибири очень мала относительная влажность воздуха. Но так как там часты туманы, Миддендорф предположил, что мороз как бы выжимает из воздуха остатки влаги. Уральские горы, по мнению Миддендорфа, не составляют преграды для влажных ветров Атлантического океана. Эти ветры утрачивают влагу еще над Европейской Россией. Некоторое смягчающее влияние они оказывают лишь на Западную Сибирь.

Вслед за Гумбольдтом Миддендорф называл Европу полуостровом Азии. По его словам, "этот далеко вытянувшийся полуостров... с полным правом можно представить местом нескончаемой природной борьбы между материковым климатом внутренней Азии и морским климатом Атлантического океана... Сибирь заваривает для нас погоду"[62].

Наблюдения на Таймырском полуострове позволили Миддендорфу считать, что климат там почти так же суров, как в Якутске, и даже поддержать мнение Бэра о том, что Карское море можно сравнить с ледником. Но, по мнению Миддендорфа, влияние Карского моря не распространяется к северу от Таймырского полуострова, так как он сам видел Таймырский залив в конце лета свободным ото льда.

Миддендорф первым сообщил о муссонах в Охотском море. При этом он полагал, что "муссоны имеют место на всех побережьях Сибири"[63]. Кроме того, Миддендорф обнаружил, что на южных склонах Станового хребта в долинах температуры ниже, чем на высотах – "по причине стремления остывающего холода [воздуха] к низу"[64]. Таким образом, именно Миддендорф первым указал на явление инверсии в Восточной Сибири (температуры там с высотой повышаются, а не понижаются, как обычно это бывает в горах).

Сегодня упомянутые выводы об особенностях климата Восточной Сибири можно прочесть в любом учебнике географии. Но для начала 60-х гг. XIX в. они были совершенно новы. Труд Миддендорфа стал первым обобщающим исследованием о климате Сибири. По своему значению для российской климатологии 60-х гг. XIX столетия это сочинение можно сравнить с изданным в 1857 г. трудом К.С. Веселовского "О климате России", в котором речь шла о климатических особенностях только европейской части страны.

---

[62] Там же. С. 321.
[63] Там же. С. 354.
[64] Там же. С. 330.

Сам Веселовский считал, что, благодаря исследованиям Миддендорфа, метеорология “приобрела значительное приращение”. В отчете Академии наук за 1861 г. (после того как был опубликован отдел о климате труда Миддендорфа) Веселовский подробно изложил его основные идеи. По словам Веселовского, Миддендорф обратил внимание на пробелы в этой части науки о земном шаре. Он назвал Сибирь резервуаром, “в котором для нашей любезной Европы заготовляется весь годичный запас холода и сухости воздуха”, отметил необыкновенную сухость воздуха Сибири, сообщил о том, что Якутск находится “в области наибольшего холода” и, наконец, доказал существование муссонов на восточном берегу Сибири. Особое внимание в отчете уделялось сведениям Миддендорфа о мерзлых почвах[65]. В данном случае Веселовский выступал не только как непременный секретарь Академии наук, но и как ученый, занимавшийся проблемами метеорологии и климатологии.

Результаты исследований Миддендорфа, вероятно, были известны нашему знаменитому климатологу А.И. Воейкову, хотя он ни разу не ссылался на труд о Сибирской экспедиции. О влиянии взглядов Миддендорфа свидетельствует утверждение Воейкова о том, что в Сибири не было ледников со ссылками на чрезвычайную сухость воздуха. Рассуждая в 1878 г. о карте изобар для всемирной выставки в Париже, Воейков сообщал о высоком давлении зимой в средней Сибири (на что впервые обратил внимание Миддендорф). Воейков также упоминал об инверсиях в долинах гор Восточной Сибири и о муссонах в Охотском море, первые сведения о которых сообщил Миддендорф.

Вечная мерзлота

Важнейшим итогом экспедиции Миддендорфа стали сведения о вечной мерзлоте. В своем труде он признался, что сама задача наблюдений в колодце Шергина была ему чужда[66], но как обязательный человек выполнил все, что предначертано было инструкцией К.М. Бэра – “Materialien zur Kenntniss des unvergäng-

---

[65] Отчет Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1861 г. // Зап. АН. 1861. Т. 1. Кн. 1. С. 6–7, 9.

[66] “Гораздо меньше отправления на край отдаленного севера соответствовало моим наклонностям намерение Академии учредить в Якутске наблюдения над температурой земли на разных глубинах колодца [Ф. Шергина]” (*Миддендорф А.Ф.* Путешествие... 1860. Ч. 1. Отд. 1. С. 13–14).

lichen Boden-Eises in Sibirien"[67]. Как уже отмечалось, инициатор изучения мерзлых почв собрал существовавшие сведения о них и изложил свои соображения об особенностях, причинах образования и области распространения "ледяной почвы". Бэр полагал, что если удастся обнаружить закон изменения температуры в шахте Шергина, "можно будет определить и время, в продолжение которого охлаждающие обстоятельства действовали на почву того края". Бэр хотел также знать, за какое время холод внешнего воздуха мог проникнуть на глубину, и "остановилось ли уже это охлаждение или еще продолжается", постоянна ли температура на больших глубинах, "местное ли это только явление в Якутске или случайно открытая часть общего обстоятельства"[68].

Исследования Миддендорфа позволили ответить на многие вопросы Бэра и подтвердить его основные предположения о сущности мерзлоты. Вместе с тем результаты этих исследований рассеяли сомнения некоторых европейских ученых о возможности существования растительности в области мерзлых грунтов.

Данные о температуре в шахте Шергина и в других шахтах Восточной Сибири, расположенных в области вечной мерзлоты, стали основой для вычисления величины геотермической ступени, т.е. толщины мерзлого слоя, на протяжении которого температура изменяется на 1°. В XIX в. эту величину называли геотермическим градусом. Согласно Миддендорфу, геотермический градус был равен 117 футам (30–35 м) и, следовательно, толщина мерзлого слоя в Якутске вблизи шахты Шергина составляет приблизительно 600 футов (около 180 м). Но Миддендорф считал, что слой такой большой мощности – редкость и в Восточной Сибири. Даже вблизи Якутска был обнаружен гораздо более тонкий слой мерзлоты.

Миддендорф (вслед за Бэром) считал, что толщина слоя изменяется в зависимости от теплопроводности пород, характера рельефа, средней температуры воздуха – вообще от совокупности внешних условий. Именно поэтому в области сплошной мерзлоты встречаются теплые почвы, а острова мерзлого грунта

---

[67] *Baer K.E. v.* Materialien zur Kenntniss des unvergänglichen Boden-Eises in Sibirien. Unveröffentliches Typoskript von 1843 und erste Dauerfrostbodenkunde. Eingeleitet von Erki Tammiksaar, hrsg. von Lorenz King. Giessen. 2001. (Berichte und Arbeiten aus der Universitätsbibliothek und dem Universitätsarchiv Giessen. Bd. 51). Корректура этой рукописи хранится и в академическом архиве в Петербурге (ПФА РАН. Ф. 129. Оп. 1. № 290).

[68] *Бэр К.* Новейшие известия об экспедиции г. фон Миддендорфа // СПб. вед. 1844. № 21. 27 янв. С. 93.

можно обнаружить и за пределами зоны распространения мерзлоты. При средних годовых температурах Восточной Сибири – мерзлота явление вполне нормальное. И температура в мерзлых грунтах поднимается с глубиной, как во всяких иных грунтах, но процесс этот происходит замедленно[69].

Вслед за Бэром Миддендорф называл мерзлоту ледяной почвой (Eisboden). Но Бэр считал, что замерзает не вся почва, а только вода в ее пределах. Миддендорф пришел к выводу, что замерзшей бывает и сухая почва.

Полагая, что мерзлая почва встречается на значительном пространстве Восточной Сибири, Миддендорф уже в 1848 г. в общих чертах определил южные пределы области ее распространения. В четвертом томе своего труда он уделял больше внимания вопросу о границе[70], но считал, что "...среди сплошной ледяной почвы так часты пробелы и исключения..., что о точном определении ее южной границы нечего думать"[71].

В труде Миддендорфа впервые описаны многие явления, связанные с мерзлыми грунтами – наледи (Aufeis)[72], ледяные слои и гнезда льда, трещины в тундре, образующиеся под влиянием мороза, четырехугольники, отделенные друг от друга валами[73], внезапное исчезновение озер[74], подземные источники, режим рек[75]. Миддендорф определил особенности замерзания рек в условиях вечной мерзлоты и первым верно объяснил процесс образования наледей.

Это объяснение в 1853 г. Миддендорф поместил в качестве дополнения к статье исследователя геологии Камчатки К. Дитмара. В статье, которая была рекомендована Академии наук Миддендорфом, Дитмар попытался объяснить происхожде-

---

[69] Бэр сомневался в верности такого вывода, полагая, что стенки шахты могли охлаждаться под влиянием наружного воздуха. Но в XX в. более точные наблюдения подтвердили данные Миддендорфа.

[70] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... 1862. Ч. 1. Отд. 3. С. 466–467.

[71] Там же. С. 474.

[72] Миддендорф называл их накипни, теперь их называют тарыны.

[73] По словам Миддендорфа, земля там растет, разбухая от воды и замерзания (Там же. С. 477).

[74] Явление, в результате которого со страшным грохотом исчезают целые озера, в Сибири называют олбут.

[75] В 1904 г. в Русском географическом обществе обсуждалась проблема образования донного льда. Докладчик сообщил о своих наблюдениях на Свири и Неве. Л.А. Ячевский возражал против высказанных предположений, отметив, что мнение Миддендорфа о причинах образования донного льда вернее, так как подтверждается более поздними наблюдениями. (Изв. РГО. 1904. Т. 40. Вып. 1–2. Действ. общ. С. 8–10).

ние наледей[76]. Миддендорф изложил собственные соображения об их происхождении, считая объяснение Дитмара неверным[77].

У Миддендорфа не было оснований сожалеть о том, что он занялся не очень привлекательными для себя исследованиями. Результаты изучения вечной мерзлоты привлекли к труду Миддендорфа внимание многих ученых. Его заслуги как первого исследователя явления вечной мерзлоты были известны и современникам, и представителям следующих поколений ученых.

По просьбе академика А.Я. Купфера, занимавшегося организацией метеорологических наблюдений в России, в 1849 г. Миддендорф составил инструкцию для геотермических наблюдений. Купфер полагал, что в Сибири, помимо метеорологических наблюдений необходимо вести измерение и температуры почвы. Инструкцию, составленную Миддендорфом, он считал более удачной, чем инструкции известных европейских геологов Л. Буха и Дж. Форбса[78].

К.С. Веселовский в своем труде "О климате России" уделял внимание и сведениям о мерзлоте, полагая, что "...небесполезным дополнением климатического изображения страны должны служить данные о температуре почвы". Не ограничиваясь сведениями о южной границе мерзлых почв в Европейской России, Веселовский сообщил и о границе мерзлоты в Сибири, опираясь на данные Миддендорфа. Труд Миддендорфа послужил основой и для следующего утверждения Веселовского: "Доказательством того, как мало растительность вообще и даже древесные породы в своем распространении зависят от температуры слоев земли глубже нескольких футов, служит нахождение лесов и земледелия в странах, где на некоторой глубине встречается вечно замерзшая земля"[79].

Согласно Миддендорфу, результаты его исследований о вечной мерзлоте "вошли в общий оборот между образованными" благодаря четвертому тому "Космоса" А. Гумбольдта, который был опубликован в 1858 г.[80] Но, вероятно, европейским учёным сведения Миддендорфа о мерзлоте были известны раньше, чем о них упомянул Гумбольдт. Во всяком случае, о них знал Ч. Лайель[81]. Сведения о мерзлоте могли быть известны уже в 40-х гг.

---

[76] *Ditmar C. v.* Ueber die Eismulden in Sibirien // Bull. phys.-math. 1853. T. 11. № 19–20. Sp. 305–312.

[77] *Middendorff A. v.* Zusatz // Там же. Sp. 312–316.

[78] ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 8. Л. 40–41.

[79] *Веселовский К.С.* О климате России. СПб., 1857. С. 148–149.

[80] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... 1862. Ч. 1. Отд. 3. С. 392.

[81] *Лайель Ч.* Основные начала геологии. М., 1866. С. 93–94.

XIX в. также Р. Мурчисону, с которым общались и сам Миддендорф, и А.А. Кейзерлинг.

В конце XIX в. с взглядами Миддендорфа о мерзлых грунтах и связанных с ними явлениях были знакомы практически все исследователи геологии Восточной Сибири. Появились работы, в которых рассматривались проблемы ледяных слоёв, наледей, границы области распространения мерзлых почв, мерзлоты в Олекминско-Витимском крае, необходимости стационарных исследований, выяснялось соотношение ледяной (мерзлой) почвы и льда как горной породы[82].

Сибирские геологи не только продолжили исследования Миддендорфа, но с уважением отзывались о его заслугах. Наиболее полно основные достижения Миддендорфа перечислил Л.А. Ячевский[83]. В 1889 г. по просьбе Русского географического общества он написал "Программу собирания сведений о вечномерзлой почве и ледяных слоях". Ячевский составил также карту, на которой он впервые обозначил границу распространения мерзлоты на основе данных Миддендорфа[84].

В 1891 г. сведения Миддендорфа о мерзлых почвах изложил в своем учебнике "Физическая геология" геолог И.В. Мушкетов[85]. В связи со строительством Сибирской железной дороги в РГО под руководством Мушкетова в 1895 г. была создана специальная комиссия для разработки инструкции по изучению вечной мерзлоты[86]. При обсуждении плана инструкции уточнялось содержание некоторых понятий, необходимых для более ясного определения задач исследования. В начале XX в. Ячевский организовал

---

[82] *Лопатин И.А.* Некоторые сведения о ледяных слоях в Восточной Сибири // Зап. АН. 1877. Т. 29. Приложение № 1; *Ячевский Л.А.* О вечно мерзлой почве в Сибири // Изв. РГО. 1889. Т. 25. Вып. 5. Геогр. изв. С. 341–355; *Обручев В.А.* Геологические исследования Олекминско-Витимской горной страны... в 1890 г. // Изв. Восточно-Сибирского отдела РГО. 1891. Вып. 2–3. С. 85–88; *Козьмин Н.М.* О явлениях вечной мерзлоты в некоторых местностях Восточной Сибири // Изв. Восточно-Сибирского отдела РГО. 1895. Т. 23. Вып. 4–5. С. 46–71; *Залесский С.* По вопросу о мерзлой почве // Изв. РГО. 1895. Т. 31. Вып. 2. С. 207–211; *Толль Э.* Ископаемые ледники Ново-Сибирских островов... // Зап. РГО по общей географии. 1897. Т. 32; *Подъяконов С.А.* Наледи Восточной Сибири и причины их возникновения // Изв. РГО. 1903. Т. 39. Геогр. изв. С. 305–307.

[83] *Ячевский Л.А.* О вечно мерзлой...

[84] Изв. РГО. 1889. Т. 25. Вып. 4. Действ. общ. С. 54. Программа опубликована в качестве приложения к этому тому, карта – в вып. 5.

[85] *Мушкетов И.В.* Физическая геология. СПб., 1891. С. 70, 71, 80.

[86] Изв. РГО. 1895. Т. 31. Вып. 1. Приложение.

в Географическом обществе комиссию, которая собирала литературу о вечной мерзлоте[87].

Таким образом, исследования в области вечной мерзлоты, начатые во время Сибирской экспедиции Миддендорфа, имели далеко идущие последствия. Неудивительно, что М.И. Сумгин – автор книги “Вечная мерзлота почвы в пределах СССР”, впервые определивший задачи новой науки, – в историческом очерке своего сочинения отметил: “...работы Миддендорфа по вечной мерзлоте... составляют эпоху в деле изучения этого вопроса. Миддендорфу я приписываю и приоритет по времени, и приоритет по значению в деле изучения вечной мерзлоты. Если его предшественники открыли факт наличия на земном шаре громадных пространств с вечной мерзлотой, то Миддендорф утвердил этот факт в умах ученых, явился Ермаком вечной мерзлоты”[88].

Оледенение Сибири

В конце XVIII столетия швейцарский ученый О.-Б. Соссюр впервые исследовал горные ледники в Альпах. Он обнаружил, что они передвигаются, и описал их отложения – морены и валуны. Так как оказалось, что эти отложения встречаются и за пределами современных ледников, Соссюр предположил, что по расположению валунов и морен можно определить границы распространения ледников в прошлом.

В начале XIX в. возникла идея о широком развитии в древности ледников на земной поверхности – существовании особого ледникового периода. Распространению этой идеи способствовали швейцарские естествоиспытатели Ж. Шарпантье и Л. Агассис, однако в 40-е гг. XIX в. наиболее широко были известны труды Агассиса, посвященные этой проблеме. Сначала большая часть ученых Европы идею “ледяных времен” не приняла и к теории Агассиса отнеслась скептически. Как писал один из современников, “Об ней идут теперь между геологами жаркие споры: швейцарцы почти фанатически защищают ее, а германцы под руководством Буха предают проклятию”[89]. Это была эпоха, когда представления об основных геологических периодах еще только

---

[87] *Ячевский Л.А.* Материалы по геотермике // Изв. РГО. 1912. Т. 48. С. 189–223. В этой публикации содержатся протоколы заседаний Геотермической комиссии, а также обзор литературы.

[88] *Сумгин М.И.* Вечная мерзлота почвы в пределах СССР. Владивосток, 1927. С. 29–30.

[89] *Куторга С.С.* Замечания во время путешествия по Франции, Швейцарии и Германии в 1839 г. // ЖМНП. 1840. Ч. 25. Отд. II. С. 109.

формировались, и геологам более привлекательной казалась идея о переносе больших валунов льдинами древних морей. Сторонниками этих взглядов были и такие авторитетные тогда геологи как Ч. Лайель и Р. Мурчисон.

В России тоже долго преобладали представления о том, что валуны и штриховка на скалах – следы деятельности плавающих льдин. В 1839 г. профессор зоологии петербургского университета С.С. Куторга во время путешествия с Агассисом в горах Юры сам видел морены, валуны и полированные поверхности. Полагая, что туда, где он видел валуны, они не могли быть принесены водами, Куторга писал: "...надобно заключить, что они произведены движением самих льдов; и так как полированные поверхности Юры совершенно похожи на альпийские, то нет никакого сомнения, что они обязаны своим происхождением той же самой причине, т.е. движению льдов"[90]. Казалось, Куторга принимал теорию Агассиса. Однако он пришел к выводу, что эта теория еще недостаточно подтверждена фактами, а известные факты "...могут быть соединены в одно целое совершенно иною теоретизациею"[91].

К.М. Бэр уже в 1839 и 1841 гг. ездил на острова Финского залива, чтобы познакомиться со следами деятельности морских льдов и сравнить их с последствиями деятельности ледников. В 1842 г. он показал "эрратические камни" – валуны, дилювиальные шрамы и шлифованные поверхности Миддендорфу, так как одной из задач его экспедиции были поиски ледниковых отложений в Восточной Сибири для подтверждения или опровержения гипотезы Агассиса.

Миддендорф видел на Таймырском полуострове и валуны, и штриховку на скалах, и "песчаные и хрящеватые холмы", которые назвал "озарами". Он описал и нарисовал "озар", однако не смог объяснить себе его форму "в виде дома"[92]. По мнению Миддендорфа, "озары" образовались в бассейне пресной воды, а затем видоизменялись под действием морских и пресных вод.

Валуны и штриховку Миддендорф связывал с деятельностью морских вод, так как обнаружил морские отложения, которые, по его мнению, были следами более южного распространения вод Ледовитого моря. "Так как ничто не говорило в пользу прежнего существования ледников, – писал Миддендорф, – то было естественно предположить, что все эти валуны, родину которых нигде нельзя было указать поблизости, в первобытные времена,

---

[90] Там же. С. 113.
[91] Там же. С. 119.
[92] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... 1861. Ч. 1. Отд. 2. С. 278.

когда земля еще не вышла из моря, принесены сюда льдинами, и садились на тогдашнем морском дне"[93]. Кроме того, в примечании Миддендорф отметил: "...мы должны оставить нерешенным, были ли изборожденные плоскости мною не замечены на склонах хребта Бырранга, или эти борозды валунов были новейшего происхождения... Во всяком случае я не нашел на Таймыре никакого следа прежнего существования глетчеров, ни уцелевших борозд, ни таких следов, до которых не может достигнуть нынешний лед"[94].

В середине XIX в., когда Миддендорф готовил к изданию свой труд, проблема ледникового периода все еще пребывала в стадии обсуждения, и преобладали взгляды о морском происхождении морен и валунов (так называемых "дилювиальных отложений"). Подтверждения для своего вывода об отсутствии в прошлом ледников в Сибири Миддендорф находил в работах как путешественников, так и А.А. Кейзерлинга и Р. Мурчисона (в Сибири не бывавших). Доказательствами Миддендорфу служили и метеорологические наблюдения во время его экспедиции, свидетельствующие о чрезвычайной сухости воздуха в Сибири и о высоких летних температурах, предположение о том, что в прошлом климат Сибири мало отличался от современного, а также данные об отсутствии ледников в сибирских горах.

Тогда были известны ледники лишь на Алтае и в Саянских горах, а сведения П.-С. Палласа и И.-Г. Георги (участников академических экспедиций XVIII столетия) о нетающих снегах в горах Забайкалья и на Становом хребте Миддендорф считал ошибочными. Он полагал, что неверны также широко распространенные в первой половине XIX в. представления, согласно которым вблизи 70° с.ш. снежная линия спускается к уровню моря. Миддендорф не обнаружил в горах Бырранга на Таймырском полуострове нетающих снегов и на высоте 1000 футов, поэтому отметил: "...самая страшная зимняя стужа не всегда ведет за собою непременно снеговую линию"[95]. Он писал также: "На всем сибирском берегу Ледовитого моря нельзя указать ни одного глетчера... Из бесчисленного множества исполинских ледяных гор, наполняющих бассейн северного моря, ни одна не происходит из Сибири.."[96]. Впрочем, Миддендорф отмечал также, что климатических причин для объяснения отсутствия ледников на Таймыре недостаточно.

---

[93] Там же. С. 279.
[94] Там же. С. 279, примечание.
[95] Там же. 1862. Ч. 1. Отд. 3. С. 406.
[96] Там же. С. 413.

Выводы Миддендорфа ни у кого не вызывали сомнений в начале 60-х гг., когда увидел свет отдел “Путешествия на север и восток Сибири”, в котором речь шла об отсутствии древних ледников в Восточной Сибири. Но и после того, как в 1876 г. П.А. Кропоткин опубликовал обширный труд “Исследования о ледниковом периоде”, в котором на основе собственных наблюдений и наблюдений других ученых убедительно обосновал правомерность взглядов о ледниковом периоде в Сибири, в России находились сторонники взглядов Миддендорфа, хотя его имени они и не упоминали.

Наиболее активно Кропоткину возражал исследователь геологии Восточной Сибири И.Д. Черский, опираясь на собственные наблюдения. По его мнению, формы рельефа, которые Кропоткин рассматривал как результат деятельности древних ледников, можно объяснить процессами атмосферного разрушения или действия проточных вод. Черский считал, что в прошлом ледников в Сибири не было из-за сухости воздуха, которая не позволяет существовать ледникам и в настоящий период[97]. Однако во время своей последней экспедиции на Колыму и Индигирку Черский обнаружил следы ледникового периода на Верхоянском хребте. Судя по содержанию дневника, опубликованного после смерти ученого, Черский видел округлые и угловатые валуны, несортированную смесь гальки с валунами, скалы в виде бараньих лбов – результат деятельности “бывшего здесь древнего ледника”[98].

Другим “сторонником” взглядов Миддендорфа оказался А.И. Воейков. Он никогда не бывал в Восточной Сибири, но на основе сведений о чрезвычайной сухости её воздуха считал, что в прошлом там не было оледенения. Причем Воейков придерживался такого мнения не только в начале 80-х гг., когда наблюдения в Восточной Сибири были еще очень скудны, но и в 90-х гг., после того, как в нескольких местах были найдены формы рельефа, созданные древними ледниками[99].

Между тем, Э.В. Толль во время своих путешествий по северу Восточной Сибири в 1885, 1893 и 1900 гг. обнаружил следы

---

[97] *Черский И.Д.* К вопросу о следах древних ледников в Восточной Сибири // Изв. Восточно-Сибирского отдела РГО. 1881. Т. 13. Вып. 1. С. 28–62.

[98] *Черский И.Д.* Предварительный отчет об исследованиях в области Колымы, Индигирки и Яны // Зап. АН. 1893. Т. 73. Приложение № 5. С. 25, 27.

[99] *Воейков А.И.* Климатические условия современных ледниковых явлений // Записки минералогического общества. 1881. Сер. 2. Ч. 16. С. 27–90; Новейшие исследования ледников и причины их изменений // Зап. РГО по общей географии. 1882. Т. 12. № 2. С. 15; Колебания и изменения климата // Изв. РГО. 1894. Т. 30. Вып. 5. С. 576.

ледникового периода – морены, шрамы, полированные скалы, борозды, вытянутые в одном направлении и "мертвые льды". Зная о взглядах, согласно которым в полярных областях нет явных признаков деятельности древних ледников, Толль пришел к выводу, что эти следы уничтожены благодаря особенно сильному выветриванию в тундрах[100]. В 1931 г. признаки древнего оледенения на Таймыре нашел ботаник А.И. Толмачев, полагавший, что "Миддендорф безусловно тоже встречался со следами оледенения, но не дал им надлежащего толкования"[101]. Однако, по мнению Толмачёва, "...следует с большой осторожностью относиться к предположениям о сплошном или почти сплошном оледенении всего сибирского севера"[102].

Проблема четвертичного оледенения Восточной Сибири активно обсуждается до настоящего времени. В 30-х гг. XX в. широко распространились представления, согласно которым, Таймырский полуостров был одним из центров оледенения. Тогда как в 80-х гг. некоторые гляциологи стали утверждать, что всё ещё нет надежных геологических данных о древних ледниках на Таймыре[103].

Растительность Сибири

Растения, собранные Миддендорфом и его спутниками во время Сибирской экспедиции, дополнили коллекции Ботанического музея[104]. Они легли также в основу первых работ о флоре Таймырского полуострова[105] и пространства между рекой Алдан и побережьем Охотского моря[106], а также о водорослях Охотского моря[107], вошедших в труд Миддендорфа об экспедиции.

---

[100] *Толль Э.В.* Экспедиция Академии наук 1893 г. на Новосибирские острова и побережье Ледовитого океана // Изв. РГО. Т. 30. Вып. 4. С. 447–448.

[101] *Толмачев А.И.* Об оледенении Таймыра // Известия Академии наук СССР. Отдел математических и естественных наук. 1931. С. 125.

[102] Там же. С. 140.

[103] *Svendsen J.I., Astakhov V.I.* et. al. Maximum extent of the Eurasian ice sheets in the Barents and Kara Sea region during the Weichselian // Boreas. 1999. Vol. 28. № 1. P. 234–242.

[104] *Рупрехт Ф.И.* Очерки по истории Ботанического сада // Зап. АН. 1864. Т. 5. С. 150.

[105] *Trautvetter E.R.* Phaenogame Pflanzen aus dem Hochnorden // *Middendorff A. Th. v.* Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens während der Jahre 1843 und 1844. St. Pbg., 1847. Bd. 1. Th. 2. Lief. 1.

[106] *Trautvetter E.R., Meyer C.A.* Florula ochotensis phaenogama // Там же. 1856. Bd. 1. Th. 2. Lief. 3.

[107] *Ruprecht F.J.* Tange des Ochotskischen Meeres // Там же. 1851. Bd. 1. Th. 2. Lief. 2.

Особое внимание современников привлек гербарий, собранный вблизи Охотского моря, и описанный Р.Э. Траутфеттером и К.А. Мейером. Их труд "Florula Ochotensis phaenogama", по мнению Ф.И. Рупрехта, "...ознакомил науку со многими растениями, которые новы не только для флоры Российской империи, но и для единой системы, другие уже известные приобрели больший круг географического распространения, чем полагали до сего времени". Рупрехт считал также, что сочинение Траутфеттера и Мейера важно "...для ученого обсуждения, начавшегося ныне исследования страны Амура в отношении к естествознанию"[108]. (Имелись в виду исследования, которые в середине 50-х гг. XIX в. вели на Амуре Л.И. Шренк и К.И. Максимович.)

Обрабатывая растения, собранные на Таймырском полуострове, Траутфеттер обнаружил лишь пять до того неизвестных науке видов. Двум из них он дал имя Миддендорфа (*Oxytropis Middendorfii* и *Delphinium Middendorfii*). В честь Миддендорфа Траутфеттер и Мейер назвали также растения, обнаруженные вблизи Охотского моря (*Calyptzostigma Middendorfii*) и вблизи Амура (*Hemerocalis Middendorfii* и *Betula Middendorfii*)[109].

В своей работе об истории Ботанического сада среди ученых, обрабатывавших коллекции Сибирской экспедиции, Ф.И. Рупрехт упомянул имя шведского ботаника В. Ниландера. В середине XIX в. европейские ботаники считали его лучшим знатоком лишайников. Рупрехт передал Ниландеру для определения виды лишайников, собранные во время Сибирской экспедиции, однако статью с результатами его исследований Рупрехт получил лишь в конце 1866 г. 1 декабря он сообщил Миддендорфу, что Ниландер хотел, чтобы его статья была быстрее опубликована, так как она включает сведения о двух новых видах лишайников. Рупрехт предлагал опубликовать статью Ниландера в "Bulletin de l'Académie..."[110].

Миддендорфу было приятно узнать, что известный ботаник оценил его находки, поэтому он быстро ответил Рупрехту. Считая, что статью Ниландера полезно опубликовать в академическом журнале[111], Миддендорф предлагал сообщить об этой статье в Академии наук не в декабре, а в январе, когда представит физико-математическому отделению очередной отдел своего труда, в

---

[108] ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1856. № 22. Л.л. 80 об.–81.

[109] *Бородин И.П.* Коллекторы и коллекции флоры Сибири // Труды Ботанического Музея имп. Академии наук. 1908. Вып. IV. С. 80.

[110] ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 8. Л. 257–257 об.

[111] ПФА РАН. Ф. 61. Оп. 2. № 91. Л. 9–10.

котором собирался поместить и несколько дополнений к уже опубликованным выпускам. Список лишайников, обработанный Ниландером, напечатан в приложениях к отделу "Сибирская фауна" только немецкого издания четвертого тома труда Миддендорфа[112].

Таким образом, гербарий, собранный во время Сибирской экспедиции, позволил расширить представления о видовом составе флоры Восточной Сибири. Но гораздо большее значение приобрели исследования Миддендорфа в области ботанической географии. Ботаник и физико-географ В.Б. Сочава через столетие после выхода в свет труда Миддендорфа считал, что "Растительность Сибири" "исполнена с таким мастерством и заключает столько оригинальных мыслей, что без всякого сомнения должна быть квалифицирована как классическое произведение нашей отечественной геоботаники"[113]. Можно также отметить, что такого рода сочинение было первым для ботанической географии не только Сибири, но и России в целом.

Наибольшее внимание современников и ученых XX в. привлекали сведения Миддендорфа о пределе распространения лесной растительности и причинах, мешающих продвижению деревьев к северу. Эту границу сложно было определить и в Европейской России, где имелось гораздо больше наблюдений. Но, полагая, что и в Сибири "нужно же когда-нибудь начать это дело", Миддендорф тщательно изучил условия существования отдельных древесных пород. При этом он не ограничивался анализом собственных наблюдений, но сравнивал их с данными других исследователей о жизни деревьев в Европе и Северной Америке. Результаты этих исследований позволили Миддендорфу утверждать, что различные виды деревьев имеют на севере разные границы, а также, что предел лесной растительности не совпадает с пределом распространения деревьев[114].

Северную границу лесной растительности Миддендорф определил, изучая условия существования лиственницы – наиболее

---

[112] *Nylander W. Lichenes Middendorffiani // Middendorff A.Th. v.* Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens während der Jahre 1843 und 1844. St. Pbg. 1867. Bd. IV. Th. II. Lieferung 1. Anhang № VI. S. LV–LVIII.

[113] *Сочава В.Б.* Страницы из прошлого русской географии // Сибирский географический сборник. 1963. Т. 2. С. 229.

[114] Вслед за Траутфеттером пределом распространения деревьев Миддендорф считал "крайнюю черту древесной растительности, а не предел произрастания здоровых, массивных или по крайней мере прямоствольных деревьев" (*Миддендорф А.Ф.* Путешествие на север и восток Сибири. СПб., 1867. Ч. 1. Отд. 4. С. 579).

характерной древесной породы Сибири. "Важнейший из пределов лесной растительности бесспорно тот, который вместе с тем показывает крайний предел распространения деревьев и леса вообще по направлению к полюсу. Сибирь в этом отношении можно считать образцом несложного порядка вещей, потому что в ней полярный предел одной древесной породы – даурской лиственницы – в то же время составляет пределы древесной и лесной растительности. В северной Европе и северной Америке отношения не так просты[115].

Согласно Миддендорфу, северная граница лесной растительности в Сибири не тянется вдоль определенной параллели или изолинии и лишь в известной мере следует очертаниям берега Ледовитого моря. Граница эта "...выдвигается остроконечными углами вдоль долин рек"[116]. Она приближается к морю вдоль узких долин и отступает к югу на водоразделах.

Миддендорф отмечал: "относительно влияния теплоты на растения мы знаем очень мало. Затем не подлежит никакому сомнению, что география растений доселе слишком односторонне принимала в соображение почти одну только температуру. Распределение и масса дождя, количество паров, содержащихся в воздухе, и т.п. играют, как известно, тоже немаловажную роль. Но мы еще далеко не в состоянии сказать, как должны влиять все эти обстоятельства на растения"[117]. Положение предела лесной растительности зависит не только от температуры воздуха, но от совокупности всех условий места произрастания деревьев: от качества почвы, уровня грунтовых вод, рельефа, а также инсоляции (действия прямых солнечных лучей), распределения и массы дождя, направления ветра и проч.

Процессы, происходящие в растениях зимой, причины их гибели на севере еще не были известны. Миддендорф полагал, что морозы деревьям Сибири не страшны, так как они погружаются в "совершенно бесчувственный зимний сон", а растительный сок замерзает при более низкой температуре, чем вода. Для существования деревьев гораздо более опасны резкие скачки температуры весной и осенью, а также сочетание нескольких неблагоприятных обстоятельств – внезапные морозы осенью, малоснежная зима, низкие температуры во время созревания почек. (По мнению Миддендорфа, почки растений глубокого севера образуются еще осенью.)[118] Существованию деревьев на севере ме-

---

[115] Там же. С. 546.
[116] Там же. С. 557.
[117] Там же. С. 643.
[118] Там же. С. 631.

шают холодные ветры, недостаточность снежного покрова, вечномерзлые почвы, препятствующие глубокому проникновению корней. Особенно губительны для жизни деревьев ледяные северные ветры. Защита от них способствует выживанию деревьев даже при прочих неблагоприятных условиях.

Миддендорф обнаружил, что с приближением к северному пределу обитания, уменьшается высота деревьев и их толщина. Первое связано с низкими температурами воздуха и почвы. Снижение диаметра стволов – следствие сокращения ширины годовых колец. Миддендорф пытался даже вычислять, сколько лет должно существовать дерево, чтобы достигнуть определенной толщины, и вместе с тем отметил, что по толщине колец не всегда можно судить о благоприятных или неблагоприятных условиях климата того или иного года.

Согласно Миддендорфу, неверно мнение, будто "лишайники и бородатые мхи" покрывают исключительно обращенные к северу стороны деревьев. На северной стороне ствола они "встречаются лишь на таких деревьях, которые стоят по одиночке или на окраине леса"[119]. Можно предположить, что такой вывод был сделан на основе наблюдений не столько в Сибири, сколько в Лифляндии.

Обращая внимание на губительные последствия пожаров в Сибирских лесах (одной из причин гибели деревьев), Миддендорф весьма выразительно описал в своем труде это стихийное бедствие: "Как только огонь успел вырваться из своих оков, так он уже становится опасным. Иногда он целые годы тлеет в торфяной почве, подъедая корни деревьев до тех пор, пока стволы не повалятся, и по сучьям их, покрытым бородатыми мхами, начинают разливаться новые огненные потоки, которые пожирают все, что встречают на пути своем"[120].

Миддендорф однажды сам невольно стал причиной пожара. Желая спастись от комаров на берегу Охотского моря, он развел "небольшой огонек", но не успел опомниться, "как пламя уже охватило окружавшие кусты, и хвойная чаща стала пылать, как солома. Густой пропитанный скипидарным чадом дым то взвивался черными клубами, то вспыхивал яркими газовыми огоньками, которые ветер разносил по воздуху... Целую неделю пылали вершины мыса Нинта, освещая заревом наши темные ночи. Широким развернутым фронтом огонь продвигался вперед через кед-

---

[119] Там же. С. 567.
[120] Там же. С. 611.

ровый кустарник на скалистых высотах, не оставляя за собою даже дымящейся степи"[121].

Эти выразительные картины пожаров Миддендорф нарисовал, чтобы показать их опасность для сибирской тайги. На севере леса с трудом возрождаются из-за чрезвычайно медленного роста деревьев. Миддендорф полагал, что если в Сибири когда-нибудь будет налажено лесное хозяйство, его организаторы должны знать о медленном росте деревьев и особенно позаботиться об их сохранении и восстановлении[122]. При этом законы о сохранении лесов, по мнению Миддендорфа, создавать бесполезно, так как местные жители видели, что "опустошение, производимое рукой человека, ничтожно в сравнении со свирепостью стихии"[123]. Кажется, до сих пор у местных жителей сохраняется подобное отношение к проблеме обращения с огнем в лесах Сибири.

Много внимания Миддендорф уделял особенностям природных условий тундры. Определяя влияние на жизнь растительного мира всей совокупности неорганических явлений, Миддендорф имел в виду не только тип тундровой растительности, но и особый географический тип земной поверхности. По мнению Миддендорфа, характерным признаком тундры нельзя считать ее безлесье. Такой вывод несколько противоречил его собственным рассуждениям о границе лесной растительности и причинах исчезновения древесных пород. Так, Миддендорф сообщал, что на Таймырском полуострове до 72,5° с.ш. его "сопровождала" только лиственница "в виде жалкого кустарника", и что градусом южнее он "не без чувства глубокой скорби расстался с лесом". Миддендорф писал также: "...лес прекратился почти внезапно и уступил место необозримой, но ни ровной, ни плоской, но холмистой снеговой поверхности"[124].

Хотя тундры было принято называть низменными равнинами, покрытыми "трясучими топями" (болотами), по наблюдениям Миддендорфа, сибирские тундры "по большой части волнисты или по крайней имеют форму плоских возвышенностей"[125]. Поэтому низменный характер тундры не следовало считать её отличительным признаком. Об этом Миддендорф сообщал уже в

---

[121] Там же. С. 611–612.

[122] "...со временем, когда в этом отдаленном [Сибирском] крае будет устроено правильное лесное хозяйство, число участков, назначаемых для рубки леса, придется увеличить на треть сообразно с замедляющимся на треть оборотом времени, ... потребным для возобновления леса ..." (Там же. С. 608).

[123] Там же. С. 613.

[124] Там же. С. 696.

[125] Там же. С. 698.

своих отчетах 40-х гг. и сожалел, что его мнение не привлекло к себе внимания географов.

В труде Миддендорфа мы находим первый опыт классификации тундр. Он различал высокие и низкие тундры, а высокие делил на политриховые и лишайниковые. Лишайниковые тундры он наблюдал, еще путешествуя по Лапландии. Название "политриховые тундры" предложил Миддендорф[126]. На Таймыре лишайниковые тундры путешественник видел лишь на склонах хребта Бырранга, но считал, что они встречаются также на Чукотском полуострове, а наиболее характерны для Северной Америки. В низменных тундрах Миддендорф выделил моховые (сфагновые) болота и "возвышенные моховики", образовавшиеся на месте озер.

Когда Миддендорф писал свой труд, понятия "зональность" в географическом значении еще не было. Климат различали по широтам, но зонами называли любые естественные области, а не только вытянутые вдоль параллелей. В описаниях Миддендорфа тундра как своеобразная совокупность не только растений, но и всех природных явлений, приобретала характер зонального единства. Тундры на берегах океана встречаются в Европе, Сибири и Северной Америке. По словам Миддендорфа, "В общих чертах флора тундры сохраняет один и тот же вид. Читая красноречивые труды, посвященные Ричардсоном описанию тундры при реке Макензи, видишь, кажется, перед собою любую местность северной Сибири или северной Европы"[127]. Миддендорф подчеркивал также, что в климатическом отношении разница в широтах оказывает большое влияние на органическую жизнь, тогда как различия по долготе почти не имеют значения. Поэтому ни Урал, ни Берингов пролив нельзя считать существенной чертой раздела растительности. Миддендорф первым употребил термин "кругополярная (циркумполярная) флора", рассуждая об особенностях растительности тундры[128].

Миддендорф также первым сравнил природные условия тундры и степи и определил причины их сходства и различия. Еще в XVIII в. тундры иногда называли степями из-за того, что там нет древесных растений. Миддендорф считал, что отсутствие деревьев нельзя считать характерным признаком ни тундр, ни

---

[126] Там же. С. 702.

[127] Там же. С. 557. Дж. Ричардсон, врач и полярный исследователь, был одним из спутников Дж. Франклина во время его экспедиции для отыскания северо-западного прохода. В 1826 г. Ричардсон вел съемку северного побережья Америки между заливом Макензи и р. Коппермайн.

[128] Там же. С. 697.

степей. Деревья можно обнаружить в углублениях рельефа на южном пределе тундры, встречаются они и в степях. Но отсутствие деревьев в тундре и степи зависит от совершенно разных причин: "Что в степи происходит вследствие сухости, то на тундре обусловливается недостатком тепла... – писал Миддендорф. – Поэтому тундра встречается и в морском, и в континентальном климате, степь – только в континентальном"[129].

Миддендорф обратил внимание и на известное сходство климатических условий тундры и степи – значительное различие между зимними и летними температурами. Однако в тундре температура "не доходит до тех страшных крайностей стужи, каким подвергается степь... В тундре растение должно быть беспристрастнее, в степи – закаленнее"[130]. В грунтах тундр находится вечная мерзлота ("ледяная почва"), в степях ее нет. Между тем, в тундрах и степях можно обнаружить одни и те же виды растений.

Миддендорф не только рассматривал множество конкретных вопросов, связанных с проблемой влияния различных явлений на жизнь растений в отдельных частях Восточной Сибири, но обращал внимание и на нерешенные проблемы. И именно он впервые отметил недостаток "биологически-метеорологических наблюдений" для анализа растительности. С одной стороны, ученые еще не умели "вполне пользоваться готовым материалом", но с другой – стремление к обобщениям заставляло их весьма далеко забегать вперед. По словам Миддендорфа, "в некоторых сферах блеск остроумных предвзятых идей далеко опередил собою медленную робкую поступь положительной науки"[131].

Миддендорф пришел также к выводу, что следует отправляться в экспедиции для того, чтобы дать ответы на заранее поставленные вопросы. Во время экспедиций следует вести не только "кочевые" исследования, но также стационарные – "на известных заранее определенных важных местностях". По мнению Миддендорфа, "наблюдательные станции" полезно устраивать на таких местах, "...где скрещиваются линии распространения разных древесных пород, где известные древесные породы наиболее выдвигаются к полюсу или наиболее удаляются от него..., на полярном пределе хлебопашества"[132]. Только точные систематические наблюдения помогут решить споры ученых об условиях существования того или иного растения.

---

129 Там же. С. 700.
130 Там же. С. 701.
131 Там же. С. 719.
132 Там же.

Много внимания Миддендорф уделял вопросу об условиях земледелия в Сибири. Он определил северные границы распространения отдельных зерновых культур и овощей, обратил внимание на возможность выращивания некоторых овощей в северных областях, отметил, что не все виды растений из Амурского края поддаются акклиматизации в условиях Европейской России.

Предел земледелия в Сибири, согласно Миддендорфу, связан с влиянием мерзлых почв, коротким летом, вредным действием ранних и поздних морозов, т.е. во многом определяется влиянием континентального климата. Но этот предел зависит не только от климатических условий. "Теплое, освещенное солнцем положение на скатах..., не слишком питательная почва, от которой хлеб не слишком сильно идет в лист и может созревать во время и т.п., одним словом все те, по-видимому, ничтожные, но в сущности важные условия, тщательное соблюдение которых характеризует толкового хозяина, играют и на полярном пределе земледелия, и на альпийских возвышенностях еще несравненно большую роль, нежели у нас [т.е. в Европейской России]"[133].

Миддендорф считал также, что "...местности, в которых хлеб родится гораздо лучше, чем в средней Европе, не могут быть помещены вне предела земледелия. Так, это относится и к Якутску, и к Нерчинску. Если уже теперь при полуобразованном состоянии, когда торговля, скотоводство, охота и рыболовство приносят самые большие выгоды, если уже теперь, говорим мы, в Якутске земледелие составляет доходную статью..., то это гораздо яснее окажется в будущем, когда и эти местности будут населены гораздо больше нынешнего"[134].

Выяснив причины, мешающие распространению отдельных видов зерновых культур и овощей, Миддендорф пришел к выводу, что не всегда наблюдаемый предел определяется природными условиями. "Не скорее ли это результат и отражение разнообразных побочных обстоятельств, основу которых следует искать в политико-экономических данных [причинах] разного рода?" – спрашивает Миддендорф. Он писал о возможности выращивания некоторых овощей в северных странах и перечислил дикие растения тундры, которые можно использовать в пищу. Миддендорф весьма критично относился к насильственному введению хлебопашества в Сибири, считая что административные усилия в этом направлении не оправдываются.

---

[133] Там же. С. 695.
[134] Там же. С. 747.

Таким образом, Миддендорф рассмотрел множество вопросов, связанных с условиями жизни растений в Восточной Сибири, и попытался выяснить причины как содействующие, так и мешающие их существованию. Затрагивая проблемы ботанической географии, на которые сам не мог ответить, он считал необходимым привлечь к ним внимание исследователей. Например, Миддендорф полагал, что следует выяснить, какое значение для растений тундры имеет полярный день, как он отражается на дыхании, требующем и ночного времени, как влияет на жизнь растений резкая смена давления, можно ли продлить "зимнюю спячку" растений, что могло бы содействовать их акклиматизации в северных областях.

Труд Миддендорфа о растительности Сибири тотчас привлек внимание ученых. Имя Миддендорфа встречается уже в докладе профессора ботаники Петербургского университета А.Н. Бекетова "О влиянии климата на возрастание сосны и ели", прочитанном в 1868 г. на Первом съезде естествоиспытателей и врачей. В начале доклада Бекетов отметил, что было еще очень мало наблюдений о влиянии физических условий на существование древесных растений, не упоминая среди наблюдателей имени Миддендорфа. Бекетов скептически отозвался о скудости данных о годичных кольцах деревьев в труде Миддендорфа, но затем сообщил, что использовал данные из его таблицы, которую перед этим называл скудной и непригодной для серьезных выводов. И только подчеркнув собственные заслуги в определении северного предела сосны и ели, Бекетов отметил: "В сочинении Миддендорфа, уже не раз упомянутом, находим весьма основательное и подробное нанесение полярной границы главнейших деревьев Европейской России и Сибири"[135].

Так как и к концу XIX в. видовой состав растительности Сибири (особенно Восточной Сибири) все еще был плохо известен, директор Ботанического музея С.И. Коржинский предложил Академии наук программу полного описания флоры Сибири. Он даже получил деньги на эту работу, но в 1900 г. скончался. Подготовительные исследования для осуществления задачи возглавил новый директор музея И.П. Бородин. В обширном труде он описал все уже существующие коллекции растений Сибири, а также сообщил сведения о тех, кто их собирал. В своей работе Бородин упомянул и коллекции Сибирской экспедиции. Он отметил, что на Таймырском полуострове растения собирал

---

[135] *Бекетов А.Н.* О влиянии климата на возрастание сосны и ели // Труды Первого съезда естествоиспытателей в Санкт-Петербурге. СПб., 1868. С. 149.

Т.-Э. Брант, а в Удском остроге М. Фурман, привел некоторые биографические сведения о них, а также перечислил растения, названные в честь Миддендорфа[136].

Вскоре появилась подробная библиография Сибири, составленная Д.И. Литвиновым, которую автор сопроводил и некоторыми комментариями. Называя труд Миддендорфа важной работой в области ботанической географии, Литвинов отметил, что в нём имеются подробные сведения о распространении главным образом древесных растений и упомянуты лишь немногие травянистые виды. Согласно Литвинову, Миддендорф использовал литературу, в которую ботаники обычно не заглядывают, "...и это придает исчерпывающую полноту его обзорам распространения" (древесных пород), но, "оперируя столь незначительным количеством видов нельзя было создать сколько-нибудь полную картину растительности Сибири"[137].

Несмотря на это замечание, Литвинов включил в библиографию все отчеты Миддендорфа о его сибирском путешествии (и даже статьи К.М. Бэра об этом путешествии, в которых сведений о растениях практически не было), но не сообщил, что работы Ф.И. Рупрехта, Р.Э. Траутфеттера и К.А. Мейера, основаны на материале, собранном экспедицией Миддендорфа.

Если российские авторы использовали в основном данные о флоре, то европейские ботаники рассматривали "Растительность Сибири" Миддендорфа прежде всего как сочинение о географии растений. Не ясно, было ли известно в Европе, что автор – зоолог, но к взглядам Миддендорфа ботаники относились с полным доверием – и принимая их, и полемизируя с ними. В этом отношении весьма интересны труды немецкого ботанико-географа А. Гризебаха и датского ботаника Е. Варминга.

Гризебах в первом томе своего труда "Растительность земного шара согласно климатическому ее распределению" (который впервые увидел свет в 1871–1872 гг.) постоянно ссылался на работу Миддендорфа в главах "Арктическая флора" и "Лесная область восточного материка". Гризебах использовал его сведения о северном пределе лесной растительности, причинах гибели деревьев, границе леса на Алданском хребте, глубине мерзлоты в Якутске, об однообразии арктической флоры, о "зимнем оцепенении" растений. Согласно Гризебаху, "превосходным наблюдениям Миддендорфа мы обязаны важнейшими данными касательно

---

[136] *Бородин И.П.* Коллекторы... С. 11, 79–80, 131.

[137] *Литвинов Д.И.* Библиография флоры Сибири // Труды Ботанического Музея имп. Академии наук. 1909. Вып. V. С. 185.

климата на границе леса"[138]. Он отмечал также: "Миддендорф, обширным и основательным исследованиям которого мы обязаны полным познанием предела земледелия в Сибири, прочно установил своими историческими и народно-экономическими доказательствами, что тут культура действительно достигла своего климатического предела"[139].

Гризебах не всегда делал ссылки. Но, если в его труде речь идет о "подземном льде" (не мерзлых почвах) в Якутске, о том, что море умеряет холод арктических берегов или о полюсе холода[140], о том, что неизвестно, как длинный день северного лета действует на физиологию растений[141], о тощих пастбищах Таймырского полуострова, куда из Сибирской тайги перебираются лишь несколько семейств инородцев[142], то очевидно, что сведения эти почерпнуты из труда Миддендорфа.

Кстати, можно предположить, что и Миддендорф использовал некоторые идеи Гризебаха. Хотя прямых ссылок на его сочинения в отделе "Растительность Сибири" нет, Миддендорф упоминал имя Гризебаха, обсуждая некоторые вопросы ботанической географии.

Полагая, что "Растительность Сибири" написана раньше трудов А. Гризебаха и А. Декандоля, В.Б. Сочава утверждал, что Миддендорф не принял во внимание их работы, а "...отсутствие согласованности с взглядами названных ученых и других авторов 60-х гг. ...лишало работу в некоторых случаях научной свежести"[143]. Между тем широкое использование Гризебахом фактических данных Миддендорфа свидетельствовало не только о высокой оценке его работы, но и о понимании ее "научной свежести". Но авторитет Гризебаха для ботаников несомненно был более высок, чем авторитет Миддендорфа, поэтому оригинальность некоторых его идей затушевывалась появлением работы Гризебаха. Вместе с тем можно предположить, что сам этот труд привлек внимание европейских ученых к сочинению Миддендорфа, и во

---

[138] *Гризебах А.* Растительность земного шара согласно климатическому ее распределению. СПб., 1874. Т. 1. С. 69.

[139] Там же. С. 106.

[140] Там же. С. 35. В другом месте Гризебах писал: "Якутск есть *полюс наибольшего холода* восточного материка. Там мерзлота простирается, по Миддендорфу, на глубину 600 футов, но так как летом почва весьма значительно оттаивает, то подземный лед не имеет никакого влияния на поверхностные слои, так что и земледелие не чуждо тех холодных стран на Лене" (Там же. С. 76).

[141] Там же. С. 30.

[142] Там же. С. 32.

[143] *Сочава В.Б.* Страницы... С. 233.

всяком случае содействовал распространению многих сведений, впервые появившихся в его "Растительности Сибири".

"Путешествие на север и восток Сибири" Миддендорфа использовал и Е. Варминг в своем основополагающем труде "Экологическая география растений"[144]. В этой работе нет ссылок, но "Путешествие.." не только вошло в список использованной литературы, но, судя по содержанию его сочинения, Варминг был достаточно хорошо знаком с взглядами автора.

Посвятив свой труд определению влияния экологических факторов на жизнь растительных сообществ[145], Варминг опирался и на данные Миддендорфа. Например, он писал о том, что местности лишены лесной растительности главным образом из-за действия ветра, но одновременно и под влиянием холода и других обстоятельств[146]. Рассуждая о тундрах, Варминг упомянул о самой сухой политриховой тундре, не отмечая, что это название дал Миддендорф, но сразу вслед за этим писал о сфанговых тундрах, пропитанных водой ("волнующаяся тундра" – по Миддендорфу)[147]. Варминг сообщил, кроме того, что "Миддендорф тундры называет ледяными пустынями"[148], а также о том, что отсутствие леса в степях Миддендорф объяснял влиянием сухих горячих ветров. По словам Варминга, "оазисы" тундры – богатые цветами луга с многолетниками описал Миддендорф – "...например, для склонов Таймыра [имелись в виду склоны хребта Бырранга], где они защищены от суровых ветров и где почва представляет собой черный гумус"[149]. Перечисляя виды этих оазисов, Варминг упомянул и растения, названные в честь Миддендорфа[150].

Миддендорф писал свой труд еще до появления термина "экология". Но он ставил перед собой именно экологические задачи, когда стремился выяснить закономерности распределения расте-

---

[144] Термин "экология" был предложен Э. Геккелем в 1866 г., однако не сразу привлек к себе внимание. В конце XIX в. он был еще нов для России, поэтому в русском переводе труд называется "Ойкологическая", а не "Экологическая география растений".

[145] Е. Варминг различал флористическую и экологическую географию. По его определению, экологическая география "...знакомит нас с тем, каким образом растение и целые растительные сообщества согласуют свой внешний вид и свои жизненные отправления (Haushaltung) с действующими на них внешними факторами". (Ойкологическая география растений. СПб., 1901. С. 2–3). В труде Варминга, кажется, впервые встречается термин "экологический фактор".

[146] Там же. С. 51.

[147] Там же. С. 219.

[148] Там же. С. 336.

[149] Там же. С. 417.

[150] Там же. С. 418.

ний, характер влияния на жизнь отдельных видов географических (экологических) факторов (температуры, света, влажности, движения воздуха, почвы, рельефа и проч.), а также причин, содействующих или мешающих существованию как отдельных растений, так и их сообществ. Интересно, что о значении работы Миддендорфа для истории экологии растений исследователи его творчества не упоминают. Речь обычно идет лишь о том, что Миддендорф стоял у истоков экологии животных.

Сибирская фауна

Основной целью Сибирской экспедиции Миддендорфа было изучение жизни животных в неблагоприятных условиях. Обширные коллекции, собранные во время этой экспедиции, обогатили фонды Зоологического музея и легли в основу двух томов труда Миддендорфа, в которых описаны представители классов млекопитающих, моллюсков, ракообразных, земноводных, птиц и насекомых. Результаты этих исследований он излагал и в отдельных статьях. Согласно Ф.Ф. Брандту, за время работы в Академии наук Миддендорф опубликовал в академических журналах 23 статьи по зоологии. Особое внимание коллег привлекали его работы о моллюсках. Миддендорф не только обработал сибирскую коллекцию и собрании музея, но и познакомился с различными видами моллюсков в музеях Европы. Это позволило ему описать моллюсков всей Российской империи. Современники считали Миддендорфа основоположником российской малакозоологии (науки о моллюсках).

Уже в отчете физико-математического отделения Академии наук за 1846 г. сообщалось о том, что Миддендорф подготовил записку "о некоторых новых родах моллюсков как предтечу русской малакозоологии"[151]. В 1847 и 1849 гг. Миддендорф опубликовал три части труда "Beiträge zu einer Malacozoologia Rossica"[152], который высоко оценили современные ему зоологи. Кроме того, в 1848 г. Миддендорф опубликовал статью об истории малакозоологии в России в журнале Московского общества испытателей природы[153]. В том же году А.Д. Нордман (профессор университета

---

[151] Отчет по I и III отделениям имп. Академии наук за 1846 г. // ЖМНП. 1847. Ч. 53. Отд. III. С. 72.

[152] *Middendorff, A. Th. v.* Beiträge zu einer Malacozoologia Rossica // Mém. Acad. Série VI. 1847–1849 T. 6, 8.

[153] *Middendorff, A. Th. v.* Grundriss für eine Geschichte der Malakozoographie Russlands. // Bulletin de la Société Impériale des naturalistes de Moscou. 1848. T. 21. № 2. S. 424–473.

в Гельсингфорсе) благодарил Миддендорфа за вклад в малакозоологию России, называя его труд "во всех отношениях очень удачным и содержательным"[154].

Американский зоолог А.-Дж. Гулд (Gould) в 1849 г. в своем письме к Миддендорфу отметил, что благодаря его работе стали сравнимы виды моллюсков северных частей Атлантики и Тихого океана[155]. Немецкий зоолог Р.-А. Филлипи (специалист по моллюскам, с которым в 1846 г. Миддендорф работал в Касселе), в письме, написанном 14 февраля 1851 г., сообщал, что получил работу Миддендорфа недавно и сожалел, что не мог ее использовать в собственном сочинении, так как оно уже находилось в типографии. Филлипи писал: "Я читаю этот труд – одно из драгоценных обогащений малакозоологии – и радуюсь, что Вы взяли на себя эту область зоологии"[156]. Согласно Филлипи, до тех пор моллюсками занимались в основном любители.

В 1850 г., представляя Миддендорфа в экстраординарные академики, К.М. Бэр, Ф.Ф. Брандт и Г.И. Гесс отметили, что Миддендорф "обширнейшими и важными, уже изданными отдельно большими или меньшими диссертациями по части малакозоологии России или же назначенными для описания путешествия трудами о мягкотелых животных нашего отечества, снискал себе не только отличное место между малакозоологами и зоотомами, но еще мастерски обработал и отчасти на основании своих собственных начал дотоле вовсе пренебреженный отдел российской фауны"[157]. Представляя Миддендорфа в ординарные академики, в 1852 г. Бэр подчеркнул: "мы приобрели первое полное основание русской малакофауны, потому что знаменитое творение Палласа о русской фауне не простирается далее позвоночных животных"[158].

В инструкции по зоологии для намечавшейся экспедиции Русского географического общества на Камчатку Ф.Ф. Брандт писал, что зоолог должен познакомиться с частью труда Миддендорфа, в которой описаны моллюски, но сам может им не заниматься, так как моллюски уже систематически описаны Миддендорфом[159]. Ч. Лайель в 1852 г. в письме к Дарвину жаловался, что не смог найти в библиотеке Королевского географического об-

---

[154] ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 8. Л. 123. Письмо написано 3/15 ноября 1849 г.
[155] Там же. № 16. Л. 123.
[156] Там же. № 8. Л. 168.
[157] ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 17. № 16. Л. 4–4 об.
[158] Там же. Л. 12 об.
[159] Свод инструкций для Камчатской экспедиции, предпринимаемой Русским Географическим обществом. СПб., 1852. С. 55–56.

щества необходимые ему работы о моллюсках. Среди авторов работ, которые он искал, Лайель назвал и Миддендорфа[160].

Работа Миддендорфа о моллюсках и впоследствии привлекала к себе внимание ученых. Зоолог С.М. Герценштейн (хранитель Зоологического музея Академии наук) в труде о моллюсках Мурманского берега и Белого моря неоднократно ссылался на данные Миддендорфа, дополняя их, и подчеркивал близость собственных взглядов к зоогеографическим воззрениям Миддендорфа. "Начав с моллюсок [так!], – писал Герценштейн, – я желал исследование их вести в направлении, указанном еще Миддендорфом, а именно – выяснить общий морфологический характер видов нашей фауны, определить по возможности точно границы их географического распределения, для чего точно сравнить наши виды с ближайшими сородичами из других морей и проч."[161]. Излагая разные точки зрения, Герценштейн часто сравнивал их с выводами Миддендорфа, отмечая как верность, так и ошибочность его суждений.

Результаты исследований Миддендорфа сохраняли свое значение и в начале XX в. В 1904 г. зоолог П.Ю. Шмидт писал, что малакозоологические работы Миддендорфа до тех пор являлись "не только основою, но и почти единственными фактическими данными по фауне Охотского моря"[162]. Согласно Шмидту, и в 1926 г. сочинение Миддендорфа о моллюсках Охотского моря (1851) все еще оставалось "единственным источником наших сведений по малакозоологии этого моря"[163]. Взгляды Миддендорфа на проблему систематики моллюсков дальневосточных морей еще и в 1960 г. рассматривал зоолог О.А. Скарлато[164].

Рекомендуя Миддендорфа в академики, зоологи Академии наук упоминали также о его основательных исследованиях бурого медведя. В 1850 г. речь шла о том, что Миддендорф "...доказал, как родовое тождество всех поныне еще водящихся в Европе и в северной и восточной Азии пород этого животного, так и различие его от ископаемого медведя"[165]. В 1852 г., помимо этого, упо-

---

[160] *Burkhardt, F. et al.* The correspondance of Charles Darwin. Cambridge, 1991. Vol. 10. P. 465.

[161] *Герценштейн С.* Материалы к фауне Мурманского берега и Белого моря, I. Моллюски. СПб., 1885. С. 636.

[162] *Шмидт П.Ю.* Рыбы восточных морей Российской империи. СПб., 1904. С. 30.

[163] *Шмидт П.Ю.* Зоология // В кн. Тихий океан. Русские научные исследования. Л., 1926. С. 126.

[164] *Скарлато О.А.* Двустворчатые моллюски дальневосточных морей СССР. М.; Л., 1960. С. 8–9.

[165] ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 17. № 16. Л. 5.

миналось о новизне метода, благодаря которому Миддендорфу удалось сделать эти выводы[166].

Так как в Евразии бурые медведи имеют самые разные морфологические признаки, зоологи XIX в. выделяли несколько их видов. Миддендорф изучил признаки бурого медведя не только на основе музейных коллекций. Во время охоты он имел возможность наблюдать медведей в естественных условиях в Лифляндии, Сибири и в окрестностях Петербурга. Тщательно изучив анатомическое строение и внешний вид (морфологические признаки) особей разного возраста в различных местах обитания, Миддендорф первым пришел к выводу, что на всем пространстве России встречается лишь один вид бурого медведя – *Ursus arctos*. Согласно Миддендорфу, известный тогда ископаемый медведь отличался от этого вида[167].

Результаты своих исследований о буром медведе Миддендорф изложил как в труде о Сибирской экспедиции, так и в статье "Медведь бурый" для популярного издания "Русская фауна"[168]. В этой статье Миддендорф весьма выразительно описал внешний вид, повадки и образ жизни этого животного, рассказал о медведе как о персонаже сказок и фольклора разных народов и подробно описал охоту на медведя.

Работа Миддендорфа о буром медведе не сразу привлекла к себе внимание европейских ученых. В "Сибирской фауне" Миддендорф с огорчением отметил, что некоторые зоологи продолжали выделять разные виды бурого медведя, несмотря на то, что наблюдения Л.И. Шренка, Г.И. Радде и Н.А. Се́верцова подтверждали правомерность его вывода[169].

Неизвестно, когда утвердились представления, согласно которым и в России, и в Европе распространен только один вид бурого медведя, и какую роль в утверждении таких представлений сыграли взгляды Миддендорфа. В настоящее время мнение это общепринято. Однако отдельные популяции бурого медведя считаются подвидами из-за того, что в разных местностях не только

---

[166] Там же. Л. 14–14 об.

[167] В 1860 г. был опубликован труд профессора зоологии Гельсингфорсского университета А.Д. Нордмана "Paläontologie Südrusslands" (Helsingfors. Bd. IV.), в котором особое внимание уделялось ископаемому медведю. В отделе, посвященном этой проблеме, автор часто ссылался на труд Миддендорфа.

[168] Русская фауна, или описание и изображение животных, водящихся в империи Российской. Сост. Ю. Симашко. СПб., 1851. Ч. 2. Млекопитающие. С. 187–295.

[169] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие на север и восток Сибири. СПб., 1869. Ч. 2. Отд. 5. С. 287–288.

внешний вид, но и повадки медведей существенно различаются. При этом один из подвидов получил имя Миддендорфа[170].

По мнению Миддендорфа, внести нечто новое в изучение фауны данной местности, лишь перечисляя и описывая живущих в ней животных, невозможно. Необходимо определение "...той тесной связи, которая существует между отличительными свойствами данной фауны, и особенностями как той почвы, на которой она живет, так и того климата, в котором она живет и развивается"[171]. Именно поэтому во время экспедиции Миддендорф тщательно изучал разные природные явления Восточной Сибири, а затем стремился выяснить характер их влияния на жизнь и географическое распространение отдельных видов.

По словам Миддендорфа, "...при выполнении предлежащего труда обнаружилось столько пробелов в сведениях наших по части распространения сибирских животных, что предлагаемый в этом выпуске опыт иному может показаться преждевременным и не совсем уместным. Но если мы подумаем, что на окончательное распределение сибирских видов понадобится еще более столетия и что лишь после такого окончательного распределения с достоверностью можно будет продвинуть некоторые географические вопросы, то нельзя не согласиться, что вследствие важного влияния каждой новой зоогеографической точки зрения на способ толкования видового понятия, зоологической географии необходимо будет по временам забегать вперед для разведки новых путей"[172].

Миддендорф был сторонником взгляда, согласно которому "географическое распространение каждого вида начиналось с известного центра распространения"[173]. Затем постепенно область существования вида расширяется. Чем животное всеяднее и подвижнее, чем легче оно удовлетворяет свои потребности, тем обширнее эта область. Но каждый вид имеет определенный предел распространения. Наличие одного и того же вида в чрезвычайно удаленных друг от друга местонахождениях свидетельствует

---

[170] Самый большой бурый медведь обнаружен на острове Кадьяк. Этот подвид назван в 1896 г. *Ursus arctos middendorfii*. (*Merriam C.H.* Preliminary synopsis of the American bears // Proceedings of the Biological Society of Washington. 1896. Vol. 10. P. 69).

[171] *Миддендорф А.Ф.* Разбор сочинения г. Северцова под заглавием "Периодические явления в жизни зверей, птиц и гадов Воронежской губернии" // Двадцать пятое присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград. СПб., 1856. С. 194.

[172] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... 1869. Ч. 2. Отд. 5. С. 287.

[173] Там же. С. 43.

лишь о том, что в прошлом область распространения была более обширной, а затем по каким-то причинам на части этого пространства данный вид был уничтожен. Миддендорф считал, что "первоначально нераздельное единство области распространения каждого вида животного" должно быть основой зоологической географии[174].

Сведения о распространении отдельных видов животных Сибири легли в основу представлений Миддендорфа о кругополярной и кругоборейской фаунах. (По современной терминологии – циркумполярная и циркумбореальная фауны.) Миддендорф полагал, что в прошлом центры распространения полярных видов находились вблизи магнитных полюсов и полюсов холода. Поэтому существовали два центра – в Азии и Америке, которые лишь со временем объединились в единую кругополярную фауну. По мнению Миддендорфа, границы областей распространения видов подвижны, их нельзя точно определить, так как одни виды выходят за пределы своего прежнего существования, а другие, напротив, как бы отступают.

Крупные зоогеографические области, согласно Миддендорфу, следует выделять независимо от "изоклиматических" полос. Необходимо искать центр распространения каждого вида, помня, что он "не будет в точности совпадать с математическим центром фигуры, описывающей пределы распространения рассматриваемого вида... Затем близлежащие центры сливаются в более обширные средоточия целых областей фауны, которые в свою очередь, разумеется, в сущности должны совпадать с различными климатическими отделами земной поверхности"[175].

Таким образом, представления Миддендорфа о принципах выделения крупных областей не совсем ясны. С одной стороны, он отмечал их независимость от изолиний, но с другой считал кругополярную и кругоборейскую фауны "климатическими отделами". Сами эти названия – "кругополярная" и "кругоборейская" – свидетельствовали о таком "совпадении". К тому же животные этих фаун в той или иной степени принадлежали к тундре или тайге, т.е. к зональным областям.

Несмотря на нечеткость исходных принципов, характеристика областей, сделанная Миддендорфом, оказала некоторое влияние на развитие зоогеографии. Циркумполярная и циркумбореальная области входят в схемы зоогеографического районирования, составлявшимися зоологами России, но имя

---

[174] Там же. С. 44.
[175] Там же. С. 122.

Миддендорфа в работах создателей таких схем не упоминалось.

Очень важным для выяснения закономерностей расселения животных и причин изменения характера областей их распространения Миддендорф считал "исторический взгляд" (подход, принцип). По его словам, "только когда мы постоянно будем иметь в виду эту точку зрения, нам некоторым образом можно быть уверенным в том, что, основываясь на теперешних представлениях о распространении [видов], мы не будем делать ложных заключений об их отношении к климату"[176].

Миддендорф отмечал также необходимость при зоогеографических исследованиях постоянно возвращаться к "историческому моменту", так как непрерывно происходит обмен видами между областями[177]. Недостаточное внимание к "историческому моменту" ведет к ошибочным выводам. "Труды наши, полагаю, должны быть устремлены на зоогеографическое значение каждого вида животных с тем, чтобы этим путем из разысканий настоящего времени добыть основы для исследований по части палеонтологического прошлого", считал Миддендорф[178].

Изучение географического распределения отдельных видов заставило Миддендорфа обратить внимание на проблему исчезновения некоторых животных в разных частях России. Заинтересовавшись этой проблемой, Миддендорф собрал большое количество данных как о естественных, так и об искусственных причинах такого исчезновения. В труде Миддендорфа находим сведения об истреблении соболя, собранные им самим, а также К.М. Бэром, Л.И. Шренком и Г.И. Радде. Миддендорф полагал, что Г.-В. Стеллер не только первым описал морскую корову, получившую его имя (стеллерова корова), но и положил начало ее истреблению[179].

Миддендорф предположил, что бобр в Сибири не истреблен, как полагали зоологи, но не встречается там, где распространены мерзлые почвы. Его первоначальная область существования изменилась лишь немного. Раков нет в Сибири, по мнению Миддендорфа, потому, что это южные животные, которые постепенно (в основном по рекам) передвигались к северу. Тараканы, согласно Миддендорфу, не переносят холода и отличаются от прусаков. Прусаки вытеснили из Сибири тараканов и с востока при-

---

[176] Там же. С. 128–129.
[177] Там же. С. 272.
[178] Там же. С. 290.
[179] Там же. С. 58.

шли в Европу, где их называли русаками. Тогда как воробьи напротив распространялись из Европы в Сибирь вслед за продвижением русских к востоку.

В Охотском море Миддендорф видел китов. Он обнаружил их трупы в нескольких местах на берегу этого моря и предположил, что в некоторых случаях возникают "естественные ловушки", которые мешают китам вернуться в открытое море и, лишаясь пищи, они выбрасываются на берег. Именно поэтому Миддендорфа заинтересовал кит, обнаруженный рыбаками у берега Финского залива вблизи Ревеля в 1851 г. Под названием *Balaena longimana* Миддендорф описал его в особой статье[180]. По мнению Миддендорфа, "... ловушками китов можно считать большие морские водоемы с узким проходом, которые, хотя и находятся в соприкосновении с областью распространения льда, не дают им достаточно пищи и места для свободного движения"[181]. Для описанного ученым кита такой ловушкой стало все Балтийское море.

Но гораздо больше китов уничтожает человек. По мнению Миддендорфа, такое истребление не только лишает природу уникального вида, но и вредит экономике. "Если же и впредь станут истреблять китов так усердно, как теперь, то человек не будет иметь возможность извлекать такую же пользу, как доселе, из бесчисленных небольших наполняющих воды моллюсков и раков, которых кит перерабатывает как жир"[182].

Не ограничиваясь выражением сожаления о гибели животных, Миддендорф полагал, что необходимо создавать законы, которые могли бы защищать от истребления особенно ценные виды не только в России, но и во всем мире. По словам Миддендорфа, защита некоторых животных должна стать "предметом международных переговоров в интересах блага народов"[183].

Одним из важнейших выводов Миддендорфа стал вывод о том, что в природе существует своеобразное равновесие – естест-

---

[180] *Middendorff, A. Th. v.* Der Walfish in Reval // St. Petersburger Zeitung. 1851. № 116. Скелет кита, которого описал Миддендорф, во второй половине XIX в. находился в особом зале Зоологического музея. Когда музей переехал в новое здание, скелет кита поместили в начале экспозиции, где его можно увидеть и сегодня. Но латинское название вида (русское название кита "горбач") постоянно изменялось. А.А. Штраух в своей книге "Зоологический музей Академии наук" (СПб. 1889) назвал этот вид *Balaenptera longimana*, в "Путеводителе по Зоологическому музею императорской Академии наук" (СПб. 1901. С. 3) кит назван *Megaptera boops*, согласно этикетке в музее, это – *Megaptera nodosa Bannaterre*, но современное название кита – Megaptera novaeangliae.

[181] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... 1869. Ч. 2. Отд. 5. С. 151.

[182] Там же. С. 68.

[183] Там же. С. 49. См. также С. 99, 101.

венное восстановление нарушенных процессов, если человек этому не препятствует[184]. К сожалению, сам Миддендорф не выделял особо эту идею, и внимания современников она не привлекла.

Миддендорфа интересовали причины не только исчезновения видов, но и их "кочеваний" – миграций. Он обнаружил множество таких причин: недостаток пищи, сухость воздуха, холод, характер рельефа, уничтожение лесов, чрезмерное размножение, деятельность человека, нарушавшая привычные условия обитания...

Миддендорф был одним из первых зоологов, занявшихся изучением птиц. Особое значение приобрели его исследования в полярных областях, где он описал несколько редких видов. Высоко ценили наблюдения Миддендорфа и орнитологи XX в.[185].

На основе собственных наблюдений и наблюдений своих коллег Миддендорф изучал пути и время перелетов птиц различных видов и изложил результаты этих исследований в работе "Die Isepiptesen Russlands"[186]. Изепиптезами Миддендорф назвал линии, соединявшие места одинаковых дней прилета представителей отдельных видов птиц в определенные местности. Анализ явлений, связанных с миграцией птиц – места отлета и прилета, фенологические условия этих мест, пути движения – позволили Миддендорфу определить направления путей перелетов разных видов. Оказалось, что к Таймырскому полуострову птицы летят с юга на север "по меридиану средней Сибири", тогда как в Европе они летят в основном с юго-запада к северо-востоку, а в восточной части Сибири – с юго-востока к северо-западу.

Миддендорф полагал, что время отлета определяет температура тех мест, из которых птицы улетают, но не столько даже сама температура, сколько ее последствия – таяние снегов, вскрытие рек, пробуждение растений и насекомых. Сведения о недостатке пищи или стремлении к сохранению потомства, по мнению Миддендорфа, не могли объяснить причин сезонных кочеваний. Многие птицы улетают из щедрых южных широт в скудные

---

[184] Там же. С. 48.

[185] *Farber P.L.* Discovering birds. The emergence of ornithology as a scientific discipline: 1760–1850. Baltimore–London, 1997. P. 85–88; Vaughan R. In search of Arctic birds. London, 1992. P. 18, 131, 158, 162, 164; *Шишкин В.С.* А.Ф. Миддендорф и охрана птиц // Новости в мире птиц. 2000. № 3, октябрь–декабрь. С. 12.

[186] *Middendorff A.Th.v.* Die Isepiptesen Russlands. Grundlagen zur Erforschung der Zugzeiten und Zugrichtungen der Vögel Russlands. // Mém. Acad. 1855. VI Série. T. 8.

северные области. Так как некоторые птицы погибают во время долгого пути, нельзя считать, что перелет вызван заботой о потомстве.

Согласно Миддендорфу, на направление перелета влияет конфигурация местности и очертания морских берегов, причем над одним и тем же местом птицы разных видов летят в различных направлениях. Миддендорф предположил также, что направление полета связано с магнитными явлениями. Так как вопрос о путях перелетов был весьма запутан, Миддендорф предлагал создать сеть наблюдательных пунктов, которые помогли бы изучить сложную картину миграционных путей.

Перелеты птиц Миддендорф рассматривал как очень сложное биологическое явление, которое зависит главным образом от изменений времен года. «Если же климатические данные играют главную роль, то важнее всего разъяснить, в каком именно отношении к ним находится перелет птиц и таким образом правильно оценить и определить значение остальных данных. Для этой цели графический способ изображения, введенный мною в "Изопептизах", самый наглядный...»[187].

Орнитологические работы Миддендорфа привлекли к себе внимание некоторых европейских ученых. Так орнитолог Ж.-Л. Кабанис уже в 1852 г. приглашал Миддендорфа принять участие в работе орнитологического журнала "Journal für die gesammte Ornithologie" (который он начал издавать в Берлине) и прислал ему корректуру первого номера этого журнала[188]. В другом своем письме Кабанис благодарил Миддендорфа за данные о птицах, которые он собирался использовать в своей работе, и за поддержку нового журнала, а также предлагал посылать свои новые статьи[189].

Весьма заинтересовался исследованиями Миддендорфа о птицах молодой шведский орнитолог И.-А. Пальмен. Желая получить его труд, Пальмен отправил Миддендорфу свою статью о воздушных путях птиц (на шведском языке). Не зная шведского языка, Миддендорф не смог прочесть эту статью, однако на основе рисунков и таблиц полагал, что он и Пальмен независимо друг от друга пришли к сходным выводам[190].

Между тем, из немецкого варианта статьи ("Zugstrassen der Vögel. Leipzig. 1876), которую Пальмен затем ему прислал, Мид-

---

[187] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... 1869. Ч. 2. Отд. 5. С. 488.
[188] ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 13. Л. 159–159 об.
[189] Там же. Л. 101.
[190] A.Th. v. Middendorff an J.A. Palmén, [Hellenorm] // HYK. Coll. 167.

дендорф узнал, что тот критически отнесся к методу изепиптез. По мнению Пальмена, сам метод изепиптез неверен, так как биологические процессы сложнее физических, к тому же нужны более точные данные, чем те, которыми в то время располагала наука. Об этих замечаниях Пальмена сам Миддендорф сообщил в своем труде, поясняя пользу идеи изепиптез и самой метóды[191]. Но в письме к Пальмену с благодарностью отметил, что очень рад тому, что опубликована "такая подробная работа с ясным пониманием предмета исследования" на тему, которая ему близка[192].

Эстонский орнитолог Э. Кумари считал работу Миддендорфа об изепиптезах "первой попыткой развития теории перелетных птиц на основе орнитологических наблюдений в восточной Палеарктике и одной из первых в пределах всей Палеарктики". По словам Кумари, Миддендорфу принадлежит "приоритет в составлении орнитологических карт и разработке фенологической методики для изучения перелетов птиц"[193]. Кумари отмечал также, что работы Миддендорфа и Пальмена дали толчок для подобных наблюдений и в других странах.

Л.И. Шренк считал сочинение Миддендорфа о сибирской фауне "одним из величайших фаунистических трудов, когда-либо создававшихся в науке", отмечая, что после П.-С. Палласа никто не расширил зоологические познания о Сибири так, как Миддендорф[194]. Однако никакого особого отклика на зоологический отдел этого сочинения найти пока не удалось. Зоологи несомненно были знакомы с "Сибирской фауной" и при необходимости использовали фактические данные из этого труда. Но зоогеографические идеи Миддендорфа, видимо, не казались заслуживающими особого внимания может быть потому, что сходные мысли в конце XIX в. высказывались многими зоологами. К тому же в это время особое внимание привлекала идея зоогеографических областей. Между тем Миддендорф, который первым в России использовал термины "кругополярная и "кругоборейская" фауны, не отрицал возможности деления, но считал, что точ-

---

[191] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... 1869. Ч. 2. Отд. 5. С. 487. Сообщая, что не смог прочесть статью Пальмена на шведском языке, Миддендорф отметил: "...шведский язык не принадлежит к числу шести известных мне языков" (Там же).

[192] A.Th. v. Middendorff an J.A. Palmén, [Pörrafer]. // HYK. Coll. 167.

[193] *Кумари Э.* Значение исследований А.Ф. Миддендорфа для развития теории миграций и ориентации животных // Известия Академии наук Эстонской ССР. Сер. Биологии. 1966. Т. 15. № 2. С. 258.

[194] Отчет о присуждении в 1888 г. Бэровских наград // Зап. АН. 1889. Т. 60. С. 52.

ные границы областей из-за их подвижности определить невозможно. Поэтому казалось, что он возражал и против выделения областей.

М.А. Мензбир (автор первого в России очерка по истории зоогеографии) вообще не рассматривал зоогеографические взгляды Миддендорфа, лишь отметил, что тот был противником выделения зоогеографических областей[195]. Авторы труда "География животных" в главе "История изучения материковой фауны СССР" лишь коротко упомянули об экспедиции Миддендорфа в Сибирь. При этом сообщалось о маршруте экспедиции, об огромной зоологической коллекции, привезенной Миддендорфом из Сибири и о том, что он выяснил характер приспособления животных к условиям существования в полярных областях[196].

В 1940 г. Г.П. Дементьев подчеркивал, что труд Миддендорфа увидел свет на 20 лет позже, чем книга "Периодические явления в жизни зверей, птиц и гад Воронежской губернии" Се́верцова. Дементьев к тому же считал, что труд Миддендорфа "...содержит в себе менее имеющих общее значение материалов и носит скорее характер хотя и широкого, но частного исследования"[197]. Однако в 1970 г. Дементьев называл имя Миддендорфа среди основоположников экологии, подкрепляя свой вывод перечислением его "экологических идей"[198].

Наиболее глубокий к настоящему времени анализ зоогеографических идей содержится в статье П.Б. Юргенсона, опубликованной в 1961 г.[199]. Его работа – единственное исследование – посвящена специально этой проблеме и позволяет всем авторам, упоминающим о Сибирской экспедиции Миддендорфа, сообщать, что он стоял у истоков зоогеографии и экологии животных в России.

Миддендорфа несомненно можно считать одним из основоположников зоогеографии в России. Недостаток материала не мешал ему "...смело решать сложные вопросы, опережая свое

---

[195] *Мензбир М.А.* Орнитологическая фауна Европейской России // Ученые записки Московского университета. Отдел естествознания. 1882. Вып. 2. С. 41–42, 95.

[196] *Бобринский Н.А., Зенкевич Л.А., Бирштейн Я.А.* География животных. М., 1946. С. 332.

[197] *Дементьев Г.П.* Н.А. Северцов. М., 1940. С. 15.

[198] *Дементьев Г.П.* Русские основоположники экологии //Очерки по истории экологии. М., 1970. С. 79.

[199] *Юргенсон П.Б.* Значение академика А.Ф. Миддендорфа в русской зоогеографии // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологии. 1961. Т. 66. № 1. С. 138–149.

время"[200]. И даже если некоторые его выводы ошибочны, а фактические данные, на которые он опирался, устарели, заслуга Миддендорфа заключалась уже в том, что в 60-х гг. XIX в. он обратил внимание на целый ряд проблем, которые и в XXI в. сохраняют свою актуальность.

О видах. Проблемы вида в той или иной степени Миддендорф касался во многих своих зоологических сочинениях. На эту сторону его исследований уже в 1852 г. обратил внимание К.М. Бэр, когда представлял Миддендорфа в ординарные академики. В своем весьма выразительном отзыве Бэр подчеркивал значение исследований Миддендорфа для малакозоологии – прежде всего для разработки систематики моллюсков. По его словам, труд Миддендорфа о моллюсках представлял собой "...попытку к точнейшему определению характера пород, к вернейшему по возможности математически близкому описанию уклонений от основного типа и к развитию [объяснению?] причин, обусловливающих эти видоизменения. Итак, автор принял на себя труд спуститься до основания зоологической науки ... для того, чтобы потом можно было обозревать поле науки с возвышенной точки обобщения"[201]. Бэр писал также, что Миддендорф искал "исходные точки распространения отдельных форм и вместе также условия их изменений и преобразований"[202], а затем продолжал: "Следует ли разные формы животных считать произошедшими одна из другой или нет, и если таковые преобразования действительно могут быть доказаны, то до какой степени это неопровержимо или вероятно. Этот-то вопрос имел в виду Миддендорф как конечную задачу при зоолого-географических своих выводах, и он старается все более и более приблизиться к нему учеными своими исследованиями – как бы траншеями, более и более стесняющимися около своего средоточия, не продвигаясь однако более далеко вперед, чем позволяет его материал"[203].

Сам Миддендорф в том же году в примечании к своей статье об иппологии упомянул о методах, с помощью которых он уже несколько лет старался установить "...с трудом уловимые различия некоторых видов в систематической зоологии"[204]. В труде

---

[200] *Иванов А.И.* Фаунистика и зоогеография суши // Развитие биологии в СССР. М., 1967. С. 169.

[201] ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 17. № 16. Л. 12 об.–13.

[202] Там же. Л. 13.

[203] Там же. Л. 13 об.–14.

[204] *Миддендорф А.Ф.* О задачах иппологии в отношении к потребностям кавалерии // Ученые Записки имп. Академии наук по I и III отделениям. 1852. Т. 1. Вып. 3. С. 317.

“Путешествие на север и восток Сибири” проблеме видообразования Миддендорф уделил особое внимание, возвращаясь к ней несколько раз.

Миддендорф рассматривал проблему видообразования не как теоретик, но как эмпирик, занимавшийся вопросами систематики, а также как практики сельского хозяйства. Но решение конкретных научных и практических задач позволяло ему рассуждать на эту тему достаточно убедительно для своего времени и с теоретических позиций.

Согласно Миддендорфу, определение видов является важнейшим этапом в изучении животных. И потому, что “ум человеческий всегда начинает с тщательного раздробления и распределения предмета на составные части...”[205], и потому, что систематика помогает “верным, но удобопонятным, облегчающим память и кругозор способом помочь нам организоваться среди пестроты бесконечного разнообразия органических форм”[206].

Но в зоологии обнаруживалось стремление к чрезвычайному дроблению видов. Миддендорф полагал, что такое дробление было следствием использования для их выделения недостаточно надежных признаков, а также неглубокого знания истории органического мира. Сам он, отвергая “мелочное видовое деление”, “...двадцать лет сряду неутомимо старался превзойти видоделателей в самом тщательном различии всех частностей и установить эти детали с математической точностью, соответственно мере, числу, весу и т.п.”, чем стремился “нанести смертельный удар дроблению видов”[207]. Своими исследованиями Миддендорф постоянно указывал на те различия в строении отдельных видов животных разного пола, возраста и места обитания, которые не могут служить основанием для выделения видов.

Не ограничиваясь констатацией значительной внутривидовой изменчивости, Миддендорф думал над причинами изменчивости организмов вообще, однако эти размышления носили характер весьма осторожных предположений. Он предполагал, что “организмы нашего земного шара постепенным развитием и преобразованием своим обязаны той самой законной силе, которая управляла геологическими переворотами, но мы не должны забывать, что смутную догадку эту пока нельзя доказать положительными доводами”[208]. При этом Миддендорф считал,

---

[205] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... 1869. Ч. 2. Отд. 5. С. 7.
[206] Там же. С. 453.
[207] Там же. С. 14.
[208] Там же.

что каждый вид произошел из одной первобытной пары, хотя и не был вполне в этом уверен[209]. Но он, несомненно, был сторонником широко распространенного тогда взгляда о единой области первоначального существования каждого вида. По мнению Миддендорфа, если представители вида встречаются в далеких друг от друга местностях, это значит, что они или вымерли, или были истреблены человеком в пространстве между этими местностями, или человек содействовал их переселению.

Миддендорф не сомневался в том, что виды на протяжении истории органического мира изменялись: "Если мы не хотим морочить самих себя и других, то нам как естествоиспытателям необходимо остановиться на том, что есть множество видов животных и растений, которые свидетельствуют о переходах от одного вида к другому, и допускать возможность предположить и даже, пожалуй, доказать косвенным образом, что в течение времени – вследствие изменений – из одного какого-нибудь вида образовались два или три различных вида". Вместе с тем, согласно Миддендорфу, большинство видов имеет "резко очерченные границы", и между ними "нет никаких соединительных звеньев"[210].

По словам Миддендорфа, наука уже установила, что разные виды при скрещивании не дают потомства, но вопрос о том, что "заставляет" виды разъединяться или соединяться, оставался открытым. "Мы вообще поступаем неправильно, если в этом случае [при незначительных отличиях] не отделяем строго настоящего времени от прошедшего, потому что непосредственнными наблюдениями ведь нельзя доказать, были ли созданы первые американские пары с самого начала с теми незначительными отличиями, которыми некоторые американские животные отличаются от чрезвычайно сходных и даже одинаковых с ними европейско-азиатских животных ... Или оба эти так называемых вида произошли от одной и той же первобытной пары, которая с тех пор размножилась, распространилась и изменилась сообразно с местностью. К сожалению, никак нельзя проследить процесс развития животного в этом отношении, начиная с яйца, а потому и нет никакой возможности с какой-нибудь логической точки зрения сказать [определить], что тот или другой отличительный

---

209 Этого вопроса Миддендорф касался между прочим: "Если же вдобавок допустить, что каждый или по крайней мере иной вид животных явился на свет Божий не в одной, а в нескольких парах, то к прежним вопросам присоединяется еще новый вопрос о том: действительно ли все первые пары были совершенно сходны между собой без малейшего видового отличия?" (Там же. С. 16).

210 Там же. С. 15.

признак близко родственных между собою животных имеет существенное или несущественное значение [для различения видов]"[211]. Миддендорф отмечал: "Мы ничего не знаем о побудительном движущем начале (principium movens), которое заставляет развиваться из данного зародыша ту или иную форму животных, а из другого – даже микроскопически в точности ему соответствующего – другую определенную форму"[212]. Неизвестно также, почему наследуются отчасти свойства отца, а отчасти матери. При этом иногда эти свойства наследуются поровну, а в других случаях детеныш "...выходит почти в мать или в отца"[213].

Миддендорф обращал внимание и на то, что типические свойства организма в пределах вида и породы передаются от родителей к детям с удивительным постоянством: "Силу, которою совершается эта передача свойств, назовем *типическою силою* [выделено Миддендорфом], т.е. это та самая сила, которая выделяет из яичка такую-то именно, а не другую жизненную форму, т.е. вид, включая сюда и видоизменения. Конечно, мы не знаем, что это за сила, и наше выражение есть лишь выражение нашего незнания, но ведь не только то, что мы знаем, но и то, чего мы не знаем, требует определенного выражения"[214]. Он обнаружил также, что хотя не все признаки вида передаются по наследству, в потомстве многие из них сохраняются из поколения в поколение, а также, что наблюдается "возврат" некоторых признаков и "расплывание признаков породы".

Миддендорф неоднократно упоминал о важности изучения изменения форм организмов, происходивших медленно в течение тысячелетий и потому незаметных для ученых одного поколения. Много внимания Миддендорф уделял анализу современных природных условий, пытаясь выяснить характер их влияния на видовые отличия. Согласно Миддендорфу, на изменения существенно влияют внешние условия, причем эти изменения могут закрепиться в потомстве, но определить характер такого влияния невозможно. Вместе с тем он отмечал, что существуют и внутренние силы организма, ведущие к изменениям, и что хотя животное подчиняется внешним влияниям, все же оно развивается и самостоятельно. "Труд отыскать это самостоятельное развитие

---

[211] Там же. С. 11.

[212] *Миддендорф А.Ф.* Разбор сочинения г. Се́верцова под заглавием "Периодические явления в жизни зверей, птиц и гадов Воронежской губернии // Двадцать пятое присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград. СПб., 1856. С. 203–204.

[213] *Миддендорф А.Ф.* О способах улучшения скотоводства. СПб., 1872. С. 38.

[214] Там же. С. 41.

животных в среде первобытных условий природы мы должны предоставить будущему времени"[215].

Признавая не только процесс видоизменения, но также влияние "места и времени – климата и тысячелетий" на этот процесс, Миддендорф не принял учение Ч. Дарвина, точнее отнесся к нему скептически. Считая его заслуги великими, Миддендорф вместе с тем назвал Дарвина "ренегатом", потому что тот "пристал к партии спекулятивных зоологов, положив в основу своей теории о видоизменениях способность видов легко и сильно подвергаться изменениям..."[216].

С современных позиций понятия Миддендорфа о видообразовании уже давно устарели. Однако они не только отражали характер достаточно широко распространенных представлений эпохи, предшествовавшей появлению труда Ч. Дарвина "Происхождение видов". Вопросы, которые волновали Миддендорфа, вовсе не были наивными (или пошлыми, как он сам однажды их назвал). Они возникали и в результате анализа видовых различий при зоологических исследованиях, и в ходе решения практических задач при выведении новых пород скота.

Скептическое отношение Миддендорфа к теории Дарвина определялось не только естественным предубеждением, мешающим любому ученому расстаться с уже сложившимися воззрениями и принять новую идею. Пожалуй, Миддендорф не находил у Дарвина ответов на свои вопросы, но главное – убедительных для себя доказательств, которые объясняли бы процесс изменения видов. Например, отмечая, что изменения невозможны без влияния извне, Миддендорф отмечал, что "даже при самом тщательном изучении климата никак нельзя сказать заранее, на какой части тела, в каком виде данный материал станет подвергаться изменению". Ему хотелось знать, почему из яичек, которые неотличимы даже при помощи самого сильного микроскопа, появляются разные виды. "Почему именно у этой птицы красное пятнышко на шейке, у другой на затылке, а у третьей на крыле? ... Положим, что все эти вопросы пошлы, но ведь за ними-то и скрывается тормоз всех наших общих выводов о видоизменениях"[217].

Вопросы о существовании видов в природе, о том, происходили ли особи вида от многих подобных групп или каждый вид возникал из особой группы, а также о том, насколько изменения

---

[215] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... 1869. Ч. 2. Отд. 5. С. 292.
[216] Там же. С. 15.
[217] Там же. С. 16.

вида зависят от состояния органического и неорганического миров широко обсуждались на протяжении всего XIX столетия. Эти вопросы волновали биологов как до, так и после появления труда Дарвина "Происхождение видов". И хотя над проблемой о соотношении роли внешних и внутренних факторов изменчивости в истории развития организма ломали голову как сам Дарвин, так и его многочисленные последователи, более или менее убедительный ответ на этот вопрос был найден только в начале XX века.

Этнография

С проблемами этнографии Миддендорф познакомился еще в Киеве, когда должен был преподавать ее в университете Св. Владимира. Сбор сведений о народах не входил в число основных задач Сибирской экспедиции Миддендорфа, но путешествие позволило ему собрать обширный материал о народах еще малоизвестных или совсем не известных тогда ученым. О своих наблюдениях он сообщал уже в отчетах для Академии наук. Первый доклад о научных результатах экспедиции Миддендорф сделал не в Академии наук, а в Саутгемптоне (в 1846 г.), и этот доклад был посвящен народам Сибири.

В 40-е гг. XIX в. этнографическая наука в России находилась еще в начальной стадии своего развития[218]. Особую роль в истории этой науки сыграла деятельность Русского географического общества. Первым управляющим отделения этнографии РГО в 1845 г. выбрали К.М. Бэра, а Миддендорф стал его помощником. Именно в годы их деятельности Общество организовало первую этнографическую экспедицию, в отделении этнографии разрабатывалась первая инструкция для этнографических наблюдений, К.М. Бэр и Н.И. Надеждин опубликовали статьи об основных принципах этнографии как науки. Единственный доклад, с которым Миддендорф выступил в РГО, назывался "Самоеды как предмет этнографического исследования"[219]. Об этом выступле-

---

[218] "Русская этнография только в последние десятилетия почти только с сороковых годов получила характер настоящей научной дисциплины; до тех пор мы можем следить только ее зародыш, первые попытки. ...В эту прежнюю пору еще не было этнографии как науки, но было несомненно часто глубоко серьезное стремление к изучению народности, отражавшееся и на других отраслях знаний, как история, и на развитии литературы исторической..." (*Пыпин А.Н.* История русской этнографии. СПб., 1890. Т. 1. С. III).

[219] Краткие отчеты о собраниях РГО с ноября 1846 по декабрь 1847 года. СПб., 1847. С. 24. Прежде самоедами называли ненцев.

нии впоследствии Миддендорф вспомнил в отделе "Этнография" своего труда о Сибирской экспедиции.

В 1847 г. в Петербург привезли семейство самоедов и поселили на Неве, желая продемонстрировать их жизнь в естественных условиях. Миддендорф отозвался об этой затее весьма критически: "Денежный расчет побудил корыстолюбивых аферистов преподнести нам эту этнографическую редкость...", причем самоеды на Неве "...продержались с почетом и барышом дольше итальянской оперы"[220]. Миддендорф решил предложить коллегам по Географическому обществу научный взгляд на проблему "инородцев". Рассказывая о "петербургских самоедах" Миддендорф показал и их портреты, сообщив, что рисунки "восточных самоедов", а также зарисовки других сибирских народов, будут опубликованы позже.

Но Миддендорф не ограничился рассуждениями о характерных чертах самоедов. Сравнивая особенности разных типов "инородцев", ученый рассуждал и о строении их черепов. При этом Миддендорф пришел к выводу, что череп, до тех пор считавшийся славянским типом, в действительности относится к финскому. Более того, Миддендорф позволил себе сравнить череп человека и обезьяны. Упоминая об этом докладе в своем труде, он вспоминал: "... приняв рассмотрение черепа обезьяны за исходную форму видоизменения человеческого черепа, я расшевелил пчелиный род квасного национального чувства". И затем нашел нужным подчеркнуть: "Как с тех пор Дарвинова теория успела все-таки охладить чувства людей относительно происхождения человека от обезьяны!"[221]. Доклад Миддендорфа опубликовали только немецкие "Санкт-Петербургские ведомости"[222]. Вероятно, из-за дерзкого сравнения человека и обезьяны статью не напечатало ни одно научное издание, что и много лет спустя весьма огорчало автора.

В 40–60-х гг. XIX в. этнографические исследования посвящались, в основном, народам Европейской России. Появилась и первая этнографическая карта этой части страны. Тем важнее было заняться изучением народов Сибири – жителей далеких окраин, в которых еще редко бывали ученые. По мнению Миддендорфа, такое изучение не менее важно, чем исследование животных.

---

[220] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие на север и восток Сибири. СПб., 1878. Ч. 2. Отд. 6. С. 624, 625.

[221] Там же. С. 624, примечание.

[222] Die Samojeden in St. Petersburg als Gegenstand ethnographischen Forschungen. Nach einem von Herrn v. Middendorff gehaltenen Vortrag // St. Petersburgische Zeitung. 1847. № 76–77.

“Если однако же мы посмотрим, чего мы достигли в этом отношении, то нам со стыдом придется сознаться, что мы умеем строго различать мышей европейской части края, населенного самоедами, но этнографически еще не определили людей”, – писал Миддендорф в труде об экспедиции[223]. “Считаем не лишним напомнить, – продолжал он, – что мы люди и что изучение высшего творения природы справедливо должно стоять выше изучения мышей, жуков и всего остального зоологического добра”[224].

Понимая важность наблюдений в Сибири, ученый не ограничился сбором “этнографических предметов”, но изложил результаты своих исследований в обширной монографии – особом отделе “Путешествия на север и восток Сибири”. В начале отдела “Этнография” Миддендорф напомнил о “лингвистическом этнографе” М.А. Кастрене, который должен был вести исследования одновременно с Миддендорфом, но заболел. Миддендорф с уважением отозвался о заслугах Кастрена (который в 1844 г. все же отправился для исследования в Сибирь, “пренебрегая даже таившемся в нем зародыше смерти”) тогда как на его долю “...выпала зоологическая сторона наблюдений, которая, впрочем, в то время еще была, так сказать в пеленках”[225]. Свои исследования Миддендорф начал с “кропотливых измерений” черепов разных народов, однако результаты этих первых измерений и рисунки погибли во время катастрофы (гибели лодки с коллекциями) в Таймырском озере в 1843 г. Затем он продолжил исследования, но не ограничился только “зоофизиологическими” наблюдениями. Миддендорф собрал самые разнообразные сведения о самоедах (ненцах), долганах, остяках (хантах), тунгусах и якутах, а также познакомился с их языками.

Деньги, которые были выделены историко-филологическим отделением для исследований Кастрена в Сибири, в начале 1844 г. Академия наук собиралась передать для расходов на путешествие Миддендорфа к Охотскому морю, так как его исследования “не будут бесполезными и для этнографии”[226]. Миддендорф не знал об этих переговорах, но собирал сведения и о народах, живущих между Становым хребтом, Охотским морем и Амуром. Уже в отчете Академии наук из экспедиции он сообщил, что там жили нгатку и независимые гиляки (“одноплеменцы жителей островов Курильских”), тунгусы, считавшие себя подданными рос-

---

[223] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... Ч. 2. Отд. 6. С. 625.
[224] Там же. С. 628.
[225] Там же. С. 619.
[226] ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1841. № 2. Л. 92.

сийского императора, а также нигидальцы, шамауги, гурауги, манегиреи и догурцы (подданные Китая)[227]. Во время своего путешествия Миддендорф впервые собрал некоторые сведения о гиляках (нивхах) – народе, до тех пор вообще неизвестном ученым.

После того, как завершилось издание труда "Путешествие на север и восток Сибири", содержание последнего тома было изложено в журнале "Слово". Особое внимание автор заметки уделил отделу "Коренные жители Сибири": "Здесь, рядом с тщательным описанием типических черт этих коренных сибиряков, читатель найдет самую обширную характеристику семейного и общественного быта, их обычаев, верований, обрядов и преданий, массу разнообразнейших фактов, представляющих очень ценный материал для истории мысли вообще. Читатель найдет здесь подробную, разработанную до мельчайших деталей картину домашней жизни коренных сибиряков; описание их жилищ, домашней утвари, различных орудий и прочих принадлежностей домашнего хозяйства. Весьма поучительны также сообщенные автором сведения о борьбе за существование между различными типами коренных жителей Сибири ... и об отношении их к влиянию культуры"[228].

Следует добавить, что в труде Миддендорфа содержатся также сведения об обрядах шаманов, свадебных и похоронных ритуалах, об отношении к детям, о сказках, песнях, танцах и даже о музыкальных инструментах. Ученый обращал внимание и на то, что у отдельных народов считалось приличным и неприличным, честным и бесчестным, на различные черты характера – простодушие, алчность и проч.

Сегодня кажется странным, но в труде несколько раз встречается термин "коммунизм". По словам Миддендорфа, у самоедов наблюдалось "порождение коммунизма", так как "самый жалкий бедняк" и "самый великий богач" вели одинаковый образ жизни, и результаты охоты распределялись поровну[229]. Он полагал, что "коммунистический обычай" равного распределения добычи был следствием первоначального гостеприимства, однако отметил, что в "плохие времена" богач все же с голоду не умрет.

Миддендорф не только собрал огромное количество фактических данных. Среди описаний обычаев и предметов можно обнаружить и некоторые соображения о сущности этнографии. Он назвал этнографию "зоологической классификационной

---

[227] РГИА. Ф. 735. Оп. 2. № 262. Л. 146 об.–147.
[228] Новые книги // Слово. 1878, август. С. 216.
[229] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... Ч. 2. Отд. 6. С. 652.

наукой" и полагал, что этнографические исследования не должны ограничиваться изучением черепов, важно иметь изображения представителей отдельных народов. По его поручению, Т.-Э. Брант (превосходный художник) нарисовал множество портретов, и эти рисунки "давали первый достоверный материал для будущих сравнительных исследований"[230]. Миддендорф надеялся, что они помогут доказать ошибочность существовавших представлений о "телесном единстве всех северных кочевников" и вместе с тем пробудят желание собирать сведения об этнографии "мелких разбросанных народностей". "Необходимо поторопиться, – подчеркивал Миддендорф, – потому что с каждым днем изглаживаются грани [между народами], где вчера они еще были видны"[231]. Одежда, предметы быта, оружие якутов, собранные во время Сибирской экспедиции, дополнили коллекцию этнографического музея Академии наук[232].

Рассуждал Миддендорф и о важности для этнографии изучения языков отдельных народов в связи с проблемой их происхождения. "Единство языка двух народов нисколько еще не доказывает природного их единства, точно так же и наоборот – различие языка не доказывает природного их различия..., – считал Миддендорф. Вопрос о соплеменности народов окончательно должна решать соматическая этнография, и только в таком случае, когда она подтверждает результаты лингвистических исследований, они могут считаться достоверными и несомненными"[233].

Сам Миддендорф в известной мере содействовал лингвистическим исследованиям, собирая сведения о языках разных народов, но особенно тщательно о якутском языке. Он записывал слова, песни и сказки якутов, выяснял смысл отдельных слов и определял характер их произношения, а тексты снабжал подстрочными переводами.

Эти сведения послужили основой первой якутской грамматики и якутско-немецкого словаря. Их создатель академик О. Н. Бётлингк так писал о значении для его работы собранных Миддендорфом материалов: "Рукописные материалы Миддендорфа, состоящие из реестра слов, из песен, разговоров, сказок, изречений и очерка грамматики, вполне заслуживают нашего

---

[230] Там же. С. 626.
[231] Там же. С. 628.
[232] *Станюкович Т. В.* 250-летие музея антропологии и этнографии им. Петра Великого // Сборник музея антропологии и этнографии. 1964. Т. 12. С. 50.
[233] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие… Ч. 2. Отд. 6. С. 627.

удивления, если примем в соображение краткость времени, какое мог посвятить лингвистическим изысканиям наш отважный, ловкий и ученый путешественник. Если, по правде сказать, что с одними этими материалами я не мог бы соорудить прочного грамматического здания, то, с другой стороны, можно без преувеличения сказать, что материалы Миддендорфа значительно облегчили мне труд изучения языка и не раз наводили на грамматические формы, которые без того, может быть, ускользнули от моего внимания"[234]. Бётлингк также подчеркнул, что его занятия без материалов Миддендорфа "не приняли бы теперешнего направления, и не явилось бы теперешнее сочинение". Словарь и грамматика, составленные Бётлингком, опубликованы в первой части третьего тома труда Миддендорфа[235].

Первый якутско-русский словарь составил этнограф Э.К. Пекарский. В предисловии автор отметил, что широко пользовался словарем О.Н. Бётлингка, хотя этот словарь и включает гораздо меньше слов, чем существует в действительности. Зная, что работы Бётлингка опубликованы в труде Миддендорфа, Пекарский не считал нужным познакомиться с его этнографическими материалами. В списке использованной для словаря литературы упоминается только отдел "География"[236].

Между тем в 1907 г. (в том же году, когда увидел свет первый том якутско-русского словаря) на заседании Восточного отделения Русского археологического общества Пекарский выступил с докладом "Миддендорф и его якутские тексты" . Из этого доклада следует, что, в свое время Пекарский не "штудировал" сочинение Миддендорфа потому, что "не надеялся найти для себя что-нибудь новое, что не подметил для себя такой внимательный исследователь, как Бётлингк"[237]. Но, познакомившись с якутскими текстами Миддендорфа, Пекарский пришел в восхищение. В своем докладе он убедительно показал лингвистическое значение этих текстов, отмечая, что они сохраняют "всю прелесть новизны"[238]. По мнению Пекарского, "...тексты Миддендорфа могут сыграть роль отрывков из древних классиков: чем больше их изучаешь, тем больше находишь в них пищи для своего пыт-

---

[234] *Бётлингк О.* О языке якутов // Ученые Записки имп. Академии наук по I и III отделениям. 1852. Т. I. Вып. 2. С. 439–440.

[235] По словам Миддендорфа, "побочный труд" О.Н. Бётлингка "может поспорить с главным трудом иных ученых". (Путешествие... Ч. 2. Отд. 6. С. 621).

[236] *Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка. СПб., 1907. Т. 1.

[237] *Пекарский Э.К.* Миддендорф и его якутские тексты // Зап. Восточного отделения Русского археологического общества. 1907. Т. XVIII. Вып. 1. С. 047.

[238] Там же. С. 046.

ливого ума"[239]. Но и этнограф "...не должен пройти мимо этих текстов, пока их содержание не будет признано совершенно исчерпанным"[240].

Еще и в 1951 году этнограф А.А. Попов не только обратил внимание на якутские тексты, приведенные в труде Миддендорфа, но и опубликовал их более совершенный перевод, чтобы сделать эти тексты доступными современным исследователям. При этом автор указывал на ошибки Миддендорфа и объяснял их причины, а также сравнивал оригинальные якутские слова с теми, которые услышал и записал Миддендорф. По мнению Попова, "несмотря на давность, его меткие замечания в отношении быта и языка до сих пор не утратили своего значения и даже в фольклорных записях сумели сохранить нам ценные крупицы старинной якутской поэзии"[241].

После экспедиции Миддендорфа до 80-х гг. XIX в. этнографические исследования в Сибири велись редко. Несомненно, по инициативе Миддендорфа в 1855–1856 гг. собирал на Амуре сведения о местных народах Л.И. Шренк. В труде "Об инородцах Амурского края" он неоднократно ссылался на сведения Миддендорфа как об отдельных народах, так и об их географическом распределении. Шренк упоминал и о том, что в архивных бумагах и рукописях Миддендорфа было большое количество данных о "сношениях между русскими и инородцами Амурского края". "Относительно гиляков, – писал Шренк, – я обязан также некоторыми сведениями Миддендорфу, который познакомился с ними еще в 1844 г. на крайних северо-западных пределах их распространения. Он передал мне в рукописи свои заметки о гиляках этой местности и, так как я сам не был там, то сведения эти были для меня весьма интересны. Эти-то заметки я и имею в виду, когда ссылаюсь на него, не цитируя его сочинения"[242].

О важности этнографических исследований Миддендорфа свидетельствует и первый специальный труд об этнографии якутов, изданный В.Л. Серошевским[243]. Автор посвятил его "Памяти Александра Федоровича Миддендорфа". Эти слова помещены в самом начале на отдельной странице, как и портрет Миддендорфа с его автографом. О значении труда Миддендорфа

---

[239] Там же С. 054.

[240] Там же. С. 059.

[241] *Попов А.А.* Якутские записки А.Ф. Миддендорфа // Тюркологический сборник. 1951. Вып. 1. С. 155.

[242] *Шренк Л.* Об инородцах Амурского края. СПб., 1883. Т. 1. С. 5–6.

[243] *Серошевский В.Л.* Якуты. Опыт этнографического исследования. СПб., 1896. Т. 1.

для своего исследования Серошевский писал и в предисловии, а в тексте сочинения многократно ссылался на "Путешествие на север и восток Сибири".

Интересно, что имя Миддендорфа встречается и в сборнике "Памяти М.А. Кастрена". Во время своего путешествия по Сибири Кастрен собрал материалы, на основе которых была создана первая тунгусская грамматика. Но В.Г. Богораз-Тан (автор юбилейной статьи о Кастрене), отмечая, что наблюдения Миддендорфа о тунгусах были беглыми, все же называет его основоположником тунгусоведения. По мнению Богораз-Тана, в труде Миддендорфа встречались "тунгусские тексты, отсутствующие у М.А. Кастрена, и весьма любопытные"[244]. Другой автор этого сборника (А.Н. Самойлович) привел мнение известного востоковеда В.В. Бартольда, полагавшего, что одним из важнейших последствий экспедиции Миддендорфа стал труд о якутском языке академика Бётлингка, который в свою очередь знаменовал собой начало новой эпохи в развитии тюрковедения[245].

Несмотря на упомянутые мнения, анализ этнографических взглядов Миддендорфа отсутствует в трудах по истории этнографии, написанных как в XIX, так и в XX вв. В своей четырехтомной "Истории русской этнографии" А.Н. Пыпин подробно рассматривал взгляды самых разных авторов (даже писателя Н.Г. Чернышевского), но не Миддендорфа. При этом Пыпин сообщил, что путешествие Миддендорфа положило начало исследованиям в разных направлениях, назвал его труд о сибирской экспедиции монументальным и даже упомянул о значении путешествия Миддендорфа для судьбы Амурского края[246].

С.А. Токарев в "Истории русской этнографии", созданной в 60-х гг. XX в., лишь две страницы уделил "этнографическому материалу" Миддендорфа. Токарев сообщил, что сведения Миддендорфа о народах обширны и ценны, так как собраны в неизученных областях Сибири. Но, по мнению автора, они односторонни, так как его больше всего интересовали антропологические типы [?][247]. Токарев не анализировал проблемы, затронутые в труде Миддендорфа, не пытался сравнить результаты его исследований с материалами других ученых или выяснить, какое влияние труд Миддендорфа оказал на ход дальнейших исследований.

---

[244] Памяти М.А. Кастрена. Л., 1927. С. 21.

[245] Там же. С. 77.

[246] *Пыпин А.Н.* История... СПб., 1891. Т. 4. С. 287–290.

[247] *Токарев С.А.* История русской этнографии. М., 1966. С. 222–223.

Согласно Токареву, этнография в России выделилась в самостоятельную науку лишь в 40-х гг. XIX в. В 50–60-х гг. преобладало в основном изучение фольклора и мифологии, и лишь в 70–80-х гг. научные интересы исследователей переместились в сторону быта, семьи, общественной жизни. Следовательно, Миддендорф, собиравший еще в 40-х гг. XIX столетия сведения о семье, быте, обычаях и общественной жизни якутов, обогнал свое время. К сожалению, этнографический отдел своего труда Миддендорф издал только в 70-е гг., но и в это время он все еще оставался в ряду первых исследователей этих проблем.

Токарев считал, что большая часть этнографических материалов Миддендорфа погибла. Однако именно на их основе Миддендорф написал раздел своего труда об этнографии. Уже отмечалось, что об этих материалах упоминал Л.И. Шренк, и что якутская коллекция Миддендорфа находится в музее антропологии и этнографии. Некоторые "этнографические предметы", собранные Миддендорфом, еще в начале XX столетия хранились в подвале имения Гелленорм, где в 1920 г. их обнаружил сотрудник, собиравший материалы для Эстонского национального музея. (Предметы этой коллекции зарегистрированы в его каталоге.)[248]

В современном энциклопедическом словаре "Народы России" (М., 1994) имя Миддендорфа встречается в статье "Якуты". При этом его роль в изучении этого народа не упоминается, лишь сообщено, что Миддендорф впервые (в 1847 г.?) записал якутские песни. В статье названа дата выхода словаря и грамматики Бётлингка, но не сказано, что они опубликованы в труде Миддендорфа. Так что и сегодня можно повторить слова Э.К. Пекарского: "приходит на память горькое замечание Д.А. Клеменца (в личной беседе), что значение Миддендорфа как ученого еще недостаточно оценено"[249].

---

[248] ERM. Pk C 1. Л. 93–160. (Всего зарегистрировано 197 предметов).

[249] *Пекарский Э.К.* Миддендорф и его якутские тексты... С. 054.

Последствия экспедиции

Русское географическое общество

22 марта 1845 г. К.М. Бэр писал своему другу Ф.П. Врангелю: "В ближайшую субботу Миддендорф – путешественник вечером будет у меня. Поэтому прошу Вас, мой уважаемый покровитель, обрадовать нас также и Вашим присутствием"[1]. Письмо это написано через два дня после возвращения Миддендорфа в Петербург из Сибирской экспедиции. Бэр приглашал Врангеля на очередное собрание "любителей статистики, географии и этнографии". Эти "любители" собирались еженедельно по субботам, чтобы услышать сообщения о новых книгах и картах, а также – о приключениях путешественников, приезжавших в Петербург[2].

На собрании, которое состоялось 24 марта, выступил Бэр с докладом об экспедиции Миддендорфа. Затем сам путешественник рассказал о некоторых результатах наблюдений в колодце Шергина в Якутске, а также показал карты Таймырского полуострова и пространства вблизи Охотского моря, составленные во время этой экспедиции.

О своем путешествии Миддендорф рассказывал и 29 марта в гостях у Врангеля[3]. Тогда же по инициативе Бэра было решено устроить в честь Миддендорфа обед (как это делалось в Лондонском географическом обществе после окончания трудных экспедиций), чтобы все желающие смогли поздравить путешественника с благополучным возвращением.

Бэр тщательно готовил будущий праздник, размышляя о составе гостей, помещении для их приема и даже о содержании тостов. "Фус хочет, не без чувства меры, чтобы обеду был придан

---

[1] Переписка Карла Бэра по вопросам географии. Сост. Т.А. Лукина. Л., 1970. С. 214. Бэр подчеркнул, что речь идет о путешественнике Миддендорфе, так как до этого в Петербурге был широко известен Ф.И. Миддендорф – директор Главного педагогического института.

[2] Die Abend-Versammlungen der Statistiker und Reisenden – вечера-собрания статистиков и путешественников (так называл эти встречи в своих записках их инициатор П.И. Кеппен) происходили регулярно с октября 1843 г. В конце 1843 г. гостей принимали по очереди Кеппен и Н.И. Надеждин, а в 1844–1845 гг. – Кеппен и Бэр.

[3] ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 1. № 174. Л. 29.

возможно менее официальный характер, – писал Бэр Врангелю. – Министр [С.С. Уваров], следовательно, не будет приглашен, вице-президент – может быть приватно через Фуса. Мы пригласим также дипломатов, если они придут как друзья науки и как лица, которые радуются удачному исходу предприятия. При таких обстоятельствах и по этим соображениям, конечно, не приходится провозглашать ряд парадных тостов, и, поскольку Фус как непременный секретарь Академии функционировать не хочет, я решил предложить главный тост за Миддендорфа – одновременно и в серьезной, и в шутливой форме. Однако обсуждение порядка следования тостов и т.д. представляется необходимым. Для этого назначен вечер понедельника у меня. Вероятно, до этого будет осмотрено помещение...”[4].

Бэр позаботился даже о географической карте для просвещения гостей. В день обеда он писал Врангелю: “Много ли Вам доставит хлопот и затруднений, если Вы возьмете сегодня с собою в банкетную залу Вашу прекрасную настенную карту [Сибири?] и за час до обеда прикажете ее повесить? Для этого подойдут обычные гвозди. Я полагаю, что многие из гостей, не имеющие отношения к географии, охотно сориентировались бы в местности [Lokalität] путешествия – до или после банкета”[5].

Обед состоялся 4 апреля 1845 г. в банкетной зале дома Энгельгардта на Невском проспекте. Благодаря стараниям Бэра, гостей было много (согласно сделанной тогда же записи П.И. Кеппена – 66 персон) – академики, офицеры Генерального Штаба, известные мореплаватели, чиновники разных министерств, дипломаты, родные и друзья путешественника[6]. Звучали тосты в честь Миддендорфа, Бэра (инициатора экспедиции), российской науки.

После сообщения об истории и приключениях Сибирской экспедиции Бэр обратился к Миддендорфу с шуточным вопросом: “Действительно ли Вам больше нравиться вкушать замороженную куропатку с якутским кумысом на просторах Становых гор, чем поглощать пулярку с шампанским в Петербургском комфорте? Не находите ли, что мороженое господина Колона (Coulon) слаще, чем лед озера Таймыр? Не считаете ли, что соболя удобнее носить, чем на него охотиться? Лучше ли пустыня (désert) даже первого сорта [самая настоящая], чем десерт

---

[4] Переписка Карла Бэра... С. 214–215.
[5] Там же. С. 216.
[6] Среди гостей были Ф.П. Литке, П.И. Рикорд, П.Н. Фус, П.И. Кеппен, В.Я. Струве, Г.П. Гельмерсен, В.Ф. Одоевский, А.К. Мейендорф и мн. другие.

(dessert) превосходного качества? И не предпочтете ли Вы Забайкальскому обществу такое, как это?"[7]

Праздничный обед в честь Миддендорфа не остался только фактом его биографии, но послужил стимулом для появления в России Географического общества. В своем дневнике (11 октября 1845 г.) Ф.П. Литке писал: "Мысль о необходимости основания у нас Географического общества давно бродила у меня в голове. Особенно расшевелилась она после банкета, который мы дали возвратившемуся Миддендорфу"[8]. В связи с двадцатипятилетним юбилеем Русского географического общества К.М. Бэр напомнил, что во время этого банкета "было высказано сожаление о том, что в России нет общества, которое было бы способно оценить трудности проведения путешествий и голос которого имел бы вес в ученом мире. Вспоминали, с каким триумфом Лондонское географическое общество приветствовало английских полярных исследователей. Не должна ли и Россия, где так много делается для расширения научных познаний, иметь такое же общество?"[9].

На основе воспоминаний Бэра и Литке в 1871 г. на торжественном собрании в честь юбилея общества его секретарь Ф.Р. Остен-Сакен сообщил, что на обеде, "устроенном друзьями и почитателями Миддендорфа, произошел первый обмен мыслей об учреждении Русского географического общества"[10].

Как бы то ни было, разговоры во время банкета несомненно позволили "первооснователям" (так в своих письмах Бэр назвал себя, Литке и Врангеля) решить, что сложились благоприятные условия для создания Общества, и они начали думать о конкретных шагах, которые следовало предпринять для реализации этой идеи.

История создания РГО излагалась неоднократно. Однако в работах разных авторов ход событий излагается различно, поэтому следует еще раз остановиться на предыстории Общества, сыгравшего существенную роль в процессе изучения России. Для обсуждения проблемы по инициативе К.М. Бэра 25 апреля 1845 г. на квартире Ф.П. Литке (в Зимнем дворце) собрались Ф.П. Вран-

---

[7] *Baer K.E. v.* Feier zu Ehren des Herrn von Middendorff // St. Petersburgische Zeitung. 1845. № 82. S. 357.

[8] ПФА РАН. Ф. 34. Оп. 1. № 4. Л. 2. Запись эта сделана вскоре после первого общего собрания РГО, которое состоялось 7 октября.

[9] *Таммиксаар Э.* Географические аспекты творчества Карла Бэра в 1830–1840 гг. // Dissertationes Geographicae Universitatis Tartuensis. Tartu, 2000. Vol. 11. С. 31.

[10] Двадцатипятилетие имп. Русского географического общества. СПб., 1872. С. 7.

гель, П.И. Кеппен, В.Я. Струве, Г.П. Гельмерсен, В.И. Даль, Ф.Ф. Берг и Пл. А. Чихачев. Бэр, приглашая на эту встречу Струве, предлагал ему "принять участие в рождении Географического общества"[11]. Гости Литке (которых затем стали называть учредителями) решили подготовить докладную записку для министра внутренних дел Л.А. Перовского о необходимости создания такого общества в России, а также составить временный устав. Записку и устав к 30 апреля написал Литке. 5 мая на очередном собрании статистиков и путешественников, которое состоялось у П.И. Кеппена, на уставе поставили подписи 17 учредителей, а затем доклад и устав были переданы Л.А. Перовскому, который должен был войти со всеподданейшим докладом к государю императору.

6 августа 1845 г. Николай I прочел проект устава и "на ходатайство учредителей означенного общества высочайше соизволил"[12], т.е. разрешил создать Русское географическое общество. Государь одобрил и идею Перовского назначить председателем Общества великого князя Константина Николаевича. Между тем в это время великий князь и его воспитатель (Ф.П. Литке) путешествовали по Средиземному морю. Письмо Перовского с сообщением о решении царя они получили лишь 29 августа. 19 сентября Врангель (по предложению Литке) собрал на квартире В.И. Даля в здании Министерства внутренних дел тех учредителей, которые тогда были в Петербурге[13]. На этой встрече учредители избрали вице-председателя Географического общества (Литке), членов временного совета Общества, а также назвали имена его первых действительных членов, среди которых был и А.Ф. Миддендорф[14].

Несмотря на то, что история основания Русского географического общества оказалась связанной с именем Миддендорфа[15], сам он не был особенно активным его членом. Некоторое участие в делах РГО Миддендорф принимал главным образом в

---

[11] ПФА РАН. Ф. 721. Оп. 1. № 98. Л. 1 об.

[12] РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. № 1892. Л. 34.

[13] Кроме Врангеля, в этот день у В.И. Даля собрались П.И. Кеппен, П.И. Рикорд, В.Я. Струве, Г.П. Гельмерсен, М.Н. Муравьев и К.И. Арсеньев.

[14] Арх. РГО. Ф. 1–1845. Оп. 1. № 5. Л. 71. В члены РГО Миддендорфа предложили П.И. Кеппен, Г.П. Гельмерсен и Ф.П. Врангель (Там же. Ф. 1–1845. Оп. 1. № 3. Л. 4).

[15] Вероятно, имея в виду банкет по случаю своего возвращения, Миддендорф в труде о Сибирской экспедиции отметил: "...первое звено настоящего нашего Географического общества публично выразило ко мне свое участие". (*Миддендорф А.Ф.* Путешествие на север и восток Сибири. СПб., 1860. Ч. 1. Отд. 1. С. 187).

первые годы его существования. В апреле 1846 г. он стал помощником Бэра по отделению этнографии и даже однажды выступил там с докладом, однако уже весной следующего года “отказался от звания помощника”[16]. Упомянувший об этом в письме к Ф.П. Литке секретарь Общества А.В. Головнин не сообщал о причинах “отказа”. Известно, что Миддендорф в это время тяжело болел, но, более вероятно, что его, как и коллег немецкого происхождения, раздражал “квасной патриотизм” молодых русских членов Общества[17]. Именно по этой причине в 1847 г. Бэр и Врангель оставили посты управляющих отделениями.

В архиве РГО сохранились бумаги, относящиеся к деятельности отделения этнографии в 1846 г. Среди них находится и записка Миддендорфа[18], из которой следует, что Н.И. Надеждин передал ему статью “Об этнографическом изучении народа русского”. Миддендорф нашел статью “весьма любопытной”, и уже 29 ноября того года Надеждин выступил с докладом на первом годичном собрании РГО[19].

В 1846 г., когда возникла идея экспедиции для исследования Северного Урала, Миддендорфа включили в состав комиссии, обсуждавшей программу экспедиции, и он составил инструкцию для зоологических и ботанических наблюдений[20]. Кроме того, Миддендорф рекомендовал для участия в экспедиции Т.-Э. Бранта (который сопровождал его во время путешествия по Сибири).

В марте и апреле 1847 г. в Обществе обсуждался вопрос о словаре русской географической терминологии. Идея словаря принадлежала Я.В. Ханыкову, одному из наиболее интересных русских мыслителей середины XIX столетия в области теоретической географии. Рассуждая о необходимости словаря для теоретической географии и важности точного употребления терминов при обозначении географических понятий, Ханыков между прочим упомянул о том, что А. Гумбольдт в своем труде “Asie centrale” соединил Уральский хребет с плато Усть-Урт. По мнению Гумбольдта, в одну орографическую систему могут входить части, имеющие разное геологическое строение. Между тем, в это время более широко были распространены представления,

---

[16] РГАДА. Ф. 30. Оп. 1. № 35. Л. 10.

[17] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... 1860. Ч. 1. Отд. 1. С. 108, примечание.

[18] Арх. РГО. Ф. 1–1846. Оп. 1. № 4.

[19] Краткие отчеты о собраниях РГО с ноября 1846 по декабрь 1847 года. СПб., 1847. С. 4–5. В следующем году статья Н.И. Надеждина была опубликована в “Записках РГО” (1847. Кн. 2).

[20] Арх. РГО. Ф. 1–1846. Оп. 1. № 5. Ч. 1. Л. 101–106 об.

что к одному хребту (системе гор) следует относить лишь части, сходные в геологическом отношении.

Г.П. Гельмерсен еще в 1836 г. выяснил, что геологическое строение Мугоджарских гор сходно с геологическим строением Уральского хребта, но отличается от геологического строения плато Усть-Урт[21]. Поэтому Гельмерсен считал, что именно Мугоджары, а не Усть-Урт являются южной оконечностью Урала, и отмечал ошибочность взгляда Гумбольдта, присоединявшего Усть-Урт к Уральским горам. Такой взгляд разделял и Я.В. Ханыков, сообщивший об этом самому Гумбольдту.

Не видя в рассуждениях Ханыкова о словаре связи с взглядами "берлинского географа", Миддендорф решил защитить Гумбольдта от "упрека" Ханыкова. Он написал особую статью, которую прислал А.В. Головнину и просил на очередном заседании Общества "...выложить ее на стол для просмотра господам членам, обратившими на этот предмет особое внимание"[22]. В своей статье Миддендорф сообщил, что, познакомившись с работами геологов, которые писали об Уральских горах, пришел к выводу, что Гумбольдт прав. "Имея в виду все сии свидетельства о существовании цепи гор, соединяющей не только в орографическом, но даже и в геогностическом отношении Урал с Мугоджарским хребтом, а следственно с Усть-Уртом, как это видно из карты самого Ханыкова, мы не видим никакой несообразности в том, что Гумбольдт соединяет Урал с Усть-Уртом. Итак, Гумбольдт... не согрешил против географической терминологии и передал ясные и действительно основанные на фактах понятия о настоящей природе сей страны"[23]. Миддендорф обратил также внимание на то, что Гумбольдт называл Урал цепью (chaîne), а Усть-Урт – плато (plateau), тем самым указывая на их различия.

Активную реакцию Миддендорфа на замечание Ханыкова можно объяснить только чрезвычайным уважением к знаменитому естествоиспытателю. При этом доводы Миддендорфа были несколько противоречивы, так как начал он с того, что Гумбольдт различал горную цепь и плато, а кончил утверждением, что тот был прав, соединяя Урал с Усть-Уртом. С современных позиций в споре Миддендорфа с Ханыковым более прав был последний. Но мнение Гумбольдта, соединявшего Усть-Урт с Уралом, находило поддержку ученых и во второй половине XIX столетия.

---

[21] *Гельмерсен Г.П.* Орографическое и геогностическое описание части Киргизской степи // Горн. журн. 1836. Ч. 4. Кн. 11. С. 308.

[22] Арх. РГО. Ф. 1–1847. Оп. 1. № 2. Л. 75.

[23] Там же. Л. 85.

Дискуссия об Усть-Урте (о географической терминологии) стала единственным событием в деятельности Географического общества, в котором Миддендорф принял активное участие. Затем он в основном следил за тем, что там происходило, хотя время от времени имя Миддендорфа и появлялось на страницах изданий РГО.

В 1850 г. в Русском географическом обществе возникла идея организовать экспедицию для изучения Камчатки. До 1853 г. планы экспедиции были весьма неопределенны. Хотя в предисловии к инструкциям[24] упоминалось, что область исследований была определена после "сношения" вице-председателя (М.Н. Муравьева) с генерал-губернатором Восточной Сибири (Н.Н. Муравьевым), скорее всего серьезного обсуждения не было. Во всяком случае, в 1853 г. планы экспедиции существенным образом изменились. Выяснилось, что "...Камчатский полуостров по своим скудным средствам не может удовлетворить необходимым потребностям экспедиции в том составе и в тех размерах, как предполагалось, и как бы желательно было для полного и подробного изучения края"[25]. Так писал автор безымянной и безадресной записки, сохранившейся в деле Архива РГО, не имеющем никакого отношения к Сибирской экспедиции. Но в этой записке впервые было указано то пространство, в пределах которого затем велись исследования.

Миддендорф, избранный членом комиссии Общества по организации экспедиции, должен был вместе с Ф.Ф. Брандтом заниматься составлением инструкции по зоологии. Однако участия в этой работе он не принимал, а сделал лишь некоторые замечания на инструкцию, составленную Брандтом[26].

Сибирская экспедиция РГО, изучавшая Забайкальскую область и Приамурский край, имела два отряда – математический и физический. Математический отряд под руководством астронома

---

[24] Свод инструкций для Камчатской экспедиции, предпринимаемой Русским Географическим обществом. СПб., 1852. С. 2. О разнообразии и наивности мнений о задачах экспедиции свидетельствует также протокол заседания комиссии по организации экспедиции, которое состоялось 27 декабря 1852 г. (РНБ. Ф. 660. № 15).

[25] Арх. РГО. Ф. 1–1855. Оп. 1. № 51. Л. 9. Записка не имеет даты, но в ней идет речь об экспедиции в Забайкальский край, в которой принимал участие геолог Н.Г. Меглицкий, т.е. – о Забайкальской экспедиции под руководством полковника Генерального Штаба Н.Х. Агте, состоявшейся в 1850–1852 гг. В записке упоминается о завершении изучения Забайкальского края "в нынешнем году", таким образом она написана, вероятно, в 1852 г.

[26] Свод замечаний на инструкции, составленные для Камчатско-Сибирской экспедиции РГО. СПб., 1854. С. 55–56.

Л.И. Шварца в 1855–1858 гг. вел топографические съемки и астрономические наблюдения, начальником физического отряда, который вел исследования в 1859–1862 гг., был геолог Ф.Б. Шмидт.

Как уже отмечалось, Миддендорф был знаком с тремя участниками этой экспедиции – Л.И. Шварцем, Г.И. Радде и Ф.Б. Шмидтом. Миддендорф знакомился с отчетами Радде о его путешествии, а Радде сообщал Миддендорфу о своих наблюдениях. Начальник математического отряда Сибирской экспедиции Л.И. Шварц также переписывался с Миддендорфом, а после окончания экспедиции использовал составленную им карту Амурского края при подготовке своей карты южной части Сибири. В 1861 г. он писал Миддендорфу: "Вы обработали общие физические условия [материалы о географических условиях] Восточной Сибири так тщательно, что я почти ничего не смог добавить..."[27]. Ф.Б. Шмидт, который, вероятно, при содействии Миддендорфа стал начальником физического отряда Сибирской экспедиции, писал ему письма с Амура, а затем обсуждал с Миддендорфом результаты своих наблюдений.

Миддендорф сам никогда не публиковал свои статьи в изданиях РГО. Однако в 1857 г. послал Ф.П. Литке письмо, в котором изложил результаты своих исследований "Чертежной книги Сибири" С.У. Ремезова. Чертежи Ремезова Миддендорф обнаружил, занимаясь историей изучения Сибири, и полагал, что общий чертеж Сибири, содержавшийся в "Чертежной книге", может помочь восстановлению "Большого чертежа". Проблема его восстановления в это время обсуждалась в Обществе. Письмо Миддендорфа Литке нашел весьма интересным и опубликовал его в "Вестнике РГО"[28].

Литке опубликовал также присланные ему в 1857 г. Миддендорфом письма естествоиспытателя Л.И. Шренка[29], который по инициативе Миддендорфа в 1854–1856 гг. вел исследования на Амуре и Сахалине. Шренк сообщал о своих наблюдениях в письмах к Миддендорфу (как непременному секретарю Академии наук), а тот отправлял их Литке, полагая, что сведения о неизученных до тех пор местностях, полезно знать членам Географического общества.

---

[27] ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 9. Л. 28.

[28] Письмо непременного секретаря имп. Академии наук А.Ф. Миддендорфа к г. вице-председателю Русского географического общества // Вестн. РГО. 1857. Ч. 21. Кн. 2. Отд. V. С. 1–4.

[29] Письмо Леопольда Шренка к непременному секретарю Академии наук... // Вестн. РГО. 1857. Ч. 19. Кн. 1. Геогр. Изв. С. 6–13; Извлечение из письма Леопольда Шренка... // Там же. С. 13–20.

В 1860 и 1861 гг. увидели свет опубликованные на русском языке отделы "Путешествия на север и восток Сибири", посвященные географии и геогнозии, и уже в 1861 г. по инициативе К.М. Бэра Миддендорф был награжден Константиновской медалью. Рецензию, на основе которой была вручена медаль, написал П.П. Семенов[30]. Для Миддендорфа награда эта была совершенно неожиданной, о чём в 70-х гг. он упомянул в одном из писем к Семенову.

В 1870–1871 гг. в Русском географическом обществе работала специальная комиссия, готовившая программу исследований для экспедиции в Северный Ледовитый океан. Результаты работы комиссии в "Докладе для исследования русских северных морей" изложил П.А. Кропоткин. Готовя этот доклад, он тщательно изучил весьма скудную тогда литературу о Ледовитом океане. Познакомился Кропоткин и с трудом Миддендорфа "Путешествие на север и восток Сибири" и использовал его данные для своих выводов.

"Доклад для исследования русских северных морей" был опубликован отдельным изданием, и его сочли нужным отправить Миддендорфу в Гелленорм. Поблагодарив за то, что о нем вспомнили, и одобрив научное содержание доклада, Миддендорф выразил сожаление, что Россия до тех пор не отправила ни одной экспедиции в Ледовитый океан: "Снимают сливки другие, а наши, запоздав, засядут, пожалуй, в ледниках менее благоприятного климатического периода... Необходимо никак не прозевать предстоящую навигацию, но в особенности готовиться к целому и весьма продолжительному ряду повторительных натисков, дабы взять свое и не осрамить Россию"[31].

Письмо Миддендорфа достаточно выразительно свидетельствовало о его патриотизме. Он знал о неоднократных плаваниях норвежских моряков и промышленников вблизи берегов России. Загадочная фраза "россияне засядут, пожалуй, в ледниках менее благоприятного климатического периода", вероятно, отражала критическое отношение Миддендорфа к взглядам Кропоткина о древнем оледенении Сибири. Миддендорф считал, что в прошлом ледников в Сибири не было.

Географическое общество не смогло организовать экспедицию для изучения северных морей ни в начале 70-х гг., ни позже.

---

[30] Отчет РГО за 1861 г. СПб., 1862. С. 40–41.

[31] Изв. РГО. 1871. Т. 7. Действ. общ. С. 418. Письмо, написанное 12 октября, прочитано в соединенном заседании отделений географии математической и географии физической 27 ноября 1871 г.

Но зато после избрания (в 1873 г.) вице-председателем Общества П.П. Семенова, Общество активно содействовало организации экспедиций для изучения Средней (Центральной) Азии. К планам одной из таких экспедиций оказался причастным и Миддендорф.

Вопрос о необходимости изучения старого русла Аму-Дарьи обсуждался в РГО еще в 60-х гг. Но тогда пространство это было недоступно для исследований. В 70-х гг. ситуация изменилась. Во время Хивинского похода, организованного в 1873 г. генерал-губернатором Туркестана К.П. Кауфманом, велись и съемки вблизи сухого русла. 14 апреля 1873 г. на заседании Совета РГО было прочитано письмо начальника Военно-топографического отдела Кавказского военного округа И.И. Стебницкого, который сообщал, что "им приняты все меры, чтобы вопрос о сухом русле Аму-Дарьи получил дальнейшее развитие во время движения Красноводского и Мангышлакского отрядов на Хиву"[32]. Стебницкий писал также, что офицеры-топографы были снабжены инструкциями и инструментом для съемок и что по пути следования Хивинского отряда велось барометрическое нивелирование.

21 декабря того же года в заседании РГО один из участников Хивинского похода (А.И. Глуховских) предложил организовать Аму-Дарьинскую экспедицию для выяснения связи современной дельты Аму-Дарьи с историей Аральского бассейна и изучения ее старого русла. Тогда же была создана комиссия для разработки плана экспедиции, поручившая П.П. Семенову "войти в сношение с теми из русских естествоиспытателей, которые наиболее соответствуют предположенной цели, и принять на себя соглашение с одним из них относительно участия его в экспедиции"[33].

Семенов нашел нужным "войти в сношение" с Миддендорфом. Приглашая его принять участие в исследованиях на Аму-Дарье, Семенов отправил ему в Гелленорм программу работ будущей экспедиции. Об этом мы узнаем из ответного письма Миддендорфа к Семенову, написанного 10 марта 1874 г. Миддендорф благодарил Общество за оказанную ему честь и одобрял программу, но сообщал, что сможет отправиться в путешествие не раньше осени, а также о том, что в 1874 г. на Аму-Дарью посылает экспедицию Общество естествоиспытателей Петербургского университета. "Нужен ли в таком случае 4-ый отдел Аму-Дарьинской экспедиции?" – спрашивал Миддендорф[34]. Кроме того,

---

[32] Изв. РГО. 1873. Т. 9. Действ. общ. С. 102.
[33] Там же. 1874. Т. 10. Действ. общ. С. 178.
[34] Арх. РГО. Ф. 1–1874. Оп. 1. № 2. Л. 61 об.

он считал, что натуралисту экспедиции должна быть предоставлена определенная самостоятельность, а исследованиям должна предшествовать нивелировка: "...без выполнения точной нивелировки между уровнями сказанных [упомянутых] двух средиземных морей, лучше не пускаться на геолого-географические выводы, для которых эта нивелировка должна служить краеугольным камнем"[35].

Содержание письма Миддендорфа уже 18 марта Семенов изложил на заседании Совета РГО[36]. Совет постановил не только "продолжать сношения с почетным членом Академии наук А.Ф. Миддендорфом", но и обсудить с Кавказским и Оренбургским отделами РГО возможности нивелировки, а также "...войти в ближайшее сношение с Обществом естествоиспытателей при Петербургском университете относительно взаимного содействия и разделения трудов между экспедициями этого Общества и естественноисторическим отделом географической экспедиции"[37].

27 марта Семенов сообщил о результатах своих переговоров с Миддендорфом в комиссии по снаряжению Аму-Дарьинской экспедиции. Он сказал, что Миддендорф не может отправиться раньше осени и считает, что главной целью его исследований должно быть сухое русло Аму-Дарьи. Тогда же комиссия по снаряжению экспедиции "признала желательным и полезным" пригласить геолога, ботаника и натуралиста, которые будут вести исследования независимо от Миддендорфа.

3 мая 1874 г. в заседании Совета РГО было прочитано письмо Миддендорфа к Семенову, в котором он писал о "полном согласии принять на себя исследования, поручаемые ему Обществом в области сухого русла прежнего течения Аму-Дарьи в Каспийское море"[38]. В состав экспедиции должны были войти два его помощника и препаратор, а также партия топографов из Кавказского Военно-топографического отдела. Эта партия, как отмечалось в протоколе заседания, "...по соглашению с академиком Миддендорфом и по его указаниям прошла бы нивелировкою сухое русло между Каспийским морем и Аму-Дарьею до соединения с нивелировкою по этой реке, входящей в программу действия Аму-Дарьинской экспедиции"[39]. Вслед за этим было оглашено также

[35] Там же. Л. 62.
[36] Изв. РГО. 1874. Т. 10. Действ. общ. С. 163.
[37] Там же. С. 164.
[38] Там же. С. 237.
[39] Там же.

содержание телеграммы Кавказского наместника, которой извещал, что экспедиция будет обеспечена защитой до Саракамыша (Саракамышской впадины).

Однако, уже во время следующего заседания Совета (14 мая) Семенов сообщил, что Миддендорф отказался ехать в экспедицию. От полковника Стебницкого[40] Миддендорф узнал, что "ранее конца лета не могут быть получены положительные сведения о спокойствии в Закаспийском крае, без чего успех экспедиции не может быть обеспечен, и что при этом условии – даже в случае благоприятных обстоятельств – не оставалось бы уже достаточно времени сделать все необходимые приготовления к снаряжению экспедиции в начале осени нынешнего года"[41].

По мнению Стебницкого и Семенова, экспедицию можно было бы перенести на 1875 г., но Миддендорф полагал, что исследования могут потребовать и более одного года, а это возможно "не иначе как при совершенно благоприятных условиях в отношении спокойного состояния края". Узнав о таком мнении Миддендорфа, Совет РГО принял решение выразить ему "живейшую и глубокую признательность... за обсуждение этого дела и его горячую готовность принять участие в экспедиции", а также "сложить с него принятое им обязательство по участию в Узбойской экспедиции"[42].

7 ноября 1877 г. секретарь Географического общества сообщил общему собранию о будущей экспедиции для исследования сельскохозяйственных и экономических условий Туркестана: "Имея в виду первостепенную важность названного вопроса для экономического благосостояния страны, генерал-адъютант фон Кауфман признал наиболее целесообразным поручить это дело особой экспедиции, и вошел по этому поводу в соглашение с вице-председателем Общества, которого просил принять на себя посредничество между ним и лицами, имеющими войти в состав экспедиции... Академик А.Ф. Миддендорф, который так счастливо соединяет в себе научные познания с достоинством испытанного путешественника и с практической опытностью одного из лучших агрономов России, согласился принять на себя труд главного деятеля экспедиции"[43]. О самой экспедиции в Ферганскую

[40] И.И. Стебницкий (с 1867 г. начальник Военно-топографического отдела Кавказского военного округа) в 1874 г. приезжал в Петербург.

[41] Изв. РГО. 1874. Т. 10. Действ. общ. С. 329.

[42] Там же.

[43] Изв. РГО. 1878. Т. 14. Действ. общ. С. 33.

долину в изданиях Географического общества сообщалось лишь очень коротко[44].

Когда Миддендорф скончался, в отчете РГО за 1894 г. он был назван одним из знаменитейших путешественников XIX столетия. Сведения о его участии в работе Общества ограничились упоминанием о том, что в 1861 г. он получил Константиновскую медаль, а в 1883 г. был избран почетным членом.

“Чертежная книга Сибири” С.У. Ремезова

Собирая сведения об истории познания Сибири, А.Ф. Миддендорф познакомился практически со всеми основными ее картами. Из трудов Н. Витсена и Г.Ф. Миллера он узнал о чертежах Сибири, которые в XVII столетии в Тобольске составлял С.У. Ремезов, но в начале XIX в. считалось, что чертежи Ремезова утрачены. Однако Миддендорф обнаружил сведения о “Чертежной книге Сибири”, составленной Ремезовым, в “Описании русских и словенских рукописей Румянцевского музеума”, изданном академиком А.Х. Востоковым[45]. В этом описании Востоков рассказал о чертежах, входивших в “атлас”, определил их характерные черты, указал на существование голландских надписей на чертежах и опубликовал “Писание до ласкового читателя” Ремезова – предисловие к “Чертежной книге”, позволявшее узнать историю ее создания.

Предисловие Ремезова и надписи на чертежах позволили Миддендорфу сделать целый ряд интересных выводов об истории создания “Чертежной книги”, большая часть которых впоследствии подтвердилась. Согласно Миддендорфу, чертежи создавались в разное время. Лишь немногие из них составлены самим Ремезовым, большая часть – копии с чертежей Сибирского приказа в Москве. Миддендорф обнаружил также, что “Чертежная книга Сибири” не первый, а второй “атлас”, подготовленный под руководством Ремезова. Кроме того, он пришел к выводу, что существовало описание к “Чертежной книге”.

Голландские надписи на чертежах позволили Миддендорфу предположить, что экземпляр “Чертежной книги”, описанный

---

[44] Отчет имп. Русского географического общества за 1878 г. СПб., 1879. С. 41; Изв. РГО. 1878. Т. 14. Вып. 1. Геогр. Изв. С. 116; Изв. РГО. 1879. Т. 15. Вып. 1. С. 38–39.

[45] *Востоков А.Х.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842. С. 483–487.

Востоковым, в прошлом принадлежал Н. Витсену[46]. По мнению Миддендорфа, Ремезов и Витсен (первым опубликовавший карту Сибири) пользовались одними и теми же чертежами Сибирского приказа. В "Чертежной книге" Миддендорф нашел и сведения о первой карте Сибири, составленной в 1667 г. П.И. Годуновым. В 40-х гг. XIX в. первой картой Сибири считали карту 1672 г.

О результатах своих исследований Миддендорф сообщил в письме к вице-председателю Русского географического общества Ф.П. Литке[47], так как знал, что в Обществе в это время обсуждался вопрос о восстановлении "Большого чертежа". По мнению Миддендорфа, общий чертеж Сибири, составленный Ремезовым, мог помочь решению такой задачи. "Большой чертеж" включал часть Сибири (пространство до Оби и "киргизские степи"), а чертеж Ремезова охватывал и часть Европейской России до Белого моря, Волги и Каспийского моря. Именно поэтому этот чертеж мог стать "отчасти заменою Большого чертежа и во всяком случае служить для восстановления его"[48].

В "Путешествии на север и восток Сибири", отмечая примитивность чертежей Ремезова с точки зрения XIX столетия, Миддендорф подчеркнул их важность для создания более верных представлений о Сибири в XVII и начале XVIII вв., когда об этой части страны даже в России были весьма скудные сведения. "Несмотря на всю чудовищность, эти первые карты, как Западная Европа, так и особенно Россия, должны были принять с решительной благодарностью, – писал Миддендорф, – ...с их помощью можно было с приблизительной верностью представить себе положение известнейших областей по странам света, которые обозначены на них магнитною стрелкой"[49].

Общую карту Сибири Ремезова Миддендорф считал "точкою поворота", которая имела существенное влияние на улучшение изображения всего края. По словам Миддендорфа, "Точность, с какою Ремезов положил на карту населеннейшую окружность Тобольска и в том числе даже многие рукава Оби, тщательность,

---

[46] Н. Витсен (будущий бургомистр Амстердама) в 60-х гг. XVII в. с голландским посольством был в Москве. Тогда же он начал собирать материалы о Сибири и продолжал собирать их, возвратившись в Голландию. На основе этих материалов к концу столетия Витсен составил карту Сибири и труд "Noord en oost Tartaryen" (Amsterdam, 1785).

[47] Письмо непременного секретаря Имп. Академии наук А.Ф. Миддендорфа к г. вице-председателю Русского географического общества // Вестн. РГО. 1857. Ч. 21. Кн. 2. Отд. V. С. 1–4.

[48] Там же. С. 4.

[49] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... 1860. Ч. 1. Отд. 1. С. 38.

с какою показаны у него поселения на Енисее, его изображение Амурского края и тогдашнего этнографического положения Сибири – все это дает его атласу больше значения, чем какой-нибудь археологической редкости. Скажем больше: из него, как и из некоторых старинных трудов этого рода, можно почерпать кое-что для улучшения даже новейших карт России"[50].

Миддендорф не только привлек внимание к чертежам Ремезова, но и первым опубликовал его общий чертеж Сибири в "Атласе" к немецкому изданию своего труда (1859) и в первом отделе его русского издания (1860 г.). По мнению Миддендорфа, "Сибирский чертеж" Ремезова "содержит в себе несравненно больше, чем представляет на первый взгляд"[51].

Неизвестно, воспользовались ли советом Миддендорфа авторы, пытавшиеся воссоздать "Большой чертеж", но его "Письмо" 1857 г. оказало влияние на дальнейшую историю изучения "Чертежной книги". Были сделаны ее копии для библиотеки Академии наук (1858), а также – для Археографической комиссии (1861). Копия Археографической комиссии послужила основой для издания в 1882 г. "Чертежной книги Сибири" фотолитографическим способом[52]. Автор предисловия отметил, что именно Миддендорф в 1857 г. привлек внимание ученых к этой "Книге". Предисловие включало также обширную цитату из труда Миддендорфа "Путешествие на север и восток Сибири", в которой определялось значение чертежей Ремезова для картографии Сибири[53].

Несмотря на то, что в предисловии к "Чертежной книге Сибири" отмечалось, что Миддендорф ввел ее в научный оборот, об этом не считали нужным упоминать историки картографии (даже те, кому было известно имя Миддендорфа) – ни в конце XIX, ни в начале XX вв.

Впервые о заслугах Миддендорфа сообщил географ М.С. Боднарский в статье "Первые русские географические ат-

---

[50] Там же. С. 39.

[51] Там же. С. 36.

[52] Издание было приурочено к 300-летию со времени присоединения Сибири к России.

[53] "Чертежную книгу Сибири" С. Ремезова Археографическая комиссия подарила А.Э. Норденшельду. Благодаря этому он обратил внимание на сведения Ремезова о карте Сибири П. Годунова 1667 г. и нашел в Швеции копии этой карты. Норденшельд первым описал карту Годунова в особой статье, переведенной и на русский язык. (Первая карта северной Азии, основанная на действительных наблюдениях // Зап. Военно-топографического отдела Главного штаба. СПб. 1889. Т. 44. С. 1–11 (отд. пагинация).

ласы". Боднарский был знаком и с работой Миддендорфа 1857 г. и с его мнением о чертежах Ремезова, изложенным в "Путешествии на север и восток Сибири". Он обратил внимание и на то, что в своем труде Миддендорф поместил общий чертеж Сибири, составленный Ремезовым[54]. О роли Миддендорфа в истории распространения сведений о "Чертежной книге Сибири" в своих "Очерках по источниковедению Сибири в XVII в." упоминал историк А.И. Андреев. Знал он и о том, что автор предисловия к опубликованной "Чертежной книге" приводил отзыв Миддендорфа о чертежах Ремезова[55].

Но в книге "Семен Ульянович Ремезов" глава, посвященная истории изучения "Чертежной книгой Сибири", начинается с 1882 г. – года её издания. И лишь в конце книги автор сообщает, что первым исследователем "Чертежной книги Сибири" был Миддендорф и даже приводит длинную цитату из его "Путешествия на север и восток Сибири"[56]. Из этой цитаты читатель может узнать мнение Миддендорфа о важности чертежей Ремезова для изучения истории географического познания Сибири. (Между тем, на предыдущих страницах автор книги упрекал Миддендорфа за то, что тот не оценил значения этих чертежей.)[57]

Проблема мамонта

Проблема мамонта интересовала ученых еще в XVIII в. В начале XIX столетия сведения о находках мамонтов приобрели особое значение в связи с развитием геологии и палеонтологии. Ученые полагали, что изучение этого древнего животного могло помочь выяснению истории прошлого Земли – как органического, так и неорганического мира.

Первый целый труп мамонта был обнаружен в дельте Лены в 1799 г. В 1805 г. в Пекин было отправлено российское посольство, в составе которого были и ученые. Посольство в Китай не пустили, и сопровождавшему посольство адъюнкту Петербургской академии наук М.И. Адамсу было поручено заняться естественноисторическими исследованиями в Восточной Сибири. Узнав о том, что местные жители видели труп мамонта, Адамс

---

[54] *Боднарский М.С.* Первые русские географические атласы // Землеведение. 1932. Т. 39. Вып. 1–2. С. 95.

[55] *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению Сибири XVII в. Л., 1939. С. 52, 61, 65.

[56] *Гольденберг Л.А.* Семен Ульянович Ремезов. М., 1965. С. 183.

[57] Там же. С. 133.

отправился на Быковский мыс в дельте Лены, где нашел скелет и голову мамонта, на которой частично сохранились кожа, глаза и ухо. Остатки мамонта были доставлены в Петербург в Академию наук, и таким образом ученые впервые получили возможность изучать это “допотопное животное”.

В 1843 г., путешествуя по Нижней Таймыре, Миддендорф видел в мерзлой почве часть черепа с зубом, ребра и бедро мамонта. Миддендорф не имел возможности выкопать эти остатки, он смог взять лишь немного ила, в котором они находились. Затем на основе анализа ила в Петербурге Миддендорф пришел к выводу, что “животное истлело на том самом месте, где нашелся его остов”[58].

Находка мамонта на Таймыре заставила Миддендорфа при обработке материалов своей экспедиции заняться изучением всех имевшихся сведений о “допотопных животных”[59]. Первое достоверное сообщение о мамонте он обнаружил в труде о Сибири Н. Витсена. В своем описании Сибирской экспедиции Миддендорф изложил историю этих находок; его очерк стал первым в ряду последующих статей на эту тему.

Анализ всех имевшихся сведений о мамонтах позволил Миддендорфу сделать собственные выводы об условиях их существования, области распространения и времени гибели. По его мнению, мамонты жили в средней и южной Сибири в эпоху, когда климат там был весьма близким к современному. Они погибали в течение тысячелетий, а не все в одно время, как полагали сторонники теории катастроф, рассуждая об истории развития земного шара. Миддендорф считал, что вымирание мамонтов было связано с постепенным охлаждением земной поверхности, происходившем на рубеже плиоценового и постплиоценового периодов[60]. Уже погибших мамонтов половодья рек уносили к северу в местности, где они никогда не водились. Севернее полярного круга обычно находили отдельные кости и бивни.

Согласно Миддендорфу, мамонты погибали, завязнув в топкой болотистой (илистой) почве, только благодаря этому они могли сохраниться в целом виде и тем более – в стоячем положении. Вопроса о том, когда же мамонты оказались в замороженном состоянии, Миддендорф не ставил. Вместе с тем он предла-

---

[58] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... 1861. Ч. 1. Отд. 2. С. 267.

[59] Термин “допотопные животные”, т.е. существовавшие до библейского потопа, сохранялся в научной литературе в XIX в. и после того как потеряла свое значение нептуническая гипотеза.

[60] В XIX столетии геологическая шкала еще не включала четвертичного периода.

гал ученым подумать, почему в Сибири не находят трупов белых медведей, мускусных быков и других крупных полярных животных, живущих в настоящее время.

По мнению Миддендорфа, он первым обратил внимание на то, что знаменитый “мамонт Адамса” был найден в вечной мерзлоте. Между тем, Бэр считал, что эту мысль он уже высказал в своей инструкции для Миддендорфа[61]. Из описания Адамса было не совсем ясно, в каких условиях тот обнаружил мамонта, поэтому рассуждения Бэра об этих условиях позволяли Миддендорфа считать, что, согласно Бэру, “мамонт Адамса” на Быковском мысу был окружен льдом морского происхождения[62]. Дискуссия о том, как следует понимать сведения Адамса в изложении Бэра, продолжалась почти до конца столетия, однако все ученые не сомневались, что мамонт сохранялся в мерзлой почве.

В конце 1859 г., работая над этой частью своего труда, Миддендорф обратился в Общество естествоиспытателей при Московском университете, желая получить сведения об остове мамонта, обнаруженного в низовьях Енисея еще до его путешествия и переданных в Общество. В связи с этим И.Б. Ауэрбах (редактор “Вестника естественных наук”, издававшегося этим Обществом) просил Миддендорфа прислать для журнала статью о мамонте[63]. Миддендорф отправил в “Вестник” рукопись немецкого текста, написанного для второго отдела четвертого тома своего труда. Статья была переведена на русский язык и опубликована[64].

Изучение сведений о находках “допотопных животных” привело Миддендорфа к выводу, что их обнаруживали приблизительно раз в 30 лет. Но ученые узнавали о таких находках значительно позже, когда хищные звери и собаки съедали мясо и растаскивали кости, или трупы мамонтов и носорогов просто сгнивали. Лишь большие заслуги перед наукой, по мнению Миддендорфа, могли оправдать П.-С. Палласа, который, получив сведения о носороге в 1771 г., тотчас же не отправил для их осмотра ко-

---

[61] *Baer K.E. v.* Materialien zur Kenntniss des unvergänglichen Boden-Eises in Sibirien. Unveröffentliches Typoskript von 1843 und erste Dauerfrostbodenkunde. Eingeleitet von Erki Tammiksaar herausgegeben von Lorenz King // Berichte und Arbeiten aus der Universitätsbibliothek und dem Universitätsarchiv Giessen. Giessen, 2001. Bd. 51. S. 100–101.

[62] *Middendorff A.Th. v.* Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens... 1867. Bd. 4. Th. 2. S. 1079–1080. Путешествие... 1869. Ч. 2. Отд. V. С. 300–301.

[63] ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 7. Л. 13–14.

[64] *Миддендорф А.Ф.* О сибирских мамонтах // Вестник естественных наук. 1860. № 26–27. С. 843–867.

го-нибудь из своих спутников. И вместе с тем мамонт – "научная драгоценность", которую обнаружил адьюнкт Академии наук М.И. Адамс, по словам Миддендорфа, "...сгнил бы без всякой пользы, если бы тогда не было послано в Китай чрезвычайное посольство под начальством графа Головкина..."[65].

"Сохранение частей допотопных животных обычно бывало следствием счастливой случайности. Но при этом ученые почти ничего не могли узнать об обстоятельствах положения этих мумий в их могилах... ужели и впредь сохранение этих сокровищ будет предоставлено случаю и счастью? – спрашивал Миддендорф. – Нет, Россия как истинно просвещенное государство, должна принять деятельные меры к тому, чтобы предотвратить на будущие времена такие невозможные потери"[66]. Миддендорф считал, что должна быть назначена награда за сведения о мамонтах, соразмерная со значением находки. Он предлагал также выделять средства и для немедленного отправления экспедиции после получения сведений, и для основательных исследований местонахождения, важных "для выяснения обстоятельств жизни и вымирания мамонтов".

Миддендорф не ограничился такими рассуждениями в своем труде об экспедиции. Считая необходимым привлечь к задаче сохранения остатков допотопных животных внимание Академии наук, он представил в начале февраля 1860 г. особую записку в физико-математическое отделение. Напомнив историю прошлых находок, Миддендорф предложил составить, напечатать и разослать в разные губернии объявление о премиях за быстрое сообщение в Академию наук о новых находках "допотопных животных".

Идею Миддендорфа поддержали Бэр и Брандт, и составленное Миддендорфом объявление в апреле того же года было представлено физико-математическому отделению. Академия обещала 100 рублей серебром тому, "кто первый найдет в земле целый такой костяк большого допотопного зверя и заметив место, но не трогая самого костяка из земли, тотчас объявит о том ближайшему своему начальству, которое по данному повсюду приказанию, донесет о том немедленно г. начальнику губернии установленным порядком. В донесении должно быть как можно яснее показано, на каком месте костяк найден, в каком расстоянии от известного города или деревни, или зимовья, и куда именно впадает речка, у которой найден костяк"[67]. Таким образом про-

---

[65] Там же. С. 847.
[66] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... 1861. Ч. 1. Отд. 2. С. 264.
[67] ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1860. № 14. Л. 4.

сто и понятно объяснялось, зачем и что надо делать. Особо подчеркивалось – “о пустых толках понапрасну не доносить”. Была обещана надбавка за “костяк, годный к исследованию, и за остов, на котором сохранились кожа и мясо”.

“Объявление” было напечатано и разослано в большом количестве экземпляров. Например, в Восточную Сибирь на имя генерал-губернатора Н.Н. Муравьева-Амурского отправили 700 штук. Благодаря “Объявлению”, начиная с 60-х гг. XIX в., Академия наук неоднократно получала сведения из Сибири о трупах мамонтов[68]. Не все сведения были достоверными, не всегда Академия могла быстро отправить экспедицию в указанное место. Однако поводом для целого ряда академических экспедиций стала задача отыскания и описания мамонтов.

1 января 1866 г. Бэр писал Миддендорфу: “Под Рождество я получил письмо, которое собственно должно было оказаться на Вашем столе. А именно, оно содержало не более и не менее как подробное известие о полностью сохранившемся мамонте, покрытом шерстью, который, кажется, еще находится в земле в Тазовской губе!!!... Я хотел послать Вам это письмо, которое теперь прилагается, и просить Вас сделать определенные предложения относительно надлежащего использования этого открытия, а также узнать, не находите ли Вы уместным и возможным самому отправиться туда в путешествие”[69]. Бэр сообщил также, что для исследований мамонта уже выразил желание поехать в Сибирь Л.И. Шренк. Кандидатура Миддендорфа, по мнению Бэра, должна стоять на первом месте, поэтому он приглашал Миддендорфа приехать на заседание физико-математического отделения (11 января 1866 г.), где должен был обсуждаться вопрос об экспедиции.

Миддендорф не выразил желания ехать в Сибирь, и обсуждение состоялось без него. Академия наук в феврале 1866 г. отправила для изучения мамонта Ф.Б. Шмидта. Выяснилось, что остатки мамонта находились не у Тазовской губы, а в верховьях реки Гыды, но целой туши мамонта Шмидт не обнаружил. Путешествие однако позволило ему изучить природные условия между рекой Гыдой и низовьями Енисея и сделать некоторые новые выводы об условиях существования мамонтов.

Высоко оценивая наблюдения Миддендорфа, Шмидт считал, что тот не был прав, полагая, что мамонты жили только в юж-

---

[68] В 1880 г. “Объявление” Академии наук было вновь напечатано и разослано в губернии.

[69] Из эпистолярного наследия Карла Бэра. Сост. Т.А. Лукина. Л., 1978. С. 103–104.

ных краях Сибири. Шмидт пришел к выводу, что мамонты жили и на Севере: "Я сейчас больше склоняюсь в пользу мнения, что мамонты распространялись до северных широт или по крайней мере посещали эти широты", – писал Шмидт Миддендорфу[70]. Этот вывод Шмидт повторил и в своем предварительном отчете об экспедиции[71]. Мнение казалось современникам убедительным. Так, А.А. Кейзерлинг писал одному своему другу в 1872 г.: "Относительно [проблемы] ледникового периода побывал у меня Амур-Шмидт и принес мне первый, еще не совсем законченный экземпляр [рукописи] своего мамонтового путешествия. Мамонт был полярным зверем, насколько я понимаю, это очевидно"[72].

В связи с экспедицией Шмидта, проблема мамонта вновь привлекла внимание зоологов Академии наук. Обширную статью об истории находок мамонтов опубликовал Бэр. В этой статье он обратил внимание на то, что Миддендорф в своей работе подчеркнул важность глубоких исследований мамонтов и пригласил Академию принять меры для получения данных о таких находках. Вместе с тем в статье Бэра впервые было описано местонахождение остатков мамонта, обнаруженных Шмидтом[73].

Целых остовов мамонтов не удалось обнаружить и другим экспедициям, организованным Академией наук в 80–90-х гг. XIX в., хотя эти экспедиции и способствовали изучению природных условий Восточной Сибири. Но "Объявление", составленное Миддендорфом, содействовало находке так называемого "берёзовского мамонта".

В марте 1901 г. якутский губернатор прислал в Академию наук письмо, в котором уведомлял, что в 300 верстах от р. Колымы в обвале правого ее притока р. Берёзовки обнаружен труп мамонта, которого нашел казак колымской команды И.Н. Явловский. О своей находке, как и предписывало "Объявление", он сообщил колымскому исправнику, передав ему и некоторые части обнаруженного мамонта. Исправник, в свою очередь, написал о

---

[70] ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 9. Л. 70.

[71] *Schmidt Fr.* Vorläufige Mittheilungen über die wissenschaftlichen Resultate der Expedition zur Aufsuchung eines angekündigten Mammuthcadavers. – Bull. Acad. 1869. T. 13. Sp. 116–118.

[72] *Taube von der Issen H.* Graf Alexander Keyserling. Ein Lebensbild aus seinen Briefen und Tagebüchern. Berlin, 1902. Bd. 1. S. 648.

[73] *Baer K.E. v.* Neue Auffindung eines vollständiges Mammuths, mit der Haut und den Weichtheilen, im Eisboden Sibiriens, in den Nähe der Bucht des Tas (Тазовская губа) // Bull. Acad. 1866. T. 10. Sp. 230; 285.

находке якутскому губернатору и поручил своему помощнику "принять меры к сохранению остатков мамонта от быстрого разложения, в особенности – содержания желудка"[74].

Помощник колымского исправника тщательно выполнил поручение – описал состояние остова и положение мамонта, а также путь к нему. Оказалось, что часть туши уже сгнила, а куски головы обрублены охотником, добывавшим "клыки" (бивни) мамонта для продажи, но в желудке сохранилась трава. Так как часть тела уходила под землю, нельзя было утверждать, что сохранился целый мамонт. Но "представленные казаком Явловским при его заявлении различные образчики кожи, мяса и шерсти мамонта, взяты им действительно от мамонта, который был осмотрен и мною", – писал помощник исправника[75].

В данном случае интересно содержание заявления самого Явловского в Колымское окружное управление: "Как мне известно, издавна еще делались попытки по розыску целого мамонта. Едва проходил какой-либо слух о находке будто бы мамонта, как местная администрация, начиная с бывшего в 60-х гг. исправника в Колымском округе барона Майделя[76] и кончая нынешним колымским исправником В.В. Гуляевым, тотчас приступали к расспросам и расследованиям... и вообще обнаруживали в этом деле немало энергии и заботливости. Однако же... все эти хлопоты и заботы не приносили до сих пор желанного результата, т.к. на указанном месте или вовсе не оказывалось мамонта, или же оказывались лишь полусгнившие части тела, не дающие представления о целом мамонте. Известно мне также, что за находку целого мамонта обещана была большая денежная награда, чуть ли не Академией"[77]. Именно поэтому Явловский целеустремленно искал мамонта и нашел его.

Непременный секретарь Академии наук 10 апреля 1901 г. сообщил о письме якутского губернатора директору Зоологического музея. Директор (академик В.В. Заленский) уже на следующий день довел до сведения физико-математического отделения Академии свое мнение о значении находки мамонта и необходимости послать экспедицию: "Громадная ценность этой находки не подлежит никакому сомнению, как равно и то, что на Академии наук лежит обязанность немедленно позаботиться о

---

[74] ПФА РАН. Ф. 55. Оп. 1. № 350. Л. 2.

[75] Там же. Л. 2 об.

[76] В 1872 г. Л.И. Шренк опубликовал статью "О найденных в последнее время в Сибири мамонтах по письмам барона Майделя" (Зап. АН. 1871. Т. 20. С. 70–100).

[77] ПФА РАН. Ф. 55. Оп. 1. № 350. Л. 3.

доставлении этого трупа в Музей Академии наук в возможно целом виде"[78]. Тогда же Заленский обратился и к министру финансов С.Ю. Витте с просьбой отпустить деньги на экспедицию. Получив всеподданнейший доклад Витте, Николай II уже в начале мая разрешил ассигновать необходимую сумму. Летом 1901 г. экспедиция состоялась, и мамонт был доставлен в Петербург[79]. Теперь любой желающий может увидеть чучело этого мамонта в Зоологическом музее.

По предложению Академии 11 января 1914 г. Министерство народного просвещения представило в Государственную Думу проект закона "О признании находимых в России ископаемых остатков исчезнувших животных государственной собственностью". В проекте шла речь о необходимости добычи и сохранения "драгоценных остатков", заботу о которых прежде принимала на себя Академия наук. Следовало сделать так, чтобы "добыча остатков трупов ископаемых животных сосредоточивалась – во избежание порчи их – в руках сведущих лиц, чтобы добытые экземпляры не составляли предмета коммерческих предприятий, а, будучи достоянием государства, оставались в музеях и ученых учреждениях России"[80].

До этого в том же году из Академии наук в Министерство народного просвещения был передан проект правил, по которым разрешалось вести раскопки. К проекту прилагалась пояснительная записка, составленная академиками – зоологом Н.В. Насоновым, геологами А.П. Карпинским и Ф.Н. Чернышёвым, в которой излагалась история находок древних животных. Авторы записки упоминали о том, что Миддендорф видел следы мамонта на Таймыре, но не знали, что он был автором первой статьи об истории таких находок и "Объявления" о защите "допотопных животных". Между тем записка академиков хранится в том же архивном деле, в котором находится это "Объявление", составленное Миддендорфом.

---

[78] Там же. Л. 10.

[79] *Герц О.Ф.* Отчеты начальника экспедиции имп. Академии наук на Березовку для раскопки трупа мамонта // Известия имп. Академии наук. 1902. Т. 16. № 4, апрель. С. 137–174.

[80] ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1860. № 14. Л. 12. Проект законодательного постановления был разработан по инициативе академика Н.В. Насонова ещё в 1909 г. (после очередного сообщения о находке трупа мамонта) и передан министру народного просвещения в 1911 г. (ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1909. № 41).

К истории полярных исследований

В записке, которую в 1845 г. составил П.Н. Фус для министра народного просвещения С.С. Уварова, отмечалось: "...ни одна из всех арктических экспедиций, снаряженных Англиею и Россиею и стоивших нередко весьма значительных издержек, не принесла столько пользы науке, как Миддендорфова"[81]. Такое мнение разделяли и другие академики. Поэтому, уже в 1844 г. Фус нашел нужным отправить первый из отчетов Миддендорфа А. Гумбольдту в Париж[82], академик Х.Д. Френ послал его отчеты К. Риттеру в Берлин, а К.М. Бэр позаботился о том, чтобы все отчеты, присланные Миддендорфом из Сибири, стали известны Лондонскому географическому обществу. И если сначала особый интерес ученых вызвали результаты исследований в области вечной мерзлоты и сведения о климате Сибири, то после издания четвертого тома труда о Сибирской экспедиции стали привлекать внимание и сведения Миддендорфа о Северном Ледовитом океане.

Физическая география этого океана была очень плохо известна, и еще в 70-х гг. обсуждался вопрос о том, каковы природные условия вблизи полюса. "Море ли находится на полюсе, суша ли, может быть, большой полярный материк – об этом мы пока ничего не знаем, не говорю уж об обитателях такого предполагаемого материка" – писал в 1869 г. Миддендорф[83]. Этот вопрос активно обсуждали учёные разных европейских стран. Неопределённость представлений о природе Ледовитого океана и его побережий в пределах Сибири делала чрезвычайно важными даже скудные наблюдения Миддендорфа, поэтому он оказался в числе известных полярных исследователей[84]. С "Путешествием на север и восток Сибири" знакомились и российские ученые, отправлявшиеся для изучения тундровых областей, и путешественники, плававшие по Северному Ледовитому океану вблизи бере-

---

[81] РГИА. Ф. 735. Оп. 2. № 262. Л. 74 об.

[82] Переписка Александра Гумбольдта с учеными и государственными деятелями России. М. 1962. С. 160.

[83] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... 1869. Ч. II. Отд. V. С. 134.

[84] В 1851 г. британский лейтенант Б. Пим приехал в Петербург, чтобы оттуда отправиться на поиски пропавшей экспедиции Дж. Франклина. (Пим полагал, что течение могло перенести судно экспедиции от берегов Северной Америки к берегам Сибири.) В Петербурге Пим познакомился с Миддендорфом. Тот давал ему советы об организации исследований на северо-востоке Сибири и осматривал его снаряжение в британском посольстве. Однако Пиму ехать в Сибирь не разрешили. (*Barr W.* Franklin in Siberia? – Leutenant Bedford Pim's proposal to search the Arctic coast of Siberia, 1851–1852 // Arctic. 1992. Vol. 45. № 1. P. 36–46).

гов Евразии. В 1869 г. описание путешествия Миддендорфа по Таймырскому полуострову было изложено даже в популярной книге английского автора о полярном мире[85].

В 1865 г. большое впечатление на современников произвел проект английского мореплавателя Ш. Осборна, проект снаряжения и экспедиции к северному полюсу от Гренландии по льду на собаках[86]. В обсуждение этого проекта включились ученые многих стран. Принял участие в дискуссии и немецкий географ А. Петерман[87], полагавший, что полюса можно достигнуть морем, так как в пространство океана между Шпицбергеном и Новой Землей проникают воды теплого течения Гольфстрим.

Идея о том, что Гольфстрим продолжается и к востоку от Новой Земли почти до мыса Якан, стала частью "теории" (гипотезы) Петермана о физической географии Северного Ледовитого океана. Эта "теория" была изложена в 1865 г. в широко известной тогда статье "Der Nordpol und Südpol, die Wichtigkeit ihrer Erforschung in Geographischer und kulturhistorischer Beziehung". К статье прилагалась карта, на которой течение Гольфстрим пересекало Ледовитый океан и тянулось вдоль берегов Сибири. Гольфстрим на этой карте продолжала "Polynja der Russen"[88], о которой Петерман упоминал и в статье.

Взгляды Петермана о распространении течения Гольфстрима к востоку от Новой Земли основывались главным образом на наблюдениях российских путешественников – сведениях Ф.П. Литке и К.М. Бэра о теплых водах вблизи Новой Земли и Ф.П. Врангеля и П.Ф. Анжу – об открытом море вблизи восточ-

---

[85] *Hartwig G.* The Polar World: a popular description of mere and nature in the Arctic Regions of Globe. London. 1869. P. 240–251.

[86] *Osborn S.* On the exploration of the North Polar Region // Proceedings of the Royal Geographical Society of London. 1865. Vol. 9. № 2. P. 42–70. Проект экспедиции к северному полюсу // Изв. РГО. 1865. Т. 1. Геогр. известия. С. 89–94.

[87] Издатель "Mittheilungen aus Justus Perthes' Geographischer Anstalt über wichtige neue Erforschungen auf dem Gesammtgebiete der Geographie von Dr. A. Petermann" – самого популярного географического журнала XIX в., автор работ о природе Северного Ледовитого океана, оказавших большое влияние на современников, инициатор нескольких полярных экспедиций. К. Вейпрехт (возглавлявший экспедицию, открывшую Землю Франца Иосифа и инициатор первого международного полярного года) назвал Петермана "полярным папашей".

[88] *Petermann A.* Der Nordpol und Südpol, die Wichtigkeit ihrer Erforschung in Geographischer und kulturhistorischer Beziehung // Petermann's Mittheilungen. 1865. Bd. 11. S. 146–160. В следующем году эта статья была переведена на русский язык: *Петерман А.* Северный и Южный полюсы. Важность их исследования и замечания о течениях морей // Морской сборник. 1866. Т. 83. № 3. Ч. неофиц. С. 115–151.

ных берегов Сибири. Так как Петерман не имел никаких сведений о природных условиях Ледовитого океана между Новой Землей и Новосибирскими островами, сообщение Миддендорфа о том, что в августе 1843 г. он видел Таймырский залив свободным ото льда, послужило дополнительным доводом для подтверждения его мнения о распространении вод Гольфстрима далеко на восток. (Упомянув об этом, Петерман назвал Миддендорфа отличным исследователем.)

Петерман не только опирался на сведения российских учёных о теплых водах к северу от берегов Сибири, но в одном из своих писем (1876) писал о "большом открытом море Миддендорфа, Врангеля и Анжу"[89]. В этом же письме, адресованном президенту Лондонского географического общества, он призывал к организации новых экспедиций в Ледовитый океан. Сожалея о том, что существует множество данных об этом океане, которые до тех пор не были систематизированы, Петерман напоминал и об исследованиях Миддендорфа. "Существуют только немногие ученые, которые готовы посвятить себя обработке огромного количества самых разных отдельных наблюдений, и если они это делают, то для этого требуется очень много времени. Так, например, Миддендорфу потребовалось почти 33 года, чтобы обработать свои биологические наблюдения, собранные поблизости от полюса во время его относительно короткой поездки по реке Таймыр в 1843 г., и сравнить их со сходными наблюдениями в других полярных областях"[90].

В работе 1865 г. при описании природы Карского моря Петерман использовал термин "ледник". О суровости и непроходимости Карского моря было известно давно. Бэр, чтобы подчеркнуть особую суровость этого моря, ещё в 1837 г. сравнил его с ледником[91]. Тогда на сравнение Бэра не обратили внимания, но в 1860 г. о нём вспомнил Миддендорф. "Берёзов и даже сам Таймыр дают нам решительные примеры в доказательство того, что Бэр не сказал лишнего, назвав при сравнении восточных и западных берегов Новой Земли между собою Карское море ледником, потому что в него заносится лёд, идущий из Ледовитого моря, и

---

[89] *Petermann A.* The expedition to the North Pole. To the President of the Royal Geographical Society. Gotha, 8. December 1876 // Scott Polar Reserach Institute, ms. 441/11/2. См. также: *Petermann A.* Der Schauplatz der nachsten Englischen Nordpol-Expedition. Schreiben an den Präsidenten der Königlichen Geographischen Gesellschaft in London // Petermann's Mittheilungen. 1877. Bd. 23. S. 25.

[90] Там же. S. 28.

[91] *Baer K.E. v.* Ueber das Klima von Nowaja-Semlja und die mittlere Temperatur insbesondere // Bull. Acad. 1837. T. 2. № 15. Sp. 233.

там спирается"[92]. Вероятно, именно эти слова Миддендорфа и позволили Петерману использовать термин "ледник". Вслед за Петерманом Карское море стали называть ледником авторы и других работ о Северном Ледовитом океане.

Между тем, в конце 60-х гг. норвежские рыбаки обнаружили, что временами Карское море свободно ото льда. Это послужило причиной резкого изменения взглядов Петермана. Теперь он стал утверждать, что плавание по этому морю не представляет никаких препятствий. К тому же в некоторых своих работах Петерман отмечал, что, назвав Карское море ледником, Бэр тем самым препятствовал полярным исследованиям. Такой несправедливый упрек весьма обижал Бэра и послужил причиной длительной полемики[93].

Взгляды Петермана в конце XIX в. оказывали влияние не только на теоретические представления о природе северных полярных морей, но и на организацию их исследований. В одной из первых немецких полярных экспедиций, инициатором которой был Петерман, принял участие зоолог Т. Гейглин. В 1871 г. Миддендорф получил от Гейглина письмо, в котором тот сообщал, что в предыдущем году побывал на Шпицбергене, а теперь хотел бы вновь отправиться на север. Зная о намечающейся в РГО экспедиции для исследования полярных морей, Гейглин просил Миддендорфа дать ему рекомендацию, чтобы иметь возможность принять участие в этой экспедиции[94].

В том же году Гейглин отправился в Ледовитый океан, но в составе экспедиции, организованной не в России, а в Германии. Об этом Миддендорфу написал Петерман, в письме которого речь шла о том, что целью экспедиции было достижение устья Енисея, а при благоприятных условиях – даже мыса Челюскин и Новосибирских островов[95]. Очевидно, условия были неблагоприятны, поэтому путешественники побывали лишь на Новой Земле. О своих наблюдениях Гейглин сообщил Миддендорфу, полагая, что "эти интересные сведения" следует опубликовать[96]. Затем по просьбе Гейглина, Миддендорф стал одним из редакторов зоологической части его труда об экспедиции[97].

---

[92] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... 1862. Ч. 1. Отд. 3. С. 342–343.

[93] *Таммиксаар Э., Сухова Н.Г.* Концепция Северного Ледовитого океана Августа Петермана и взгляды ученых России // Изв. РГО. 1997. Т. 129. Вып. 6. С. 18–19.

[94] ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 13. Л. 102.

[95] Там же. Л. 103.

[96] Зап. АН. 1872. Т. 20. С. 124.

[97] *Heuglin M. Th. v.* Reisen nach dem Polarmeer in den Jahren 1870 und 1871. Braunschweig, 1872. Bd. 1. S. VIII.

В 1872–1874 гг. по инициативе Петермана состоялась австро-венгерская экспедиция К. Вейпрехта и Ю. Пайера, которая должна была пройти Северным Ледовитым океаном до Берингова пролива. Вопреки гипотезе Петермана о широком распространении теплых вод Гольфстрима, путешествию к северо-востоку от Новой Земли помешали сплошные льды, в которые вмерзло судно экспедиции "Тегетхоф". Но благодаря этому была открыта Земля Франца Иосифа. Во время съёмок этой "Земли", которая на основе наблюдений участников экспедиции стала известна только в самых общих чертах, на территории будущего острова Рудольфа был обнаружен огромный ледник, получивший имя Миддендорфа. Это название появилось на карте архипелага, приложенной к книге о путешествии, которая увидела свет уже в 1876 г.[98]

А.Э. Норденшельд был лично знаком с Миддендорфом. Они встречались в Петербурге, о чем мы узнаем из письма Норденшельда, написанного 24 июня 1865 г.[99] В этом письме Норденшельд сообщал Миддендорфу, что посылает в Географическое общество карту Шпицбергена, а также статью[100], в которой опровергает мнение Петермана о возможности морем достигнуть северного полюса[101]. Вероятно, Норденшельд хотел узнать мнение Миддендорфа об этой проблеме, но, к сожалению, его ответ нам неизвестен.

С работой Миддендорфа Норденшельд познакомился в связи с путешествием по Енисею в 1875–1876 гг. и в своей книге об этом путешествии несколько раз ссылался на его труд. В сочинениях о плавании на "Веге" в 1878–1879 гг. Норденшельд сообщал, что Миддендорф видел открытое море вблизи устья реки Таймыры, излагал его сведения о мамонтах, но не упоминал о его картах Таймырского полуострова. Между тем, уточнение карты по-

---

[98] Die österreichisch-ungarische Nordpol-Expedition in den Jahren 1872–1874... von J. Payer. Wien, 1876. См. также: *Пайер Ю.* 725 дней во льдах Арктики. Л., 1935. С. 210.

[99] Норденшельд писал о том, что после их встречи он трижды побывал на Шпицбергене. Норденшельд вел исследования на Шпицбергене в 1858, 1861 и 1864 гг., а в Петербург приезжал в 1855 г.

[100] См.: Замечания к карте Шпицбергена, составленной N. Duner'ом и A.E. Nordenskiöld'ом // Морской сборник. 1866. Т. 83. № 3. С. 157–175.

[101] Норденшельд знал, что Миддендорфа интересуют сведения о землях между Новой Землей и Шпицбергеном, поэтому писал, что архангельские рыбаки обнаружили к северу от Новой Земли большой остров, на котором было много оленей. Сомневаясь в верности этих сведений, Норденшельд всё же отметил: "...то, что они [рыбаки] рассказывают, слишком любопытно, чтобы не привлечь к себе внимания" (ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 17).

луострова в 70–80-х гг. началось по существу благодаря совместным усилиям Миддендорфа и Норденшельда.

Новая карта побережья Северного Ледовитого океана в конце XIX столетия рассматривалась как важнейший итог плавания Норденшельда на "Веге"[102]. Изображение берегов и островов на карте исправлялось на основе съёмок и астрономических определений. Рассуждая о картах, которые существовали до его экспедиции, Норденшельд обычно упоминал в основном о картах XVIII в., а когда речь шла о Таймырском полуострове, называл имена Х. Лаптева и С. Челюскина. Между тем, подлинные карты морских офицеров Норденшельд видеть не мог. Он имел с собой "Карту Северного Ледовитого океана от Енисейского залива до устья реки Яны", изданную Гидрографическим департаментом в 1876 г. Согласно заглавию, эта карта была "составлена по русским съёмкам 1734–1742 и 1821–1823 гг.".

Именно на ней Норденшельд обозначил маршрут "Веги"[103], и именно она исправлялась и была затем положена в основу новой карты. Норденшельд не мог знать, что составители карты 1876 г. пользовались и картами из труда Миддендорфа, и что имевшаяся у него карта – один из вариантов уже упоминавшейся "Карты Северного Ледовитого океана в границах Российской империи", изданной Гидрографическим департаментом в 1874 г.

Но для изображения Таймырского полуострова на карте, опубликованной в труде Норденшельда о результатах путешествия на "Веге"[104], были использованы и карты из "Путешествия на север и восток Сибири". Благодаря съёмкам Ваганова, и на карте Гидрографического департамента, и на карте Норденшельда, впервые появилось верное изображение реки Таймыры и западной части Таймырского озера.

---

[102] "...самую существенную часть трудов проф. Норденшельда составляет карта частей Северного Ледовитого океана, омывающих Таймырский полуостров" (Отчет РГО за 1878 г. СПб. 1879. С. 43) Путешествие Норденшельда, благодаря которому впервые в течение одной навигации был пройден северо-восточный проход, в РГО рассматривали как подвиг. Поэтому уже в 1878 г. (еще до получения первых вестей о результатах наблюдений на "Веге") Общество решило наградить Норденшельда Константиновской медалью.

[103] Карту 1876 г., принадлежащую Норденшельду, обнаружил в библиотеке университета Хельсинки и опубликовал E. Okhuizen (Exploration and mapping on the Northeast passage and Northern Eurasia, 15th–19th centuries // The Northeast passage from the vikings to Nordenskiöld. Helsinki University Library. 1992. S. 47, 48).

[104] Nordenskiöld *A.E.* Vega-expeditions Vetenskapling Jakttageleser. Stockholm... 1882. Bd. 1. Карту для этого труда составил Н. Селандер.

О существовании острова Таймыр Норденшельд узнал, познакомившись с картой Гидрографического департамента. Спутники Норденшельда на территории острова вели съёмки и наблюдения[105], а после окончания экспедиции была опубликована отдельная карта острова, уточнявшая очертания острова на карте 1876 г. Тогда самому южному мысу этого острова и было дано имя Миддендорфа, вероятно, по инициативе Норденшельда.

Так как Норденшельд не упоминал о роли Миддендорфа в истории создания карты Таймырского полуострова, об этом не знали полярные исследователи конца XIX в. Основой для дальнейшего уточнения карт побережья Северного Ледовитого океана служила карта Норденшельда. По ней исправляли очертания побережья участники как норвежской экспедиции Ф. Нансена[106], так и русской полярной экспедиции под руководством Э.В. Толля. Но внутренние части полуострова на лучших картах и в первые десятилетия XX столетия сохраняли тот вид, который был на картах Миддендорфа. Точнее – на карте Гидрографического департамента 1876 г.

Взгляды Миддендорфа об особенностях природы полярных областей особенно большое влияние оказали на Э.В. Толля. В 1884 г. он стал консерватором Минералогического музея Академии наук, а уже в следующем году сопровождал А.А. Бунге во время экспедиции на Новосибирские острова, организованной Академией.

Сохранилось письмо Толля к Миддендорфу, из которого следует, что Толль решил присоединиться к экспедиции А.А. Бунге по совету Миддендорфа. Толль писал: "Это был Ваш совет, который привел меня, колеблющегося, к решению, посетить Новосибирские острова. Ваш опыт защищал меня от слишком жестоких угроз сурового Севера, следуя Вашему примеру, я пробовал уве-

---

[105] Неизвестно, было ли известно путешественникам, что съёмки велись на острове. Во всяком случае, в письмах, которые Норденшельд и один из его спутников прислали в РГО в 1878 г. после того как "Вега" обогнула Таймырский полуостров, речь шла о мысе Таймыр или Северо-западном мысе (Изв. РГО. 1879. Т. 15. Вып. 2. Действия общ. С. 64; Вып. 3. Действия общ. С. 83).

[106] Во время плавания на "Фраме" вблизи Таймырского полуострова 28 августа 1893 г. в своем дневнике Нансен писал: "Считать ли, что мы сейчас идем вдоль острова Таймыр, обозначенного на русских картах или, вернее, на карте Лаптева? И действительно ли он [остров] отделен от материка широким проливом, как указал Лаптев, или можно считать Таймыр, нанесенный Норденшельдом, лишь выступающей в море косою". По мнению Нансена, в этом месте находилась именно коса, а Норденшельд принял за Таймырский какой-то другой пролив. (Ф.Нансен "Фрам в полярном море" // Собрание сочинений. 1940. Т. 2. С. 180–181).

личить мои слабые силы, и, следуя Вашему духу [Geist], стремился раскрывать тайны холодного Севера... Поэтому я не знаю другого способа выразить Вам свое почтение и уважение, как просить принять составленную мною и посвященную Вам часть научных результатов Новосибирской экспедиции"[107]. В том же письме Толль сообщил Миддендорфу, что хочет продолжить изучение истории Земли. "Если судьбе будет угодно, чтобы я смог пройти по Вашим следам, – и, кажется, что это не исключено, так как Академия наук организует экспедицию на Таймыр, а именно – для спасения мамонта на Балахне, – тогда я употреблю все свои силы, чтобы приобрести право назвать себя Вашим учеником"[108].

Толль был участником нескольких экспедиций в полярные районы Восточной Сибири и в своих работах о результатах этих исследований постоянно ссылался на взгляды Миддендорфа, относящиеся к проблемам вечной мерзлоты, древнего оледенения, мамонтов, климата. Толль был хорошо знаком с содержанием труда Миддендорфа "Путешествие на север и восток Сибири" и обычно сравнивал выводы Миддендорфа с собственными наблюдениями[109].

Во время своей последней экспедиции на судне "Заря" вдоль берегов Сибири (1900–1902 гг.) Толль вел дневник. Из него можно узнать, что, достигнув Таймырского полуострова, Толль вспоминал о Миддендорфе. 2 сентября 1900 г. он записал: "Во время странствования с Вальтером[110] по таймырской тундре наши мысли невольно обращались к воспоминаниям о человеке, который принял бы живейшее участие в нашей экспедиции, будь он в живых, к исследователю реки Таймыры А. Миддендорфу"[111].

В другом месте своего дневника Толль привел цитату из труда Миддендорфа с точной ссылкой, следовательно, этот труд он

---

[107] Ed.v. Toll an A. Th.v. Middendorff, St. Pbg., 18. November 1889 // PABvM.

[108] Толль сообщает об экспедиции, которая намечалась Академией наук в 1889 г., но она не состоялась, так как оказалось, что остатки мамонта были уничтожены животными.

[109] См.: *Толль Э.В.* Экспедиция имп. Академии наук 1893 года на Новосибирские острова и побережье Ледовитого океана // Изв. РГО. 1894. Т. 30. Вып. 4. Геогр. изв. С. 435–451; Ископаемые ледники Новосибирских островов, их отношение к трупам мамонтов и к ледниковому периоду // Зап. РГО по общей географии. 1897. Т. 32. № 1.

[110] Г. Вальтер (врач, зоолог и охотник) был участником Русской полярной экспедиции, во время которой заболел и скончался. Вальтер познакомился с Толлем, вероятно, потому, что был братом мужа дочери Миддендорфа Кристины.

[111] *Толль Э.В.* Плавание на яхте "Заря". М., 1959. С. 41.

взял с собой в путешествие. Открытый на западном берегу Таймырского полуострова залив Толль назвал "фьордом Миддендорфа". Мыс, который был обнаружен на берегу полуострова напротив мыса Миддендорф (на острове Таймыр), он назвал Гелленорм (в память о встречах с хозяином этого имения). В своем дневнике Толль предлагал своеобразное районирование Таймырского полуострова. Тундру между реками Енисеем и Пясиной он хотел назвать именем Ф.А. Минина, восточную часть Таймырского полуострова между устьями Нижней Таймыры и Хатанги – именем Х.П. Лаптева, тундру между устьями Хатанги и Оленёка – землей В.В. Прончищева. "Область между Пясиной и Таймырой, – писал Толль, – я хотел бы назвать землей Миддендорфа – по имени первого и единственного до настоящего времени исследователя центральной части Таймырской области Александра Миддендорфа"[112].

Амурский вопрос

История присоединения Амурского края к России неоднократно рассматривалась с разных точек зрения и в XIX, и в XX столетиях[113]. При этом тщательно излагались действия капитан-лейтенанта Г.И. Невельского и генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева, благодаря которым было исследовано устье Амура и началось освоение Приамурского края. Заслуги Невельского и Муравьева неоспоримы. Но сам "Амурский вопрос" в 40-х гг. XIX в. привлек к себе внимание и Николая I, и его министров прежде всего благодаря сведениям, собранным Миддендорфом во время Сибирской экспедиции. Авторы, писавшие в XIX столетии о проблеме присоединения Амурского края к России, часто упоминали имя Миддендорфа,

---

[112] Там же. С. 70. Именно эту часть побережья Ледовитого океана стали называть Берегом Харитона Лаптева.

[113] См., например: *Романов Д.* Присоединение Амура к России. Период III // Русское слово. 1859; *Невельской Г.И.* Подвиг русских морских офицеров на крайнем востоке России в 1849–1855 гг. СПб., 1878; *Шумахер П.* К истории приобретения Амура // Русский архив. 1878. Кн. III. № 9–12; *Барсуков И.П.* Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. М., 1891; *Lincoln B.W.* The conquest of a Continent Siberia and the Russians. London, 1993; *Bassin M.* The Russian Geographical Society, the "Amur Epoche" and the Great Siberian Expedition 1855–1863 // Annals of the Association of the American Geographers. 1983. Vol. 73. № 2. P. 240–256; *Bassin M.* Imperial visions. Nationalist imagination and Amuur geographical expansions in the Russian Far East, 1840–1865 // Cambridge studies in historical geography. Cambridge, 1999. Vol. 29.

однако не останавливались на его роли в истории этой проблемы. Тогда как исследователи Сибири, знакомые с трудом Миддендорфа, уже в 60-х гг. XIX в. подчеркивали значение экспедиции Миддендорфа для ее решения. Непременный секретарь Академии наук К.С. Веселовский писал, что собранные Миддендорфом сведения "...совершенно изменили существующий в России взгляд на Амурский край и послужили поводом к тем мерам, которые привели к включению этого края в пределы империи"[114].

Миддендорф заинтересовался Амуром еще в Петербурге, собирая материалы о Сибири. Литература и карты помогли ему понять, что "Амур есть единственная значительная водная артерия, ведущая к океану, единственный путь, который природа дала со всех сторон запертой Сибири", и ему захотелось посетить край, куда "рано или поздно должно проникнуть судоходство и вместе с ним цивилизация"[115].

Согласно Нерчинскому договору (1689), граница к востоку от впадающей в Амур реки Горбицы должна была проходить вдоль "цепи гор", т.е. Станового хребта. Но положение этого хребта, сам его характер ни в России, ни в Китае не были точно известны. Узнав в Якутске, что Становой хребет восточнее Горбицы не очень высок, и якуты охотятся к югу от него, не встречая никаких препятствий, Миддендорф решил, что, после исследований в Удском остроге, он попытается достигнуть устья Амура, а затем пройдет к его истокам вдоль южного склона Станового хребта: "Ужели я должен был теперь возвращаться в Якутск тем же путем, на котором я только что собрал свою лучшую добычу в благоприятное время года, – писал Миддендорф в своем труде о Сибирской экспедиции. – Я составил себе иной план, не обращая внимания, сходится ли он с видами главного управления, заведовавшего в то время пограничными делами"[116].

Собираясь путешествовать в пределах Китая без официального разрешения, Миддендорф, конечно, рисковал. Но азарт исследователя оказался сильнее вполне уместной в данном случае осмотрительности. 9 марта 1844 г. Миддендорф писал Бэру из Якутска, что чувствует себя "скороходом в местах, где Бог еще не построил железных дорог", и надеется быстро преодолеть пространство Китая, уверенный, что там его не поймают. Отме-

---

[114] *Веселовский К.С.* О развитии деятельности Академии наук в последнее пятидесятилетие // Зап. АН. 1877. Т. 29. Кн. 1. С. 21.

[115] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... Ч. 1. Отд. 1. С. 137.

[116] Там же.

чая, что немного выйдет за пределы России, Миддендорф спрашивал Бэра, сможет ли после возвращения сообщить об этом в Академии наук[117]. В письме, написанном Миддендорфом Бэру 13 июня 1844 г. в Удском остроге, читаем: "Я долго колебался – я был бы благодарен Академии, если бы получил деньги, но так как топографические данные (из-за того, что сведения о границе весьма туманны) обещают некоторую ценность, я решил один в сопровождении топографа отправиться вдоль границы до Нерчинска (до Горбиченской крепости)"[118].

Бэр, знавший о намерениях Миддендорфа еще до получения упомянутых писем, в феврале 1844 г. писал ему, что для науки "каждая ветка, каждая травинка и каждая улитка из Амурского края представляют большую ценность"[119]. Через несколько дней в другом письме Бэр отметил, что знание положения границы с Китаем весьма желательно, но от Академии Миддендорф получит инструкцию лишь для исследований в Удском остроге. И затем приватно (privatissime) Бэр добавил: "Я не могу *советовать* Вам [выделено Бэром] краткую поездку в Амурскую страну, так как не смогу за это отвечать, если с Вами случится несчастье. Только я хочу Вам sub rosa сказать, что я имею в руках доказательство, как мало китайские ревнители охраняют границу своими собственными силами"[120]. Кроме того (тоже приватно) Бэр сообщил Миддендорфу, что И.Ф. Крузенштерн подготовил для императора проект плавания по Амуру – вверх и вниз по течению, однако пока не передал его, полагая, что для такого плавания следует получить разрешение у китайцев. По мнению Бэра, китайское правительство такого разрешения не даст, и успешным может стать путешествие только без официального разрешения.

Упомянутые письма Бэра, а также инструкцию Академии наук вместе со сведениями о том, что для путешествия к Охотскому морю выделены деньги, отправленные из Петербурга в феврале 1844 г., Миддендорф получил только в ноябре, когда уже был на реке Селемдже.

Бэр, очевидно, рассказал в Академии о намерениях Миддендорфа не ограничиваться наблюдениями в Удском остроге. Во всяком случае, в отчете Академии наук за 1844 г., сообщая о хо-

---

[117] A. v. Middendorff an K. v. Baer, Jakutsk, 9. März 1844 // UBG. Nachlass von Baer. Bd. 16.

[118] A. v. Middendorff an K. v. Baer, Udskoy Ostrog, 13. Juni 1844 // Там же.

[119] K. v. Baer an A. v. Middendorff, St. Pbg., 12. Februar 1844 // HSM. Bd. 702. № 320.

[120] K. v. Baer an A. v. Middendorff, [St. Pbg], 18. Februar 1844 // Там же.

де Сибирской экспедиции, П.Н. Фус отметил: "... путь, по которому г. Миддендорф намерен следовать, покинув Удский острог, не назначен ему в инструкциях, но он выбрал его по собственному произволу ..., ежели проект его удастся, то мы обязаны будем г. Миддендорфу первыми известиями об образовании [положении?] этой границы, потому что, сколько известно, она никем не была посещаема ..., на географических картах она означается совершенно произвольным образом..."[121].

Миддендорф и его спутники успешно преодолели трудности неизведанного пути. И хотя нельзя было вести ни геологические, ни естественноисторические наблюдения, так как путешествовали глубокой осенью и зимой, все же Ваганов производил съемку, а Миддендорф с помощью компаса определял направление рек и хребтов, собирая сведения о рельефе местности. "Как бы то ни было, я не раскаиваюсь в том, что решился на помянутое путешествие, – писал Миддендорф. – Тщательно занося на бумагу наш маршрут и проверяя, сколько было возможно критически, множество показаний на мои расспросы, я успел составить картину Амурского края, которая бросала новый свет на эту страну"[122].

Плавание по Охотскому морю позволило Миддендорфу не только собрать некоторые сведения о природе Шантарских островов и морской фауне, но также описать Тугурский залив и открыть до тех пор неизвестный залив, который Миддендорф назвал заливом Академии. На Сегнекском полуострове, расположенном между этими заливами, Миддендорф обнаружил удобную гавань. Ваганов нанес на карту берег Охотского моря между устьями рек Уда и Тугур, а также маршрут между устьем Тугура и истоками Амура. Составленная на основе этих съемок карта хранилась в Гидрографическом департаменте и уже в 1846 г. стала известна. А.П. Соколов, (служивший в этом департаменте и занимавшийся историей российского мореплавания) сообщил, что использовал "карточку Миддендорфа", составляя "Карту восточной части Сибири и Охотского берега" для описания Шантарских островов Козьмина[123].

В Академии наук о результатах наблюдений Миддендорфа узнали 21 марта 1845 г., когда путешественник уже был в Петер-

---

[121] СПб. ведом. 1845. № 51. С. 227.

[122] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... 1860. Ч. 1. Отд. 1. С. 138.

[123] *Соколов А.* Опись Удского берега и Шантарских островов поручика Козьмина в 1829, 1830 и 1831 годах. // Записки Гидрографического департамента. 1846. Ч. 4. С. 78.

бурге. В своем последнем отчете об экспедиции Миддендорф сообщал, что на южном склоне Станового хребта живут тунгусы, которые платят ясак в Якутск, а не китайскому императору. Южнее он встречал гиляков – народ, еще неизвестный ученым и независимый ни от китайского, ни от российского императоров. Судя по наблюдениям и собранным Миддендорфом сведениям, граница никем не охранялась. Он сам видел пограничный знак, поставленный китайцами к югу от Станового хребта, а местные тунгусы рассказали ему о двух других знаках. Поэтому Миддендорф пришел к выводу, что китайское правительство считает, что граница находится южнее этой горной цепи и тем самым "увеличивает" пространство России.

Сведения Миддендорфа произвели в Петербурге большое впечатление. Уже 25 марта С.С. Уваров (который тогда был и президентом Академии наук, и министром народного просвещения) счел своим долгом сообщить об окончании Сибирской экспедиции Николаю I еще до того как получил официальное сообщение о результатах экспедиции от непременного секретаря. Причиной такой "поспешности" несомненно были сведения Миддендорфа о границе с Китаем. Об этом свидетельствует запрос директора канцелярии министра народного просвещения В.Д. Комовского, который 29 марта просил П.Н. Фуса сообщить, что ему известно о российско-китайской границе для доклада министру народного просвещения. И Фус уже на следующий день изложил Комовскому сведения, полученные от Миддендорфа: "Официальная граница между русскими и китайскими владениями на юго-востоке Сибири должна пролегать по Яблонному-Становому хребту, который на картах наших показан неверно, именно – несколькими градусами на север от настоящего своего положения. Сами же китайцы, судя по пограничным своим столбам, считают эту границу еще южнее. На этом пространстве живут оседлые тунгусы в числе до 2000 душ, платящие нашему правительству ясак"[124].

Всеподданнейший доклад Уварова, в котором речь шла о необходимости наград для путешественников, был представлен 5 апреля Николаю I. Доклад сопровождался обширной запиской, в которой Уваров практически дословно повторял отчет П.Н. Фуса о результатах экспедиции Миддендорфа. Большая часть отчета Фуса (и записки Уварова) была посвящена описанию открытий Миддендорфа вблизи российско-китайской границы[125].

---

[124] РГИА. Ф. 735. Оп. 2. № 262. Л. 68.
[125] Там же. Л. 81 об.–87. Вся записка помещена на Л. 80–87.

Часть флага, с которым Миддендорф плавал по Охотскому морю

Познакомившись с докладом Уварова, Николай I пожелал прочесть краткий обзор путешествия, составленный самим Миддендорфом. 20 апреля Фус передал Уварову этот обзор, отредактированный им и Бэром, как “проект дополнительной записки”. Эта записка завершалась рассуждениями Миддендорфа о влиянии сурового климата Якутска на более южные части Сибири. Согласно Миддендорфу, “и самая южная покатость Станового хребта неожиданно сурова, даже южный берег Охотского моря ... не в состоянии подавать надежды на успешное разведение хлебопашества, и, следовательно, снабжение всего Охотского и Камчатского края и даже Северо-Американских колоний всегда заставят нас прибегать к урожаям южной Сибири ... Тем более должно жалеть, что единственная судоходная река в северной Азии, протекающая на протяжении тысячи верст от запада к востоку, и впадающая в море, закрыта нашему судоходству”[126].

Прочитав представленный ему “проект”, Уваров в тот же день решил уточнить показавшуюся ему не совсем отчетливой последнюю мысль Миддендорфа. В ответ на этот вопрос 21 апреля

---

[126] Там же. Л. 125–125 об.

Фус писал Уварову: “Спешу ответить Вашему превосходительству, ибо завтра едва ли возможно будет сообщение [между Академией наук и министерством народного просвещения]. Река Амур с самого образования своего от соединения Шилки и Аргуни протекает по китайским владениям на довольно значительном расстоянии от нашей границы – южного склона Станового хребта, и хотя пограничные межи китайские довольно близко к ней подходят, но все-таки они поставлены на север от Амура, и судоходство по ней [реке] запрещено, или по крайней мере не дозволено трактатом. Миддендорф хотел с намерением намекнуть на это обстоятельство, которое, по его убеждению, весьма важно”[127].

На основе этих сведений Уваров нашел нужным закончить записку Миддендорфа следующими словами: “р. Амур протекает по китайским владениям на довольно значительном расстоянии от нашей границы, и судоходство по ней практически не дозволено”[128]. С этим дополнением “Краткий обзор путешествия” и был представлен императору I[129].

Можно предположить, что государь император затем обсуждал вопрос об Амуре с самим Миддендорфом. Во всяком случае, в труде о Сибирской экспедиции Миддендорф упоминал, что весной 1845 г., прочитав общий отчет о его путешествии, император потребовал от него подробнейших сведений об Амурском крае[130], а так же писал: “...сам государь пожелал узнать от меня обстоятельнее о при-Амурских [так!] странах...”[131].

Николай I не только интересовался сведениями об Амурском крае, но и привлек к ним внимание министров разных ведомств. Прежде всего, император пожелал узнать, действительно ли Амур можно использовать для судоходства. В связи с этим морское министерство предложило отправить экспедицию в Китай и Японию, чтобы установить торговые отношения с этими странами, а заодно исследовать и устье Амура. Но министр финансов (Е.Ф. Канкрин) решил, что такая экспедиция будет очень дорогостоящей. Тогда министр иностранных дел К.В. Нессельроде распорядился, чтобы председатель главного правления Российско-Американской компании Ф.П. Врангель отправил для изучения Амура одно из судов компании. Причем экспедицию следовало организовать “без шума”, чтобы китайцы не догадались о намерениях россиян.

---

[127] Там же. Л. 126.
[128] Там же. Л. 125 об.
[129] Там же. Л. 134–149 об.
[130] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... 1860. Ч. 1. Отд. 1. С. 173.
[131] Там же. С. 187.

В инструкции, которую составил Нессельроде, помимо прочего, речь шла о том, что необходимо "описать лиман реки Амур между Сахалином и матерым берегом и соседственный с лиманом юго-восточный [?] берег Охотского моря до Удской губы. Для соображения же при описи сего последнего берега, прилагается карта оного, составленная академиком Миддендорфом, а равно и карта пути [его] с этого берега в Забайкалье"[132]. На проекте инструкции Николай I начертал: "принять все меры, чтобы паче всего удостовериться, могут ли входить суда в реку Амур, ибо в этом заключается весь вопрос, важный для России"[133].

Врангель послал инструкцию и карту в Аян в начале марта 1846 г., а летом того же года, по распоряжению М.Д. Тебенькова (главного правителя российских колоний в Америке) к устью Амура на бриге "Константин" был отправлен капитан Гаврилов-второй (А.М. Гаврилов). Его исследования в лимане Амура и Татарском проливе подтвердили широко распространенные после плаваний Ж.-Ф. Лаперуза и И.Ф. Крузенштерна взгляды, согласно которым Сахалин перешейком соединяется с материком, а при входе в Амур – много мелей и глубины невелики. Результаты своих измерений Гаврилов обозначил на карте. В журнале же наблюдений он писал (по словам Невельского), что "по краткости времени, ничтожеству имевшихся у него средств, свежим ветрам и течениям, ему не представилось никакой возможности произвести тщательные и подробные исследования, которые могли бы разрешить вопрос о состоянии устья реки Амур и ее лимана"[134]. Гаврилов так же отметил, что по результатам его описи нельзя делать заключение о характере устья.

Как ни странно, Врангель не придал значения этим замечаниям Гаврилова. Он сообщил Нессельроде, что задание выполнено и просил наградить не только Гаврилова, но и Тебенькова. При этом Врангель передал Нессельроде карту Гаврилова с данными о глубинах. На основе этих данных Нессельроде заключил, что Амур не имеет для России никакого значения, о чем и сообщил в 1847 г. во всеподданнейшем докладе. Николай I на этом докладе начертал: "Весьма сожалею. Вопрос об Амуре, как реке бесполезной, оставить"[135].

---

[132] *Невельской Г.И.* Подвиг русских... С. 45. Речь о юго-западном береге моря.
[133] Там же. С. 45–46.
[134] Там же. С. 51.
[135] Там же. С. 52. П.В. Шумахер полагал, что исследования Гаврилова "закрыли Амур" (К истории приобретения Амура // Русский архив. 1878. Кн. 3. № 9–12. С. 257).

Несмотря на такую высочайшую резолюцию, вопрос об Амуре "оставлен" не был. И в этом "виновен" в известной степени сам император, назначивший в сентябре 1847 г. генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н. Муравьева (в будущем – Муравьева-Амурского).

Биографы Муравьева обычно подчеркивают его приоритет в решении проблемы Амура. Г.И. Невельской и вслед за ним некоторые историки считают, что именно он привлек внимание Муравьева к этой проблеме. Однако рассказ самого Невельского о встрече с Муравьевым в Петербурге свидетельствует о том, что вопрос об Амуре интересовал Муравьева и до их встречи. Невельской писал: "Я имел случай обратить его внимание на важное значение для вверенного ему края р. Амур; на это он отозвался, что не только возвращение этой реки в наше владение, но и открытие для нас свободного по ней плавания представляет огромное значение для Сибири, но, к несчастью, все убеждены, будто бы устье этой реки забросано мелями и недоступно для входа в реку судов с моря". Когда Муравьев сказал Николаю I о значении р. Амур для России, "государь император изволил выразиться: «Для чего нам эта река, когда уже положительно доказано, что входить в устье могут только одни лодки»"[136].

Таким образом выясняется, что Муравьев не только был знаком с проблемой Амура, но и говорил о ней с императором. Может быть и сама встреча с Невельским состоялась по инициативе Муравьева, узнавшего о том, что строится судно, которое должно отправиться на Камчатку? Может быть действительно он сообщил Невельскому "свое мнение о необходимости более правильного исследования устья Амура"?[137]

Если Муравьев до встречи с Невельским знал о проблеме Амура, следует попытаться ответить на вопрос, каким образом он мог о ней узнать. Готовясь в Петербурге к деятельности губернатора, Муравьев знакомился с состоянием дел в Восточной Сибири. Проблема российско-китайской границы в конце 40-х гг. обсуждалась не только в правительственных кругах. О своих открытиях на юго-востоке Сибири Миддендорф рассказывал многочисленным знакомым. Выясняется, что Миддендорф встречался и с Муравьевым.

В Эстонском историческом архиве сохранились два письма к Миддендорфу Платона А. Чихачева, с которым Миддендорф

---

[136] *Невельской Г.И.* Подвиг русских... С 45.
[137] *Шумахер П.* К истории... С. 258.

был знаком с 1845 г.[138] Из этих писем следует, что Чихачев имел возможность свободно общаться с Муравьевым, когда тот жил в Петербурге в конце 1847 – начале 1848 гг. В январе 1848 г., узнав о том, что Муравьев вскоре уезжает в Сибирь, Миддендорф попросил, чтобы Чихачев организовал их встречу. Отвечая на это письмо (11 января 1848 г.), Чихачев сообщал Миддендорфу: "Из-за Вас я писал Муравьеву уже позавчера, но еще не получил никакого ответа, потому что он готовит сейчас свой последний доклад для царя. Во всяком случае можете Вы найти Муравьева каждый день в четыре часа вечера в гостинице "Demuth" (вход со стороны Мойки, № 20). Я думаю, что было бы лучше, если бы Вы сами его посетили, хотя я напишу ему об этом еще раз. Человека можно простить, так как он имеет здесь очень много дел"[139]. А уже на следующий день (12 января) Чихачев снова писал Миддендорфу: "Только что я говорил с г. Муравьевым – он очень просит его извинить, что еще не посетил Вас, и просит – если возможно – встретиться у него завтра **во вторник в семь часов вечера** [подчеркнуто Чихачевым]. Я в это время тоже буду там и, вероятно, можно будет устроить небольшой обмен идеями между Муравьевым и Вами. Таким образом, до встречи завтра вечером. P.S. Муравьев уезжает в Сибирь в воскресенье [т.е. 18 января 1848 г.]"[140].

Встреча, несомненно, состоялась, хотя о ней не упоминают авторы подробных биографий Муравьева. Следует лишь отметить, что имеются косвенные сведения о том, что Муравьев иногда общался с Миддендорфом и впоследствии[141].

Итак, Муравьев тотчас согласился на встречу с Миддендорфом, несмотря на множество неотложных дел перед отъездом. О теме разговора можно лишь догадываться. Муравьев мог считать эту встречу очень важной, вероятно, потому, что речь шла об Амуре и можно было получить надежные сведения о пространстве вблизи Амура от единственного россиянина, который

---

[138] ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 1. № 174. Л. 24 об.

[139] ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 13. Л. 47.

[140] Там же. Л. 39.

[141] Друг Миддендорфа Ю.И. Штубендорф, который был якутским гражданским губернатором во времена Н. Н. Муравьева, в 1857 г. писал Миддендорфу: "Сейчас Муравьев в Петербурге. Вероятно, Ты будешь иметь случай с ним встретиться. Будь добр и сообщи мне, в каком состоянии его и мой барометр. Прежде всего – разумеется – мой. При каждом длительном путешествии [Муравьева] в Петербург возникает невольный вопрос, вернется ли он? Его отсутствие для края [Восточной Сибири] и для меня стало бы большой потерею." (ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 9. Л. 3–3 об.).

там сам побывал и поэтому лучше, чем кто-нибудь другой, мог судить о ситуации в крае.

Вопрос о том, когда Невельской встречался с Муравьевым – до или после этого разговора – остается открытым. Невельской в своей книге о дате встречи не упомянул[142]. Известно лишь, что транспорт "Байкал" был заложен в начале января 1848 г., и что после разговора с Муравьевым Невельской виделся с начальником Главного морского штаба А.С. Меншиковым (фактически морским министром). Во время этой встречи Невельской спросил министра, нельзя ли вверенный ему транспорт – после передачи груза в порту Петропавловска – использовать для исследований в устье реки Амур. Меншиков считал, что для таких исследований времени не останется, но Невельской сделал все возможное, чтобы ускорить завершение строительства судна. 10 февраля 1848 г. в письме к Муравьеву Невельской отметил, что лето этого года "... могло быть употреблено с величайшею пользою, а именно на осмотр и опись юго-восточного [?] берега Охотского моря, начиная от Тугурской губы и далее к востоку до лимана р. Амур..."[143]. Упоминание Тугурской губы как исходного пункта для исследований тоже свидетельствует о том, что и Невельской, и Муравьев знали о результатах путешествия Миддендорфа. Ведь именно от Тугурской губы он начал свое путешествие на запад вдоль южного склона Станового хребта. (Само название "Тугурская губа" стало встречаться в литературе после Сибирской экспедиции Миддендорфа.)

Между тем, в 1847 г. начальник Охотского порта Н.В. Вонлярлярский отправил на имя морского министра записку, в которой предлагал "перенести Охотский порт в усмотренный в 1844 г. Миддендорфом на Сегнекском полуострове залив, названный при описи капитаном В.К. Поплонским заливом «Великий князь Константин». Этот залив ... представляет все удобства для основания в нем порта гораздо лучшего, чем Охотский или Аянский"[144].

В связи с запиской Вонлярлярского в 1848 г. морской министр обратился к Н.Н. Муравьеву (который тогда уже был в Иркут-

---

[142] Невельской, по его собственным словам, о проблеме Амура узнал из периодической печати. Знал он и о том, что сведения о гиляках "достигли престола", и о том, что сведения эти "доставлены были академиком Миддендорфом, осмотревшим восточный [?] берег Охотского моря и не дошедшим всего 200 верст до устья Амура". (*Невельской Г.И.* Подвиг русских... С. 42).

[143] *Романов Д.* Присоединение Амура... С. 95.

[144] *Невельской Г.И.* Подвиг русских... С. 53. Залив, открытый Миддендорфом, В.К. Поплонский описал в 1847 г. Позже залив стали называть Константиновским.

ске) с вопросом, возможно ли перенести Охотский порт "в новооткрытую на Сегнекском полуострове у Тугурской губы Константиновскую бухту". Министр интересовался также, "сколько будет стоить проведение дороги от этого залива по южному склону Яблонового хребта в Забайкальскую область по пути Миддендорфа"[145]. Муравьев ответил, что сухопутную дорогу в Забайкалье от Константиновской бухты провести невозможно, но "следовало бы подробнее осмотреть и описать юго-восточный берег Сибири от Тугурского залива до устья Амура"[146]. Поэтому Муравьев предлагал снабдить капитан-лейтенанта Невельского, который должен был перевозить груз на Камчатку, инструкцией, включавшей и эту задачу.

И Невельской получил распоряжение морского министра, согласно которому после сдачи груза в Петропавловском порту он должен отправиться "для осмотра юго-восточных берегов Охотского моря". В результате этих исследований Невельской и его спутники измерили глубины Амурского лимана и устья р. Амур, а также обнаружили ее судоходный фарватер. Кроме того, измерение глубин в Татарском проливе позволило доказать, что Сахалин не соединен с материком. Это, в свою очередь, позволило Невельскому исправить ошибку, более полустолетия определявшую географические представления. Сахалин вновь был признан островом.

В своем труде о Сибирской экспедиции Миддендорф подчеркивал заслуги русских моряков: "В наше время устье Амура открыто для всемирного сообщения. Я считал бы за лишнее говорить о нем, если бы не чувствовал себя обязанным определительно показать, что бесспорно нашему флоту принадлежит заслуга блистательного исправления ошибки, которая его же знаменитым гидрографом [И.Ф. Крузенштерном], если не пущена в ход, то все же была распространена"[147]. Миддендорф писал также: "Дознать [что Амур с юга доступен судам] и тотчас воспользоваться тем, было делом наших моряков и остается заслугой русского флага"[148].

В то время, когда Невельской еще плыл к Камчатке, мечтая об исследованиях вблизи устья Амура, в Петербурге в Генеральном штабе возник план сухопутной экспедиции для изучения пространства между Становым хребтом и Амуром. Авторы работ об

---

[145] Там же.
[146] *Барсуков И.П.* Граф... Кн. 1. С. 181.
[147] *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... 1860. Ч. 1. Отд. 1. С. 172–173.
[148] Там же. С. 173.

истории амурской проблемы упоминают о сведениях Миддендорфа, которые он сообщил генерал-квартирмейстеру Генерального штаба Ф.Ф. Бергу в связи с проектом этой экспедиции.

Миддендорф познакомился с Бергом 24 марта 1845 г. на одном из вечеров у Бэра[149]. Берга весьма заинтересовал рассказ Миддендорфа о российско-китайской границе и его идея наладить торговые отношения с гиляками, жившими вблизи Амура, и приобрести у них кусок земли, чтобы иметь возможность использовать эту реку для судоходства[150].

Сведения, полученные от Миддендорфа, Берг использовал в особом докладе, составленном в Генеральном штабе в конце 1848 г. по распоряжению военного министра, желавшего знать, что там известно о российско-китайской границе. В докладе сообщалось, что "часть границы от реки Горбицы до Охотского моря остается неизвестной, ибо о ней никаких положительных топографических сведений вовсе не имеется, и все, показанное на картах в этом пространстве, не заслуживает никакого доверия"[151]. Упоминались в докладе и пограничные знаки, обнаруженные Миддендорфом к югу от Станового хребта. "Что же касается до сведений, доставленных г. Миддендорфом о том, что река Амур отлично способна к пароходству, не имеет нигде порогов и отмелей и массою своих вод равняется самым значительным рекам Соединенных штатов, то для удостоверения в этом департамент Генерального штаба предлагал произвести особую рекогносцировку всего течения Амура..."[152].

В конце 1848 г. доклад был одобрен Николаем I. Затем Ф.Ф. Берг получил следующее распоряжение: "... государь император, имея в виду недовольно точное определение нашей границы с китайскими владениями, полагал бы необходимым для подробного означения ее составить экспедицию из офицеров корпуса горных инженеров и путей сообщения под руководством одного штаб-офицера Генерального штаба, присоединив к ним одного или двух офицеров корпуса топографов"[153]. На основе этого распоряжения в Генеральном штабе составили план экспедиции, которая должна была, помимо топографических съемок, ве-

---

149 ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 1. № 174. Л. 24 об.

150 *Невельской Г.И.* Подвиг русских... С. 54. Невельской критически отнесся к мысли Миддендорфа о необходимости наладить отношения с гиляками, однако сообщил, что Российско-Американская компания наладила с ними отношения, "имея в виду сведения и мнение Миддендорфа" (Там же. С. 55).

151 *Романов Д.* Присоединение Амура... С. 100.

152 Там же. С. 101.

153 *Шумахер П.* К истории... С. 258.

сти минералогические исследования. Начальником экспедиции назначили подполковника Генерального штаба Н.Х. Агте[154].

Предложение об организации экспедиции поддержал особый комитет, созданный 29 января 1849 г. по высочайшему повелению. В состав комитета вошли: военный министр А.И. Чернышёв, генерал-квартирмейстер Генерального штаба Ф.Ф. Берг, министр иностранных дел К.В. Нессельроде и министр внутренних дел Л.А. Перовский. В результате обсуждения дальнейших действий на юго-востоке Сибири было решено послать Невельскому указания в случае, если морское министерство поручит ему осмотр берега Охотского моря от Константиновского залива до устья р. Амур, а также северного берега Сахалина и ждать от него известий. Российско-Американская компания должна была установить торговые отношения с гиляками, не привлекая внимания китайцев. Экспедиции Генерального штаба поручалось исследовать пространство между официальной границей с Китаем и обнаруженными Миддендорфом пограничными столбами к югу от Станового хребта[155]. 8 февраля 1849 г. последовал высочайший указ об отправлении экспедиции.

Муравьев узнал о решениях особого комитета, направляясь на Камчатку. Но если распоряжения об исследованиях Невельского, организации торговли с гиляками, а также о создании зимовья вблизи Амура он считал полезными, то идею экспедиции для исследований к югу от Станового хребта – ошибочной. Поэтому своим распоряжением Муравьев приказал задержать Агте и его спутников в Иркутске, а сам отправил письмо императору с объяснением своих действий. Муравьев стремился доказать, что не следует предпринимать исследований вблизи границы до тех пор, пока не начнутся переговоры с китайцами о возвращении России левого берега Амура и не будет занято устье этой реки. Он считал также, что после путешествия Миддендорфа едва ли нужны исследования в этой области, и предлагал отправить экспедицию не к югу, а к северу от Станового хребта[156]. Доводы Муравьева убедили императора, и пространство исследований экспедиции, известной под названием Забайкальской, было изменено.

Экспедиция под руководством Н.Х. Агте считалась секретной, однако в столице о ней знали не только члены упомянутого

---

[154] В состав экспедиции вошли горные инженеры Н.Г. Меглицкий и М.И. Кованько, служившие тогда на Алтае, астроном Л.Э. Шварц, топографы С.В. Крутиков и В.Е. Карликов.

[155] *Романов Д.* Присоединение Амура... С. 104.

[156] *Барсуков И.П.* Граф... С. 215.

комитета. 31 марта 1849 г. К.М. Бэр писал Ф.П. Врангелю: "На днях отправляется экспедиция с целью упорядочения нашей границы восточнее Нерчинска. Миддендорф, хотя и назначен самим императором руководить экспедицией, отклонил это, так как нашел нецелесообразным уже готовый план. Это неслыханно!"[157]

До Бэра дошли не совсем верные слухи. Если бы император приказал Миддендорфу возглавить экспедицию, тот вряд ли смог бы отказаться. Но Миддендорф, оказывается, сам собирался отправиться на Амур. Об этом свидетельствуют сохранившиеся среди бумаг Миддендорфа письма Ф.Ф. Берга. Из них можно узнать, что между декабрем 1848 г. и апрелем 1849 г. они несколько раз встречались. 30 декабря 1848 г. Берг писал Миддендорфу: "Можете ли Вы придти ко мне? Возьмите также с собою хорошую карту Восточной Сибири. Я хочу с Вами немного побеседовать о дальнем востоке и о тех частях нашей и китайской границы, которые Вы объехали"[158]. Из этого письма следует, что Берг интересовался материалами Сибирской экспедиции Миддендорфа. В дальнейшем они при встречах, вероятно, обсуждали планы экспедиции Генерального штаба и, может быть, Миддендорф в связи с этим сказал Бергу о своем желании побывать на Амуре. Во всяком случае, в письме от 6 февраля 1849 г. Берг отметил: "С удовольствием, мой высокоуважаемый друг, я соглашаюсь с Вашими огромными и прекрасными планами. Однако мы не хотим сейчас решать и будем ждать, чтобы Вы закончили Ваши нынешние работы. Где-то **в марте** [подчеркнуто Бергом], даст Бог, будет завершен план, который мы после этого – в соответствующее время – предложим нашим друзьям географии. До того – ни единого слова и ни одной задержки Ваших нынешних работ..."[159].

И хотя Берг просил Миддендорфа никому не говорить о своих планах, о них все же стало известно в Петербурге. Какие-то сведения о его намерениях обнаружили и первые историки амурской проблемы. Например, Романов сообщал, что "департамент Генерального штаба предлагал произвести особую рекогносцировку всего течения Амура, поручив известному лицу спуститься в лодке в виде партикулярного путешественника с верховьев реки до устья и выплыть к Аянскому или Тугурскому заливу"[160]. Имя путешественника не названо, но, несомненно, имелся в виду

---

157 Переписка Карла Бэра... С. 251.

158 ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 13. Л. 61.

159 Там же. Л. 54 об.

160 *Романов Д.* Присоединение Амура... С. 101.

Миддендорф. Согласно П.В. Шумахеру, “Вся эта экспедиция была следствием записки, поданной в 1845 г. академиком Миддендорфом на высочайшее воззрение. Указывая на необходимость рекогносцировки всего течения Амура, г. Миддендорф сам вызвался спуститься в сопровождении двух топографов и четырех казаков на лодке, особенно для этой цели устроенной, вниз по течению Амура в море, намереваясь выплыть к Аянскому порту Охотского моря”[161].

О плавании по Амуру Миддендорф размышлял, кажется, уже после возвращения из Сибири в Петербург. Во всяком случае, в 1846 г. он отправил письмо начальнику Аянского порта В.С. Завойко, с которым общался во время экспедиции, надеясь получить у него сведения об Амуре. Из ответа Завойко, написанного Миддендорфу 1 декабря 1846 г., следует, что даже высокопоставленные чиновники, живущие вблизи Охотского моря, не имели об Амуре достоверных сведений. Завойко писал: “... Вы хлопочете о сообщении по реке Амуру, по которой еще плавание не предоставлено россиянам, и притом устье Амура мелко и порт у него устроить нельзя, ... по этому обстоятельству сообщение по реке Амуру выгоды для Охотской области и Камчатки принести не может; и во что обойдется казне завести два порта и пароход? ... Может быть, я и ошибаюсь в своем мнении по незнанию ничего об Амуре, кроме промера старых времен?”[162]

В начале 1848 г. Миддендорф, видимо, вновь думал о путешествии по Амуру в связи с назначением Н.Н. Муравьева генерал-губернатором. Он даже сообщил о своем намерении В.В. Ваганову, спрашивая, не хочет ли тот его сопровождать. Письмо Миддендорфа, к сожалению, не сохранилось. Но 18 февраля 1848 г. Ваганов отвечал Миддендорфу: “Насчет желания моего ехать с Вами, нечего было и спрашивать. Я всегда готов ехать”[163]. Хотя Ваганов не сообщает, куда именно ехать, в то время Миддендорф мог его звать только на Амур. Но в письме Ваганова, написанном в 1849 г., читаем: “Невельской, кажется, молодец. Судя по его собственным действиям, он понимает то, за что берется, а это славная вещь! Очень жаль, что Вы-то к нам не пожаловали. С Вами как-то было бы надежнее. Что делать, будете нашим руководителем, и просим не остыть к Вашему детенышу, который, вероятно, запросит и Вашей помощи! ... Вообще много надежд у нас. За дело принялись горячо и у нас, и

---

161 *Шумахер П.* К истории... С. 268.
162 ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 10. Л. 3 об–4.
163 Там же. Л. 39.

в Петербурге. Каков-то будет конец? Откровенно сказать – Амур дело не шуточное"[164].

Из письма Ваганова 1848 г. мы узнаем, что в Иркутске многого ждали от Н.Н. Муравьева еще до его приезда в Восточную Сибирь и к тому же вероятно полагали, что Миддендорф имел отношение к его назначению губернатором[165].

Миддендорф, несомненно, понимал свою роль в этой истории, но по скромности лишь между прочим упоминал о собственных заслугах: "Перемены [в отношениях с Китаем] произошли лишь позднее и преимущественно вследствие того, что мое путешествие доставило более верные понятия о тамошних Амурских странах, равно и об их жителях. Итак, нашей Академии принадлежит честь первого повода к тому преобразованию, которое в наше время совершается в Амурском крае"[166]. Академия действительно обеспечила Миддендорфа средствами, благодаря чему он смог побывать не только на Охотском море, но и на южном склоне Станового хребта. Но все же "честь первого повода" к преобразованиям в Приамурском крае принадлежала не Академии, а Миддендорфу. В другом месте он писал: "К исполнению двух главных задач, назначенных мне Академией, я по собственному побуждению присовокупил попытку обновить известия о забывшемся почти Приамурском крае. Попытка эта удалась свыше всякого ожидания: моей спешной поездке суждено было послужить первым поводом к политическому преобразованию, которое несравненно звучнее тихих успехов науки"[167].

Само название "Приамурский край" получило распространение после Сибирской экспедиции. Можно предположить, что и название "Дальний Восток" появилось благодаря труду Миддендорфа – словосочетание "дальний восток" он несколько раз употреблял в "Путешествии на север и восток Сибири". Автор, впервые поместивший слова "Дальний восток" в заглавие своей рабо-

---

164 Там же. Л. 40 об., 43.

165 В 1848 г. В.В. Ваганов писал, что все радуются новому начальнику и, "... не видя даже ни малейшего со стороны его еще действия, стали отдавать ему преимущество как человеку гениальному… Если не окажется в нем и трети приписываемых дарований, то не усомнимся и не упадем духом ... Восточная Сибирь нуждается в таком человеке-начальнике, это Вам очень известно как очевидцу весьма и весьма многого ... И что Вы не полагаете, а мы уверены, что Вашему-то посредству обязана Восточная Сибирь за благодетельное явление, которое она, хотя еще по предубеждению, но ощущает уже с некоторого времени". (Там же. Л. 39).

166 *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... 1860. Ч. 1. Отд. 1. С. 113.

167 Там же. Ч. 1. Отд. 3. С. 392.

ты[168], не только читал "Путешествие...", но и использовал сведения Миддендорфа как при описании природы Приамурского края, так и при изложении истории амурской проблемы.

О том, что Сибирская экспедиция Миддендорфа стала важным стимулом для действий правительства при решении Амурской проблемы, знали современники. Например, исследователь Сибири Н.С. Щукин (первый рецензент труда Миддендорфа) писал: "Вышли важные последствия, о которых, вероятно, и не думал путешественник". Щукин не сомневался, что "возвращение знаменитой реки Амур" связано и с экспедицией Агте, и с действиями генерала Муравьева – "Вот что значит слово, сказанное вовремя"[169]. В начале XX в. Г.И. Танфильев в труде об истории географии отметил, что сведения Миддендорфа стали "одним из поводов к снаряжению на Амур экспедиции Невельского"[170], хотя и не привел доказательств для обоснования такого вывода.

В конце XX в. американский историк М. Бассин, основываясь на анализе труда Миддендорфа и периодической печати XIX в., пришел к выводу, что именно Миддендорф привлек общее внимание к амурской проблеме и "... в этом смысле значение его экспедиции неизмеримо"[171].

---

[168] *Шперк Ф.* Россия Дальнего востока. // Зап. РГО по общей географии. 1885. Т. 14.

[169] *Щукин Н.* "Путешествие на север и восток Сибири..." // Морской сборник. 1861. Т. 55. № 10. Критика и библиография. С. 47.

[170] *Танфильев Г.И.* География России. Одесса, 1914. Ч. 1. Введение. С. 168.

[171] *Bassin M.* Imperial visions... P. 83.

Заключение

Итак, основные события жизни А.Ф. Миддендорфа после окончания Дерптского университета теперь известны едва ли не за каждый год. Несомненно, главным в научной деятельности ученого был труд о Сибирской экспедиции. Миддендорф подготовил к изданию по существу 9 вполне самостоятельных сочинений, объединенных общим заглавием. Впечатляет не столько объем, сколько содержание этих работ, включивших в себя, помимо множества новых фактов, обилие оригинальных мыслей, выводов и даже сведений о российской истории.

Результаты исследований Миддендорфа не остались только на страницах его труда. Миддендорф содействовал появлению в географической литературе многих новых названий, стимулировал изучение вечномерзлых почв, ввел в науку понятие "полюс холода", положил начало геоботаническим и зоогеографическим исследованиям в Восточной Сибири, первым определил северную границу лесов Евроазиатского материка и описал особенности разных типов сибирской тундры. Характер анализа условий существования растений и животных в труде о Сибирской экспедиции позволил зоологам XX в. рассматривать Миддендорфа как одного из первых российских экологов.

Миддендорф первым обратился и к истории сибирской картографии. Он не только использовал старинные карты для выяснения характера изменения географических представлений, но и привлек внимание ученых к самой этой проблеме. Существенной была роль Миддендорфа в истории изучения этнографии народов Сибири. В своем труде он коснулся многих тем, которыми российские этнографы активно занялись только в 70–80-х годах XIX в.

Материалы, собранные во время Сибирской экспедиции Миддендорфом и его спутниками, не только обогатили академические музеи, но и стали основой для особых исследований К.М. Бэра, Р.Э. Траутфеттера, Ф.И. Рупрехта, А.А. Кейзерлинга. Результаты наблюдений Миддендорфа уже в 40–50-х гг. XIX в. использовали такие известные ученые как А. Гумбольдт, Г. Дове, Ч. Лайель, а во второй половине столетия – геологи, которые

Краеведческий музей в Иркутске

вели исследования в Восточной Сибири, полярные исследователи, первыми обогнувшие Таймырский полуостров, российские и иностранные ботаники и орнитологи.

Миддендорф специально не занимался теоретическими вопросами естествознания, но был достаточно хорошо знаком с основными идеями своей эпохи. Он начал свой путь в науке, когда основополагающие концепции в области естествознания существенно отличались от тех, которые распространились после 60-х годов XIX в. Исходя из собственных наблюдений Миддендорф стремился найти доводы либо для подтверждения, либо для опровержения разных точек зрения. Он не предлагал особых концепций, но несомненно сам был незаурядным мыслителем и постоянно ставил все новые вопросы, в той или иной форме будоражившие научную мысль. Во всяком случае, многие суждения Миддендорфа оказались современными и для конца XIX, и для начала XX веков, а некоторые его мысли не утратили своего значения и в конце XX столетия.

Конечно, Миддендорф не всегда был прав. Но если вспомнить о том, как мало были изучены местности, в которых он побывал, а также о состоянии проблем естествознания, затронутых учёным, то следует удивляться не столько его ошибочным суждениям,

сколько таким, с которыми трудно спорить и сегодня. Вероятно, именно уровень современной Миддендорфу российской науки стал причиной того, что современники не заметили многие его важные мысли и даже не сразу обратили внимание на все географические открытия экспедиции. Интересно, что ботанические, геологические и этнографические наблюдения зоолога Миддендорфа, кажется, привлекали внимание в большей степени, чем его зоологические исследования.

Зоологи, несомненно, были знакомы с трудом Миддендорфа, о чем свидетельствуют многочисленные виды животных, названные в его честь. Но зоогеографические идеи Миддендорфа в свое время оказались не востребованными. Между тем, Миддендорф первым в России определил содержание понятия “зоогеография”, вполне осознанно вел полевые зоогеографические наблюдения и подробно изложил результаты своих исследований об условиях существования как отдельных животных, так и их географических сочетаний.

Хотя бóльшую часть своей жизни Миддендорф занимался наукой, труд кабинетного ученого его привлекал меньше, чем путешествия. Возвратившись из Сибирской экспедиции, он размышлял о путешествии на Амур, расставшись с Академией наук, охотно соглашался сопровождать великих князей во время их путешествий. Уже в преклонных годах Миддендорф отправился в Ферганскую долину, а еще через пять лет путешествовал по Европейской России.

Во второй половине своей жизни Миддендорф объехал едва ли не всю европейскую часть страны – побывал на Ладожском и Онежском озерах, на Северной Двине, в Белом море и на Соловецких островах, в Баренцевом море и на Новой Земле, в Финляндии, на Волге, в степях Харьковской губернии, на Кавказе. Кроме того, Миддендорф пересек Южный Урал, на юге Западной Сибири видел не только Барабинскую степь, но также горы Алтая, долины рек Оби, Иртыша и Оми, а в Туркестане – не только Ферганскую долину, но и окрестности Сыр-Дарьи. Трудно назвать другого путешественника или жителя Российской империи, который собственными глазами увидел тундру, тайгу, степи и пустыни, склоны нескольких российских горных систем и просторы Атлантического и Ледовитого океанов.

Путешественник и ученый, обогативший своими исследованиями разные области современной ему науки, Миддендорф вместе с тем немало сделал для развития сельского хозяйства как в Лифляндии, так и в Европейской России. Он стремился применять научные знания для решения различных практических про-

блем коневодства и молочного скотоводства не только в собственных имениях. К тому же Миддендорф широко делился представлениями о задачах и методах деятельности в разных областях сельского хозяйства. Он излагал свои рекомендации в многочисленных статьях, читал лекции, участвовал в организации сельскохозяйственных выставок, привозил из Европы лошадей и коров для улучшения местных пород. Поражает, как один человек мог справляться с таким обилием разнообразных дел, тем более, что все, за что Миддендорф брался, он стремился выполнить самым тщательным образом.

П.Б. Юргенсон (наиболее глубокий исследователь творчества Миддендорфа) обратил внимание на его широкие знания, уважение к фактам, осторожность в выводах и самокритичность, скромность и независимость в суждениях. Переписка Миддендорфа и отзывы современников (не только друзей) свидетельствуют о том, что он был доброжелательным, приветливым, веселым, мужественным человеком и хорошим семьянином. К тому же его всегда окружали друзья, которыми становились и коллеги, и родственники, и даже друзья его детей.

Миддендорф всегда чувствовал ответственность за все, что происходило вокруг него, и стремился вмешаться в дело, когда считал это необходимым. Если оказалось, что карта Лапландии неверна, он сообщает об этом в особой статье. На статью не обращают внимания, он публикует ее снова. Если чиновники Якутска несправедливы к инородцам, Миддендорф пишет об этом губернатору. Когда Миддендорф оказывается вблизи Охотского моря, он пытается выяснить, что можно сделать, чтобы Амур мог стать российской рекой. Став непременным секретарем, Миддендорф пытается понять, почему дела в Академии наук не очень хороши, в качестве председателя Лифляндского общеполезного общества не только стремится содействовать повышению уровня сельскохозяйственной деятельности в губернии, но и пытается наладить отношения между помещиками и крестьянами. Когда в России началось железнодорожное строительство, Миддендорф способствовал тому, чтобы железная дорога соединила основные города Прибалтийских губерний с Петербургом, полагая, что это важно для экономического развития этих губерний. И если во время путешествия по Западной Сибири Миддендорф узнает о широком распространении в Барабинской степи сибирской язвы, он выясняет источник и причины ее распространения и сообщает о способах борьбы с болезнью.

Вполне законопослушный гражданин, Миддендорф постоянно и очень резко критиковал недостатки в различных сферах

российской действительности. Причем критика была обращена не только в адрес местных чиновников, но и правительства. Так, сообщая о том, что действия чиновников затрудняют развитие земледелия в условиях вечной мерзлоты, Миддендорф писал о подати, “похожей на грабеж”, которую требовали у жителя Якутска, узнав о его достижениях в деле выращивания зерновых культур. В статье “Бараба” Миддендорф не только сообщал правительству, что необходимо отменить “дорожную повинность”, но и убедительно объяснял нелепость введения такой повинности в Барабинской степи, называя ее “экономической бессмыслицей”. В труде о Ферганской долине Миддендорф давал правительству рекомендации, какими должны быть налоги для того, чтобы там успешно могла развиваться хозяйственная деятельность, подчеркивал необходимость кадастровых работ для оценки земельных участков для земледелия, а также проведения геодезической нивелировки прежде, чем будет организована система орошения.

Миддендорф страдал от “неурядиц” в экономической и политической жизни России потому, что любил ее и был патриотом в самом высоком значении этого слова. Он не только указывал на недостатки, но искал их причины и предлагал способы исправления. Критика Миддендорфа всегда была конструктивна, и не его вина, что не всегда его рекомендации были услышаны или сочтены существенными.

Миддендорф, несомненно, был неординарным человеком и много сделал для своего отечества. Именно поэтому его имя достойно уважения и должно сохраняться в памяти потомков.

Основные даты жизни А.Ф. Миддендорфа

Александр Федорович Миддендорф родился 6 августа 1815 г. в Петербурге

1824–1832 – учился в Санкт-Петербургской (3-ей) гимназии, в частной школе, в Главном педагогическом институте

1828–1831 – служил канцеляристом в департаменте мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов

1832–1837 – учился в Дерптском университете

1837 – защитил докторскую диссертацию

1837–1839 – продолжал образование в Европе

1839–1842 – преподавал в университете Св. Владимира в Киеве

1840 – Путешествовал с К.М. Бэром по Лапландии

1842–1845 – Сибирская экспедиция

1845–1850 – адъюнкт Академии наук

1850–1852 – экстраординарный академик

1852–1865 – ординарный академик

1850 – женился на Гедвиге Гиппиус

1851–1854 преподавал иппологию в школе гвардейских прапорщиков и юнкеров

1855–1857 – непременный секретарь Академии наук

1859–1860 – президент Вольного экономического общества

1862–1882 – президент Лифляндского общеполезного экономического общества

1865–1894 – почетный член Академии наук

1867 – путешествовал по Средиземному морю и Атлантическому океану до Канарских островов с великим князем Алексеем Александровичем

1868 – путешествовал по Оренбургской губернии, Южному Уралу, югу Западной Сибири с великим князем Владимиром Александровичем

1870 – путешествовал по Белому и Баренцеву морям и Атлантическому океану с великим князем Алексеем Александровичем

1872 – читал лекции о научных основах и практике молочного скотоводства в музее Министерства государственных имуществ

2011 Г. Сухова, Э. Таммиксаар

1873 – вице-президент международной выставки лошадей в Вене

1878 – изучал природные и экономические условия Ферганской долины

1876–1879 – служил управляющим имения Карловка, принадлежавшем великой княгине Екатерине Михайловне

1883–1884 – руководил экспедицией, организованной Министерством государственных имуществ для изучения состояния молочного скотоводства в Европейской России

1887 – праздновал в семейном кругу 50-летие со времени получения диплома доктора медицины

16 января 1894 г. скончался в Гелленорме

Библиография

Основные труды А.Ф. Миддендорфа

1. Естественная история медведя бурого // Сост. Симашко Ю.И. Русская фауна. СПб., 1851. Ч. 2. С. 187–295.
2. О задачах иппологии в отношении к потребностям кавалерии // Ученые записки императорской Академии наук по I и III отделению. СПб., 1852. Т. 1. Вып. 3. С. 295–327.
3. Разбор сочинения "Пешеходная опись части русских владений в Америке", произведенная лейтенантом А. Загоскиным // Восемнадцатое присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград. СПб., 1849. С. 57–72.
4. Разбор сочинения г. Менетрие под заглавием "Catalogue des recueillis par feu M. Lehmann" // Восемнадцатое присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград. СПб., 1849. С. 23–27, 85–90. (Совместно с Ф.Ф. Брандтом).
5. Разбор сочинения К.Ф. Кесслера "Животные губерний Киевского учебного округа. Млекопитающие. Птицы". Киев, 1850–52. Вып. 1–4 // Двадцать второе присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. СПб., 1853. С. 78–84. (Совместно с Ф.Ф. Брандтом).
6. Несколько слов в пояснение начертания пути от Колы до Кандалакши // Ученые записки имп. Академии наук по I и III отделениям. СПб., 1853. Т. 2. Вып. 1. С. 106–113.
7. Общий отчет о двадцать четвертом присуждении Демидовских наград 28 мая 1855 г. // Ученые записки имп. Академии наук по I и III отделениям. 1855. Т. 3. С. 481–504.
8. Разбор сочинения г. Се́верцова под заглавием "Периодические явления в жизни зверей, птиц и гадов Воронежской губернии" // Двадцать пятое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. СПб., 1856. С. 191–212.
9. В. Вишневский // Морской сб. 1856. Т. XXIV. № 11. Смесь. С. 95–104.
10. Письмо непременного секретаря к г. вице-председателю Русского географического общества // Вестн. РГО. 1857. Ч. 21. Кн. 5. Отд. V. С. 1–4.
11. О сибирских мамонтах // Вестник естественных наук. М., 1860. № 26–27. С. 843–867.
12. Путешествие на север и восток Сибири. СПб. Ч. 1. Отд. 1. 1860; Отд. 2. 1861; Отд. 3. 1862; Отд. 4. 1867. Ч. 2. Отд. 5. 1869, 1877. Отд. 6. 1878.

13. Разбор сочинения г. Радде “Исследования над фауною млекопитающих животных Восточной Сибири” // Тридцать первое присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград. СПб., 1862. С. 114–120.
14. Иппоголиометр // Журн. коннозав. 1862. № 11. С. 139–142.
15. Определение главных начал науки по коннозаводскому делу // Журн. коннозав. 1865. № 4. С. 69–75.
16. Мнение проф. Миддендорфа по вопросу об определении чистопородной орловской лошади // Журн. коннозав. 1865. № 8. С. 106–167.
17. О подборе производителей // Журн. коннозав. 1866. № 3. С. 12–22.
18. Пояснение выражений, касающихся основных начал коннозаводства // Журн. коннозав. 1867. № 3. С. 91–111.
19. О молокомерах // Земледельческая газета. 1869. № 8.
20. Молочное стадо скота Д.А. Путяты // Отчет о Первой Всероссийской выставке рогатого скота 1869 года. СПб., 1870. С. 281–293.
21. Гольфстрим на восток от Нордкапа // Зап. АН. 1871. Т. XIX. Кн. 1. С. 73–101.
22. Бараба // Зап. АН. 1871. Т. XIX. Прилож. № 2.
23. О способах улучшения нашего скотоводства // Сельское хозяйство и лесоводство. СПб., 1872. № 7. С. 1–67.
24. Венская международная выставка лошадей // Журн. коннозав. 1874. № 1. С. 1–104.
25. Торгельский конный завод // Сельское хозяйство и лесоводство. 1880. Ч. 134. № 7. Отд. II. С. 193–214; № 8. Отд. II. С. 328–358; № 9. Отд. II. С. 33–61.
26. Очерки Ферганской долины. СПб., 1882.
27. О породе рогатого скота северной России и улучшении ее. В кн.: Исследование современного состояния скотоводства в России. М., 1884. Вып. 1. Рогатый скот. С. В-1-В-50.
28. *Quaedam de bronchorum polypis, morbi casu observato illustrata*. Dorpat, 1837.
29. Bericht über die ornithologischen Ergebnisse der naturhistorischen Reise nach Lappland während des Sommers 1840 // Beiträge KRR. 1843. Bd. 8. S. 187–258.
30. Bericht über einen Abstecher durch das Innere von Lappland, während der Sommer-Expedition im Jahre 1840 // Beiträge KRR. 1845. Bd. 11. Sp. 137–183.
31. Bericht über die Reise des Herrn von A. Middendorff, mitgeteilt von dem Akademiker von Baer // Bull. phis.-math. 1844. T. 2. № 33–34. Sp. 140–159.
32. Bericht über die Expedition in das nordöstliche Sibirien wärend der Sommerhälfte des Jahres 1843. [Turuchansk–Jeniseisk]. I. Ergebnisse // Bull. phys.-math. 1844. T. II. № 4. Sp. 241–256.
33. Bericht über die Expedition in das nördostliche Sibirien während der Sommerhalfe des jahres 1843. II. Ergebnisse. Geographie, Geognosie, Meteorologie // Bull. phys.-math. 1844 T. III. № 57. Sp. 150–176; Botanik // Ibid. № 64–65. Sp. 241–259; Zoologie // Ibid. № 67. Sp. 289–304.

34. Bericht über den Schergin-Schacht // Bull. phys.-math. 1845. T. III. № 64–65. Sp. 259–269.
35. Expédition de Sibérie. Voyage de M. Middendorff à Oudskoï; lettre à M. Fuss // Bull. phys.-math. 1845. T. 4. № 73–74. Sp. 18–32.
36. Bericht über die Beendigung der Expedition nach Udskoy Ostrog, auf die Schantaren und durch das östliche Grenzgebirge // Bull. phys.-math. 1845. T. IV. № 87–88. Sp. 231–250.
37. Die Samojeden in Petersburg, als Gegenstand der etnographischen Forschung // St. Petersburgische. Zeitung. 1847. № 76, 77.
38. Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens während der Jahre 1843 und 1844. St. Pbg., 1847–1875. (Bd. 1. Theil I. 1848. Bd. 1. Theil II. Leiferung 1. 1847; Lieferung 2. 1851; Leiferung 3. 1856. Bd. II. Theil I. 1851. Theil II. 1853. Bd. III. Theil I. Lieferung 1. 1851; Lieferung 2. 1851. Theil II. Lieferung 3. 1853. Bd. IV. Theil I. Lieferung 1. 1859; Lieferung 2. 1860; Lieferung 3. 1861; Lieferung 4; 1864. Theil II. Lieferung 1. 1867; Lieferung 2. 1874; Lieferung 3. 1875.
39. Beiträge zu einer Malacozoologia Rossica Mém. Acad. (Aus den Sc. naturelles) 1847, 1849. Série VI. T. 6. № 1; T. 8. № 2–3.
40. Grundriss für eine Geschichte der Malakozoographie Russlands // Bulletin de la Société Impériale des naturalistes de Moscou. 1848. T. 21. № 2. Sp. 424–473.
41. Untersuchungen an Schädeln des gemeinen Landbären, als kritische Beleuchtung der Streitfrage über die Arten fossiler Höhlenbären // Verhandlungen der russisch-kaiserlichen Mineralogischen Gesellschaft zu St. Petersburg. 1851. Bd. 1850–1851. Sp. 7–99.
42. Die Anforderungen des Kavallerie-Wesens an die Pferdekunde // Mélanges biologiques tirés du Bulletin physico-mathématique de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg. 1853. T. 1 (1849–53). Sp. 456–489.
43. Zusatz zu dem Carl von Ditmars Aufsatz: Ueber die Eismulden in Sibirien // Bull. phys.-math. 1853. T. 11. № 19–20. Sp. 312–316.
44. Esquisse de la vie organique en Sibérie // Compte rendu de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg. 1854. P. 131–155.
45. Die Isepiptesen Russlands. Grundlagen zur Erforschung der Zugzeiten und Zugrichtungen der Vögel Russlands // Mém. Acad. 1855. Série VI. T. 8.
46. Hippologische Beiträge // Bull. phys.-math. 1856. T. 14. № 6. Sp. 81–93.
47. Über die Nothwendigkeit von Vorbereitungen für den Empfang vorweltlicher sibirischer Riesenthiere // Bull. Acad. 1860. T. 1. Sp. 557–563.
48. Anikiev, eine Insel im Eismeere, in der Gegend von Kola // Bull. Acad. 1860. T. 2. Sp. 152–158.
49. Die Barabá // Mém. Acad. 1870. Série VII. T. 14. № 9.
50. Der Golfstrom ostwärts vom Nordkap // Petermann's Mittheilungen. 1871. Bd. 17. Sp. 25–34.
51. Das Landesgestüt der livländischen Ritterschaft zu Torgel // Mitteilungen der Kaiserlichen Livländischen gemeinnützigen und ökonomischen Sozietät. 1872. № 3. Sp. 1–100.

52. Nachträge zur Kenntniss des Nordcapstromes // Bull. Acad. 1872. T. 18. Sp. 1–5.
53. Zur Frage über die Reinheit der Race des Orlow'schen Träberpferdes // Österreichische Vierteljahrschrift für wissenschaftliche Veterinärkunde. 1873. Bd. 39. № 2. Sp. 81–222.
54. Einblicke in das Ferghana-Thal. Nebst chemischer Untersuchung der Bodenbestandtheile von C. Schmidt // Mém. Acad. 1881. VII Série. T. 29. № 1.
55. Über Rindviehrasse des nördlichen Russlands und ihre Veredlung // Landwirtschaftliche Jahrbücher. 1888. Bd. 17. Sp. 276–327.

Основные работы об А. Ф. Миддендорфе

1. Бэр К.М. Новейшие известия об экспедиции г. фон Миддендорфа // СПб. ведомости. 1844. № 20–22.
2. [Богданов А.П.] Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям. М., 1889. Т. 1. Л. 16.
3. Веселовский К.С. Время президентства графа [Д. Н.] Блудова в Академии наук. 1855–1884 // Русская старина. 1901. № 12. С. 495–528.
4. Гвоздецкий Н.А. Труд А.Ф. Миддендорфа о Ферганской долине и современные проблемы географии Средней Азии // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1969. Вып. 237. Труды по географии. С. 182–189.
5. Калнин В. Годы учения А. Миддендорфа в Тартуском университете // Известия АН Эстонской ССР. 1966. Т. 15. Серия биологическая. № 2. С. 239–245.
6. Конго Л.Я. О взаимоотношениях академиков К. Бэра и А. Миддендорфа // *Folia Baeriana*. Т. 3. С. 218–225.
7. Кумари Э. Значение исследований А. Миддендорфа для развития теорий миграций и ориентации животных // Известия АН Эстонской ССР. 1966. Т. 15. Серия биологическая. № 2. С. 257–264.
8. Кумари Э. Академик А.Ф. Миддендорф – основоположник экологической зоогеографии // Петербургская Академия наук и Эстония. Таллин, 1978. С. 119–128.
9. Леонов Н.И. Александр Федорович Миддендорф. М., 1967.
10. Материалы для биографического словаря действительных членов имп. Академии наук. Петроград, 1917. Ч. 2. С. 28–33.
11. Обручев В.А. К 100-летию первой академической экспедиции по изучению вечной мерзлоты // Изв. РГО. 1946. Т. 58. Вып. 5–6. С. 469–474.
12. Отчет РГО за 1894 г. СПб., 1895. С. 6–9.
13. Отчет имп. Академии наук по I и III отделениям за 1894 г. СПб., 1895. С. 6–7.
14. Паульсон О.М. Миддендорф. В кн.: Иконников В.С. (сост.). Биографический словарь профессоров и преподавателей университета Св. Владимира в Киеве. Киев, 1884. С. 423–437.

15. Пунг А.И. О работе А.Ф. Миддендорфа по разведению сельскохозяйственных животных // Известия АН Эстонской ССР. 1966. Т. 15. Серия биологическая. № 2. С. 247–256.
16. Путешествие Миддендорфа в Северную Сибирь для физических исследований [из отчета П.Н. Фуса] // СПб. ведом. 1845. № 104–108.
17. Сочава В.Б. Страницы из прошлого русской географии. // Сибирский географический сборник. 1963. Т. 2. С. 215–236.
18. Сухова Н.Г. Сибирская экспедиция А.Ф. Миддендорфа // Вестник Ленинградского государственного университета. 1961. Серия геологическая и географическая. № 6. С. 144–151.
19. Сухова Н.Г. Физико-географические исследования Восточной Сибири в XIX в. М.-Л., 1964. С. 35–40, 99–108.
20. Таммиксаар Э., Сухова Н.Г. Проблема вечной мерзлоты в трудах Карла Бэра // Изв. РГО. 1999. Т. 131. Вып. 6. С. 1–11.
21. Ходнев А.И. История имп. Вольного экономического общества. 1765–1865. СПб., 1865. С. 641, 645–646, 657.
22. Штраух А.А. Зоологический музей имп. Академии наук. Пятидесятилетие его существования // Зап. АН. 1889. Т. 61. Приложение № 3.
23. Юргенсон П.Б. Значение академика А.Ф. Миддендорфа в русской зоогеографии // Бюллетень Московского общества испытателей природы. 1961. Т. 66. № 1. С. 138–149.
24. Юргенсон П.Б. Неведомыми тропами Сибири. М., 1964.
25. Юргенсон П.Б. Александр Федорович Миддендорф как исследователь и его научное мировоззрение // Бюлл. Моск. общ. испыт. природы. 1966. Т. LXXI. Вып. 1. С.142–148.
26. Ячевский Л.А. А.Ф. Миддендорф // Зап. СПб. минералогического общества. СПб. Сер. 2. Ч. 31. Протоколы (8 февраля 1894 г.). С. 356–358.
27. Alschner G. (hrsg.). Middendorff, A.Th. v. Auf Schlitten, Boot und Rentierrücken. Leipzig, 1956.
28. Barr W. An introduction to Aleksandr Fedorovich Middendorf [Alexander Theodor von Middendorff] and his expedition to Taymyr 1843 // Polar geography and geology. Vol. 15. № 1. Pp. 3–62.
29. Barr W. The contribution of Alexander von Middendorff to the exploration of the Taymyr Peninsula in 1843 // Polar geography and geology. Vol. 17. № 3. Pp. 167–184.
30. Blasius R. Alexander Theodor von Middendorff. Nachruf // Ornithologisches Jahrbuch. 1894. Bd. 5. № 6. S. 221–233.
31. Brunckhorst H. (bearb.). Middendorffs Sibirische Reise mit ergänzenden Beiträgen // Schriftenreihe Nationalpark Schleswig-Holsteinisches Wattenmeer. Tönning, 1994. Bd. 4.
32. Henze D. Alexander Theodor von Middendorff // Enzyklopädie der Entdecker und Erforscher der Erde. Graz, 1991. Bd. 3. S. 461–483.
33. Kirt K. A. Th. Middendorffi päritolust ja tema tegevusest Hellenurmes // Eesti Loodusuurijate Seltsi Aastaraamat 1969. Kd. 59. Lk. 224–245 (А.Ф. Миддендорф и его деятельность в Хелленурме).
34. Lackschéwitz K. Alexander Theodor von Middendorff // Nachrichtenblatt der Baltischen Ritterschaften. 1994. Bd. 36. № 1. S. 1–3.

35. Lackschéwitz Th. Alexander Theodor von Middendorff (1815–1894). Forschungsreisender und Landwirt // Jahrbuch des Baltischen Deutschtums. 1961. Bd. 8. S. 112–118.
36. Lackschéwitz Th. Alexander Theodor von Middendorff. Herkunft und Vorfahren // Deutsches Familienarchiv. Neustadt an der Aisch, 1970. Bd. 43. S. 117–136.
37. Lackschéwitz Th. Alexander Theodor von Middendorff. Ergänzungen und Berichtigungen // Deutsches Familienarchiv. Neustadt an der Aisch, 1978. Bd. 70. S. 63–66.
38. Päid K. Akadeemik Alexander Theodor von Middendorff meile ja meie temast (Gesamtbibliographie über Akademiker Al. Th. von Middendorff). Kaseküla-Elva, 1993.
39. Posselt D. A. Th. von Middendorff (1815–1894). Forschungsreisender in Sibirien // Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universität-Jena. 1977. Bd. 26. S. 1039–1057.
40. Stieda L. Alexander Theodor von Middendorff // Allgemeine Deutsche Biographie. Leipzig, 1906. Bd. 52. S. 387–395.

Имя А. Ф. Миддендорфа на картах*

1. Мыс Миддендорфа на северном острове Новой Земли – к юго-западу от Ледяной Гавани. (Название дано в 1870 г. капитаном норвежской шхуны “Полярная звезда” Маком).
2. Гора Миддендорфа на острове Edgeoya архипелага Шпицберген. (Название дано в 1871 г. зоологом Т. Гейглином).
3. Ледник Миддендорфа на острове Рудольфа архипелага Земля Франца Иосифа. (Название дано в 1874 г. полярным исследователем Ю. Пайером).
4. Мыс Миддендорфа на юге острове Таймыр вблизи Таймырского залива. (Название дано полярным исследователем А.-Э. Норденшельдом.).
5. Залив Миддендорфа в Карском море (на Берегу Харитона Лаптева**). (Название дано в 1900 г. Э.В. Толлем).
6. Мыс Гелленорм на Таймырском полуострове напротив мыса Миддендорф. (Название дано Э.В. Толлем в том же году).
7. Мыс Миддендорф на северном берегу Гренландии в море Линкольна. (Между мысом Миддендорфа и мысом Вегенера находится залив Норденшельда).

---

* Справочник по истории географических названий на побережье СССР. Изд. 2. Л., 1985; Heyda C.H., Szumanski E.S. Gazette of Greenland. Names approved by the United States. Board on Geographic Names. Washington D.C., 1983. Second ed.

** Название “Берег Лаптева” появилось на картах в начале XX в. уже после гибели Толля.

Растения, названные в честь А.Ф. Миддендорфа*

1. Род *Middendorfia* (ныне Peplis)
2. Вейгела Миддендорфа (*Weigela middendorffiana*)
3. Береза Миддендорфа (*Betula middendorfii*)
4. Красноднев Миддендорфа (*Hemerocallis middendorffii*)
5. Живкость Миддендорфа (*Delphinium middendorffii*)
6. Осока Миддендорфа (*Carex middendorfii*)
7. Очисток Миддендорфа (*Sedum middendorfianum*)
8. Остролодочник Миддендорфа (*Oxytropis middendorffii*)
9. Таран Миддендорфа (*Aconogonon middendorfii*)
10. Мох (*Calyptrostigma middendorffii*)

Водоросли

1. *Cruoria middendorfii*
2. *Delesseria middendorfii*
3. *Neohypophyllum middendorfii*
4. *Petrocelis middendorfii*

Животные, названные в честь А.Ф. Миддендорфа

Тип Annelida – Колчатые черви
Класс Polychaeta – Многощетинковые черви
Heteronereis middendorfii Malmgren, 1865
= *Nereis vexillosa* Grube, 1849, сем. Nereididae, отряд Phyllophoridae
Тип Mollusca – Моллюски
Класс Polyplacophora – Панцирные моллюски
Род *Middendorfiia* Dall, 1882
Mopalia middendorffii Schrenck, 1867, сем. Mopaliidae
Класс Bivalvia – Двустворчатые моллюски
Род *Middendorffinaia* Moskvicheva et Starobogatov, 1973, сем. Margaritiferidae, отряд Unioniformes
Unio middendorffi Westerlund, 1890
Nodularia middendorfii (Westerlund, 1890), сем. Margaritiferidae, отряд Unioniformes
Margaritana middendorffi Rosen, 1926
Dahurinaia middendorffi (Rosen, 1926), сем. Margaritiferidae, отряд Unioniformes
Anadonta complanata var. *middendorfi* Siemaschko, 1849
Pseudanodonta complanata (Rassmaessler, 1835)
Macoma middendorffi Dall, 1885, сем. Tellinidae, отряд Veneroida
Класс Gastropoda – Брюхоногие моллюски
Buccinum middendorffi Verkrüzen, 1882, сем. Buccinidae
Volutopsius middendorfii Dall, 1895, сем. Buccinidae

---

* *Бородин И.П.* Коллекторы и коллекции по флоре Сибири. СПб., 1908; Флора СССР. Л. 1949. Т. 15; М.-Л., 1958. Т. 23.

Strombella middendorfii Dall, 1895, сем. Strombidae
Turbonilla middendorfii Bartsch, 1927, сем. Burbnoillidae
Класс Cephalopoda – Головоногие моллюски
Gonatus middendorfi Kubodera et Okutani, 1981
Тип Artropoda – Членистоногие
Надкласс Crustacea – Ракообразные
Bairdestheria middendorfi (Jones) – вымерший вид, отряд Conchostraca
Daphnia middendorffiana Fisher, 1851, (сем. Daphniidae, отряд Daphniiformes – дафнии)
Класс Malacostraca – Высшие ракообразные
Pagurus middendorfii Brandt, 1851 (сем. Paguridae, отряд Decapoda – десятиногие раки)
Класс Insecta – Насекомые
Ephemeropsis middendorfi сейчас относят к *Ephemeropsis trisetalis* (отряд Ephemeroptera – подёнки)
Morphocarabus hummeli middendorfi Ménétriès, 1851 (Carabidae, отряд Coleoptera – жуки)
Inchneumon middendorffi Erichson, 1851 (сем. Ichneumonidae, отряд Hymenoptera – перепончатокрылые)
Bracon middendorffi Ratzeburg, 1848
Dendrosoter middendorffi (Ratzeburg, 1848) (сем. Braconidae, отряд Hymenoptera – перепончатокрылые)
Leucobrephos middendorffi (Ménétriès, 1858) (сем. Geometridae, отряд Lepidoptera – чешуекрылые)
Tipula middendorffi Lackschewitz, 1936 (сем. Tipulidae, отряд Diptera – двукрылые)
Тип Chordata – Хордовые
Класс Рыбы – *Pisces*
Hadropareia middendorffii Schmidt, 1904
Lycoptera middendorfii – вымершая форма
Класс Amphibia – Земноводные
Лягушка *Rana middendorffi* Steenstrup, 1870 – сейчас относят к виду *Rana amurensis* Boulenger, 1886
Класс Aves – Птицы
Гусь *Anser middendorffii* Severtsov, 1873
= *Anser fabalis fabalis* Latham, 1787, сем. Anatidae, отряд Anseriformes
Класс Mammalia – Млекопитающие
Землеройка *Sorex middendorfi* (сем. Soricidae, отряд Insectivora, насекомоядные) – сейчас относят к виду *Sorex arcticus*
Полевка *Arvicola middenforffi* Poliakov, 1881 – сейчас называется *Microtus middendorffi* (Poliakov, 1881) (сем. Muridae, отряд Rodentia – грызуны)
Лемминг *Myopus middendorfi* (сем. Muridae, отряд Rodentia – грызуны) – сейчас относят к виду *Myopus schisticolor*
Бурый медведь *Ursus arctos middendorffi* (о. Кадьяк) сем. Ursidae, отряд Carnivora
Снежный баран *Ovis middendorfi* (сем. – Bovidae, полорогие, отряд Artiodactyla, парнокопытные) сейчас относят к виду *Ovis nivicola*

Географические названия Прибалтийских губерний

Альт-Лайцен (Alt-Laitzen) – Вецлайцене (Veclaicene)
Верро (Werro) – Выру (Võru)
Вольмарсгоф (Wolmarschof) – Кыо (Kõo)
Гелленорм (Hellenorme)
Дерпт (Dorpat) – Тарту (Tartu)
Либава (Libau) – Лиепая (Liepaja)
Лодензе (Lodensee) – Клоога (Klooga)
Оденпа (Odenpäh) – Отепя (Otepää)
Пэрафер (Pörafer) – Пёэравере (Pööravere)
Райкюль (Rayküll) – Райккюла (Raikküla)
Ревель (Reval) – Таллинн (Tallinn)
Рига (Riga) – Рига (Rīga)
Самгоф (Samhof) – Пяйдла (Päidla)
Саллоал (Salloal) – Салуала (Saluala)
Тапс (Taps) – Тапа (Tapa)
Торгель (Torgel) – Тори (Tori)
Феллин (Fellin) – Вильянди (Viljandi)
Чудлей (Choudleigh) – Вока (Voka)

Список сокращений

Арх. РГО – Архив Русского географического общества (Санкт-Петербург)

Вестн. РГО – Вестник императорского Русского географического общества

Горн. журн. – Горный журнал

ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения

Журн. коннозав. – Журнал коннозаводства

Зап. АН – Записки императорской Академии наук

Зап. РГО – Записки императорского Русского географического общества

Изв. РГО – Известия императорского Русского географического общества

Морск. сб. – Морской сборник

ПФА РАН – Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва)

РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)

РНБ – Российская национальная библиотека, Отдел рукописей (Санкт-Петербург)

СПб. ведом. – Санкт-Петербургские ведомости

Тр. ВЭО – Труды Вольного экономического общества

Тр. ИИЕТ – Труды Института истории естествознания и техники

Beiträge KRR – Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angränzenden Länder Asiens

Bull. Acad. – Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg

Bull. phys.-math. – Bulletin de la Classe physico-mathématique de l'Académie Impériale des Sciences de Saint-Pétersbourg

BW – Baltische Wochenschrift

EAA – Eesti Ajalooarhiiv (Эстонский исторический архив, Тарту)

EAM – Eesti Ajaloomuuseum (Эстонский исторический музей, Таллинн)

EKM EKLA – Eesti Kirjandusmuuseum, Eesti Kirjanduslooline arhiiv (Эстонский литературный музей, Эстонский литературный архив, Тарту)

ERM – Eesti Rahva Muuseum (Эстонский национальный музей, Тарту)

HSM – Hessisches Staatsarchiv Marburg (Гессенский государственный архив, Марбург)

HYK – Helsinkin Yliopiston Kirjasto (Библиотека Хельсинкского университета)

LVVA – Latvijas Valsts Vēstures Arhīvs (Латвийский государственный исторический архив, Рига)

Mém. Acad. – Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de Saint-Pétersbourg

Petermann's Mittheilungen – Mittheilungen aus Justus Perthes' Geographischer Anstalt über wichtige neue Erforschungen auf dem Gesammtgebiete der Geographie von Dr.A. Petermann

[Middendorff A.v.] Middendorff's Hellenormer Briefe. Lievland (1847–1894). Giessen. 1996 [Рукопись] – Middendorff's Hellenormer Briefe...

Mittheilungen der KföG zu St. Pbg. – Mittheilungen der Kaiserlichen freien ökonomischen Gesellschaft zu St. Petersburg

PABvM – Privatarchiv Beate von Middendorff, Deutschland (Частное собрание документов Беаты Миддендорф в Германии)

PAOL – Privatarchiv Odert Lackschewitz, Finnland (Частное собрание документов Одерта Лакшевица в Финляндии)

PAWL – Privatarchiv Wolf Lackschéwitz, Schweden (Частное собрание документов Вольфа Лакшевица в Швеции)

SBPK, Handschriftenabteilung – Staatsbibliothek zu Berlin Preussischer Kulturbesitz (Государственная библиотека прусского культурного наследия в Берлине, Отдел рукописей)

TKM – Tartu Kunstimuuseum, Julie Hagen-Schwarzi arhiiv (Тартуский музей изобразительных искусств, архив Юлии Гаген-Шварц)

UBG – Universitätsbibliothek Giessen, Handschriftenabteilung, Nachlass von Baer (Библиотека университета Гиссена, Отдел рукописей, архив K. M. Бэра)

Список иллюстраций

А.Ф. Миддендорф [на обложке] (Иллюстрированный календарь на 1868 г.)

1. Ф.И. Миддендорф – отец А.Ф. Миддендорфа (PAOL)
2. С.И. Миддендорф – мать А.Ф. Миддендорфа (PABvM)
3. Компас, с которым Миддендорф путешествовал по Сибири (PABvM)
4. Флаг, под которым Миддендорф плавал по Охотскому морю (PABvM)
5. А.Ф. Миддендорф. 50-е годы XIX в. (PAOL)
6. Современный вид "академического дома" на Васильевском острове в Петербурге (фото Юлии Вржижевской)
7. Гедвига Миддендорф – жена А.Ф. Миддендорфа (PABvM)
8. Р.К. Залеман. "О, какое счастье быть отцом!" 1854 г. (PAWL)
9. Эрнст Миддендорф – старший сын Миддендорфа (PABvM)
10. Карл Миддендорф – средний сын Миддендорфа (Из книги "Julie Hagen-Schwarz, 1824–1902". Lüneburg, 1990. S. 65)
11. Гедвига Миддендорф – старшая дочь Миддендорфа (PABvM)
12. Кристина Миддендорф – младшая дочь Миддендорфа (PABvM).
13. Макс Миддендорф – младший сын Миддендорфа (PABvM)
14. Группа Pirogoff'scher Verein. 1848–1849 гг. (Из книги "Николай Иванович Пирогов и его наследие. Пироговские съезды". СПб., 1911)
15. Аннет Богословская – сестра А.Ф. Миддендорфа (PABvM)
16. Дом в имении Гелленорм. Фасад, начало XX в. (PABvM)
17. Дом в имении Гелленорм. Дворовый фасад, начало XX в. (PABvM)
18. Дом в имении Пэрафер, начало XX в. (PABvM)
19. А.Ф. Миддендорф. 60-е годы XIX в. (EAM. F-13550)
20. Платформа Миддендорфа (EEA. Ф. 1802. Оп. 1. № 34. Л. 5)
21. Миддендорф. 80-е годы

22. Миддендорф. 90-е годы (EAA. Ф. 1802. Оп. 1. № 34. Л. 5)
23. Аннет и А.Ф. Миддендорф (PABvM)
24. Могилы Александра и Гедвиги Миддендорф на семейном кладбище вблизи Гелленорма (фото: Odert Lackschéwitz)
25. А.Ф. Миддендорф. 60-е годы (ERM. 886:55)
26. Карта Нижней Таймыры и Таймырского озера из "Атласа" А.Ф. Миддендорфа
27. Часть флага, с которым Миддендорф плавал по Охотскому морю (PABvM)
28. Краеведческий музей в Иркутске (фото: Odert Lackschéwitz)

Именной указатель

Агассис, Луй (Agassiz, Jean-Louis-Roudolphe), 1807–1873 33, 58, 208, 209

Агте, Николай Христофорович (Agthe), 1816–1869 102, 257, 295

Адамс, Михаил Иванович (Adams, Michael Friedrich), 1780–1836 266, 268, 269

Алексей Александрович, великий князь, 1850–1908 97, 153, 159, 160

Александр II 1818–1881 56, 81, 96

Александр III 1845–1894 129

Альшнер, Герольф (Alschner, Gerolf) 6

Амундсен, Руаль (Amundsen, Roald), 1872–1928 196

Андреев, Александр Игнатьевич, 1887–1959 266

Анжу Петр Федорович (Anjou, Pétr), 1797–1869 275, 276

Арсеньев, Константин Иванович, 1809–1842 254

Асмус, Герман-Мартин (Asmuss, Hermann Martin), 1812–1859 19, 26

Ауэрбах, Иван Богданович (Auerbach), 1815–1867 268

Баренц Виллем (Barents Willem), 1550–1597 159, 193

Бартольд, Василий Владимирович, 1869–1930 249

Бассин, Марк (Bassin, Mark), 299

Бекетов, Андрей Николаевич, 1825–1902 221

Беллинсгаузен, Фаддей Фаддеевич (Bellingshausen, Fabian Gottlieb Benjamin von), 1778–1859 35

Беляева, П.И. 187, 191

Берг, Лев Семенович, 1876–1950 198

Берг, Федор Федорович (Berg, Friedrich Wilhelm Rembert von), 1794–1874 51, 234, 294, 295

Бергхауз, Генрих, (Berghaus, Heinrich Karl Wilhelm), 1797–1884 50

Беринг, Витус (Bering, Vitus Jonassen), 1681–1741 34, 187

Беркгольц, Георг (Berkholz, Georg), 1817–1886 98, 145, 151

Бётлингк, Вильгельм (Böthlingk, Wilhelm von), 1809–1841 17

Бётлингк, Отто Николаевич (Böthlingk, Otto von), 1815–1904 60, 68, 98, 246, 247, 249

Блазиус, Рудольф (Blasius, Rudolf) 6

Блудов, Дмитрий Николаевич, 1785–1864 67, 69, 70, 75–77, 79, 104, 114

Богораз-Тан, Владимир Германович, 1868–1936 249

Богославская, Анна (урожденная Миддендорф) (Bogoslavsky, Anna Helene, geb. von Middendorff), 1809–1894 13, 86, 119, 179

Богословский Григорий Петрович, 1841–1899 119

Боднарский, Митрофан Степанович, 1870–1953 265

Бородин, Иван Парфеньевич, 1847–1930 213, 221
Борщов, Илья Григорьевич, 1833–1878 109
Брандт, Федор Федорович (Brandt, Johann Friedrich), 1802–1879 20, 22, 31, 35, 37, 40, 50, 53, 101–103, 109, 222, 255
Брант, Тор Эмилий (Branth, Thor Emil) 36, 39, 47–51, 60–62, 106, 110, 114, 115, 166, 225, 226, 257, 269
Бунге, Александр Александрович (Bunge, Alexander von), 1851–1930 176, 180, 282
Буняковский, Виктор Яковлевич, 1804–1889 65–68
Бух, Леопольд (Buch, Christian Leopold von), 1774–1853 206, 208
Бэр, Александр (Baer, Alexander Andreas Ernst von), 1826–1914 180
Бэр, Карл Максимович (Baer, Karl Ernst von), 1792–1876 18, 21–26, 28–38, 40–42, 46, 50, 51, 53, 59, 60, 61, 73, 83, 95, 96, 99–101, 106, 109, 114, 115, 117, 118, 136, 161, 181, 183, 190, 192, 202, 204, 205, 209, 222, 226, 231, 242, 251–253, 255, 259, 268–271, 274–276, 283, 284, 287, 294, 295

Ваганов, Василий Васильевич, 1820–1853 38–40, 47–49, 51, 101–103, 184, 186, 190, 123, 285, 297, 298
Вагнер, Рудольф (Wagner, Rudolph), 1805–1864 18
Вальтер Герман (Walter, Hermann), 1864–1901 281
Вальтер, Кристина (урожденная Миддендорф) (Walter, Christine, geb. v. Middendorff), 1858–1928 84, 88, 90, 91
Вальтер Фриц (Walter, Johann Friedrich (Fritz) Hermann), 1850–1905 90, 91
Варминг, Евгений (Warming, Johannes Eugenius Bülow), 1841–1924 222, 224
Вашингтон, Джон (Washington, John), 1800–1863 29
Вейденбаум, Густав Густавович, 1847–1878 156
Вейпрехт, Карл (Weyprecht, Karl), 1838–1881 194, 278
Веселовский, Константин Степанович, 1819–1901 66–68, 74, 78, 118, 136, 167, 180, 202, 203, 206, 283
Вилькен, Николай (Wilcken, Nicolai von), 1817–1885 17, 59, 85, 86, 95, 96, 148
Витсен, Николас (Witsen, Nicolas), 1641–1717 187, 263, 264, 267
Витте, Сергей Юльевич граф, 1849–1915 273
Владимир Александрович, великий князь, 1847–1909 153
Воейков, Александр Иванович, 1842–1916 163, 203, 211
Вонлярлярский, Иван Васильевич, умер в 1853 г. 292
Востоков, Александр Христофорович, 1781–1864 263
Врангель, Фердинанд Петрович (Wrangell, Ferdinand von), 1797–1870 27, 28, 83, 98, 136, 251, 252, 254, 255, 275, 276, 288, 289, 295

Гаврилов, Александр Михайлович, 1816–1848 289
Гаген-Шварц, Юлие (Hagen-Schwarz, Julie Wilhelmine Emilie), 1824–1902 85
Гайек, Густав (Hayek, Gustav von), 174

Гéбель, Фердинанд Иванович (Göbel, Karl Christian Traugott Friedmann), 1794–1851 16
Гейглин, Теодор (Heuglin, Theodor von), 1824–1876 277
Геккель, Эрнст (Haeckel, Ernst), 1834–1919 224
Гельмерсен, Григорий Петрович (Helmersen, Gregor von), 1803–1885 24, 28, 33, 57, 59, 68, 117, 190, 252, 254, 256
Ген, Виктор (Hehn, Viktor), 1813–1890 98, 151
Георги, Иван Иванович (Georgi, Johann Gottlieb), 1738–1784 210
Герценштейн, Соломон Маркович, 1854–1914 227
Герц Отто Федорович (1852–1905) 273
Гесс, Герман Иванович (Hess, Hermann Heinrich), 1802–1850 60, 226
Гёпперт, Генрих-Роберт (Göppert, Heinrich Robert), 1800–1884 59
Гиппиус, Карл-Фридрих (Hippius, Carl Friedrich), 1792–1875 83, 116
Глуховских (Глуховской), Александр Иванович, 1838-после 1915 г. – 260
Гмелин, Иоганн-Георг (Gmelin, Johann Georg), 1709–1755 157
Годунов, Пётр Иванович, ум. в 1670 264, 265
Головнин, Александр Васильевич, 1821–1886 80, 255, 256
Горчаков, Петр Дмитриевич, 1793–1861 29, 30
Гофман, Эрнст Карлович (Hofmann, Ernst Reinhold von), 1801–1871 17, 20, 83
Гризебах, Август (Grisebach, Heinrich August Rudolf), 1814–1879 222, 223
Грюневальдт, Иван (Grünewaldt, Johann (Iwan) Engelbrecht Christoph von), 1796–1862 64
Гук, Александр-Фридрих (Hueck, Alexander Friedrich von), 1802–1842 16–18
Гулд, Август (Gould, Augustus Addison), 1805–1866 226
Гуляев, В.В. 272
Гумбольдт Александр (Humboldt, Alexander von), 1769–1859 155, 200, 202, 206, 255, 256, 274
Гурьянов, И. 109
Гюртль, Иозеф (Hyrtl, Joseph), 1810–1894 18

Давыдов, Дмитрий Павлович 49
Давыдов, Сергей Иванович, 1789–1878 65
Даль, Владимир Иванович, 1801–1872 254
Дальтон, Герман (Dalton, Hermann), 1833–1913 98, 99
Данилевский, Николай Яковлевич, 1822–1885 160
Дарвин, Чарлз (Darwin, Charles), 1809–1882 58, 229, 241, 242
Декнадоль, Альфонс-Луи-Пьер-Пирамю (Decandolle, Alphons-Louis-Pierre-Pyramus), 1806–1893 223
Деменьтев, Георгий Петрович, 1898–1969 236
Джексон, Джулиан (Jackson, Julian), 1790–1853 58
Джонстон Александр Кейт (Johnston Aleksander Keith), 1804–1871 159
Дитмар, Карл (Ditmar, Karl Woldemar Bernhard Ferdinand von), 1822–1892 26, 205
Докучаев, Василий Васильевич, 1846–1903 158

Дове, Генрих-Вильгельм (Dove, Heinrich Wilhelm), 1803–1879 161
Дондуков-Корсаков, Михаил Александрович князь, 1794–1869 19, 46
Екатерина II, 1729–1796 55

Екатерина Михайловна, великая княгиня, 1827–1894 124
Елена Павловна, великая княгиня (geb. Württemberg, Charlotte Marie), 1806–1873 56, 115, 123, 124, 139, 140

Завойко, Василий Степанович, 1809–1898 297
Заленский, Владимир Владимирович, 1847–1918 272, 273
Замен, Готтлиб (Sahmen, Gottlieb Franz Immanuel), 1789–1848 16
Зееберг, Фридрих Георгиевич (Seeberg, Friedrich), 1872–1902 97
Зейдлиц Карл Карлович (Seidlitz Carl Johann, von), 1798–1885 144, 145

Кабанис, Жан-Луй (Cabanis, Jean-Louis), р. 1816 234
Калнин, Виктор (Kalnin, Viktor), 1929–1992 17, 93, 176
Канкрин, Егор Францович (Cancrin, Georg von), 1774–1845 32, 33, 288
Карелин, Григорий Силыч, 1801–1872 37
Карликов, Василий Ефимович, 1822 – после 1862 295
Карпинский, Александр Петрович, 1846–1936 273
Кастрен, Матвей Христианович (Castrén, Matthias Alexander), 1813–1852 244, 294
Катенин, Александр Андреевич, 1803–1860 109
Кауфман, Константин Петрович (Kauffmann, Konstantin von), 1818–1882 164–167, 169, 170, 172, 260
Кейзерлинг, Александр Андреевич (Keyserling, Alexander Friedrich von), 1815–1891 56, 57, 59, 65, 73, 100, 116, 135, 148, 206, 210, 271
Кеппен, Петр Иванович (Koeppen, Peter), 1793–1864 24, 73, 78, 112, 251, 252, 254
Киперт, Генрих (Kiepert, Heinrich), 1818–1899 193, 194
Классен 176
Клеменц Дмитрий Александрович (1848–1914) 250
Клуген, Адам-Георг (Klugen, Adam Georg von), 1757–1810 12
Книпович, Николай Михайлович, 1862–1939 164
Ковалевский, Владимир Иванович, 1848–1934 170
Ковалевский, Евграф Петрович, 1792–1867 78
Кованько, Матвей Иванович 295
Козьмин Николай Петрович, 1800–1854 285
Комовский, Василий Дмитриевич, 1803–1851 286
Константин Николаевич, великий князь, 1827–1892 104
Коржинский, Сергей Иванович, 1861–1900 221
Кропоткин, Петр Алексеевич, 1842–1921 163, 190, 211, 259
Крузенштерн, Иван Федорович (Krusenstern, Adam Johann von), 1770–1846 50, 284, 289, 293
Крутиков, С.В. 295
Кумари, Эрик (Kumari, Eerik), 1912–1984 87, 235
Куник, Арист Аристович (Kunik, Ernst Eduard), 1814–1899 68, 69

Купфер, Адольф Яковлевич (Kupffer, Adolph Theodor), 1799–1865 28, 33, 35, 109, 190, 206
Куторга, Степан Семенович, 1805–1861 208, 209
Кушелев-Безбородко, Александр Григорьевич граф, 1800–1855 83

Лайель, Чарлз (Lyell, Charles), 1797–1875 58, 206, 209, 226
Лакшевиц, Гедвига (урожденная Миддендорф) (Lackschéwitz, Hedwig, (geb von Middendorff), 1854–1929 84, 87–89, 177
Лакшевиц, Пауль Мориц Александр (Lackschéwitz, Paul Moriz Alexandr), 1865–1936 89, 90, 177
Лаперуз, Жан Франсуа (La Pérouse, Jean François), 1741–1788 289
Лаптев, Харитон Прокофьевич, ум. в 1763 31, 39, 90, 187, 188, 190–192, 194, 279, 282
Лапуков, Тит 39, 40
Ледебур, Карл-Фридрих (Ledebour, Karl Christian Friedrich), 1785–1851 17
Ленц, Эмилий Христианович (Lenz, Heinrich Friedrich Emil), 1804–1865 28, 35, 59, 66
Леонов, Николай Иванович 7
Линген, Карл Максимович (Lingen, Karl von), 1817–1896 17, 85, 93, 95
Линген, Мария (урожденная Бэр) (Lingen, Marie Juliane von, geb von Baer), 1828–1900 95
Литвинов, Дмитрий Иванович, 1854–1929 222
Литке, Федор Петрович (Lütke, Friedrich Benjamin), 1797–1882 64, 79, 80, 81, 98, 99, 112, 113, 136, 167, 183, 186, 252–255, 258, 264, 275
Майдель, Герхард (Maydell, Gerhard Gustav Ludwig von), 1835–1894 272
Максимович, Карл Иванович (Maximowicz, Carl Johann), 1827–1891 114, 199, 213
Мальман, Генрих (Mahlmann, Heinrich), 1830–1873 184, 185, 193
Мальтус, Роберт (Malthus, Robert), 1766–1834 170
Маркс Адольф Фёдорович, 1838–1904 159
Матэ, Василий Васильевич (Вильгельм), 1856–1917 176
Меглицкий, Николай Гаврилович, 1825–1857 257, 295
Мейендорф, Александр Казимирович (Meyendorff, Christoph Gustav Alexander von), 1796–1865 252
Мейер, Карл Андреевич (Meyer, Karl Anton), 1796–1855 35, 61, 213, 222
Меккель, Иоганн-Фридрих (Meckel, Johann Friedrich), 1781–1833) 18
Мензбир, Михаил Александрович, 1855–1935 236
Меншиков, Александр Сергеевич, 1787–1869 292, 293
Меркатор, Герард (Mercator, Gerhard), 1512–1594 183, 186
Миддендорф, Владимир Андреевич (Middendorff, Andre Woldemar von), 1826–1868 59
Миддендорф, Гедвига (урожденная Гиппиус) (Middendorff, Hedwig Elisabeth von, geb. Hippius), 1825–1868 83, 84
Миддендорф, Карл (Middendorff, Carl von), 1852–1871 84, 159
Миддендорф, Макс (Middendorf, Max von), 1856 91

Миддендорф, Макс (Middendorf, Max von), 1861–1926 84, 91–93, 166–169, 174, 177
Миддендорф, Мэри (урожденная Вилькен) (Middendorff, Mary von, geb. von Wilcken), 1855–1938 86
Миддендорф, Софья Ивановна (Middendorff, Sophie von, geb. Johanson), 1782–1868 12, 13, 14
Миддендорф, Федор Иванович (Middendorff, Theodor Johann von), 1776–1856 9–14, 119
Миддендорф, Эллен (урожденная Гуиллемо де Виллебуа) (Middendorff, Elise Caecilie (Ellen) von, geb. Guillemot de Villebois), 1868–1922 93
Миддендорф, Эрнст (Middendorff, Ernst von), 1851–1916 84
Миллер, Герард Фридрих (Müller, Gerard Friedrich), 1705–1783 187, 188, 263
Минин, Фёдор Алексеевич, род. ок. 1709 31, 190, 282
Михаил Николаевич, великий князь, 1832–1909 115, 130, 153
Михаил Павлович, великий князь, 1798–1849 56
Муравьев Михаил Николаевич, 1796–1866 254, 257
Муравьев-Амурский, Николай Николаевич, 1809–1881 101, 103, 257, 270, 282, 290–292, 295, 297, 298
Мурчисон, Родерик Импи (Murchison, Roderick Impey), 1792–1871 31, 56, 57, 58, 206, 209, 210
Мушкетов, Иван Васильевич, 1850–1902 164, 165, 171–173, 207
Мюллер, Иоганнес (Müller, Johannes Peter), 1801–1858 18, 59

Надеждин, Николай Иванович, 1804–1856 242, 251, 255
Нансен, Фритьоф (Nansen, Fridtjof), 1861–1930 163, 164, 191, 196, 280
Насонов, Николай Викторович, 1855–1939 273
Невельской, Геннадий Иванович, 1813–1876 282, 290, 292, 293, 295, 297
Неверов, А.Д., умер в 1854 г. 201
Нессельроде, Карл Васильевич (Nesselrode, Karl Robert von), 1780–1862 288, 289, 295
Никитенко, Александр Васильевич, 1805–1877 67
Николай I, 1796–1855 33, 50, 51, 254, 286–290, 294
Николай II, 1868–1918 196, 273
Николай Николаевич (старший), великий князь, 1831–1891 115, 130, 138, 153
Николай Александрович, цесаревич, 1843–1865 96, 153
Ниландер, Вильям (Nylander, William), 1822–1899 213, 214
Норденшельд, Адольф Эрик (Nordenskjöld, Nils Adolf Eric), 1832–1901 191, 192, 195, 196, 265, 278–280
Нордман, Александр Давыдович (Nordmann, Alexander von), 1803–1866 225, 228
Норов, Авраам Сергеевич, 1795–1869 65, 66

Овцын, Дмитрий Леонтьевич 3
Одоевский, Владимир Федорович, 1830–1869 252
Ольденбургский, Петр Георгиевич (Oldenburg, Peter Herzog), 1812–1881 136, 137
Ортелий (Ortelius), 1527–1598 183, 186
Осборн, Шерард (Osborn, Sherard), 1822–1875 275

Остен-Сакен, Федор Романович (Osten-Sacken, Reinhold Friedrich von), 1832–1916 253
Оуэн, Ричард (Owen, Richard), 1804–1892 58

Пайер, Юлиус (Payer, Julius), 1842–1915 194, 278
Паллас, Петр Симон (Pallas, Peter Simon), 1741–1811 176, 210, 226, 235, 268
Пальмен, Иоган-Аксель (Palmen, Johan Axel), 1845–1919 234, 235
Пальмерстон, Генри-Джон (Palmerston, Henry John), 1784–1865 58
Панкевич 22, 23
Паррот, Егор Иванович (Parrot, Georg Friedrich), 1767–1852 28
Паррот, Иоганн-Якоб-Фридрих-Вильгельм (Parrot, Johann Jacob Friedrich Wilhelm), 1791–1841 17
Пекарский Эдуард Карлович, 1858–1934 247, 250
Перру, Василий Александрович (Perrou, Wilhelm), 1845–1906 167
Перовский, Лев Алексеевич, 1793–1856 254, 295
Петерман, Август (Petermann, August), 1822–1878 115, 159, 161–165, 193, 275–278
Пим Бедфорд (Pirn, Bedford) 274
Пирогов, Николай Иванович, 1808–1881 16, 17, 93, 94
Позняков, Федор Иванович, 1797–1835 191
Поплонский, В.К. 292
Попов, А.А. 249
Посьет, Константин Николаевич, 1819–1899 145, 160
Пржевальский, Николай Михайлович, 1839–1888 7, 176, 177
Прончищев, Василий Васильевич, 1702–1736 31, 187, 190–192, 292
Пуркине, Ян-Эвангелиста (Purkyně, Jan Evangelista Ritter von), 1787–1869 18
Путятин, Евфимий Васильевич, 1803–1883 114
Пыпин, Александр Николаевич, 1833–1904 242, 249
Пяйд Калев (Päid Kalev) 6

Радде, Густав Иванович (Radde, Gustav Ferdinand Richard), 1831–1903 111–116, 228, 231, 258
Раден, Эдита Федоровна (Rahden, Editha von), 1823–1885 139, 151
Раевский, И.С. 160
Ратке, Мартин-Генрих (Rathke, Martin Heinrich), 1793–1860 16
Ратцебург, Юлиус (Ratzeburg, Julius Theodor Christian), 1801–1871 18
Регель, Эдуард Людвигович (Regel, Eduard August), 1815–1892 74
Рейхерт, Карл (Reichert, Karl Bogislaus), 1811–1883 18
Ремезов, Семен Ульянович, 1664, умер после 1720 г. 183, 187, 258, 263–266
Ретциус, Андерс-Адольф (Retzius, Anders Adolf), 1796–1860 58
Рикорд, Петр Иванович (Ricord, Peter), 1776–1855 252–254
Риттер, Карл (Ritter, Carl), 1779–1859 57, 104, 170, 193, 274
Рихтгофен, Фердинанд (Richthofen, Ferdinand von), 1833–1905 170
Ричардсон, Джон (Richardson, John), 1787–1865 218
Романов, Дмитрий Иванович, умер в 1873 г. 296
Руперт, Вильгельм Яковлевич (Ruppert, Wilhelm), 1787–1849 30, 38, 45, 101
Рупрехт, Франц Иванович (Ruprecht, Franz Joseph), 1814–1870 59, 106, 212, 213, 222

Руссов, Валериан Фридрихович (Russow, Valerian Karl Michael), 1842–1879 166–168
Рыкачев, Михаил Александрович, 1840–1919 163

Савич Алексей Николаевич, 1811–1883 190
Самойлович, Александр Николаевич, 1880–1940 249
Свенске, Карл Федорович (Svenske, Karl), 1796–1871 24, 181
Се́верцов, Николай Алексеевич, 1827–1885 107–111, 165, 228, 236
Се́джвик, Адам (Sedgwick, Adam), 1785–1873 58
Семенов, Петр Петрович, 1827–1914 165, 166, 169, 199, 259–262
Серошевский, Вацлав Л. (Sieroszewski, Wacław), 1858–1945 248
Симашко Юлиан Иванович, 1821–1893 228
Синюков, Валерий Васильевич 97
Скарлато, Олег Александрович, 1920–1994 227
Скорсби, Вильям (Scoresby, William), 1789–1857 16
Слонимский, Леонард-Людвиг Зиновьевич, 1850–1918 170
Смирнов, Валентин Георгиевич 160
Смирнов Сергей Михайлович 167, 168, 172
Соколов, Александр Петрович, 1816–1858 191, 192, 285
Соссюр, Орас Бенедикт (Saussure, Horace Bénédict de), 1740–1799 208
Сочава, Виктор Борисович, 1905–1978 6, 214, 223
Спасский, Михаил Фёдорович, 1809–1859 36
Стасов, Владимир Васильевич, 1824–1906 134
Стебницкий, Иероним Иванович, 1832–1897 262
Стевен, Христиан Христианович (Steven, Chrétien), 1781–1863 112
Стеллер, Георг-Вильгельм (Steller, Georg Wilhelm), 1709–1746 231
Степанов Александр Петрович, 1781–1837 191
Струве, Василий Яковлевич (Struve, Friedrich Georg Wilhelm), 1793–1864 190, 252, 254
Струве Бернгард Васильевич, ум. в 1889 103
Сумгин, Михаил Иванович, 1873–1942 208
Сутгоф, Александр Николаевич, 1799 или 1800–1874 129
Сухова, Наталья Георгиевна 36, 197, 277

Таммиксаар, Эрки (Tammiksaar, Erki) 35, 36, 253, 277
Танфильев, Гавриил Иванович, 1857–1928 158, 299
Тебеньков, Михаил Дмитриевич, 1802–1872 289
Токарев, Сергей Александрович, 1889–1985 249, 250
Толль, Эдуард Васильевич (Toll, Eduard von), 1858–1902 97, 176, 198, 211, 212, 280–282
Толль, Эмми (урожденная Вилькен) (Toll, Emmeline (Emmi) Magdalene von, geb Wilcken), 1860–1943 97
Толмачев, Александр Иннокентьевич, 1903–1979 211
Траутфеттер, Рудольф Эрнестович (Trautvetter, Ernst Rudolf)), 1809–1889 20, 59, 140, 190, 212, 213, 214, 222
Третьяков, П.

Троицкий, Владлен Александрович, 1925–1991 187
Трускотт, Иван Фомич (1719–1786) 188
Турчанинов, Николай Степанович, 1796–1863 30
Тюнен, Иоганн Генрих (Thünen, Johann Heinrich), 1783–1850 170

Уваров, Сергей Семёнович, 1786–1855 10, 19, 21, 22, 32, 33, 45, 47, 50, 51, 55, 56, 69, 252, 286, 287, 288
Ульянин, Василий Николаевич, 1840–1889 160
Устрялов, Николай Герасимович, 1805–1870 64, 66

Федоров, Василий Федорович, 1802–1855 190
Федченко, Алексей Павлович, 1844–1873 165
Филиппи, Рудольф-Амандус (Philippi, Rudolph Amandus), 1808–1904 58, 226
Филиппов, Е. 22
Фомин 190
Форбс, Джеймс (Forbes, James David), 1809–1869 206
Франклин, Джон (Franklin, John), 1786–1847 218, 274
Френ, Христиан Данилович (Frähn, Christian Martin), 1782–1851 57, 274
Фурман, Михаил (Fuhrmann, Mihkel), р. 1823 36, 40, 47–50, 101, 222
Фус, Павел Николаевич (Fuss, Paul Heinrich von), 1798–1855 22, 23, 30, 32, 34, 36, 40, 45, 50, 51, 53, 55, 56, 60, 63–66, 73, 76, 107, 252, 274, 285–288

Ханыков, Яков Владимирович, 1818–1862 255, 256
Ходнев, Алексей Иванович, 1818–1883 137

Чевкин, Константин Владимирович, 1803–1875 33
Чекановский, Александр Лаврентьевич (Czekanowski, Aleksandr Piotr), 1832–1876 198
Челюскин, Семен Иванович 187, 190–196, 279
Чернышевский, Николай Гаврилович, 1828–1889 249
Чернышёв, Александр Иванович, 1785–1857 295
Чернышёв, Феодосий Николаевич, 1856–1914 273
Черский, Иван Дементьевич (Czerski, Jan), 1845–1892 211
Чихачев, Платон Александрович, 1812–1892 254, 290, 291

Шамиссо Адельберт (Chamisso, Adelbert von), 1781–1838 17
Шарпантье, Жан (Charpentier, Jean de), 1786–1855 58, 208
Шванн, Теодор (Schwann, Theodor Ambrose Hubert) 1810–1882 18
Шварц, Людвиг Эдуардович (Schwarz, Peter Karl Ludwig), 1822–1894 85, 115, 117, 149, 185, 186, 258, 295
Шергин, Федор, ум. в 1839 27–28, 32
Шиллинг, Николай Густавович (Schilling, Nikolai von), 1828–1910 85, 90, 96, 97, 163, 190
Шиллинг, Паулине (урожденная Гиппиус) (Schilling, Pauline Emilie von, geb Hippius), 1834–1912 96, 97

Шлагинтвейт, Роберт (Schlagintweit, Robert von), 1833–1885 111
Шлейден, Маттиас-Якоб (Schleiden, Matthias Jacob), 1804–1881 18
Шмидт, Карл (Schmidt, Carl Ernst Heinrich), 1822–1894 136, 168
Шмидт, Петр Юльевич, 1872–1949 227
Шмидт, Федор Богданович (Schmidt, Friedrich Karl), 1832–1908 116–118, 163, 180, 258, 270, 271
Шренк, Александр Иванович (Schrenck, Alexander Gustav von), 1816–1876 17, 37, 57, 104, 190, 235
Шренк, Леопольд Иванович (Schrenck, Peter Leopold von), 1826–1894 104–107, 109, 110, 114, 166, 176, 213, 228, 231, 248, 250, 258, 270, 272
Штида, Людвиг (Stieda, Ludwig), 1837–1918 6
Штилер Адольф (Stieler Adolf), 1775–1836 158
Штраух, Александр Александрович (Strauch, Alexandre), 1832–1893 62, 128, 166, 168, 175, 232
Штубендорф, Юлиус Иванович (Stubendorff, Julius), 1811–1878 17, 37, 101, 136, 291
Шумахер, Петр Васильевич (Schumacher, Peter), 1817–1891 289, 297

Щукин, Николай Семенович, 1793–1883 299

Эверсман, Эдуард Александрович (Eversmann, Alexander Friedrich Eduard), 1794–1860 37
Энгельгардт, Егор Антонович (Engelhardt, Georg Reinhold Gustav von), 1775–1862 9
Энгельгардт, К.В. (Engelhardt, K.W.) 123
Энгельгардт, Мориц Федорович (Engelhardt, Otto Moritz Ludwig von), 1779–1842 17
Эрдман, Адольф (Erman, Georg Adolph), 1806–1877 27, 57

Юргенсон, Петр Борисович, 1909–1971 6, 7, 23

Явловский, Иннокентий Николаевич 271, 272
Яржинский, Федор Фаддеевич, 163
Ячевский, Леонард Антонович (Jaczewski, Leonard Feliks Stefan), 1858–1916–1916 200, 205–208

Содержание

Предисловие ... 5

Юность ... 9
Первые годы ... 9
Университет в Дерпте ... 16
Университет Св. Владимира ... 20
Путешествие в Лапландию ... 21

Сибирская экспедиция ... 27
Предыстория ... 27
Путешествие ... 36

В Академии наук ... 53
Поездка в Европу (1846 г.) ... 55
Действительный член ... 59
В Зоологическом музее ... 61
Непременный секретарь ... 64
60-е годы ... 78

Семья и друзья ... 83
Семья ... 83
Друзья и родственники ... 93

Коллеги ... 104

Деятельность в области сельского хозяйства ... 119
Помещик ... 119
Молочное животноводство ... 124
Коневодство ... 129

Общественная деятельность ... 136
В Вольном экономическом обществе ... 136
В Лифляндском общеполезном экономическом обществе ... 141
В Ландтаге Лифляндии ... 147

Путешествия 60–70-х годов 153
Путешествие в Западную Сибирь 153
Путешествие по Белому и Баренцеву морям 159
Путешествие в Ферганскую долину 164

Последние годы жизни Миддендорфа 174

Результаты Сибирской экспедиции 181
О картах Сибири 183
Карта Таймырского полуострова 186
Мыс Челюскин 192
Рельеф Восточной Сибири 197
Климат 200
Вечная мерзлота 203
Оледенение Сибири 208
Растительность Сибири 212
Сибирская фауна 225
Этнография 242

Последствия экспедиции 251
Русское географическое общество 251
"Чертежная книга Сибири" С.У. Ремезова 263
Проблема мамонта 266
К истории полярных исследований 274
Амурский вопрос 282

Заключение 300

Основные даты жизни А.Ф. Миддендорфа 305

Библиография 307
Основные труды А.Ф. Миддендорфа 307
Основные работы об А.Ф. Миддендорфе 310
Имя А.Ф. Миддендорфа на картах 312
Растения и животные, названные в честь А.Ф. Миддендорфа 313
Географические названия Прибалтийских губерний 315

Список сокращений 316

Список иллюстраций 318

Именной указатель 320

Научное издание

Сухова Наталья Георгиевна,
Таммиксаар Эрки

Александр Федорович Миддендорф
1815–1894

Утверждено к печати Редколлегией серии
"Научно-биографическая литература"
Российской академии наук

Зав. редакцией *Е.Ю. Жолудь*

Редактор *Е.А. Россоловская*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *З.Б. Павлюк*
Корректоры *Р.В. Молоканова, Е.Л. Сысоева*

Подписано к печати 01.03.2005
Формат 60×90[1]/[16]. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 21,0. Усл.кр.-отт. 21,3. Уч.-изд.л. 20,8
Тип. зак. 3968

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП "Типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА" РАН

Магазины "Книга-почтой"

121099 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52
E-mail: akadem.kniga@G23.relcom.ru
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 76; (код 812) 235-40-64

Магазины "Академкнига" с указанием "Книга-почтой"

690088 Владивосток, Океанский пр-т, 140 ("Книга-почтой"); (код 4232) 45-27-91
antoli@mail.ru
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга-почтой"); (код 3433)
50-10-03 KNIGA@SKY.ru
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 ("Книга-почтой"); (код 3952) 42-96-20
val@igc.irk.ru
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90
AKADEMKNIGA@KRASMAIL.RU
220012 Минск, проспект Ф. Скорины, 72; (код 10375-17) 232-00-52, 232-46-52
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00 akadkniga@voxnet.ru;
akadkniga@nm.ru; http://akadkniga.nm.ru
117192 Москва, Мичуринский пр-т, 12; 932-74-79
127051 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96
113105 Москва, Варшавское ш., 9, Книж. ярмарка на Тульской (5 эт.); 737-03-33,
737-03-77 (доб. 50-10)
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90; 334-72-98
630091 Новосибирск, Красный пр-т, 51; (код 3832) 21-15-60 akademkniga@mail.ru
630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 ("Книга-почтой");
(код 3832) 30-09-22 akdmn2@mail.nsk.ru
142290 Пущино Московской обл., МКР "В", 1 ("Книга-почтой");
(код 277) 3-38-80
191104 Санкт-Петербург, Литейный пр-т, 57; (код 812) 272-36-65 ak@akbook.ru
199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2; (код 812) 328-32-11
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий пр-т, 4; (код 812) 247-70-39
199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16;
(код 812) 323-34-62
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 51-60-36
akademkniga@mail.tomsknet.ru
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга-почтой"); (код 3472) 24-47-74
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85

Коммерческий отдел, г. Москва
Телефон 241-03-09
E-mail: akadem.kniga@g 23.relcom.ru
akadkniga@voxnet.ru
Склад, телефон 291-58-87
Факс 241-02-77

По вопросам приобретения книг государственные организации просим обращаться также в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (095) 334-98-59
E-mail: initsiat @ naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

Н.Г.Сухова Э.Тammиксаар **Александр Федорович МИДДЕНДОРФ**

НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Н. Г. Сухова
Э. Таммиксаар

Александр Федорович МИДДЕНДОРФ

НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Александр Федорович Миддендорф (1815–1894) – действительный член Петербургской академии наук, выдающийся ученый, путешественник, общественный деятель и практик сельского хозяйства. Он был первым исследователем Таймырского полуострова и Приамурского края, стоял у истоков науки о вечной мерзлоте и зоогеографии, содействовал изучению северных ветвей течения Гольфстрим и этнографии Восточной Сибири. А.Ф. Миддендорф – автор большого количества сочинений, некоторые из них могут быть интересны и современному читателю.

ISBN 5-02-033261-5

